ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР



УЧПЕДГИЗ
1957

А. И. КОПАНЕВ, А. Г. МАНЬКОВ, Н. Е. НОСОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

КОНЕЦ XV — НАЧАЛО XVII ВВ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. И. И. СМИРНОВА

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга охватывает период истории нашей Родины с последней трети XV столетия до начала XVII века. В этот период сложилось и окрепло Русское централизованное государство. Укрепление централизованного государства было временем напряженной и упорной классовой борьбы, ярчайшей страницей которой явилась крестьянская война начала XVII в.

Объединение русских земель в единое государство способствовало развитию производительных сил и культуры страны. Народные массы, несмотря на тяжкий феодальный гнет, создали и в этот период величайшие культурные ценности.

Авторский коллектив счел целесообразным уделить в книге сравнительно значительное место вопросам социально-экономической истории, обычно слабо освещаемым в учебной литературе. В частности, авторы сочли уместным привести ряд материалов о территории и численности населения Русского государства. Книга должна вооружить учителя широкими знаниями по экономике изучаемой эпохи. Шире, чем обычно в учебной литературе, дается и характеристика быта русского народа. Наконец, авторы старались показать культуру и искусство русского народа.

Книга, лежащая перед читателем,— учебное пособие, а не учебник истории. Она предполагает в читателе человека, имеющего представление об основных этапах исторического развития нашей Родины. Цель книги — оказать практическую помощь учителю средней школы при подготовке к урокам. Поэтому книга, не дублируя и не заменяя учебник, призвана осветить и углубить знания учителя по узловым, основным вопросам истории СССР указанного выше периода. Вместе с тем, книга, как надеются авторы, может принести пользу широким кругам советских людей — студентам исторических и филологических факультетов, учителям русского языка, партийным пропагандистам и всем занимающимся самообразованием.

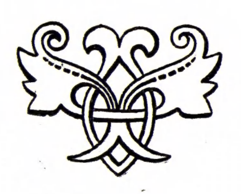
Подготовляя книгу, авторский коллектив опирался на труды классиков марксизма-ленинизма и на достижения советской исто-

рической науки. Как правило, использована и привлечена монографическая литература, а также исследовательские статьи в отдельных, в том числе — местных, научных изданиях. В соответствии с типом учебного пособия ссылки на литературу не производятся.

Книга написана: глава первая — кандидатом исторических наук Н. Е. Носовым, глава вторая — кандидатом исторических наук А. И. Копаневым, глава третья — кандидатом исторических наук А. Г. Маньковым. В главе первой раздел о внешней политике написан А. Г. Маньковым, о культуре — А. И. Копаневым.

I

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ И СВЕРЖЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА





УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА.

Конец XV — первая половина XVI вв. является временем крупнейших изменений в жизни Европы. Это был период, с одной стороны, общего экономического подъема, роста сельскохозяйственного производства, ремесла, торговли, разрушения старого натурально-замкнутого феодального хозяйства, с другой — период глубоких изменений во всех сферах социальной, политической и культурной жизни европейских народов, период образования и укрепления национальных централизованных государств. В наиболее экономически развитых странах Запада эти изменения уже в рассматриваемый период приводят к зарождению в недрах феодального строя капиталистических отношений, в то время как в странах Восточной Европы продолжает еще господствовать феодализм, хотя и приспосабливающийся к новым требованиям жизни. Это был общий для всей Европы процесс, порождаемый в условиях развития каждой страны или группы стран общими экономическими факторами.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что образование централизованных государств как на Западе, так и на Востоке определялось, в первую очередь, ростом общественного разделения труда и товарно-денежных отношений, разрушающих натурально-замкнутое феодальное хозяйство и порождающих потребность политического объединения отдельных земель.

Ликвидация феодальной раздробленности и государственная централизация были тем неизбежным условием, без которого было невозможно на данном этапе успешное экономическое развитие европейских стран. И не случайно поэтому, что в тех странах, где эта централизация в силу тех или иных причин была наиболее эффективной, как например в Англии и Франции, создаются более благоприятные условия для экономического развития, в то время как в странах, где политическая централизация не была доведена до конца (Италия, Германия), бурное экономическое развитие в XV — начале XVI вв. сменяется в дальнейшем длительным за-

стоем, причины которого коренятся далеко не только в изменениях экономической карты мира.

Если экономическое развитие большинства европейских стран в XV—XVI вв. порождало необходимость образования единых национальных государств, то основными классами феодального общества, наиболее заинтересованными в государственном объединении, были дворянство и горожане. Первые видели в государственной централизации прочную гарантию своих классовых интересов, применительно к новым экономическим условиям, вторые — необходимое условие преодоления феодальной замкнутости и широкого развития ремесла и торговли. Именно дворянство и горожане и являлись главной опорой королевской (великокняжеской) власти в ее борьбе за ликвидацию пережитков феодальной раздробленности, укрепление государственного единства, в то время как феодальная земельная аристократия, этот основной оплот феодального общества периода средневековья, выступала против нее, в известной мере объединяя вокруг себя реакционную оппозицию. Наконец, нельзя не отметить, что политика государственной централизации, проводившаяся королевской властью, на начальных этапах находила поддержку не только среди широких слоев городского населения, но и в деревне — «повсюду среди населения увеличилось количество таких элементов, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья».[1] В этом отношении «королевская власть», указывал Энгельс, «была прогрессивным элементом», «представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства».[2]

Разумеется, по своему существу феодальное централизованное государство являлось лишь новой, более развитой, чем в период феодальной раздробленности, формой организации классового господства феодалов над трудящимися массами города и деревни, государственной машиной, обеспечивающей это господство. Иначе говоря, это было крепостническое государство, основная задача которого сводилась «в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином».[3]

Образование централизованных государств как в Западной, так и в Восточной Европе сопровождалось общим обострением классовой борьбы. Эта борьба находила свое выражение в самых раз-

---

[1] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, Приложение IV, стр. 156.

[2] Там же, стр. 158.

[3] В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 445.

личных формах — начиная от ересей, кончая открытыми выступлениями народных масс против феодальной собственности и правопорядка. «Огнем и мечом» расправлялось централизованное государство с народными движениями. Армия солдат и армия чиновников, правосудие и тюрьма, церковь и инквизиция — все было поставлено государством на службу господствующему классу.

Итак, основными факторами, обусловившими образование централизованных государств в Европе, были: во-первых, экономическое развитие стран европейского континента, выразившееся в росте общественного разделения труда и товарного обращения, в силу чего создаются предпосылки для складывания национальных рынков как важнейшего условия всякого прочного политического единства; во-вторых, классовая заинтересованность широких слоев феодальных земельных собственников в создании сильной власти, способной не только подавлять сопротивление крестьян, но и обеспечить их эксплуатацию в новых экономических условиях.

Эти факторы являлись определяющими в развитии стран как Западной, так и Восточной Европы, хотя и действовали в них в XV—XVI вв. далеко не одинаково. В Восточной Европе, которая в силу сложившихся исторических условий значительно отставала в своем экономическом развитии от стран Запада, образование национальных государств шло не только более медленно, но и несколько по иному пути, чем, например, в таких странах, как Англия и Франция. В первую очередь это относится к Руси, где к рассматриваемому периоду далеко еще не созрели все необходимые экономические предпосылки для политического объединения страны в рамках единого национального государства. Зато на Руси, в силу ее окраинного положения на востоке Европы, значительно более активную роль в процессе образования централизованного государства играли моменты внешнеполитические, а именно потребности национальной обороны и борьбы русского народа за освобождение от татарского ига. Указанные потребности не только ускоряли, но и в известной мере определяли конкретные пути и формы порождаемой социально-экономическим развитием Руси XV—XVI вв. политической централизации.

Таковы в своей совокупности условия и особенности образования Русского централизованного государства.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ.

Территория и географическая среда

Уже к концу XV в. Русское государство было крупнейшим государством Европы. Территория Русского государства простиралась от берегов Ледовитого океана на севере до среднего течения Сейма на юге, от Финского залива, Чудского озера, верховьев Западной Двины и Днепра на западе до Уральских гор на востоке и Оби на северо-востоке.

По своим природным условиям территория Русского государства XVI в. была далеко не одинакова. Одни географические условия были в северных районах, охватывающих Кольский полуостров, Поморье, Карелию, Двинскую и Печорскую земли, а также примыкающий к ним Вятско-Пермский край; другие — в Новгородско-Псковской земле и в так называемом Замосковном крае, охватывающем основное ядро русских земель, расположенных в Волжско-Окском междуречье; третьи — в Степи и Приднепровье: в рязанских, украинных (тульские места), заокских и северских городах, а также в городах от Литовской Украйны (Смоленщина, Вязьма).

Климат Руси XVI в. несколько отличался от современного климата европейской части СССР. Дело в том, что на XIV—XV и начало XVI вв. падает понижение средней годовой температуры и усиление континентальности климата (суровые зимы, жаркое лето, сопровождающееся иногда «великими» дождями). О том, что климат Руси, в частности во второй половине XV — первой половине XVI вв., был более суров, чем в настоящее время, говорят не только свидетельства иностранцев, побывавших в то время в русских землях, но и прямые указания летописей и иных (русских) источников о «великих» морозах зимой, засухах и страшном зное — летом. Особенно большие засухи были, например, в 1508, 1525, 1531, 1533 и 1538 гг. И это несмотря на то, что наличие огромного количества лесов безусловно значительно смягчало климатические условия Руси того времени.

По обилию лесов территория Русского государства XV—XVI вв. резко отличалась от современных условий. Наибольшее количество лесов было в Северном крае. По свидетельству имперского посла Герберштейна, посетившего Москву в 1517 и 1526 гг., все земли к северу от Волги отличались лесистостью и почти непроходимые леса покрывали пространство между Двиной и Карелией вплоть до берегов Белого моря. Особенно огромные лесные массивы были в Двинской земле, о которой в источниках начала XVI в. указывается, что в ней «многи лесы и дебри непроходимыя». Изобиловали лесом и непосредственно примыкающие к Северному краю Каргопольская и Вологодская земли. В Каргопольском уезде еще в конце XV в. были в значительном количестве «блата и дебри, места непроходна». Непроходимым был в конце XV в. и Комельский лес в Вологодском уезде. Значительно меньше лесов было в Белозерской земле, которая по своим природным условиям занимала как бы промежуточное положение между центральными районами и севером. Изобиловало лесами и Прикамье. Много лесов было в Вятском и особенно Пермском крае. По лесистости Прикамье в XVI в. не уступало Северному краю.

Новгородско-Псковская земля тоже была богата лесом. Даже в конце XVI в., как видно из новгородских писцовых книг, леса занимали в Новгородской земле в среднем более половины земель; особенно много лесов было в южной части Обонежской пятины, охваты-

вающей район Ладожского и Онежского озер. Не менее лесистой была и Псковская земля. Еще в конце XVI в., по данным польских источников, от границ Литвы к Пскову и Великим Лукам на 100—120 миль (300—360 км.) простирались густые непроходимые леса, «где мало не только травы, но и тощаго вереска».

Примерно такую же картину представляло Приднепровье, о чем можно судить хотя бы потому, что еще в конце XV в. путь от Москвы до Вязьмы, по свидетельству венецианца Контарини, шел почти сплошь по лесам. На обилие лесов в Смоленской и Северской землях, особенно около Брянска, указывает в своих «Записках о Московии» и Герберштейн.

Несколько в ином положении был Степной край. Северная и центральная часть его, в частности Рязанская земля, имела мало лесов. Зато юго-западная, южная и особенно юго-восточная степная окраина были богаты лесами. Особенно много лесов было, например, на юго-западе в районе Ельца и Ливен, на востоке — в Мордовско-Мещерском крае.

Что же касается Замосковного края, иначе говоря, земель Волжско-Окского междуречья, то лесистость его была неодинакова. Если в Московском уезде, а также в уездах, расположенных на северо-запад и север от Москвы (в Можайском, Старицком, Тверском, Дмитровском, Углицком и им соседних), лесов было сравнительно немного, то в остальных уездах Замосковного края они занимали около половины земель. Наиболее лесистой была восточная и северо-восточная часть края — поволжские земли. В первую очередь, сюда следует отнести нижегородские, костромские и галицкие земли. По словам Герберштейна все земли на правом берегу Волги от Углича до Нижнего-Новгорода были покрыты лесами. Что же касается лесистости остальных верхневолжских земель, то о ней можно судить хотя бы потому, что, например, по словам англичан Рандольфа и Флетчера, посетивших Москву во второй половине XVI в., дорога от Вологды до Москвы (через Ярославль) шла через множество густых лесов.

Наличие большого количества лесов сказывалось и на почвенных условиях Руси в рассматриваемый период. Наиболее плодородные земли были в XVI в. в Степном крае, юго-западной части Прикамья и Приднепровье. Здесь преобладали чернозем и серая почва. Сравнительно плодородные земли были и в восточной части Замосковного края, например в Нижегородской земле. На основной же территории Русского государства XVI в. (большинство земель Замосковного края, Новгородско-Псковская земля) преобладал суглинок, подзол, а также малопригодные для земледелия каменистые, песчаные и глинистые почвы. Особенно плохие почвенные условия были на Севере и в северо-восточном Прикамье (Пермская земля). В этих местах более или менее благоприятные условия для земледелия были только по берегам рек, где имелась иловатая и наносная почва.

Население и его размещение

Но не только географическая среда как естественная основа всякого процесса производства оказывала влияние на экономическую жизнь русского народа в XV—XVI вв.; не меньшее значение для развития Руси имели и происходившие в рассматриваемый период изменения в народонаселении страны, его численности, составе и распределении.

Во второй половине XV — первой половине XVI вв. в результате присоединения последних удельных княжеств к Москве происходит окончательное воссоединение русского народа (великороссов) в рамках единого национального государства, а также делаются первые шаги по пути колонизации и включения в состав Русского государства значительных территорий, населенных нерусским населением (Приуралье, Среднее Поволжье).

В то же время в непосредственной связи с общим экономическим подъемом, который переживали русские земли в XV — первой половине XVI вв., идет интенсивный рост коренного русского населения, особенно северо-восточной Руси. Так, если в конце XV в. население Русского государства, включая Псковскую и Рязанскую земли, еще не присоединенные в то время к Москве, составляло примерно 5—6 млн. человек, то уже к середине XVI в. оно достигает 9—10 млн., причем увеличение населения идет в основном за счет его естественного прироста, а не за счет населения вновь присоединенных в этот период земель, в подавляющем большинстве малонаселенных.

Усиление национальных связей и рост основного, коренного русского населения (великороссов) было одним из серьезных факторов, вызывающих наряду с общими экономическими причинами потребность политического объединения русских земель в рамках единого национального государства.

Наиболее густонаселенными районами Русского государства в конце XV — первой половинеXVI вв. были Замосковный край и Новгородско-Псковская земля, причем характерно, что особенно густое население было в землях, непосредственно расположенных вокруг Москвы, а также на северо-запад и северо-восток от нее. В этом отношении русский посол к папе Дмитрий Герасимов имел все основания сообщить в 1525 г. итальянскому писателю, историку Иовию, что Москва находится «в самой населенной стране». О размерах же самой Москвы как города можно судить хотя бы по указанию летописи, что во время московского «великого» пожара 1547 г. в Москве сгорело 35 000 дворов, а также по данным Герберштейна, который сообщает, что по общей переписи, состоявшейся за 6 лет до его приезда, т. е. в 1511 или 1520 гг., в Москве насчитывалось около 41,5 тысячи домов (по расчетам историка Н. Д. Чечулина в городском доме XVI в. в среднем жило 5 человек). Эти цифры возможно преувеличены, но в целом надо признать, что в то время Москва была одним из крупнейших городов в Европе, городом, насчитывающим более 100 000 жителей. Не случайно англичанину Ченслеру, побывавшему в Москве в 1553—1554 гг., она

показалась больше Лондона с предместьями, а в Лондоне тогда было более 50 000 жителей.

О населенности Замосковного края говорит и то, что вокруг Москвы располагался ряд таких крупных городов, как Можайск (около 1500 дворов, примерно 7500 жителей), Коломна (1200 дворов, примерно 6000 жителей), к северо-востоку — Углич, Ярославль. Последний Ченслер называет «очень большим городом». Прямо указывают источники и на обилие в Замосковном крае сельского населения. Например, тот же Ченслер отмечал, что «область» между Москвой и Ярославлем «изобилует маленькими деревушками, которые так полны народом, что удивительно смотреть на них». На это же обращает внимание и англичанин Рандольф, проезжавший здесь в 60-х годах XVI в. В то же время характерно, что в первой половине XVI в. в указанных районах мы не имеем ни значительного прилива, ни тем более отлива населения, хотя общее число починков, особенно в таких уездах, как Дмитровский, Тверской, Бежецкий, Ярославский, Пошехонский, отчасти Владимирский и Переяславский, было сравнительно велико. Все это еще раз говорит о том, что Замосковный край был густо заселен еще в XV в., а увеличение населения шло за счет его естественного прироста и было непосредственно связано с общим экономическим развитием Руси в рассматриваемый период.

Что же касается восточной и особенно юго-восточной части Замосковного края, например нижегородских и муромских земель, которые в XV в. были слабо заселены из-за страшных разорений, чинимых этим районам татарскими набегами, то и они уже в начале XVI в., благодаря наступательной политике московских князей против Казани, становятся сравнительно населенными, о чем говорит, в частности, большое количество деревень и починков в Нижегородском, Муромском, Костромском и соседних с ними уездах. На это указывает и основание в этих районах новых монастырей и особенно городов (Буйгорода — в 1536 г., Любима — в 1538 г.), а также перестройка старых городов, например в 1536 г. Балахны, в связи с тем, что «посад велик и людей много». Но в целом надо признать, что и в первой половине XVI в., несмотря на значительный прилив населения, восточная часть Замосковного края была значительно меньше населена, чем земли, расположенные на запад и север от Москвы.

Второй густонаселенной областью страны была Новгородско-Псковская земля. Особенно густое население было в ее южной части, непосредственно примыкающей к московским землям, а также в районе между Новгородом и Псковом. На последнее указывал в 1525 г., по словам Иовия, и Дмитрий Герасимов, отмечая, что вся дорога от Новгорода к Пскову «густо населена». О многочисленности населения в указанных районах говорит и то, что именно тут располагались такие крупные русские города, как Новгород, в котором к середине XVI в. насчитывалось около 5100 дворов (примерно 26 000 жителей), Старая Русса — около 1500 дворов (примерно

7500 жителей), Торопец — около 500 дворов (примерно 2500 жителей). Что же касается Пскова, то он в XVI в. был даже больше Новгорода. Так, в 1510 г., т. е. в момент присоединения Пскова к Москве, только в псковском Застенье числилось 6500 дворов. Население же Пскова составляло, видимо, более 32 000 жителей. Иностранные путешественники даже сравнивают Псков по величине с Парижем. Значительными городами были в середине столетия и так называемые псковские пригороды: Воронеч — около 400 дворов (примерно 2000 жителей), Гдов — около 350 дворов (примерно 1800 жителей), Остров — около 230 дворов (примерно 1200 жителей) и др. По данным писцовых книг всего в 14 псковских пригородах в 50-х годах было более 1700 дворов «черных посадских людей», а число постоянных городских жителей достигало 8000 человек. Псковская земля была действительно «зело крепким орешком» северо-западной Руси.

Сравнительно высока была и плотность населения в Новгородско-Псковской земле. Так, по подсчетам А. М. Гневушева, плотность населения Новгородской земли по писцовым книгам 1495—1505 гг. составляла: в Деревской пятине на одну кв. версту 4,3 чел., в Шелонской — 4,9, в Вотской — 1,7, в Бежецкой — 4,3, в Обонежской — 1,2. Как мы видим, наибольшая плотность населения была в южной и западной части новгородских земель. Общее же количество населения Новгородской земли на рубеже XV—XVI вв., по вычислениям А. И. Копанева, достигало вместе с городами 800 000 человек, Псковской земли — около 200 000 человек, к середине же XVI в. оно возросло в Новгородской земле до 1 200 000 человек, в Псковской — до 300 000 человек.

Но если Замосковный край и Новгородско-Псковская земля были, в основном, густо заселены еще в XV в., то этого далеко нельзя сказать об остальной территории Русского государства.

Освоение Севера началось еще в XI—XII вв. и осуществилось преимущественно новгородцами. Но массовый характер этот процесс принял только в XV в. К началу XVI в. наиболее заселенной частью Северного края были его юго-западные районы: Каргопольская земля, и также земли, непосредственно примыкающие к Вологодскому и Белозерскому уездам. Именно через эти земли шли основные потоки русских колонистов: один — из Новгородской земли, другой (в XVI в. более мощный) — из Замосковного края, через Ярославский и Костромской уезды.

На Севере наиболее заселенной была богатая своими промыслами Двинская земля. Население ее, как правило, располагалось непосредственно вдоль берегов Северной Двины и таких крупнейших ее притоков, как Сухона, Вага, Вычегда и Пинега. По вычислениям А. И. Копанева (по материалам податного обложения) число жителей на Двине в середине XVI в. достигало, вероятно, 30 000 человек. Что же касается Поморья, то русское население его было очень незначительно, а в Печорской земле постоянных русских поселений, если не считать Пустоозерского острога, в начале XVI в. вообще

еще не было. Нерусское же население Севера: ненцы (самоеды), ханты (остяки), манси (вогулы) — в Печорской земле и Приуралье, коми-зыряне — в верховьях Вычегды, саами (лопари) — на Кольском полуострове, карелы — в северной Карелии, было тоже очень невелико.

Примерно такое же положение было и в Прикамье. Северо-западная его часть (Вятская земля) была заселена русскими колонистами еще в XV в., северо-восточная (Пермская земля) — имела в начале XVI в. еще очень незначительное русское население. Правда, численность местного нерусского населения: удмуртов (вотяков) — в Вятской земле и коми-пермяков — в Перми была здесь значительно больше, чем на Севере, особенно в процентном отношении к русскому населению. Еще пустыннее было Приуралье. Герберштейн полагал, что на огромных пространствах от Перми до Иртыша было в то время не более 10 000 жителей.

Иную картину представляли собой в конце XV — первой половине XVI вв. юго-западная, южная и юго-восточная части Русского государства (Приднепровье, Степной край, Среднее Поволжье). И хотя в сравнении с Замосковным краем и Новгородско-Псковской землей это были тоже слабо заселенные районы, но незаселенность их порождалась не природными условиями, которые здесь особенно благоприятствовали земледелию, а татарскими набегами и разорениями. Нельзя забывать, что до татарских нашествий это были (кроме Поволжья) населенные и богатые земли.

В Приднепровье более заселенными были его северные районы (Вязьма, Смоленщина) и центр (Северская земля). Южное Приднепровье представляло целинные земли. Населения тут почти не было. Но и заселенность северного и центрального Приднепровья была сравнительно очень невелика. Об этом говорит хотя бы то, что путешественники из Польши в Москву обычно предпочитали в начале XVI в. более длинный путь через Псков и Новгород прямому пути через Смоленск, так как последний шел по малонаселенной местности, покрытой огромными лесами.

В таком же положении находился и Степной край, особенно его южная окраина. Исключение составляла только Рязанская земля (по мнению иностранцев, плодороднейшая из всех областей Московии того времени), которая благодаря своему несколько более выгодному в отношении татарских набегов положению, еще в XV в. была сравнительно густо населена. Так, еще венецианец Барбаро, посетивший в конце XV в. Москву, отмечал, что «страна рязанцев» не только изобилует сельскохозяйственными продуктами, но и «довольно населена». Об этом свидетельствуют также в своих записках Контарини и Герберштейн. Что же касается колонизации южной Степи, то она осуществлялась в первой половине XVI в. еще в сравнительно незначительных размерах. Более или менее интенсивно шло в эти годы только освоение русскими колонистами берегов р. Цны.

Не меньшие трудности из-за татарских набегов и разорений встречало и продвижение русского населения в Среднее Поволжье (Низовые земли). Только в начале XVI в. в результате успехов, достигнутых в борьбе с Казанью при Иване III и Василии III, были созданы условия для более или менее широкого заселения этих плодородных и богатых земель русскими. В первую очередь строятся здесь города-крепости, под защитой которых перемещается сюда и сельское население. Так, в 1523 г. на р. Суре строится Васильсурск, в 1535 г. на р. Мокше — Мокшан, в 1536 г.— Темников, Алатырь. Местное же мордовское население постепенно оттесняется русскими на юго-восток.

Основная масса населения Руси XVI в. жила в деревнях. Процент городского населения, несмотря на то, что в первой половине XVI в. на территории Русского государства было около 160 городов, был незначителен. В Новгородской земле он составлял к середине столетия около 3—4%, в Псковской — около 13%. Такое же положение было, видимо, и в Замосковном крае. Правда, рост городского населения в XVI в. шел быстрее сельского. Так, если общая численность населения Русского государства выросла с конца XV до середины XVI в. примерно на 40%, то в городах, по которым имеются сравнительные данные, она возросла более чем на 60%.

Таково было размещение населения Руси в конце XV — первой половине XVI вв. 50-е годы, когда Русскому государству удается ликвидировать Казанское и Астраханское ханства, а также значительно укрепить в борьбе с крымцами и ногайцами свои южные границы, вносят коренные изменения в распределение населения страны. Создаются условия для широкого отлива населения из Замосковного края и Новогородско-Псковской земли в плодородные и богатые промыслами юго-восточные районы страны. Колонизация идет по трем основным направлениям: на юг — в южные районы степного края и Приднепровье, на юго-восток — в Среднее и Нижнее Поволжье и на восток — в Прикамский край и Башкирию.

На начальных этапах (в 50—60-х годах) наиболее интенсивно идет заселение Среднего Поволжья (особенно Свияжского и Казанского уездов), а также резко уплотняется населенность средневолжских и приокских земель, в частности Костромского, Нижегородского и Муромского уездов. Что же касается заселения южной Степи, то оно приобретает сравнительно широкие размеры только к 70-м годам. Последнее объяснялось, в первую очередь, тем, что на юге не была окончательно ликвидирована татарская угроза и каждый шаг земледельческого освоения степи должен был обеспечиваться военной защитой. Еще в большей степени это касалось южного Приднепровья.

Наконец, и это нельзя забывать, включение в 50-х годах в состав Русского государства Среднего и Нижнего Поволжья с его разнородным и сравнительно многочисленным населением (татары, чуваши, удмурты, мари, мордва, башкиры, ногайцы) существенно

изменяет национальный состав основного населения страны, знаменуя начало превращения Русского национального государства (как государства великороссов) в государство многонациональное.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.

Сельское хозяйство

Общий экономический подъем, переживаемый Русью во второй половине XV — первой половине XVI вв., в значительной степени определялся теми серьезными изменениями, которые происходят в это время в стране в развитии сельского хозяйства как производственной основы феодального общества.

Основным видом сельскохозяйственного производства на Руси было земледелие. На рубеже XV—XVI вв. оно достигло уже сравнительно высокой степени развития. Господствующей формой земледелия в большинстве преимущественно центральных районов страны (Замосковный край, Новгородско-Псковская земля, Рязанская земля) была давно сложившаяся там паровая зерновая система с более или менее правильным севооборотом. Наряду с ней значительное развитие имели также перелог и подсека.

В условиях огромного количества лесов в стране, особенно в окраинных районах, наличие подсечной системы земледелия было не только неизбежно но и весьма выгодно, так как урожай, получаемый на подсечных участках в первые годы после их освоения, был значительно выше, чем на обычных землях.

Наибольшее распространение подсечная система имела в Северном крае и Прикамье, хотя и тут наряду с подсекой встречается паровая система (в форме трехполья и пестрополья) и перелог.

Еще более пеструю картину представляли южные районы Степного края, которые в первой половине XVI в. представляли собой поросшее лесами и простирающееся на сотни километров «дикое поле». Здесь мы встречаем паровую систему, перелог, подсеку и даже «пашню наездом».

Наличие этих форм земледелия в значительной степени было обусловлено самим характером сельскохозяйственной техники того времени.

Наиболее распространенным орудием обработки почвы была деревянная соха. Деревянные плуги употреблялись реже и то не взамен, а наряду с сохой. Сохи были двузубые с железными лемехами-отвалами (полицами). Типы двухральных сох зависели от местных почвенных условий, о чем говорят уже сами названия сох: «владимирка», «вятка», «костромская косуля» и др. В районах подсечного земледелия большим распространением пользовалась так называемая «суковатка» — примитивное упряжное орудие, разрыхлявшее верхний слой почвы. Из суковатки в свое время, видимо, и образовалась соха. В сравнении с обычной сохой производительность суковатки была очень низка, но зато она была почти незаменима при обработке под пахоту новых лесных участков.

Указывают источники XV—XVI вв. и на существование в то время других сельскохозяйственных орудий, а именно борон, кос, серпов, граблей. Следует также отметить широкое употребление и удобрений — навоза («гноя»). Что же касается самой пахоты, то она обычно производилась на лошадях или волах. Последние использовались в сельском хозяйстве XVI в. весьма широко.

Основными посевными злаками в то время были озимая рожь и яровой овес. Они сеялись почти повсеместно, кроме севера, где вместо них обычно сеялся ячмень («жито»). Помимо указанных культур производились также пшеница, гречиха, просо, хмель, конопля, лен, горох.

Лен сеялся преимущественно в северных районах Замосковного края (в Пошехонском, Ярославском, Углицком, Ростовском и отчасти в Дмитровском уездах) и в Новгородско-Псковской земле. Пшеница и гречиха — наоборот на юго-востоке Замосковного края (например, в Нижегородском уезде) и в Рязанской земле, но даже тут в сравнительно незначительных размерах.

Распространены были и овощные огородные культуры: капуста, морковь, свекла, лук, чеснок, репа. Последняя особенно культивировалась на севере. В южных районах выращивались иногда дыни. Упоминают источники и о фруктовых садах.

По сравнению с земледелием скотоводство играло в экономическом развитии Руси XVI в. подчиненную роль.

Основным рабочим скотом была лошадь. Правда, в ряде районов наряду с лошадью встречаются и волы. Последние сравнительно широко применялись в таких уездах, как Пошехонский, Ярославский, Тверской, Московский. Употребление волов в условиях того времени имело свои выгоды, так как волы значительно менее прихотливы, чем лошади, да кроме того дают еще сало, шкуры и мясо.

Из других видов скота широко были распространены коровы, козы, свиньи; меньше было овец. Тонкорунных же овец, требующих особого ухода, вообще не было. В целом же скотоводство носило экстенсивный характер. Ни достаточных запасов сена, ни особой подкормки скота не производилось. Скот, по существу, был предоставлен самому себе и пасся с колокольчиками по лесам и лугам около деревень.

Все это приводило к тому, что, хотя количество скота было велико, качество его было низким. Даже лошади, по свидетельству иностранцев (Герберштейна, Д. Принца), были, хотя и выносливы, но «мелки», «худощавы» и «питаются только сеном и травой». Породистые лошади были привозные — преимущественно из Ногайской орды.

Очень широко были распространены на Руси XV—XVI вв. и различные промыслы: рыболовство, бортничество (пчеловодство), смолокурение, охота. Особенно крупную роль играли промыслы на Севере и в Прикамье, где охота и рыболовство зачастую являлись основным видом хозяйственной деятельности населения. В централь-

ных же районах промыслы, как правило, играли в XVI в. лишь вспомогательную роль. Следует выделить только бортничество, которое при тогдашней лесистости территории Русского государства XVI в. занимало видное место в сельском хозяйстве далеко не только юго-восточных окраинных районов. Что же касается такого важного в прошлом промысла, как бобровые гоны, то его значение в связи с массовым истреблением бобров к XVI в. резко падает.

Внешний вид сельских поселений XV—XVI вв. представлял весьма своеобразную картину. Это были раскинутые недалеко друг от друга небольшие деревушки в два, три, четыре, реже — пять, шесть дворов, окруженные приусадебными участками и полями. Тут же в обычно окружающих деревушку лесах пасся скот. Население такой деревни, как правило, состояло из родственных крестьянских семей и равнялось примерно 10—15 чел.

Административными и хозяйственными центрами сельских поселений были села, где обычно находились жилые и хозяйственные постройки местных феодалов (житницы, клети, амбары, конюшни и т. д.), а также дворы их холопов и иных слуг. Помимо обычных крестьянских дворов, находим мы в селах и дворы непашенных крестьян и бобылей, нередко совмещавших сельское хозяйство с ремеслом. Как правило, села были невелики — 15—20 жилых дворов, но встречаются и крупные села, особенно при монастырях, с числом дворов до полусотни. Барские пашни и иные угодья, непосредственно обрабатываемые крестьянами на феодалов, обычно располагались вокруг сел.

Феодальное землевладение. Возникновение поместной системы

В середине XV в. господствующей формой феодальной земельной собственности на Руси было вотчинное, преимущественно крупное, землевладение. Вотчины, т. е. частные наследственные земли феодалов, были светские, принадлежащие князьям, боярам, детям боярским, и духовные — монастырские и церковные. Крупнейшими земельными собственниками были сами великие и удельные князья, стоящие во главе феодальной земельной иерархии того времени. По представлениям того времени великие князья являлись верховными собственниками всех земель, входящих в состав великого княжения.

Помимо крупного и среднего вотчинного землевладения, сосредоточивающего в своих руках основную массу земель центральных районов страны, продолжают существовать во второй половине XV в. и так называемые земли своеземцев, т. е. земли, принадлежащие мелким свободным землевладельцам. Особенно значительное число своеземцев было в северо-западной Руси. Весьма значительны в это время еще и земли, находящиеся в непосредственном владении крестьянских общин, иначе говоря, черные крестьянские земли, как они обычно называются в источниках XVI в. На Севере и в Прикамье черное землевладение охватывало основную массу освоенных земель.

В конце XV — начале XVI вв. эти виды феодальной земельной

собственности претерпевают существенные изменения. Наблюдается, во-первых, постепенный распад крупных княжеско-боярских сеньорий, особенно бывших удельных князей и бояр, а во-вторых,— развитие служилого поместного землевладения. Происходит как бы перераспределение земельной собственности из рук крупных земельных собственников в лице княжат и бояр в руки дворян и детей боярских как представителей среднего феодального землевладения. Не меньшую роль в развитии поместного землевладения играл и захват феодалами общинных крестьянских земель, а также освоение вновь присоединяемых к Русскому государству территорий. В этом отношении поместная система была не только формой перераспределения земельной собственности внутри господствующего класса, но и важнейшим фактором ее дальнейшего развития, расширения ее феодального базиса.

Раздача земель во временное пользование под условием несения «княжей службы» практиковалась в княжеском хозяйстве в отношении мелких служилых людей, «слуг под дворским», еще в период феодальной раздробленности, но основной формой обеспечения государевых служилых людей землей поместная система становится только с конца XV в.

Это было обусловлено тем, что ликвидация последних удельных княжеств и успешное объединение русских земель вокруг Москвы поставили перед государством вопрос о необходимости коренной реорганизации армии применительно к новым условиям. Великокняжеская власть, представлявшая в своем лице феодальное централизованное государство, не могла уже больше опираться на разрозненные и далеко не всегда достаточно надежные отряды феодальных земельных магнатов, а нуждалась в постоянном, непосредственно от нее зависящем, феодальном войске. Это требование отвечало интересам широких слоев господствующего класса, кровно заинтересованного в сильной армии как для подавления растущего сопротивления крестьянства и городских низов, так и для обеспечения обороны страны от внешней агрессии. В то же время сосредоточение в руках великих московских князей в результате ликвидации удельных княжеств огромных земельных богатств создавало и экономическую базу для указанной реорганизации путем комплектования великокняжеского войска из дворян-помещиков.

Начало создания в широких размерах дворянского войска, как и становление самого дворянства как сословия, было положено присоединением к Москве Новгородской земли.

До московского «взятья» в новгородских землях господствовало крупное боярское землевладение. По подсчетам А. М. Гневушева, частновладельческие земли составляли там 66,5%, причем половина из них принадлежала 68 крупным владельцам. Остальные частновладельческие земли распределялись среди 1564 преимущественно мелких землевладельцев.

После присоединения Новгорода правительство Ивана III проводит на протяжении 1478—1500 гг. широкую конфискацию земель

новгородского боярства, включая часть земель новгородского архиепископства и монастырей. Конфискованные земли используются для раздачи в поместья. Всего в конце XV в. на новгородских землях было испомещено до 2000 московских дворян и детей боярских, в том числе около сотни бывших послужильцев новгородских бояр. Сами же бояре были выселены в московские уезды.

Примерно такой же характер носили мероприятия московского правительства и в Тверском и Рязанском княжествах, Псковской земле, а также в Торопецкой и других западно-русских землях, перешедших в конце XV — начале XVI вв. от Литвы к Москве (верховские и северские города, Смоленщина). Во всех этих землях в той или иной степени конфискуются земли местных крупных землевладельцев, а вместо них испомещаются московские служилые люди, преимущественно московские дети боярские или перешедшие на великокняжескую службу «слуги под дворским» и «послужильцы» бывших удельных князей и бояр. Встречаем мы среди московских помещиков и представителей титулованной знати, преимущественно «служебных князей».

Широкую конфискацию княжеско-боярских земель, хотя и меньших размеров, осуществляет правительство Ивана III в 60—80-х гг XV в. в Ярославском, Ростовском и Белозерском княжествах после их присоединения к Москве. Так, ярославские князья, как указывает летопись, «простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю. . . , а князь великий против их отчины подавал им волости и села». «Пересмотр земель» коснулся также местных бояр и даже детей боярских, у которых отбирались лучшие села и деревни, а сами они записывались за великим князем, от которого уже и получали землю, преимущественно — поместья, превращаясь, как правило, в помещиков.

Насколько интенсивно шло в конце XV — первой половине XVI вв. развитие поместной системы, видно хотя бы из таких данных. Например, по новгородским писцовым книгам в Деревской пятине по письму 1496—97 гг. поместные земли занимали уже 46,5% земель, оброчные черные волости — 31,5%, своеземцы — 4,3%, монастыри — 12,9%, церкви — 4,8%. Еще выше был процент поместных земель по письму 1497—98 гг. в Шелонской пятине, где поместья занимали 58,1% земель, оброчные черные волости —27,6%, своеземцы — 7,1%, монастыри и церкви — 7,2%. Что же касается Вотской пятины, то в ней в 1500 г. поместные земли составляли 69,3%, а земли, занимаемые оброчными черными волостями, лишь 13,4%.

К середине XVI в. поместные земли в Новгородской земле (исключая Обонежскую пятину) почти полностью вытесняют остальные виды феодального землевладения. В той же Шелонской пятине в 1539 г. поместные земли составляли уже 98,1%, а черные оброчные волости, за счет которых шел в основном рост поместий, всего 0,6%, т. е. были по существу ликвидированы. Такое же положение мы имеем и в Вотской и Бежецкой пятинах. В последней

в 1544—1545 гг. поместные земли составляли 98,8%, а черных оброчных земель вообще не было.

Примерно такой же процесс в области землевладения наблюдаем мы и в Тверской, Рязанской, Псковской, а также Торопецкой и других западно-русских землях. Правда, протекает он тут, за исключением Пскова, более медленно, чем в Новгородской земле. Об этом можно судить хотя бы по Тверской земле, где по письму 1548 г. поместные и служилые земли составляли 33%, вотчинные — 36%, монастырские и владычные (земли, принадлежащие Тверскому архиепископу) — 27%.

Весьма характерны и данные о размерах поместий того времени. Согласно Уложению о службе 1555 г. с каждых 100 четвертей доброй угожей земли на государеву службу должен был являться один человек в полном вооружении, с более мелкого владения — человек в легком вооружении. Отсюда можно заключить, что поместье в 100 четвертей или в 50 десятин в поле (в трех полях 300 четвертей или 150 десятин) соответствовало средним хозяйственным потребностям служилого человека в Русском государстве XVI в. Поэтому и принято считать мелким служилым землевладением поместья величиной до 100 четвертей доброй земли в поле, средним — от 100 до 800 и крупным от 800 (низший поместный оклад боярина) и выше.

Если посмотреть на развитие поместного землевладения в конце XV — первой половине XVI вв. хотя бы в тех же Новгородской, Тверской и Торопецкой землях, с точки зрения указанных норм, то мы увидим весьма любопытную картину: [1]

Районы	Годы описаний	% пахотной земли в поместьях			
		до 100 чет.	от 100—350 чет.	от 350—800 чет.	от 800 чет. и выше
Новгородская земля					
Шелонская пятина	1497—98	9,3	57,6	33,1	—
	1539	13	70,5	16,5	—
Вотская пятина	1500	10,8	63,8	25,4	—
	1539	17,4	73,9	8,7	—
Деревская пятина	1496—97	19,2	60,4	15,5	4,9
Бежецкая пятина	1544—45	38,3	48,9	12,8	—
Тверская земля	1539—40	16,9	50,4	19,4	13,3
	1548	29,8	52,4	13,4	4,4
Торопецкая земля	1539—40	6,7	44	49,3	—

Приведенные данные показывают, что господствующей формой служилого землевладения в указанных районах в первой половине

[1] Приводимая таблица составлена по данным Н. А. Рожкова (по материалам писцовых книг).

XVI в. было среднепоместное землевладение, занимавшее примерно от 60 до 90% пахотных поместных земель. Тенденция же развития поместного землевладения шла преимущественно по пути расширения низшей группы среднепоместных земель, иначе говоря, поместий в размере от 100 до 350 четвертей, которые усиливались за счет сокращения поместий как верхушки средней группы, так и отчасти крупного поместного землевладения, как это видно на примере тверских земель.

Но далеко не на всей территории Русского государства образование поместной системы в конце XV — первой половине XVI вв. протекало одинаково интенсивно и тем более в указанных формах. Широкое развитие получила поместная система в рассматриваемый период только в тех районах Русского государства, где великокняжеская власть обладала земельным фондом для испомещения, образовавшимся за счет конфискации земель местной княжеско-боярской аристократии и захвата общинных крестьянских земель, а также в результате освоения новых территорий. Последнее касалось преимущественно юго-западной, южной и особенно юго-восточной окраин.

В силу указанных причин наибольшее развитие на начальных своих этапах поместная система получила на территории бывших удельных княжеств, а также по окраинам, кроме севера и северо-востока. В центральных же районах Русского государства, иначе говоря, на исконных старомосковских землях (мы имеем в виду территорию Владимирского великого княжения), где крупное вотчинное землевладение не было поколеблено, а черных крестьянских земель в конце XV в. было уже сравнительно не так много, основная масса земель по-прежнему сосредоточивается в руках светских и духовных вотчинников. Поместная система получает здесь более или менее значительное развитие лишь в середине XVI в.

В то же время в центральных районах особенно отчетливо выступает другая тенденция в развитии феодального землевладения. Мы имеем в виду наступление на светское вотчинное землевладение монастырей. Наступление это началось еще в XV в. и порождалось в основном большей приспособленностью монастырского хозяйства к новым условиям жизни. Монастыри быстрее применяли в своем хозяйстве новые формы эксплуатации крестьян, активно приспосабливали монастырское хозяйство к потребностям рынка. Торговля и ростовщичество были важным средством обогащения монастырей. Светские вотчинники, наоборот, отстают от потребностей жизни, разоряются, попадают в денежную зависимость от монастырей. Продажа или передача под видом вклада частных земель монастырям с конца XV в. становится массовым явлением. И в то время как существующая система наследования частных вотчин способствует их дроблению, монастырская корпоративная собственность, наоборот, консолидирует в руках монастырей огромные земельные владения. К середине XVI в. в руках монастырей сосредоточивается около трети частновладельческого земельного фонда. Один только

Троице-Сергиев монастырь имел к 40-м годам XVI в. крупные владения более чем в 30 центральных уездах.

Весьма активно «осваивали» монастыри и волостные крестьянские земли. Это особенно ясно видно на примере монастырской колонизации на севере.

Развитие феодального землевладения в северных районах (включая Белозерский и Вологодский уезды) и Прикамье было весьма своеобразным. Это были районы, в которых в силу сложившихся местных условий основное место занимало черносошное крестьянское и монастырское землевладение. Частное вотчинное землевладение имелось только в Белозерской, Вологодской и отчасти Вятской землях. Поместная же система, за исключением указанных уездов, тоже, как правило, не затронула в XVI в. Севера и Прикамья. Мешали этому, во-первых, суровые климатические и природные условия указанных районов, сильно затруднявшие ведение в них пашенного хозяйства, а, во-вторых, невыгодность как для самих служилых людей, так и для правительства, иметь поместья в столь отдаленных районах от мест службы, которая протекала в основном на юго-восточном, южном и юго-западных рубежах.

Все это и определило то, что основная борьба за землю протекала на севере между крестьянскими общинами и монастырями, роль которых в указанных областях была не меньше, чем в центре. Достаточно назвать хотя бы такие крупнейшие северные монастыри, как Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Антониев-Сийский и др. На первом месте из них стоит Кирилло-Белозерский монастырь, владевший не только огромными вотчинами на Белоозере, но и имевший крупные владения в 12 других уездах страны, в том числе и центральных. «Освоение» крестьянских общинных земель обычно осуществлялось монастырями или путем получения их в качестве пожалований от великого князя или путем самостийных захватов общинных земель монастырем.

Положение крестьян. Холопы и кабальные люди. Рост феодальной эксплуатации

Охарактеризованные выше формы феодального землевладения определяли и сам тип феодального хозяйства того времени, т. е. те производственные отношения, которые складывались внутри этого хозяйства между владельцами земли — феодалами и крестьянами как непосредственными производителями материальных благ.

Крестьянство конца XV — середины XVI вв. может быть разделено на три основные группы: черносошных крестьян, дворцовых и владельческих.

Черносошными крестьянами назывались крестьяне, живущие на находящихся в общинном владении государственных землях. Формально черносошные крестьяне считались свободными, т. е. зависимыми только от феодального государства. Волостные, общинные земли обычно распределялись между крестьянами в индивидуальное пользование, за исключением лесов, лугов, выгонов, а также охотничьих и рыбных угодий, которыми они пользовались совместно.

Свои приусадебные и пахотные участки крестьяне имели право продавать, закладывать, менять, т. е. распоряжаться ими, как частной собственностью. Основной формой эксплуатации черносошных крестьян были государственные повинности и налоги, включающие в себя натуральные или денежные оброки за пользование землей.

Общины имели свои выборные мирские власти в лице старост, сотских, пятидесятских и т. д. Мирские власти осуществляли общий надзор за общинными землями, распределяли и собирали налоги, разрешали мелкие судебные дела, а также ведали другими вопросами, затрагивающими интересы общины в целом. Мирские власти состояли обычно из представителей наиболее зажиточного крестьянства: «лучших» и «середних» людей.

Промежуточное положение между крестьянами черносошными и владельческими занимали дворцовые крестьяне. Это были, как правило, в прошлом черносошные крестьяне, проживавшие на землях, ставших позднее дворцовыми. Как юридически обособленная категория крестьянства дворцовые крестьяне выступают в источниках только с начала XVI в., т. е. тогда, когда образуется и собственно само специальное дворцовое землевладение.

Дворцовые крестьяне были обязаны обслуживать потребности великокняжеского хозяйства. Они пахали и обрабатывали княжескую пашню, а также выполняли иные многочисленные дворцовые повинности (заготовляли сено, участвовали в великокняжеской охоте, поставляли рыбу, строили великокняжеские мельницы, пруды, дворы и т.д.). Но основной формой эксплуатации дворцовых крестьян были великокняжеские натуральные (преимущественно хлебные) оброки, которые они были обязаны платить во Дворец. Этими оброками заменялись на дворцовых землях даже государственные налоги.

Основную массу тяглого населения составляли владельческие крестьяне, т. е. крестьяне, проживающие на землях бояр, помещиков, монастырей, митрополита, архиепископов и т. д. Владельческие крестьяне находились в крепостной зависимости от феодалов. Но характер и степень этой зависимости были различны.

Так, в наиболее зависимом от феодалов положении находились крестьяне «старожильцы», т. е. феодально-зависимые тяглые крестьяне, издавна проживающие на владельческих землях. В XV—XVI вв. в категорию старожильцев зачисляются также и крестьяне, порядившиеся в старожильцы на определенных условиях или ставшие таковыми после истечения льготных лет проживания на владельческих землях в качестве «новопорядчиков». Старожильцы составляли основную массу зависимого тяглого населения того времени.

Крестьяне старожильцы были поставлены в полную зависимость от феодалов и фактически лишены права перехода. Они были, как говорилось, «крепки земле». Чтобы перейти в другое место крестьянин должен был полностью рассчитаться с феодалом — упла-

тить «пожилое», долги, налоги, а это было не под силу для крестьянина, обязанного не только содержать себя, но и нести на своих плечах всю тяжесть феодальной эксплуатации. Феодальное государство всячески поддерживало феодалов, а существовавшая система иммунитетов, которыми пользовались светские и духовные феодалы, ставила крестьян в финансовую, административную и судебную зависимость от землевладельцев.

Особенно важную роль в закрепощении владельческих крестьян сыграл Судебник 1497 г., по которому право перехода крестьян было ограничено одним сроком — за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего (26 ноября по старому стилю).

Несколько на более льготном положении, по сравнению с крестьянами старожильцами, находились крестьяне — новопорядчики, т. е. крестьяне, перешедшие на владельческие земли с черносошных или иных земель, а в XV в. также выходцы из иных княжений. Новопорядчиками были обычно разорившиеся и обедневшие крестьяне, преимущественно ранее свободные. Поряжаясь к феодалу (заключая «порядную грамоту»), крестьянин новопорядчик получал от него землю и обязывался ее возделывать: «деревня розпахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити». Предоставлялась новопорядчикам и строго ограниченная во времени податная льгота. Состояние новопорядчика было временным. По истечении льготных лет новопорядчик становился старожильцем.

Институт новопорядчиков играл важную роль в развернувшейся в конце XV — XVI вв. борьбе боярства, монастырей и дворянства за рабочие руки. Особенно острый характер носила эта борьба в районах поместного землевладения.

Рост внутреннего рынка и порождаемое им развитие феодальных отношений во второй половине XV — первой половине XVI вв. определили возникновение ряда новых категорий феодальной зависимости. Так, с конца XV в. сравнительно широкое распространение получает бобыльство. Бобылями назывались обедневшие крестьяне, не способные нести государево тягло и платившие более легкий бобыльский оброк. В большинстве случаев источники XVI в. называют бобылями «беспашенных крестьян», т. е. крестьян, не сидящих на тяглой земле. Производственная деятельность бобылей состояла обычно из сельского ремесла, сочетаемого с обработкой оброчной земли или работой на барщине. Развитие бобыльства — явный признак влияния на натуральное крестьянское хозяйство товарно-денежных отношений. Не случайно поэтому особенно много бобылей встречаем мы в монастырских вотчинах, значительно более тесно, в сравнении со светскими вотчинами, связанных с рынком.

Сравнительно широкое распространение, особенно в Новгородско-Псковской земле и Двинском крае, получает в рассматриваемый период и институт половничества. Половниками назывались обезземеленные крестьяне, работающие на феодала «исполу», т. е. за отдаваемую феодалу долю (половину) урожая. На обзаведение своим хозяйством половник получал от землевладельца определен-

ную денежную ссуду, которую он и был обязан погашать в дальнейшем долей урожая. Половничество было одним из тех древних феодальных институтов, которые открывали для господствующего класса широкую возможность вовлечения в феодальную зависимость новых категорий свободного крестьянства. Этим и объяснялось то, что особенно большие размеры получило половничество именно в таких районах, как, например, Новгородская земля, где наблюдается в конце XV — первой половине XVI вв. интенсивное наступление поместного землевладения на черные крестьянские земли. Широко используется половничество и при монастырской колонизации на Севере.

Наряду с этими формами феодальной зависимости продолжали существовать в рассматриваемый период и такие старые формы зависимости, как холопство (рабство). В XIV—XV вв. из холопов, как правило, состояла не только дворня феодалов — «деловые и служние люди», но и вся вотчинная администрация (ключники, тиуны, приказчики и т. д.). Даже боярские послужильцы (ратные слуги) и то обычно были холопами.

Но уже во второй половине XV в. можно наблюдать явление, явно говорящее о том, что холопство постепенно начинает изживать себя. Это находит свое выражение как в сокращении применения рабского труда в феодальном хозяйстве, так и в стремлении феодалов сажать холопов на землю («страдные холопы»), иначе говоря, превращать их по существу в тех же крепостных крестьян. Учащаются также случаи отпуска холопов на волю, которые мы находим в духовных грамотах конца XV—XVI вв. Наконец, сужаются и сами источники холопства. Так, Судебник 1497 г. ограничил холопство «по ключю», изъяв из него городских ключников, в то время как раньше всякий человек, поступивший на службу во двор феодала ключником или тиуном, тем самым превращался в холопа своего хозяина. Что же касается практики, то она идет в ограничении холопства еще дальше, о чем можно судить хотя бы потому, что уже в первой половине XVI в. мы встречаем даже многих сельских ключников, не являющихся холопами.

Все это говорит о том, что в новых экономических условиях рабский труд не оправдывал себя, он уже не мог конкурировать с трудом феодально зависимого, но непосредственно заинтересованного в продуктах своего труда крестьянина и ремесленника.

Не случайно поэтому, именно с конца XV — начала XVI вв., по мере изжития полного холопства, сравнительно широкое распространение получает так называемое кабальное холопство.

Кабальными холопами назывались люди, не имеющие средств к существованию и вынужденные в силу этого идти в служилую кабалу, т. е. брать у холоповладельца ссуду с обязательством вместо процентов «за рост служити». Юридически кабальный человек был лишь временным холопом, поскольку он имел право уйти от холоповладельца по собственному желанию при условии, что он отработает на него определенный служилой кабалой годо-

вой срок и вернет свой долг. Мог он освободиться и позднее при условии уплаты долга. Но в жизни это бывало очень редко. Обычно кабальный человек оставался холопом до конца жизни.

Примерно такого же рода явления наблюдаем мы и в монастырском хозяйстве. Поскольку монастыри формально не имели права иметь холопов (церковная доктрина осуждала рабство), то тут в роли в известном смысле тех же пашенных холопов и кабальных людей выступают «монастырские детеныши». Монастырскими детенышами назывались обычно лица, с детства воспитывавшиеся в монастыре и полностью от него зависимые. Но нередко под их видом фигурируют в источниках XVI в. и лица, привлекаемые на работу в монастырь в виде прямого найма или в замаскированной форме «серебреничества». Рост числа монастырских детенышей вызывался в основном потребностями обработки монастырской пашни, размеры которой неуклонно увеличиваются на протяжении всего XVI в.

Что касается самого института «серебреничества»— серебрениками назывались крестьяне, получавшие от феодала в долг деньги («серебро») под условием уплаты их с процентами («серебро ростовое») или же работы за проценты («серебро издельное»),— то его сравнительно широкое развитие в феодальном хозяйстве (как светских, так и духовных вотчинников), именно начиная с конца XV в., явно говорило об усилении значения в экономической жизни того времени товарно-денежных отношений.

Основной формой эксплуатации владельческих крестьян в конце XV — первой половине XVI вв. была оброчная система, преимущественно натуральные оброки.

Сущность оброчной системы заключалась в том, что крестьяне, сидевшие на земле землевладельца (включая и само феодальное государство), были обязаны платить ему за пользование землей определенную натуральную или денежную ренту.

В XVI в. известны три основные формы землевладельческого оброка: долей урожая, посопным хлебом и деньгами. На вотчинных, монастырских и поместных землях господствующим был оброк долей урожая и деньгами. Что же касается «посопного хлеба» («посопным хлебом» назывался хлеб, ссыпаемый в княжеские житницы), то он взимался обычно только с дворцовых и черных земель и шел непосредственно на удовлетворение потребностей великокняжеского хозяйства и казны. Частновладельческие земли, как правило, были от него освобождены.[1]

[1] На новгородских землях, бывших ранее черными или дворцовыми, но розданных потом в поместья, «посопным хлебом» (как видно из новгородских писцовых книг концов XV—первой половины XVI вв.) именовался хлебный оброк, сдаваемый по заранее установленной норме в пользу помещика. Видимо это и есть тот «посопный хлеб», который ранее платили новгородские крестьяне в качестве государственного налога в пользу великого князя, а теперь, в связи с раздачей их земель в поместья, были обязаны платить в несколько измененном виде помещику. Подобные явления весьма характерны для периода становления поместной системы.

Помимо оброков крестьяне были обязаны уплачивать землевладельцам мелкий доход льном, мясом, сыром (творогом), яйцами и т. д.

Определяющей тенденцией развития оброчной системы в рассматриваемый период был перевод натуральных оброков на деньги. Этот процесс, порождаемый общим развитием товаро-денежных отношений в стране, особенно интенсивно протекал на черных, дворцовых и монастырских землях.

О размерах денежных оброков в XVI в. достаточно определенно говорят хотя бы такие факты. Так, в конце XV в., по данным новгородских писцовых книг, обжи,[1] с которых крестьяне платили оброк деньгами, составляли по Вотской пятине 9,2% всех земель, в Шелонской 10,9%, Деревской 31,4%. Мелкий же доход во всех этих пятинах в подавляющем большинстве платился натурой. К середине же XVI в., по данным писцовых книг конца 30-х и 50-х годов, не только увеличивается число обеж, платящих денежный оброк, но и переводится на деньги мелкий доход. Например, в Шелонской пятине в 1539 г. мелкий доход был везде уже исключительно денежный. То же мы имеем по письму 1544—1545 гг. и в Бежецкой пятине.

Подобные же явления происходили и на остальной территории страны, хотя нельзя не отметить, что в Новгородско-Псковской земле, особенно в ее северных районах, где основу производственной деятельности крестьян составляли промыслы, перевод натуральных оброков на деньги протекал значительно интенсивнее, чем в хлебородных районах Замосковного края.

Характерной особенностью развития как вотчинного, так и особенно поместного хозяйства рассматриваемого периода является и появление собственной барской запашки. Правда, барская запашка, как правило, была еще невелика (особенно на монастырских землях) и обрабатывалась она преимущественно «страдными холопами» или иными «деловыми и служними» людьми. Примерно с конца XV в. начинают использоваться иногда для обработки барской пашни и крепостные крестьяне.

О росте барской запашки можно судить по следующим данным. Так, если на поместных землях Вотской пятины по письму 1500 г. барская и людская (холопская) запашка составляла 5,1%, а крестьянская 94,9%, то уже в 1539 г. барская запашка составляет 15%, а крестьянская 85%. То же самое имеет место и на поместных землях Шелонской пятины, где в 1490 г. барская запашка составляет 8,3%, крестьянская 91,7%, а уже в 1539 г. барская запашка достигает 17,9%, а крестьянская 82,1%. Еще более высокий процент (19%) составляет в 1539—1540 гг. барская запашка на поместных землях Торопецкого уезда. Примерно такое же положение было и в Псковской земле.

---

[1] Обжа — новгородская окладная единица — равнялась земельному участку, который может вспахать и обработать один человек на одной лошади «обжа» — «один человек на одной лошади орет».

Увеличение барской запашки приводит к сокращению крестьянских наделов. Так, если в начале XVI в. крестьянский надел на вотчинных и поместных землях Замосковного края и Новгородско-Псковской земли в среднем колебался от 6 до 10 четвертей (3—5 десятин) доброй земли в каждом из трех полей, то уже к 50—60-м годам он уменьшается до 5—8 четвертей (2,5—4 десятин), в то время как крестьянские наделы на черных и дворцовых землях вплоть до хозяйственного разорения 70—80-х годов составляют обычно 8—14 четвертей (4—7 десятин).[1]

Но не только сокращение крестьянских наделов говорило об усилении феодальной эксплуатации крестьян, не меньшее значение имел и рост натуральных и денежных оброков, которые должны были платить крестьяне своим господам — будь то помещик, вотчинник, монастырь или даже сам великий князь. Достаточно сказать, что если в 1513 г. в центральной части государства с 800 четвертей земли приходилось оброка на деньги 4 рубля 28 алтын 4 деньги, то уже в 1525 г.—12 рублей 19 алтын 3 деньги, а в 1532 г.—8 рублей. Весьма тяжело сказывался на положении крестьянства и перевод натуральных оброков на деньги.

Если добавить рост государственных налогов и повинностей, особенно заметный со второй четверти XVI в., то мы еще более отчетливо можем себе представить общее усиление феодальной эксплуатации крестьянства, наблюдаемое во всех сферах феодального хозяйства этого времени. Как показывает специальное исследование сельского хозяйства XVI в., проведенное Н. А. Рожковым, в середине XVI в. государство и землевладельцы в общей сложности брали с крестьянина от 15 до 30% его валового дохода. При низкой производительности труда того времени — это весьма большая доля, особенно если учесть, что помимо оброка крестьянин был обязан выполнять многочисленные личные повинности, начиная от государственных («княжего дела и службы»), кончая частновладельческими повинностями.

Рост общественного разделения труда и развитие внутреннего рынка

Экономическое развитие Русского государства в конце XV — первой половине XVI вв. характеризуется серьезными изменениями и в области развития общественного разделения труда и товарного обращения. Растет ремесленное производство, совершенствуется техника, повышается роль в жизни страны товарного производства.

Заметные сдвиги происходят в добывающей и обрабатывающей промышленности. В первую очередь это касается соляных промыслов и добычи руды, поскольку потребность в металле по мере раз-

[1] Вообще до XVI в. нормальной крестьянской запашкой в Замосковном крае считалась, видимо, «выть» (окладная единица, соответствующая новгородской обже), т. е. 10 четвертей (5 десятин) доброй, 12 четвертей (6 десятин) средней и 15—16 четвертей (7,5—8 десятин) худой земли в каждом из трех полей и 1,5 десятины или 30 копен сенокоса.

вития сельскохозяйственной техники, ремесла и особенно новых видов вооружения (огнестрельного оружия) быстро возрастает.

Добыча соли и руды была, обычно, деревенским промыслом. Соль добывалась не только с поверхности, но нередко и из глубоких подземных залежей при помощи особых труб, в которые нагнеталась вода, а потом выкачивался рассол. Солеварение было широко распространенным промыслом. Особенно крупные соляные варницы были в Переяславском (Соль-Переяславская) и Галицком (Соль-Галицкая) уездах. Значительные соляные промыслы были и в Соли-Вычегодской.

Железную руду добывали преимущественно из поверхностных слоев (болотная руда). Что же касается самого «кричного дела», т. е. выплавки из руды железа, то для этих целей сооружались небольшие домницы, дающие в среднем по 70—100 кг. металла в сутки. Значительное число подобных домниц встречаем мы на территории, прилегающей к Финскому заливу (здесь в конце XV в. новгородскими писцовыми книгами зарегистрировано около 200 домниц), в Серпуховско-Тульском районе, близ Тихвина, Белоозера, Устюжны Железопольской, Буйгорода, в Заонежье, Беломорье и ряде других мест.

Больших размеров достигает и развитие кузнечного ремесла, которое уже к концу XV в., как правило, отделяется от «кричного дела». Кузнечное ремесло было сильно развито как на местах добычи руды (первичная обработка металла), так и в крупных торгово-ремесленных центрах городского типа, где обычно изготовлялись металлические изделия. В сельской местности кузнецами в большинстве случаев были еще обычные «пашенные крестьяне», совмещавшие ремесло с земледелием.

Продукция местной железоделательной и кузнечной промышленности удовлетворяла не только местный крестьянский рынок, но и поступала нередко на продажу в соседние земли.

Сравнительно широких размеров достигает и развитие других видов ремесла, особенно гончарного, деревообрабатывающего, кожевенного и ряда других. Усиливается дифференциация ремесла. Но в целом характерной особенностью экономического развития Руси в рассматриваемый период по-прежнему еще остается соединение ремесла с сельским хозяйством. Продукция сельского ремесла потребляется преимущественно самими производителями и лишь в незначительной степени изготовляется на заказ для местных землевладельцев или соседних крестьян. Что же касается предметов первой необходимости: одежды, обуви, сельскохозяйственных орудий, то их обычно изготовляют крестьяне сами для себя. Производство ремесленных изделий для продажи получает свое более или менее широкое развитие только к середине XVI в. К этому времени заметно увеличивается в деревнях число сельских ремесленников, занимающихся уже исключительно тем или иным видом ремесла и числящихся обычно в источниках как «непашенные крестьяне», хотя с земледелием они окончательно еще не порывали. В Шелон-

ской пятине подобных ремесленников значилось в первой половине XVI в. около половины. Но такие районы были, видимо, исключением.

Развитие ремесла, порождаемое в конечном счете общим процессом углубления общественного разделения труда, приводит к появлению с конца XV в. значительного количества сельских ремесленных рядков и торжков, которые обычно возникали в селах, расположенных на торговых путях. Особенно много было подобных сел в вотчинах крупных монастырей, покровительствующих их развитию. В этом отношении очень показателен пример с селом Медна, принадлежащим Троице-Сергиеву монастырю. Село Медна находилось на дороге из Твери в Торжок, в 25 км. от Твери, на берегу реки Тверцы, по которой проходил водный путь из Волги через Тверь, Торжок, Вышний Волочек и далее в Новгород. Торг в селе Медна образовался еще в середине XV в. К 40-м же годам XVI в. в селе было 84 двора, из них 56 дворов «непашенных крестьян» более 11 ремесленных профессий (портных, сапожников, овчинников, хлебников, калачников, кузнецов, горшечников и др.). К селу тянулись 4 деревни с 19 дворами, среди которых имелись тоже дворы непашенных крестьян. Подобных Медне торговых сел немало появляется в первой половине XVI в.

На базе подобного рода торговых сел в дальнейшем образуются нередко и торгово-ремесленные поселения уже городского типа.

Постепенное отделение ремесла от земледелия способствовало и более интенсивному обмену сельскохозяйственными продуктами, потребителями которых является как городское население (посадские ремесленники и торговые люди), так и сельские «непашенные крестьяне». Источники конца XV — начала XVI вв. дают многочисленные сведения о торговле крестьян «хлебом и животиной», а также иными сельскохозяйственными продуктами (кожами, салом, медом, сыром) не только на городских, но и на сельских торжках. В первую очередь втягивались в торговлю наиболее зажиточные слои крестьянства, преимущественно крестьяне черносошные и дворцовые.

Так, постепенно товарно-денежные отношения все глубже проникали в феодальное хозяйство XVI в. Господствовавший натуральнозамкнутый характер экономической жизни Руси начинает уступать место развивающимся экономическим связям не только внутри отдельных районов страны, но и за их пределами.

Феодальный город

Рост общественного производства и разделение труда резко повышает и роль в экономическом развитии Руси городов как местных торгово-ремесленных центров. Это видно хотя бы по количественному росту городов, число которых к середине XVI в. достигает уже около 160, причем более 20 из них составляют города, вновь образовавшиеся во второй половине XV — первой половине XVI вв.

Облик русского города XV—XVI вв. был весьма своеобразен. Собственно «городом», или «детинцем» на Руси назывались лишь

центральная часть города, огражденная крепостной стеной, сооружаемой обычно из бревенчатых срубов-городень, для прочности укрепляемых землей и глиной. По углам стены сооружались крепостные башни — стрельницы, а кругом города — заполняемый водой глубокий ров. Каменные укрепления были только в немногих городах. Даже в Москве большинство городских укреплений, кроме каменного кремля, вплоть до 30-х годов XVI в., когда была возведена каменная стена вокруг Китай-города, было деревянными.

Внутри города (за городской стеной) обычно находились великокняжеские жилые и хозяйственные постройки (житницы, клети, амбары), а также дворы (преимущественно осадные [1]) местных духовных и светских феодалов: князей, бояр, детей боярских, монастырей. Торгово-ремесленное население города преимущественно жило вне городских стен на посаде и представляло, по сравнению с населением, проживающим в самом городе, в значительной степени обособленную как в экономическом, так и в социальном отношениях категорию городского населения. В то же время основная хозяйственная жизнь города протекала именно на посадах, где находились как городские рядки и городской торг, так и дворы и слободки ремесленников и торговых людей.

Население города делилось на две группы: на «нетяглых» и «тяглых» людей. Нетяглыми людьми назывались горожане, освобожденные от несения государственных податей и повинностей. Это были представители княжеской администрации, городские казенные люди или, как их стали называть позднее, «люди по прибору» (городские стражники — «воротники», пушкари, казенные пищальники), а также дворники и иные люди местных феодалов (сами феодалы в мирное время жили в городах редко). Нетяглые люди принадлежали к привилегированным слоям городского населения. Число их было незначительно. Что же касается городских тяглых людей, иначе говоря горожан, обязанных «тянуть» государево «черное тягло» (городские повинности и подати), то они и составляли основную массу торгово-ремесленного населения города — собственно посадских людей.

Промежуточное положение между городскими нетяглыми и тяглыми черными людьми занимало население городских владельческих ремесленных слободок и дворов, которое хотя и считалось людьми великого князя или местных феодалов и, следовательно, пользовалось всеми вытекающими отсюда иммунитетными и иными привилегиями, но по характеру своей деятельности уже к концу XV в. было связано, как правило, не столько с вотчинным хозяйством своих хозяев, сколько с посадом как местным торгово-ремесленным центром. Эта категория горожан тянула так называемое

---

[1] Осадными дворами назывались специальные городские дворы, в которых местное население жило во время осады города. В пограничных городах осадные дворы имели в городах не только местные феодалы, но и крестьяне. Обычно село имело в городе «свой» осадный двор.

городское «белое тягло» — несла городские повинности и платила налоги в меньшем размере и на льготных условиях.

На тех же принципах строилась и городская судебно-административная система управления.

По имущественному положению городские тяглые люди делились на «лучших», «середних» и «молодших» людей. К числу лучших людей принадлежала городская верхушка, преимущественно купечество. В их руках была сосредоточена основная власть на посаде. Из их числа выбирались и посадские земские власти — старосты и сотские. Посадская верхушка жестоко эксплуатировала городские низы и стремилась переложить на их плечи основную тяжесть городских налогов и повинностей.

Эти особенности феодального города как торгово-ремесленного центра уезда и в то же время военной крепости, оплота княжеской власти и местных феодалов, и определяли крупную роль города как в экономическом, так и в политическом развитии Русского государства конца XV — первой половины XVI вв.

Общий экономический подъем, который переживают русские земли в рассматриваемый период, чрезвычайно наглядно проступает в жизни города. Растут городские ремесленные слободы, торги, создаются новые отрасли городского ремесленного производства, растет имущественная дифференциация, все новые и новые группы сельского населения стекаются и оседают в городах. Появляется даже своеобразный термин «городские крестьяне», которым обозначается население городов, не ставших еще формально государевыми посадами.

Особенно больших размеров достигло городское ремесленное производство в таких крупнейших городах, как Москва, Новгород, Псков. Например, Новгород делился на две части: Софийскую и Торговую сторону. Новгородское купечество и ремесленники жили преимущественно на Торговой стороне, тут же находился «на Ярославовом дворище» и главный новгородский торг; на Софийской стороне находились, как правило, великокняжеские, архиепископские, монастырские, боярские и иные дворы новгородских феодалов (хотя были они и на Торговой стороне), купцов и ремесленников здесь жило меньше. Обе стороны делились на концы и улицы, носившие в большинстве случаев название от проживающих на них ремесленников (Кожевенная, Кузнечная, Гончарная и т. д.) и представлявшие своеобразные ремесленные корпорации (типа ремесленных цехов). Во главе улиц стояли специальные выборные старосты. Что касается Москвы, то здесь мы находим целые ремесленные кварталы-слободы, населенные кузнецами, кожевниками, сапожниками, гончарами, калашниками, мельниками, серебряниками, плотниками, портными, оружейными мастерами, а также ремесленниками иных специальностей. Тут же располагались и лавки ремесленников, а также дворы торговых людей. Главный московский торг издавна был сосредоточен на Великом посаде, в районе Красной площади.

Как показывают археологические данные, по мастерству русские

городские ремесленники не уступали западноевропейским. Московские и новгородские мастера еще в XV в. снабжали ремесленными изделиями не только своих горожан, но также и сельскую округу и многие ближние и дальние русские города. Ценились московские ремесленные изделия и за рубежом: в Литве, Польше, Ливонии и особенно в татарских ханствах — в Казани, Крыму, Астрахани, Ногайской орде.

Не меньшую роль играла Москва и как крупнейший центр внутренней торговли. Без преувеличения можно сказать, что почти все торговые пути северо-восточной Руси того времени в той или иной степени сходились в Москве. Сюда везут рыбу, пушнину, соль из Двинской земли, Пермского края, Вятки; хлеб, мясо, птицу, сало, кожи — из Ярославля, Костромы, Нижегородского края, Рязани; лен, коноплю — из Новгородской и Псковской земель и т. д.

Летом товары из дальних мест доставлялись в Москву, в основном, водным путем, по малым и большим рекам. Зимой используется более легкий и удобный санный путь.

Особенно большие торги были в Москве в зимнее время, когда замерзшая Москва-река покрывалась множеством лавок с различными товарами. «На такой рынок,— писал Контарини,— ежедневно, в продолжение всей зимы, привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы. В конце же ноября все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу. Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах». Поражён был размерами московских торгов конца XV в. и венецианец Иосафато Барбаро, особо отмечавший дешевизну, по сравнению с европейскими странами, продуктов питания в Москве. «Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико,— отмечает он в своих записках,— что говядину продают не на вес, а по глазомеру. За одну марку вы можете получить четыре фунта мяса; семьдесят куриц стоят червонец, а гусь — не более трёх марок». «Зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук». Удивило же наблюдательного венецианца то, что «плодов здесь никаких нет, кроме небольшого количества яблок, орехов и лесных орешков».

Больших размеров достигала в Москве к середине XVI в. и хлебная торговля. Из хлеборобных районов (нижегородских, рязанских, ярославских и других земель) сюда стекались огромные обозы с хлебом, доставляемым торговыми людьми, скупщиками или же монастырями, активно торговавшими хлебом. Жители северных районов, жившие за 500 и более верст от Москвы, покупали (тоже через скупщиков) в Москве хлеб и везли его к себе по ярославской и углицкой дорогам. Вообще Ярославль являлся в середине XVI в. своеобразным транзитным центром в торговле Москвы с богатыми северными районами страны. Не случайно по дороге из Москвы в Ярославль было особенно много сельских торжков.

Не менее тесные связи поддерживала Москва с рядом других районов страны, например с Новгородско-Псковской землей, Тверью, заокскими городами, Рязанской землей и особенно с владимирскими и нижегородскими землями.

Что касается характера самих торговых связей, то следует иметь в виду (как это уже отмечалось), что сама торговля сосредоточивалась преимущественно в руках купцов — скупщиков, осуществлявших посредничество между производителями и рынком. Источники сохранили многочисленные данные о деятельности подобных купцов. Например, в житии Адриана Пошехонского упоминается пошехонский священник, который имел обыкновение «от дальных стран скот приводити и отводити ея от человек ко иным человеком». Упоминается и в житии Зосимы и Савватия некий юноша Анфим, который «приехал из Великого Новагорада с купцем некыим на Помория купля ради». Много можно было бы привести подобных данных о купцах, ездящих «сюду и овамо» (туда и обратно), иначе говоря занимающихся посреднической торговлей, «якож есть обычий куплю деющим на возех ездити». Еще в большей степени это относится и к торговле ремесленными изделиями, особенно скупаемыми в Москве и Новгороде на вывоз или ввозимыми в них из иных городов страны.

Внешняя торговля

Значительно возрастает в рассматриваемый период и внешняя торговля. Уже к концу XV в. Русское государство имело постоянные торговые связи с Литвой, Польшей, Ливонией, Ганзейскими городами. Значительно активизируется торговля Руси с татарскими ханствами, Средней Азией, Персией, Кавказом, Турцией.

Основными предметами русского вывоза на Запад были меха, кожи, сало, соленое мясо, свинина, щетина, шерсть, «рыбий зуб» (моржовые клыки), воск, мед, а также лен и конопля, которые занимали одно из основных мест в русской торговле с Западом. Сохранились сведения и о вывозе в XVI в. за границу пшеницы и гречихи, а также соли, например, в Литву. С Запада ввозились в русские земли преимущественно различные ремесленные изделия, шерстяные материи, тонкие сукна, оружие, предметы роскоши. Основная торговля с Западом шла через Новгород, Псков, Тверь. Правда, в XVI в. значение Твери, в прошлом основного центра торговли с Литвой, падает. В то же время присоединение к Русскому государству в 1512 г. Смоленска дает возможность использовать в торговле с Западом новый, более короткий путь из Москвы через Смоленск в Польско-Литовские земли.

Существенное значение для развития русской торговли с Западом имела постройка Иваном III в 1492 г. «на немецком рубеже», против Нарвы, крепости Ивангорода. Постройка Ивангорода укрепила положение Русского государства в Прибалтике, создав более благоприятные условия для торговли со Швецией, а также для борьбы с ганзейской монополией. Ивангород отвлекал от Нарвы иностранных купцов. Не случайно поэтому уже через два года после

постройки Ивангорода Иван III закрывает ганзейский двор в Новгороде. Правда, при Василии III Ганзейскому союзу удается снова восстановить свои торговые связи с Новгородом, но прежней монополией он уже не пользуется. В XVI в. основными соперниками в торговле русских купцов в Балтийском море становятся Швеция и Дания.

Большое значение для Русского государства имела и торговля с Востоком. Но восточная торговля была для русских купцов не менее затруднена, чем торговля с Западом, из-за наличия на южных и восточных границах страны враждебных Руси татарских ханств. В первую очередь это касается Казанского ханства, которое хотя и вело сравнительно крупную торговлю с Москвой, в то же время по существу лишало Русское государство возможности использовать Волгу в качестве торгового пути в Среднюю Азию, на Кавказ и особенно в Персию.

Более тесные связи поддерживали русские купцы с Крымом. Отношение же крымских ханов к торговле с Москвой было весьма двойственно, они то покровительствовали подобной торговле, как правило, весьма выгодной для Крыма, то, наоборот, чинили русским купцам не менее «великие обиды и разорения», чем казанцы.

Через Крым (Феодосию) русские купцы осуществляли и свои торговые связи с Кавказом, Турцией, а также другими государствами Передней и Средней Азии и даже Египтом. Насколько глубоко в Азию проникали иногда русские купцы, можно судить хотя бы по тому, что еще в 1466—1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин совершил свое знаменитое «хождение за три моря» (Каспийское, Индийское и Черное) в Индию. Подобные, хотя может быть и не столь далекие, путешествия русских купцов были не единичны, ведь не случайно тот же Афанасий Никитин начал свое «хождение» во время путешествия в Ширван (Северный Азербайджан) в обществе «6 москвичь и 6 тверичь». Торговые связи с Северным Азербайджаном и Средней Азией не прерывались и при Иване III и при Василии III.

С Востока (через Казань и Крым) поступали в русские земли такие восточные товары, как шелк, шерстяные и хлопчатобумажные изделия, пряности, москательные товары, драгоценные камни, предметы роскоши. Из самих татарских ханств, преимущественно из Ногайской орды, доставлялись на Русь породистые кони. Из крымских товаров пользовались спросом на Руси валяные белые материи. В обмен на это русские купцы везли на Восток меха, «рыбий зуб», кожу, охотничьих птиц, а также русские ремесленные изделия. В татарских ханствах, в частности в Крыму, изделия русского ремесла ценились очень высоко. Крымский хан Менгли-Гирей неоднократно просил Ивана III прислать в Крым русские панцири и ювелирные изделия, поскольку, писал хан, «у нас так сделати мастера доброво не добыти». По словам Герберштейна, «в Татарию вывозятся седла, уздечки, одежды... ножики, топоры, иглы, зеркала, кошельки и другое тому подобное». Основные нити южной

и юго-восточной русской торговли были сосредоточены в руках московского и отчасти тверского купечества.

Основной формой внешней торговли Руси XV—XVI вв. было «складничество» купцов. Московское именитое купечество — «гости» — были объединены в специальные купеческие корпорации. Еще в XIV в. возникли две такие корпорации: «сурожане» — купцы, ведущие торговлю с Югом, и «суконники» — с Западом. «Гости» имели не только свои особые привилегии, но и свою патрональную церковь.

Торговля, особенно с Востоком, велась преимущественно караванным путем. «Когда московиты отправляют посольство,— сообщает в своих «Записках» Герберштейн,— к ним также примыкают купцы и, таким образом, в одном посольстве идут 800, 1000, 1200 лошадей».

Заметную роль играют русские купцы и в развитии транзитной торговли между европейскими странами и Востоком. В целях поощрения развития русского посредничества в этой торговле и Иван III и Василий III обычно разрешали западноевропейским купцам торговать на Руси только в Новгороде, а турецко-татарским лишь в Холопьем городке (село Борисоглебское, Ярославской обл.). Исключения делались редко. Например, для ногайской конной ярмарки в Москве, а также для двухнедельной Петровской ярмарки в Острове, куда съезжались торговые люди из Москвы, Новгорода, Пскова, Литвы и Ливонии.

Но, несмотря на значительные размеры, внешняя торговля Русского государства, в силу международного положения Руси, почти не имела перспектив для дальнейшего развития. На пути русской внешней торговли было слишком много препятствий. На Западе — Литва, Ливонский орден, Ганзейский союз, Швеция, настойчиво и упорно препятствующие развитию непосредственных торговых сношений Руси с Западной Европой. На Востоке — Казань, держащая в своих руках Волжский торговый путь. На Юге — Крым, закрывающий выходы к Черному морю.

Не удивительно поэтому, что в создавшихся условиях борьба как за Волгу, так и за выход Руси к Балтийскому морю, иначе говоря, казанский и ливонский вопросы, приобретали решающее значение не только для развития русской внешней торговли, но и для всего экономического развития Руси XVI в. в целом.

Таким образом, Русское государство в конце XV — первой половине XVI вв. достигло больших успехов в своем экономическом развитии. Рост сельскохозяйственного производства, ремесла, внешней и внутренней торговли — все это говорит о серьезных изменениях, происходивших в рассматриваемый период в натурально-замкнутом феодальном хозяйстве, о повышении роли в нем товарно-денежных отношений и складывании условий для более тесных эконо-

мических связей русских земель в рамках порождаемого, в конечном счете, именно самими этими новыми экономическими условиями единого Русского национального государства.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И СВЕРЖЕНИЕ ТАТАРСКОГО ИГА.

Ликвидация последствий феодальных войн середины XV в.

К середине XV в. московские великие князья уже объединяют под своей властью основное ядро русских земель. Крушение замыслов Дмитрия Шемяки овладеть Москвой, как бы завершившее собой феодальную войну 30—40-х годов, не только значительно укрепило положение Василия II как Московского великого князя, но и создало предпосылки для политического подчинения Москве остальных русских земель.

И, действительно, сразу же после смерти Дмитрия Шемяки, который был, видимо, отравлен «московским зельем» в 1453 г. в Новгороде, Василий II прибирает к своим рукам якобы за «неисправление» и «крамолы» Можайское и Ярославское княжества. Можайский князь Иван Андреевич бежит в Литву, а ярославский князь Василий Ярославич был «пойман» в 1456 г. и посажен Василием II «в заточение» «в железех». Земли можайских и ярославских князей и бояр были отписаны на великого князя.

Расправившись таким образом со своими ближайшими врагами, участниками Шемякинских «замятень», Василий II «поднимается» в 1456 г. с «великой московскою ратью» на Новгород за то, что новгородцы, как указывает летопись, у него не «в послушании» — помогали Дмитрию Шемяке, да и вообще держат великокняжеских «лиходеев» и «изменников». Выступившее навстречу великокняжеским войскам новгородское ополчение было разбито. Новгородцы были вынуждены заключить с Василием II в 1456 г. так называемый Яжелбицкий договор. По договору Новгород должен был уплатить Москве огромную контрибуцию и в дальнейшем великокняжеских пошлин «не утаивать» и держать великое княжение «честно и грозно», иначе говоря, признать свою вассальную зависимость от Москвы. Утрачивал Новгород по договору и право на «вечевые грамоты», т. е. право на издание вечем своих законодательных постановлений. На грамотах Великого Новгорода, указывалось в договоре, отныне «печати быти князей великих». Восстанавливался в Новгороде и великокняжеский суд: «от великих князей боярин судьею и от Новагорода боярин». Из новгородских земель Василий II оставил за собой Вологду, Волоколамск и Бежецкий Верх.

Испытал на себе тяжелую руку Василия II и Псков. «Не по псковскому прошению, ни по старине» был прислан в Псков в 1461 г. великокняжеский наместник, которого псковичи были вынуждены принять и «посадить» «на свое княжение». Что же касается Рязани, то здесь обстоятельства еще более благоприятствовали

Москве. Рязанский князь Иван Федорович перед смертью, постигшей его в 1456 г., передал своего восьмилетнего сына вместе со всем рязанским княжением «на руки» и «на соблюдение» Василия II. Княжича Василий II взял в Москву, а рязанские земли передал на управление великокняжеским наместникам. Успешно приводит Василий II «во всю свою волю» и Вятскую землю, служившую во время феодальных войн 30—40-х годов базой для формирования боевых сил Шемяки. На этот раз, правда, пришлось прибегнуть к более действенным мерам — посылать на вятчан в 1458—1459 гг. московскую рать.

Таким образом, когда после смерти Василия Темного «садится» на великое княжение в 1462 г. его сын Иван III, только Тверское княжество сохраняет еще полную самостоятельность в отношении Москвы, хотя и тверские князья уже признают Московских великих князей «старейшими» себе.

Присоединение Новгорода

Иван III был продолжателем дела отца. Умный, настойчивый и в то же время до крайности осторожный, он не только значительно укрепляет великокняжескую власть на вновь присоединенных к Москве землях, но и по существу завершает объединение основных русских земель в рамках единого Русского национального государства.

Решающим этапом в борьбе Ивана III за объединение вокруг Москвы русских земель было присоединение Новгорода. Яжелбицкий договор 1456 г., хотя и закреплял казалось бы вассальную зависимость Новгорода от Московских великих князей, но не ликвидировал его политической автономии в рамках великого княжения. Это в известной мере двойственное положение Новгорода естественно не могло удовлетворить ни московское правительство, выступающее за полную ликвидацию новгородской автономии, ни правящие слои новгородского боярства, отстаивающие независимость Новгорода.

В 70-х годах положение в Новгороде становится особенно острым. Крупное новгородское боярство, боясь потерять в случае окончательного присоединения Новгорода к Москве свои политические привилегии и земельные владения, начинает открытую борьбу против подчинения Москве. Во главе антимосковской партии стояла вдова новгородского посадника Марфа Борецкая и ее сыновья. Борецкие и их сторонники стремились опереться в борьбе с Москвой на Литву. Литовской ориентации придерживалась и часть новгородского купечества, опасавшаяся конкуренции московского купечества в торговле с Прибалтикой. Что же касается основной массы торгово-ремесленного населения города, то она, наоборот, в большинстве сочувствовала усилению власти Ивана III над Новгородом, видя в этом известную защиту от произвола, вымогательств и эксплуатации со стороны новгородского боярства и именитого купечества.

Непосредственные сношения Новгорода с Литвой начались еще в 1469 г. Обостряется в это же время и вечевая борьба между

противниками и сторонниками Москвы. Нередко после веча противники Москвы являлись на новгородский великокняжеский двор на Городище и «бранили» и «бесчестили» наместников Ивана III. Участились случаи нападения новгородских боярских отрядов на соседние московские волости. Открытый конфликт в известной мере сдерживался, правда «предстательством» перед Иваном III за Новгород архиепископа Ионы. Но в ноябре 1470 г. Иона умирает, и уже на третий день после его смерти в Новгород прибывает, в качестве литовского наместника, князь Михаил Олелькович, «испрошенный» Борецкими у Казимира IV. План Борецких, как указывает летопись, состоял в том, чтобы выдать Марфу Борецкую за литовского пана, который станет новгородским наместником, и тем самым закрепить союз между новгородским боярством и верхушкой православного литовского магнатства. Но этот план вряд ли мог особенно устраивать Казимира, который хотя и являлся одновременно и великим князем литовским и королем польским, но отнюдь не был заинтересован в подобном усилении за счет Новгорода оппозиционной ему православной «литовской рады». Казимир, как и поддерживающее его католическое польское магнатство, добивались преобладания своего влияния в Новгороде. Все это осложняло переговоры. Вопрос о союзе с Казимиром, вынесенный Борецкими и их сторонниками на вече, привел к «великой брани» и «разоре» в Новгороде. Особенно активно выступали противники Москвы. По словам новгородского летописца, сторонники литовской партии (среди которых было немало подкупленных боярами «худых мужиков вечников») кричали на вече: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися отчиною его; вольные есьми люди — Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправду над нами чинит. Но хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира». Победили Борецкие. С Казимиром был заключен договор. Новгород признал себя вассалом великого князя литовского и короля польского Казимира и обязался уплатить ему, если он «умирит» Новгород с Москвой, «черный бор». Назначался в Новгород и православный литовский наместник. В свою очередь, Казимир дал обещание «всести на конь за Великий Новгород» и защищать его от Ивана III «со всею с своею радою литовскою». По сравнению с Яжелбицким договором договор с Казимиром (1470—71 гг.) был для Новгорода значительно более льготным. Особенно выгоден он был новгородскому боярству, привилегии которого договор сохранял в полной силе. Среди же новгородских низов, наоборот, весть о договоре вызвала массовые волнения, сопровождавшиеся открытыми выступлениями «молодших людей» против новгородского боярства. С осуждением договора выступила и значительная группа новгородского духовенства, опасавшаяся «порухи» для православной церкви от великого князя католика, а также часть купечества, заинтересованная в торговле с Москвой.

Московское правительство зорко следило за событиями в Нов-

городе. Иван III выжидает. С одной стороны, он посылает в Новгород своих послов с «жалованием» и «добрыми речами», призывая новгородцев «исправиться» и «к латинству не приставати», с другой, начинает подготовку к походу на Новгород. В мае 1471 г. Иван III созывает в Москве специальное совещание о положении в Новгороде. В совещании, в известной мере напоминающем земские соборы XVI в., приняли участие братья великого князя, вассальные князья, бояре, иерархи церкви, а также воеводы и «многие вои», видимо, представлявшие в своем лице московское дворянство. На совещании было решено немедленно, не дожидаясь зимы (обычно в летнее время из-за множества болот и топей Новгородская земля считалась непроходимой для передвижения крупных войсковых соединений), двинуться на Новгород с «великой ратью». В походе против Новгорода должны были принять участие не только великокняжеские войска, но и войска братьев Ивана III, вассальных князей, а также тверская и псковская рать. Московские войска были разделены на две части. Главные силы вторгаются в новгородские земли с юга и двигаются основным своим ядром через Волочек и Торжок к Новгороду. В то же время вторая московская рать, состоящая из поднятых Иваном III против Новгорода вятчан и устюжан, под командованием великокняжеских воевод вторгается в Двинскую землю, входившую в состав новгородских земель.

Узнав о продвижении к Новгороду московских войск, новгородские бояре начинают собирать «великое» ополчение. Новгородское ополчение состояло преимущественно из посадских людей — ремесленников и торговцев. Как правило, они были не только плохо вооружены, но и «неискустны» в ратном деле. Да и настроены они были далеко не воинственно. Борьба с Москвой отнюдь не была популярна среди широких народных масс Новгорода, и шли они в ополчение только под угрозой репрессий со стороны боярства. Совершенно ясно поэтому, что новгородское ополчение было мало боеспособно. Что же касается обещанной Казимиром помощи, то надежды на нее очень скоро рухнули. Во-первых, Казимир опасался вступить в открытый военный конфликт с Иваном III в момент, когда в самом Польско-Литовском государстве шла упорная борьба между литовской и польской шляхтой, а, во-вторых, Ливонский орден отнюдь не собирался пропускать литовские войска через свои земли на Новгород. В усилении Литвы Орден далеко не был заинтересован. Сам же Орден, хотя и обещал свою помощь Новгороду, но с выполнением обещания явно не торопился.

В создавшейся обстановке надеяться на успех новгородцам было трудно. Но события развернулись быстрее, чем можно было предполагать. 14 июля 1471 г. на берегу реки Шелони состоялось решающее сражение между новгородским ополчением и московскими войсками под командованием великокняжеского воеводы князя Даниила Холмского. Плохо вооруженное 40-тысячное новгородское ополчение, несмотря на то, что оно почти в десять раз превосходило принявшую бой передовую московскую рать, в которой было не

многим более 4000 человек, было полностью разбито. Победа Москвы была облегчена тем, что новгородская «коневая рать» вообще уклонилась от боя, так как составлявший ее основное ядро отряд новгородского архиепископа не получил от него приказа биться с московскими войсками. Потери новгородцев были весьма велики. Около 12 тысяч новгородцев было убито и около 1700 человек взято в плен, в том числе и командующий новгородским ополчением степенный посадник Дмитрий Борецкий. В захваченном великокняжескими войсками новгородском обозе была обнаружена и договорная грамота Новгорода с Казимиром.

Поражение у Шелони и последующее окружение Новгорода великокняжескими войсками вызвало новые волнения в городе. «И бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног»,— указывает новгородская летопись. «И бысть на лутьшии люди (бояр — *Авт.*) молва, яко те приведоша великого князя на Новгород». «И разделишася людие: инеи хотяху за великого князя, а инии за короля за Литовского». С трудом удалось боярам подавить «мятеж» черных новгородских людей. Один из зачинщиков мятежа некий новгородец Упадыш был казнен боярами как якобы «переветник» (изменник) за то, что он со своими единомышленниками заколачивал железом предназначенные для обороны города пушки. Но, несмотря на подавление мятежа, организовать оборону города бояре не смогли. Новгород был вынужден прекратить сопротивление и принять все условия великого князя. В это время пришло известие и о поражении двинской новгородской рати, нанесенном ей на берегах Двины великокняжеским воеводой Образцом.

По новому договору, заключенному между Иваном III и Новгородом, не только восстанавливались нарушенные новгородцами условия Яжелбицкого договора 1456 г., но и Новгород был вынужден отказаться от самостоятельной внешней политики, признать себя «отчиной» великого князя, а «за новгородскую проступку» уплатить крупную контрибуцию (15 500 рублей).

Договор 1471 г. значительно укрепил позиции Ивана III в Новгороде, создав условия для постоянного вмешательства московского правительства в новгородские дела. Продолжающаяся же в Новгороде борьба между сторонниками и противниками Москвы всегда давала повод к подобному вмешательству.

И, действительно, хозяйничанье новгородской боярской олигархии, ее стремление репрессиями и террором сломить сопротивление сторонников Москвы лишь вызывало растущую ненависть к ней со стороны широких слоев торгово-ремесленного населения Новгорода, апеллирующих за управой к Москве. Особенно большие волнения вызвало в Новгороде разграбление отрядами сторонников Борецких — «степенного посадника» Василия Ананьина и 18 других бояр — Славковой и Никитиной улиц. Последовавшие челобитья пострадавших в Москву были весьма на руку Ивану III. В 1475 г., по просьбе самих новгородцев — «житьих и молодших людей», которые, как указывает псковская летопись, «сами» великого князя

«призвали на тыя управу, что на них насилье держат посадники и великие бояре», Иван III «со многими людьми» выезжает из Москвы в Новгород. Свою поездку Иван III использует как для приобретения авторитета среди широких слоев населения, так и для расправы с лидерами литовской партии. Посадник Василий Ананьин с главными своими «товарищами» были арестованы и отправлены в Москву. Многие замешанные в сношениях с Литвой бояре даны на поруки.

Поездка Ивана III в Новгород подготовила почву для окончательного включения новгородских земель в состав Московского великого княжения. Поводом для этого послужил, видимо, инспирированный самим Иваном III приезд в Москву в марте 1477 г. новгородских послов, принадлежащих к числу московских сторонников, которые в обращении к великому князю назвали его «господарь» (государь), а не «господин», как называли «наперед того, как земля их стала». Называя великого князя «господарем», послы как бы признавали тем самым Ивана III суверенным властителем Новгородской земли. Заявление послов вызвало ответное посольство Ивана III в Новгород с целью «подкрепити того, какова хотят государства?». Новгородские официальные представители ответили отказом, заявив, что «с тем не посылали». Ездившие в Москву послы были убиты, а посадники и бояре, которые были «приятны» великому князю, вынуждены бежать из Новгорода. Власть снова захватили лидеры литовской партии.

Воспользовавшись этим, Иван III предпринимает в сентябре 1477 г. новый поход на Новгород. Овладев на подступах к Новгороду Городищем и пригородными монастырями, великокняжеские войска окружают город. Новгородцы садятся в осаду, но оказывать открытое сопротивление великокняжеским войскам не решаются. Начались переговоры.

На этот раз условия, выдвинутые Иваном III, представляли уже требование полной ликвидации самостоятельности Новгорода. «Мы, великие князья,— заявил Иван III новгородцам,— хотим государства своего, как есмя на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». А «государство наше» «таково: вечью колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство свое нам держати». В то же время Иван III обещал (не давая, правда, никаких гарантий) не делать «вывода» из новгородских земель, не нарушать землевладельческих прав новгородского боярства и держать суд «по старине». Новгородцы пытались поставить вопрос о гарантиях в форме нового договора или крестоцеловальной записи, но, получив решительный отказ, были вынуждены безоговорочно принять все условия Ивана III. С самостоятельностью Новгорода было покончено.

15 января 1478 г. великокняжеские бояре приводят к присяге всех новгородцев по концам и улицам, а новгородские бояре и житьи люди «приказались» в службу великому князю. В Новгороде учреждается полноправный великокняжеский наместник.

В личное пользование великого князя переходят 10 новгородских волостей, половина владений 6 новгородских монастырей и все новоторжские земли. А вскоре, забыв свои обещания, Иван III начинает массовый «перебор» людей и «выводы» (преимущественно в нижегородские земли) новгородского боярства. На конфискуемых землях испомещаются московские служилые люди.

Вслед за уничтожением самостоятельности Новгорода были присоединены и новгородские колонии. В 1478 г. была окончательно присоединена к Москве Двинская земля, а в 1489 г. и Вятская земля. Великокняжеский воевода Даниил Щеня осаждает город Хлынов в Вятской земле и заставляет население города принять присягу великому князю.

Присоединение Тверского княжества

Ликвидация самостоятельности Новгорода предрешила и судьбу Тверского княжества, окруженного теперь со всех сторон московскими землями. Растет экономическая и политическая зависимость Твери от Москвы. Тверь все в большей и большей степени втягивается в орбиту московской политики. В 80-х годах начинаются массовые отъезды тверских бояр к Москве. Попытки тверского князя Михаила Борисовича в какой-то мере противостоять Москве путем договора с Казимиром IV в 1483 г. пресекаются Иваном III. Узнав о договоре, Иван III немедленно направляет в Тверь «порубежную рать» и вынуждает Михаила Борисовича не только отказаться от договора с Казимиром, но и признать вассальную зависимость от Москвы: целовать крест «своему господину и брату старейшему» Ивану III и его сыну Ивану. В 1485 г. Михаил Борисович снова пытается возобновить сношения с Литвой, но тверской гонец в Литву был перехвачен, и Иван III с большой московской ратью вторгается в Тверское княжество. Оставленный своими боярами, Михаил Борисович бежит в Литву. Тверь целует крест на имя Ивана III. Один из современников столь печальной судьбы последнего тверского князя с едкой иронией отметил в своих записках: «Борисович Михайло. Играл дуду. И предал Тверь. Бежал в Литву». Но Иван III формально не упраздняет Тверского княжества, а передает его своему старшему сыну Ивану Ивановичу Молодому, который и «въехал во град Тверь жити».[1] Что же касается тверского боярства, то большинство его первоначально не только не лишается своих тверских вотчин, но даже получает от Ивана Ивановича на них новые жалованные грамоты.

Ликвидация Верейского княжества

Еще в 60-х годах Иван III начал «пересматривать» положение Верейского княжества, сохранявшего в то время еще сравнительно широкую самостоятельность в рамках Московского великого княжества. Путем ряда договоров он принуждает своего двоюродного дядю верейского князя Михаила Андреевича не только признать себя

[1] Одним из формальных поводов к этому было то, что Иван Иванович Молодой был сыном Ивана III от первого брака (с Марией «тверянкой», дочерью тверского князя Бориса Александровича).

«под всею братьею великого князя в молодших» князьях, но и «отступиться» в пользу Ивана III своими владениями — сперва Вышгородом, а потом Белоозером, Ярославцем и Вереей. Последние владения Михаил, правда, обязался передать великому князю «после своего живота», т. е. после своей смерти, по существу же Иван III распоряжался ими еще при его жизни. В 1486 г. Михаил Андреевич умирает, и земли Верейского княжества окончательно попадают в руки Ивана III.

Таким образом, к концу XV в. уже почти все великорусские земли были объединены в рамках единого Русского государства. Иван III, по меткому выражению летописца-современника, превращается в «государя над всеми государями Русской земли». Только Псков и Рязанское княжество считались еще самостоятельными землями в составе Московского великого княжения. Реально же и они уже в значительной степени зависели от Москвы. Так, например, в 1499 г. Иван III прямо «пожаловал сына своего Василия Ивановича, нарек его государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение». Псковичи попытались было возражать против такого «выдела», указывая на то, что «по старине», который «был князь великой на Москве, тот... и им (Пскову) был государь», но получили весьма грозный ответ. «Чи не волен яз, в своем внуке [1] и в своих детях?,— отвечал Иван III псковским послам,— ино кому хочу, тому дам княжение». Не менее самовластно вмешивался Иван III и в рязанские дела. Окончательное включение Пскова и Рязани в состав Московского великого княжения, было лишь делом времени.

Освобождение Руси от татарской зависимости

Объединение русских земель в рамках единого национального государства шло в непосредственной связи с борьбой Руси за окончательное освобождение от татарского ига.

Уже к концу правления Василия Темного зависимость Руси от Золотой орды носила почти номинальный характер. Такое же положение было и в годы правления Ивана III. «Ордынский выход» хотя и собирался Иваном III, но в Орду посылались только подарки. Что же касается внешней политики Руси, то она носила вполне самостоятельный характер.

Это объяснялось, с одной стороны, ростом и усилением складывающегося Русского централизованного государства, с другой, ослаблением самой Золотой орды. И действительно, если в XV в. на Руси мы наблюдаем процесс ликвидации феодальной раздробленности, усиления экономических связей между русскими землями и их политического объединения под властью великих московских князей, то в Золотоордынской державе происходили как раз обратные явления. Отсутствие экономической общности и внутрифеодальные усобицы приводят к постепенному распаду Золотой орды

---

[1] Иван III имел в виду своего внука Дмитрия, сына умершего в 1490 г. Ивана Ивановича Молодого.

на ряд самостоятельных феодальных татарских ханств. Казанское и Астраханское ханства, Ногайская орда и, наконец, Крымское ханство превращаются уже в середине XV в. в самостоятельные феодальные государства. Внутри самой Золотой орды идет ожесточенная борьба между отдельными феодальными группировками, борьба кровавая и упорная, приводившая иногда к массовому истреблению одной феодальной группировки другой. В таких условиях золотоордынские ханы не имели реальной силы для восстановления своего былого господства над Русью, что наглядно показали события 70-х годов. В 1471 г., в самый разгар новгородских событий, Казимир IV направляет к золотоордынскому хану Ахмату послов с предложением предпринять совместный поход против Москвы. Этим походом Казимир хотел помешать присоединению Новгорода к Москве. Ахмат ответил согласием, но неожиданно в 1471 г., во время отсутствия хана в Орде, вятские ушкуйники, тогда не подвластные еще Москве, но вряд ли действовавшие без ее ведома, совершают на ладьях нападение на Сарай, овладевают городом и подвергают его полному разорению, захватив при этом не только «великую добычу», но и множество пленных. Только в 1472 г., когда новгородский поход Ивана III был уже окончен, Ахмат во главе большой татарской рати вторгается в русские земли, овладевает городом Алексином, но перейти Оку при виде подошедшей «великой московской рати» не решился и был вынужден вернуться назад.

Новый толчок к возобновлению попыток Ахмата восстановить на Руси былое татарское господство дали события конца 70-х годов.

В 1478 г. пал Новгород, колеблется Тверь. Шаг за шагом ликвидируется Иваном III удельная «старина». Но именно эти столь быстрые успехи Москвы вызывали беспокойство у соседей Руси. Польша, Литва, Ливонский орден решают открыто вмешаться в дела Москвы. Ливонский орден начинает военные действия против Пскова. Усиленно готовится к войне с Москвой Казимир IV. В то же время резко обостряется и политическая обстановка внутри страны. В 1479 г. произошла ссора Ивана III с его братьями Борисом и Андреем Большим, недовольными его самовластным правлением. Непосредственным поводом для ссоры послужил раздел Иваном III удела умершего еще в 1472 г. их брата князя Юрия, основные земли которого Иван III взял на себя. Обратившись за помощью к Казимиру IV, чтобы он их «правил» в «их обидах», Борис и Андрей Большой вместе с семьями и «дворами» поднимаются из своих уделов и направляются через новгородские земли к литовской границе. В Новгороде в начале 1480 г. был раскрыт новый антимосковский заговор.

В создавшейся обстановке, рассчитывая на союз с Казимиром, Ахмат и поднимается в 1480 г. в новый «великий» поход против Москвы.

Положение Русского государства было крайне тяжелым. Правда, еще до похода Ахмата Иван III заручился поддержкой крымского

хана Менгли-Гирея, заключив с ним союз — «другу другом быти и недругу недругом быти», но ссоры с братьями Иван III предполагать не мог, а именно она не только парализовала возможность выдвижения против татар объединенных русских войск, но и, вообще, могла вызвать «великую смуту» во всем государстве. Ведь не случайно даже среди ближайшего окружения Ивана III сразу же нашлись многочисленные сторонники Бориса и Андрея Большого.

Иван III колеблется. Сперва он во главе московских полков выступает навстречу татарским войскам и занимает переправы через Оку. Но когда Ахмат, подойдя к Оке и не решившись при виде русских войск ее «перелезть», поворачивает на запад и движется вдоль Оки к ее верховьям для соединения с обещанными Казимиром литовскими войсками, Иван III неожиданно оставляет полки и возвращается в севшую в осаду Москву. Возвращение в Москву было вызвано, по-видимому, желанием Ивана III помириться с братьями и привлечь их для борьбы с татарами. Но широкими народными массами возвращение Ивана III в Москву было воспринято как бегство. В Москве начинаются волнения. Московские посадские люди требуют, чтобы великий князь вернулся к войскам и защищал Русь от татар. Особую ненависть у москвичей вызывали те «богатые и брюхатые» бояре, которые выступили за примирение с ханом.

Напуганный московскими событиями, Иван III идет на уступки. Через митрополита и вдовствующую княгиню-мать он заверяет братьев, что принимает их условия и удовлетворит их «обиды». Тогда Борис и Андрей Большой идут со своими войсками на помощь к великому князю. Иван III возвращается к армии.

Ахмат к этому времени подошел к правому берегу реки Угры (левый приток Оки), но и тут переправиться не решился, так как помощь от Казимира все еще не подходила, а перевозы и броды на реке были своевременно заняты русскими, на противоположном же берегу стояла «великая московская рать». Попытки татар овладеть переправами были отбиты. «Многи дни», указывает летопись, татары «приступаху бьющеся и не взмогоша, ждуше егда река станет: быша мрази (морозы — *Авт.*) велици тогда, река бо нача ставитися».

Занял выжидательную позицию и Иван III. Он явно затягивал переговоры с татарами, начатые по инициативе самого Ахмата. Время благоприятствовало русским войскам, численность которых с каждым днем возрастала за счет подходивших из русских земель все новых и новых отрядов. Стало ясно, что Казимир не сможет оказать реальной помощи Ахмату, так как в его южные владения вторгся союзник Ивана III крымский хан Менгли-Гирей. В самой же Литве началась новая феодальная смута. Православное литовское магнатство выступило против Казимира и грозило отъехать к Москве. Успешно было отбито и нападение Ливонского ордена на Псков. Все это укрепило позиции Ивана III. В то же время в

татарских войсках начинается брожение, болезни, голод. Боеспособность их резко падает.

Наконец, Угра стала. Иван III отводит русские полки на более выгодный рубеж и готовится к решительному сражению. Но Ахмат не решился вступать в бой с русскими войсками. 11 ноября 1480 г. он неожиданно отходит от Угры с такой поспешностью, что у современников осталось впечатление бегства татар. Знаменитое «стояние на Угре» кончилось. В низовьях Волги на возвращающиеся войска Ахмата напали ногайские татары совместно с сибирским ханом Ибаком. Во время сражения Ахмат был убит.

Так кончилась попытка Ахмата восстановить на Руси татарское иго. Зависимость Русского государства от Золотой орды была окончательно уничтожена. Недолго после событий 1480 г. просуществовала и сама Золотая орда. В 1502 г. она была полностью разгромлена крымским ханом Менгли-Гиреем.

Включение в состав Русского государства Северо-восточных земель и походы за Урал

Успешное присоединение к Москве Новгородской и Вятской земель, а также успехи, достигнутые при Иване III в борьбе с Казанским ханством, оказали решающее влияние на присоединение к Руси Северного Прикамья и Приуралья.

Усиление русского влияния в землях, расположенных по берегам Вычегды и ее притоков (Малая Пермь) и населенных зырянами (коми), относится еще к середине XIV в. Особенно интенсивную деятельность в обращении коми-зырян язычников в христианство проявляли монахи-миссионеры. Один из таких миссионеров, устюжский уроженец, монах Стефан Пермский, составил для коми-зырян азбуку и перевел на их язык несколько богослужебных книг. В 1383 г. он был поставлен московским правительством первым пермским епископом. Стефан Пермский построил в устье реки Выми «владычен городок» (на месте старого языческого мольбища), ставший в дальнейшем опорой московской власти в Малой Перми. Особенно активизировалось освоение Москвой пермских земель с 60—70-х гг. В 1472 г. московские войска овладели Пермью Великой, иначе говоря — землями в верховьях Вычегды и Камы, населенными пермяками. Овладение Пермью Великой создало условия для дальнейшего продвижения в Поморье, Урал и Зауралье.

Успешные походы в Зауралье отдельных русских отрядов, посылаемых в 60—80-х годах северными городами, завершаются посылкой на Урал в 1499 г. специальной московской экспедиции, состоявшей из трех крупных отрядов: двинских — князей С. Курбского и П. Ушатого и вятского — В. Гаврилова. Начав продвижение из трех разных районов (Холмогор, Великого Устюга, Хлынова), московские отряды соединяются в верховьях Печоры, переходят Уральский хребет и выходят к нижнему течению Оби. Экспедиция была успешной. Русские отряды захватили много «городков» и взяли в плен 58 местных князьков. Северное Поморье, населенное племенами ненцев (самоедов), а также Югорская земля, населенная

хантами (остяками) и манси (вогулами), подпадают под власть Московского великого князя. В низовьях Печоры был построен укрепленный городок Пустозерск, ставший основным опорным пунктом Москвы в Печорском крае. Задачей пустозерских воевод был сбор дани (ясака) с ненцев Поморья. В Югорской же земле, где не было ни русских городков, ни представителей русской администрации, сбор московской дани производился самими местными князьками. Дань собиралась преимущественно ценными мехами: соболями, куницами, черными лисицами, бобрами. Включение в состав Русского государства Поморья и Приуралья имело важное значение для экономического развития не только северных русских городов, но и для всей северо-восточной Руси в целом.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Конец XV — первая половина XVI вв.— время не только упорной борьбы Руси за преодоление последствий татарского ига и окончательное объединение русских земель в рамках единого национального государства, но и время напряженной классовой борьбы внутри страны.

Классовая борьба в этот период находила свое выражение в самых различных формах, начиная от ересей, кончая открытыми выступлениями против феодалов крестьян и холопов. Отражалась классовая борьба и в появлении в конце XV — начале XVI вв. значительной категории выбитых из старой жизненной колеи людей — разоренных и обезземеленных крестьян, беглых холопов, потерявших право на землю «своеземцев», бывших княжеских и боярских послужильцев, лишившихся средств к жизни в результате ликвидации уделов, разорения княжеско-боярских сеньорий и роспуска их феодальных отрядов, и многих других. Из этих людей, выбитых из привычной жизненной колеи и лишенных нормальных средств к существованию, и формировались различные «лихие люди», число которых непрерывно растет, начиная с конца XV в.

С другой стороны, обращает на себя внимание при изучении источников того времени и обратное явление, а именно стремление представителей господствующего класса вообще оценивать любое вооруженное выступление крестьян и посадских низов против феодальной собственности и правопорядка как «лихое дело», а его участников как «лихих людей» — «татей» и «разбойников», с тем, чтобы использовать против них карательные органы государственной машины.

Особенно наглядно видно это на примере борьбы черносошного крестьянства в XV — первой половине XVI вв. против монастырской колонизации.

В житиях святых за этот период сохранилось значительное число указаний о «разорениях, грабежах и гонениях», которым подвергались основатели того или иного монастыря со стороны окрестных жителей во время устройства ими пустынь, отшельничеств

и т. д. Можно указать на выступления черносошного крестьянства против знаменитого Антония, основателя Антониева-Сийского монастыря, Дамиана, основателя Юрьегорской пустыни, борьбу окрестных рыболовов против Кирилло-Новоозерского монастыря, убийство крестьянами Арсения Комельского, Симона Воломского и ряд других. Во всех этих случаях действия крестьян в глазах составителей житий, отражавших взгляды господствующего класса феодалов, были не чем иным, как открытым грабежом и насилием — «лихим делом».

Особенно показателен пример с разорением в 1550 г. крестьянами села Белого Пошехонского уезда Адриановой пустыни и убийством ее основателя игумена Адриана и 42 монахов.

Это было крупное вооруженное восстание крестьян против монастыря. В «Житии игумена Адриана» указывается, что «окаянные белосельцы и от иных стран многую дружину собравше» и, вооружившись «овии в доспесех с мечи, а инии саадацех, а инии с копии и с рогатинами», выступили против монастырской пустыни. Ясно характеризует житие и цели восстания — «разорити пустынь» и вернуть себе захваченные монахами земли и имущество. По поручению правительства (Разбойного приказа) расправой с восставшими крестьянами занимались пошехонские великокняжеские приказчики и губные старосты — «сиречь стражи», как именует их житие.

Не менее напряженный характер носила классовая борьба крестьян против феодалов и в районах поместного и вотчинного землевладения, хотя источников о ней до нас дошло меньше. Массовым бегством в окрайные районы, отказом платить оброки и нести барщину, поджогом имений, а иногда и прямыми убийствами своих господ отвечали владельческие крестьяне на рост феодальной эксплуатации и закрепощения. Чрезвычайно жестоко расправлялось феодальное государство, как и сами феодалы, с подобными нарушителями феодального спокойствия. Крестьян, обвиненных в покушении на феодальную собственность, поджоге или убийстве своего «государя» (феодала) обычно объявляли «ведомыми лихими людьми» и «по суду» (согласно нормам Судебника 1497 г.) предавали битью кнутом и смертной казни.

Большое значение в организации борьбы с нарушителями феодальной собственности и правопорядка имела проведенная московским правительством в конце 30 — начале 40-х годов губная реформа, по которой дела о «ведомых» разбойниках (а в ряде случаев и татей) изымались из рук наместников и волостелей и передавались в руки «выборных голов» из местных детей боярских [1].

Классовая борьба носила преимущественно локальный характер, хотя и определялась в конечном счете теми общими социально-эко-

---

[1] Характеристику губной реформы см. в разделе о местном управлении конца XV — первой половины XVI вв. (стр. 75—76).

номическими изменениями, которые происходят в жизни Руси в рассматриваемый период.

Особенно ярко проявилась классовая борьба в конце XV в. в движении городского люда в Новгороде («разоре» между «большими» и «молодшими» людьми) накануне присоединения его к Москве, а также в восстании псковских крестьян («смердов») 1483—1486 гг. Весьма показательны и волнения «гражан» Москвы в 1480 г. во время нашествия хана Ахмата, когда московские черные люди не только требуют от Ивана III решительной борьбы с татарами, но и выступают против бояр, советников великого князя — «сребролюбцев богатых и брюхатых».

Наиболее наглядно раскрывают антифеодальный характер народных движений 70—80-х гг. псковские события. Волнения в Пскове начались в 1483 г., когда, как глухо указывает псковская летопись, «посекоша псковичи у посадников. . . и у иных много дворов». В 1484 г. положение резко обострилось. Причиной новых «великих» волнений в Пскове, когда, по словам летописи, «вся (Псковская — *Авт.*) земля мятешеся по два года», было введение псковским боярством новой «смердьей грамоты», иначе говоря — нового законодательства о крестьянах. Речь шла о дальнейшем закрепощении псковских смердов, причем, как можно судить по дошедшим до нас источникам (сама «смердья грамота» до нас не дошла), увеличивались повинности («урочные работы») смердов преимущественно в пользу землевладельцев, в то время как повинности смердов в пользу князя и города Пскова, наоборот, частично даже перелагались на посадских черных людей. Таким образом, в интересах псковского боярства усиливалась эксплуатация не только псковских крестьян, но и тяглого городского населения. Новая «смердья грамота» была узаконена псковскими посадниками без ведома веча в нарушение Псковской судной грамоты.

Действия псковских бояр и посадников вызвали открытое выступление против них широких слоев псковичей, преимущественно черных людей. Посадники были схвачены и приговорены к смертной казни. Один убит, а троим удалось бежать в Москву. В то же время схвачены были псковичами и представители смердов. Псковичи требуют от Ивана III отмены «смердьей грамоты», но великий князь поддерживает посадников. Пять раз посылали псковичи посольство к Ивану III, но всякий раз получали отказ. Только после пятого посольства, под угрозой открытого вмешательства Ивана III в псковские дела, требования великого князя прекратить «брань» были выполнены. Наступило временное замирение. Но уже в 1486 г. по всей Псковской земле начинаются новые волнения, на этот раз, правда, преимущественно среди псковских смердов. Бояре обвиняют смердов, что те «потаили» какую-то старую грамоту, пытаются усилить «работы» смердов. Смерды, в свою очередь, оказывают решительное сопротивление стремлению боярства усилить феодальную эксплуатацию. Сопротивление смердов было сломлено псковским боярством только с помощью московского правительства, опасавше-

гося, что события в Пскове послужат примером для подобных же антифеодальных выступлений крестьянства и в других землях.

Начало XVI в. знаменуется рядом новых крупных народных волнений. Одной из причин роста антифеодальной борьбы, наряду с социально-экономическими факторами (особенно вызываемыми развитием поместного землевладения), был, в частности, ряд серьезных стихийных бедствий, обрушившихся на русские земли в первой половине XVI в. Так, например, следует отметить страшный мор («зол вельми») 1506—1507 гг. в Новгородской и Псковской землях и «великую засуху» и пожары 1508 г., когда, как указывает летопись, «много городов выгоре, такоже и сел, и лесов, и хлеба, и травы много выгоре».

Большие бедствия претерпела Русская земля в 20—30-х годах. Не успели русские земли оправиться от последствий «великого прихода» на Русь в 1521 г. крымских татар, пожегших, разоривших и пограбивших почти всю южную и юго-западную окраину вплоть до Москвы (разорения были настолько велики, что вызвали массовые волнения в стране: «. . .мятеж учинал по всем городом велик и до Галеча»), как в этом же году вспыхивает новый, на этот раз еще более сильный, чем в 1506—1507 гг., мор в Псковской земле. Во время мора, как указывают летописи, только в самом Пскове «много дворов вымерло и стояли пусты, и в одну скудельницу положили 10 тысящь и полторы тысячи». Прекратился мор только в 1522 г., а уже летом 1525 г. в основных хлеборобных районах Замосковного края снова «бысть засуха велика», «и мгла была велика и дымы великия и день и нощь» и «ярь не взошла». По всей стране, как сообщает летопись, от «засухи хлеба и сена было скудно». Насколько велики были размеры засухи видно и из иностранных источников. «В 1525 г. . .,— пишет пораженный ею Герберштейн,— от чрезмерного солнечного жара почти все посевы были выжжены, и за этой засухой последовала такая дороговизна хлеба, что за стоившие прежде три деньги платили потом 20 или 30, от чрезвычайного жара загорались многие деревни, леса и хлеба».

Наиболее сильно голод 1525—1526 гг. сказался на материальном положении крестьянства и посадских низов. Не случайно в ближайшие после голода годы в стране имел место ряд антифеодальных выступлений. Примером могут служить активизация борьбы черносошных крестьян против монастырской колонизации (о чем свидетельствуют материалы 1527—1528 гг. по Троицко-Болдинскому и Арсениево-Комельскому монастырям), и особенно псковские события 1528 г., когда в связи с розысками, по великокняжескому указу, «живота» (имущества) умершего псковского дьяка М. Мунехина, известного своими хищениями и самоуправством, «бысть в людех (во Пскове — *Авт.*) мятеж велик о его животех».

Неожиданная смерть в 1533 г. Василия III, повлекшая за собой резкое обострение как внешнеполитического, так и внутриполитического положения в стране, послужила толчком для новых «тревол-

нений» в стране. Казанские и крымские «приходы», боярские «замятни», голод, городские пожары, рост владельческих и государственных поборов и особенно все усиливающийся крепостнический курс правительства Елены Глинской приводят к ряду новых серьезных волнений «черных» и «молодших» людей Москвы, Новгорода, Пскова, Твери и ряда других городов. Заметно брожение и в деревне. В стране явно назревает политический кризис.

Начало кризиса было положено «великой замятней» или, как ее обычно принято называть в литературе, мятежом князя Андрея Старицкого 1537 г.

Это не был обычный боярский мятеж. Необычайность его заключалась как в размерах, так и в том, что типично феодальное выступление реакционной титулованной знати во главе с князем Андреем Старицким против правительства Елены Глинской и его «жесткого» политического курса послужило толчком для «великих» волнений по всей стране. Даже в самой Москве события приняли весьма серьезный характер. «Бысть на Москве волнение велико»,— указывает летопись. Имеют место, по-видимому, какие-то брожения среди посадских людей и в Твери в связи с тверскими пожарами 1537 г. В то же время в волнения оказались втянутыми как крестьянство и посадские низы, так и известная часть новгородских детей боярских, т. е. именно те слои господствующего класса, на которые, казалось бы, непосредственно опиралось правительство Елены Глинской. Все это говорит о глубоких социальных корнях событий 1537 г. Не случайно поэтому, что, хотя правительству и удается сравнительно успешно подавить самый мятеж Андрея Старицкого, волнения среди широких народных масс не только не прекращаются, но, наоборот, приобретают в последующие годы все более и более угрожающий характер.

Наибольшего напряжения достигает положение в стране в 1538—1540 гг., в период так называемого боярского правления.

Особенно сильно повлиял на обострение внутриполитической обстановки «великий» приход казанцев на русские земли зимой 1537—1538 гг., как бы открывший собой целую серию татарских набегов на Русь, принесших русским землям страшные разорения. Не менее тяжелы были и городские пожары этих лет, особенно 1538 г. в Новгороде, где сгорело 14 улиц и около 500 дворов, и в Пскове, в котором погорело все Полонище (сгорело 2000 дворов), причем показательно, что характеризуя псковский пожар, летопись прямо указывает, что «сей пожар. . . бысть тяжек вельми от иных пожаров, животам грабежу было много». Это явно говорит о том, что пожары 1538 г. сопровождались острой классовой борьбой и, надо думать, не только в Пскове.

Не меньшие бедствия принес северо-западным районам Руси «вельми тяжелый» 1539—40 г. В это лето, сообщает псковская летопись, «бысть осень дождлива вельми. . . и яровой хлеб на полех и на гоумнех изгнил; а зима была снежна, а весна была студена, и вода велика и через лето, и рожь не родилася, вызебла с весны,

и пожни по обозерью и по рекам поотнялися». «И той зиме (1539—40 г.— *Авт.*) повезоша всякии хлеб во Псков ото всех стран». Голод вызвал «великое смятение» в Пскове среди «простой чади» зимой 1539—40 г. Поводом к этому «смятению» послужил привоз в Псков некими старцами «неведомых» икон, которые «многие невежественные люди поставиша то есть болванное поклонение, и бысть,— как отмечает летопись,— в людех (среди «простой чади»— *Авт.*) молва велика и сметение».

Нельзя не поставить в связь с отмеченными событиями и указания губных грамот 1539 г. о том, что в это время в «волостях многие села и деревни розбойники розбивают, и животы... грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, а убивают многих людей до смерти; а иные многие люди... в волостях розбойников у собя держат, а к иным людем розбойники с розбоем приезжают и розбойную рухлядь к ним привозят». Несомненно, в губных грамотах речь шла не столько об обычных разбойниках, которых вряд ли местное население стало держать у себя, а о движениях крестьянских и холопских, которые нередко обозначаются в правительственных грамотах того времени именно как «разбои». Псковская летопись прямо указывает на вымогательства наместников, пожары и голод («хлеб тогда был дорог»), как на основные причины проведения губной реформы в целях борьбы с «разбойниками» и «лихими людьми», подчеркивая тем самым, что рост разбоев был непосредственно связан с теми «великими сметениями», которые происходят в это время в стране.

Итак, создавшееся в конце 30-х годов после «великой замятни» Андрея Старицкого, положение в стране нельзя охарактеризовать иначе как политическим кризисом, нашедшим свое выражение в выступлении против центрального правительства, хотя и с различных позиций, в известной мере, почти всех слоев общества, начиная от крестьянства и посадских людей, борющихся против роста эксплуатации и закрепощения, кончая значительной частью самого господствующего класса в лице преимущественно боярства, недовольного самодержавной политикой Василия III и Елены Глинской. Что же касается борьбы боярских группировок за власть, развернувшейся после смерти Елены Глинской, то она лишь еще больше осложнила внутриполитическое положение в стране. Боярские распри, самоуправство, произвол не только ложились новым бременем на плечи трудящихся масс, вызывая по всей стране «разору» и «треволнения», но и затрудняли возможность мобилизации центральным правительством широких слоев господствующего класса и, в первую очередь, дворянства на борьбу с антифеодальными выступлениями крестьянства и посадских людей.

И действительно, после некоторого затишья, которое казалось бы наступило в стране в 1541 г., когда, как утверждает псковский летописец, в результате губной реформы «бысть крестьяном радость и льгота велика» в отношении злоупотреблений и произвола со стороны бояр-кормленщиков, уже в 1542 г. положение снова обо-

стряется. Как и в 1537 г. во время «великих волнений», вызванных мятежом Андрея Старицкого, непосредственным толчком для нового обострения классовой борьбы в стране послужила очередная «боярская замятня», а именно — выступление в январе 1542 г. Шуйских и их «советников» против находившегося в это время у власти правительства Бельских. «И бысть,—как отмечает летопись,— мятеж велик в то время на Москве». В частности, серьезные волнения были среди московских посадских людей.

Весьма напряженным оставалось положение в стране и в последующие годы. Одной из причин этого был голод 1543—1544 гг.— «бысть дорог хлеб по всем градом». Особенно тяжело сказался голод на положении крестьянства и посадских людей. «Бысть в то время крестьяном притужено вельми»,— указывает летопись. В наиболее тяжелом положении находились Новгородская и Псковская земли, в последней в 1544 г. вообще «хлеба не стало» и «повезоша рожь. . . из иных мест».

Вызванное голодом обострение классовой борьбы в стране нашло свое отражение как в «великом» «смятении» 1543—1544 гг. среди псковского духовенства в связи с расколом из-за «корму» «меж игуменов и попов и дьяконов сельских и псковских» (в движении нашла свое отражение борьба крестьянства, интересы которого в известной мере отражало сельское духовенство, против растущей эксплуатации его церковной иерархией и поддерживающей последнюю великокняжеской администрацией), так и особенно — в волнениях псковских городских низов 1544 г.— «промеж себя брань была велика во Пскове бо́льшим людем и меньшим». Вряд ли было спокойно в эти годы и по другим городам. Во всяком случае, факт вооруженного выступления в 1546 г. находящихся в Москве новгородских пищальников (представлявших посадских людей Новгородской земли) против самого великого князя во время его поездки в Коломну, а также восстание черных людей Москвы во время пожара 1547 г. говорят о том, что последствия общего политического кризиса конца 30 — начала 40-х годов были настолько серьезны, что ликвидация их затянулась почти на целое десятилетие.

Таковы события классовой борьбы крестьянских и посадских низов против феодалов в конце XV — первой половине XVI вв. Развитие классовой борьбы не только оказывало непосредственное влияние, но и в конечном счете непосредственно определяло самый ход политического развития Русского государства.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Великокняжеская власть при Иване III

Успехи, достигнутые при Иване III в деле объединения русских земель под властью Москвы, не только подготовили условия для окончательной ликвидации феодальной раздробленности, но и способствовали усилению великокняжеской власти, в которой все явственнее проступают тенденции к установлению самодержавия.

Классовой опорой развивающегося самодержавного строя, как наиболее полной в условиях того времени формы политической централизации, было московское и провинциальное дворянство, нуждавшееся в сильной великокняжеской власти для удержания власти помещика над крепостным крестьянством. Выступали, хотя и с иных позиций, в поддержку сильной великокняжеской власти и посадские люди, заинтересованные в ликвидации тормозящих развитие торговли и ремесла остатков феодальной раздробленности. Что же касается боярства в широком смысле слова, то его отношение к усилению великокняжеской власти было преимущественно отрицательным. Крупное титулованное боярство, представлявшее в своем лице потомков бывших удельных князей, заинтересованное в максимальном сохранении своих родовых земельных владений и политических прав и претендующее в силу этого на «особое» привилегированное положение в государстве, в своем большинстве решительно выступало против усиления великокняжеской власти, за «старину» и «удельные порядки». Позиция же старомосковского нетитулованного боярства, уже давно связавшего свои интересы с инресами московских великих князей, а также мелких «служебных князей», материальное благосостояние которых в рассматриваемый период, как правило, базировалось уже не на родовых, а на служилых вотчинах и поместьях, была двойственна и противоречива. Эти слои боярства, с одной стороны, поддерживали великокняжескую власть, видя в ней не только основную опору своего экономического и социального благополучия, но и защиту от посягательств крупной титулованной знати, значительная часть земельных владений которой перешла в их руки (в качестве служилых вотчин и поместий), с другой, стремились закрепить именно свой политический вес в управлении государством. В целом же боярство, разъедаемое внутренними противоречиями, начинало утрачивать свое былое политическое значение в управлении государством.

Уже в первые годы своего правления Иван III проявляет большую нетерпимость к своим политическим противникам. Попытки бояр идти «на встречу» великому князю нередко вызывали с его стороны опалы и казни. В отношении своих младших братьев Иван III держится весьма самовластно, постоянно подчеркивая, что он над ними «господин и брат старейшей».

В 1467 г. умирает первая жена Ивана III, тверская княжна Мария Борисовна. Единственного сына от этого брака, Ивана Ивановича Молодого Иван III объявляет великим князем и приказывает писать его имя наряду со своим (в качестве соправителя) во всех правительственных документах. Этот акт имел большое политическое значение, так как еще раз подчеркивал наследственность великокняжеской власти, устраняя тем самым возможность каких-либо претензий со стороны младших братьев на занятие великокняжеского стола.

Стал вопрос о вторичной женитьбе Ивана III. Выбор пал на дочь брата последнего византийского императора Софию (Зою) Па-

леолог, проживавшую вместе с семьей после завоевания турками Византийской империи в Риме. Предложение об этом браке исходило из Рима. Папские дипломаты рассчитывали усилить влияние католической церкви в русских землях. Иван III охотно принял предложение, так как родственные связи с наследницей византийского императорского дома делали его в известном смысле преемником власти византийских императоров. Что же касается притязаний папства, то после того как София Палеолог была привезена в Москву и стала великой княгиней Софией Фоминичной, они были полностью отклонены Иваном III. В то же время сам Иван III использует свои новые родственные связи весьма успешно. Он именует себя теперь в официальных документах, особенно дипломатических, не только «государем всея Руси», но иногда и прямо «царем», что по русским представлениям того времени соответствовало титулу «император». Был принят Иваном III и новый государственный герб в виде двуглавого орла наподобие герба Византийской империи. Изменяется и сам облик великокняжеского двора: вводятся, по византийскому образцу, сложный и торжественный церемониал, выходы, приемы и т. д. Внешними атрибутами, как бы подчеркивающими связь Московских великих князей с византийским императорским двором, явились введенные Иваном III новые великокняжеские одежды: «бармы» (оплечья) и «шапка Мономаха», полученная будто бы последним от императора Константина (в действительности — работа среднеазиатских ремесленников XIV в.).

С неудовольствием встречала титулованная знать эти нововведения Ивана III. Многие считали виновницей их Софию Палеолог. «Какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла»,— говорили о ней бояре.[1] Внутренние заговоры и брожения среди боярства продолжались весь период правления Ивана III. Особенно обостренной была политическая обстановка в конце 70 — начале 80-х годов в связи с борьбой за Новгород и открытым выступлением в 1480 г. против Ивана III его братьев Андрея Большого и Бориса. В это же время против Ивана III, вернее его политического курса, выступает и значительная часть высшего духовенства во главе с митрополитом Геронтием, которая видела в усилении великокняжеской власти возможную угрозу крупному церковному и монастырскому землевладению. Развернувшаяся политическая борьба, принявшая особенно острый характер летом и осенью 1480 г., во время похода на русские земли хана Ахмата, заставила Ивана III, как уже отмечалось, пойти на известный компромисс. Иван III заверил митрополита Геронтия и вдовствующую княгиню-мать, что удовлетворит требования братьев, которые настаивали, чтобы он как великий князь строго соблюдал духовную Василия II: «по отца своего приказу и по духовной отца своего их бы держал и жаловал». Примирение Ивана III с братьями, казалось бы, состоялось. Но выполнять

---

[1] Под «нестроением» бояре понимали общее ослабление мощи боярства, постепенную утрату им былых политических привилегий.

свои обязательства перед братьями Иван III отнюдь не собирался. В скором времени Иван III вынуждает братьев подписать новый договор, еще более ограничивающий их права.

Политическая борьба этих лет нашла свое отражение и в обострении идеологической борьбы. В 80-х годах в Новгороде возникла ересь «жидовствующих». Сторонники ереси выступали против основных догм и организации православной церкви. Ересь получила распространение и в Москве, преимущественно среди боярства. Даже при дворе Ивана III образовался своеобразный кружок еретиков, в который входили известный политический деятель и дипломат дьяк Федор Курицын, сноха Ивана III Елена Стефановна (жена Ивана Ивановича Молодого) и ряд других лиц. Был связан с еретиками и митрополит Зосима, сменивший в 1484 г. митрополита Геронтия. По-видимому, покровительственно относился к еретикам первоначально и сам Иван III, видя в их борьбе против монашества известное идеологическое обоснование своих ограничительных мероприятий против церковного землевладения.

Эта идеологическая борьба, особенно обострившаяся в 90-х годах, была связана и с борьбой династической. В 1490 г. умирает сын Ивана III Иван Иванович Молодой, оставив сына Дмитрия. Поскольку сам Иван III объявил Ивана Ивановича Молодого своим соправителем и великим князем, Дмитрий, казалось бы, имел все основания считать себя законным наследником «великокняжеского стола». В то же время от второй жены Софии Палеолог у Ивана III был сын Василий, который тоже был естественным претендентом на великое княжение. Образовалось две партии. Во главе одной стояла мать Дмитрия Елена Стефановна, связанная с еретиками, во главе другой — София Палеолог, приверженцы которой состояли в основном из активных противников новгородской ереси. По своему социальному и политическому положению сторонники Дмитрия принадлежали в большинстве к крупной титулованной знати. Сторонниками же Василия III, наоборот, были преимущественно менее родовитые бояре, дьяки и дети боярские. В 1497 г. борьба приняла открытый характер. Узнав, что Иван III решил официально признать наследником Дмитрия, сторонники Василия подговаривают его «отъехать» от отца, захватить Белоозеро и Вологду и убить Дмитрия. Заговор был раскрыт. Заговорщики были казнены, а сам Василий и София Палеолог подвергнуты опале. В 1498 г. состоялось торжественное венчание на великое княжение Дмитрия.

Но события 1497 г. не исчерпывались только династической борьбой. Они были гораздо глубже, о чем говорит хотя бы участие на стороне Василия III представителей дворянства. Ведь не случайно, как раз в 1497 г., незадолго до заговора, состоялось принятие нового великокняжеского Судебника, сделавшего серьезный шаг в сторону укрепления социальных и политических основ Русского централизованного государства.

Что же касается династического вопроса, то в дальнейшем отношение Ивана III к Дмитрию изменилось. Это было вызвано тем,

что многие из наиболее активных сторонников Дмитрия, принадлежавшие к числу крупного титулованного боярства, были весьма оппозиционно настроены в отношении самодержавной политики Ивана III. Оказало влияние и изменение в это время отношения Ивана III к вопросу о секуляризации церковных земель. В 1499 г. Иван III снова приближает к себе Василия III, назначив его великим князем Новгорода и Пскова, а вскоре затем (в 1502 г.) вообще накладывает опалу на Дмитрия и его мать и назначает наследником всего великого княжения Василия — «даша ему великое княжение под собою». В 1505 г. Иван III умирает. По духовной, составленной Иваном III перед смертью, Василий III унаследовал от отца не только титул «великого князя и государя всея Руси», но реальную власть над всеми русскими землями. Еще при жизни Иван III заставил младших братьев Василия признать его «старшинство» над собой, а старшего из них — Юрия даже заключить с Василием специальный договор о том, что в случае смерти Василия он признает великим князем того из его сыновей, кого тот «благословит» на великое княжение. Что же касается земельных владений Василия, то они намного превосходили владения его братьев. Василий получил по духовной 66 городов (в то время как остальные четыре брата вместе лишь 30 городов), право на выморочные уделы, а также право чеканки своей монеты на всей территории Русского государства.

Присоединение Пскова и Рязанского княжества.

В основе политики Василия III было продолжение курса Ивана III как по завершению объединения русских земель в единое национальное государство, так и укреплению самих социальных и политических основ этого государства.

Остатками былой независимости к моменту вступления на престол Василия III пользовались только Псков и Рязанское княжество. Они считались еще самостоятельными землями, но на практике в значительной степени зависели от Москвы. Василий III решил покончить и с этой весьма ограниченной политической автономией.

В 1510 г. произошло крупное столкновение между псковичами и находящимся в Пскове великокняжеским наместником князем Репниным-Оболенским. Псковичи направили к Василию III, который находился в это время в Новгороде, специальное посольство, которое должно было бить челом великому князю о злоупотреблениях и самоуправстве псковских наместников. Но вместо разбора жалоб псковичей Василий III неожиданно арестовал посольство, а сам послал в Псков своего дьяка Третьяка Долматова, которому приказал объявить на псковском вече, чтобы псковичи «две воли мои изволили, ино бы у вас вечье не было, да и колокол бы есте сняли долой вечной, а здеся бы быти двем наместником». Требования Василия III по существу означали полную ликвидацию «псковской старины». В городе началось смятение, особенно возмущены были великокняжескими требованиями псковские бояре, но все же про-

тивиться воле Василия III Псков не решился. Требования были приняты. А через некоторое время в Псков прибыл и сам Василий III.

По его повелению в городе были произведены массовые аресты и конфискация имущества псковских бояр и именитого купечества. 300 псковских бояр с семьями были «выведены» в Москву. Было полностью реорганизовано управление Псковом. «Переменив обычай псковский» и «старину порушив», как указывает псковская летопись, Василий III «уставил свои обычаи» в Псковской земле. Для поддержания порядка в Пскове был испомещен специальный гарнизон, состоящий из 1000 «казенных» пищальников и воротников (городских воротных стражников), присланных из Москвы. Кроме этого, в городе было временно оставлено 1000 московских детей боярских и 500 новгородских. После приведения псковичей к крестному целованию Василий III отбыл в Москву, послав вперед себя гонца: «Москве всей здоровати, что князь великий Псков взял». Псковские дела были закончены.

Столь быстрое и мирное присоединение Пскова (в отличие от Новгорода) объяснялось тесными экономическими связями Пскова с Москвой, особенно усилившимися после присоединения к Москве новгородских земель, а также слабостью псковского боярства, которое, в отличие от новгородских бояр, не только не могло реально противостоять великокняжеской власти, но и с трудом обеспечивало свое господство над псковскими низами. Что же касается широких слоев торгово-ремесленного населения Пскова, то оно, как и в Новгороде, было в своем большинстве сторонниками присоединения Пскова к Москве.

С Рязанью, уже давно находившейся в зависимости от Москвы, все обошлось еще проще. Правда, вокруг бывшего московского «воспитанника» рязанского князя Ивана Ивановича образовалась в начале XVI в. оппозиционная Москве боярская группировка, но реальной силы она не имела. Москва зорко следила за «порядком» в Рязани, а великокняжеские войска, находившиеся на южных рубежах, всегда были готовы привести рязанского князя к должному повиновению. И действительно, когда в Москве узнали, что Иван Иванович вошел в сношения с крымским ханом, то его просто вызвали (а вернее выслали) в 1520 г. в Москву и посадили под стражу. Правда, во время нападения в 1521 г. на русские земли крымского хана Мухаммед-Гирея Ивану Ивановичу удалось бежать из Москвы и поднять при помощи крымцев восстание в Рязани, но восстание было сразу же подавлено великокняжескими войсками, а сам Иван Иванович был вынужден искать спасения в Литве. Самостоятельность Рязанского княжества была окончательно уничтожена.

С окончательной ликвидацией независимости Пскова и Рязанского княжества объединение русских (великорусских) земель в рамках единого национального государства по существу было закончено.

Усиление Русского государства при Василии III

Продолжает Василий III политику отца и в укреплении великокняжеской власти. По словам современников, Василий III был еще более нетерпим к своим политическим противникам, чем Иван III. Если тот еще выслушивал от своих бояр, как признавал даже сам Иван Грозный, «многая поносная и укоризная словеса», то Василий III никакой «встречи» не терпел. По меткому выражению одного из его политических противников И. Н. Берсеня-Беклемишева, он все дела решал только с несколькими близкими людьми «сам третей у постели». По мнению же весьма наблюдательного Герберштейна, Василий III превосходил властью всех монархов в мире.

Первые годы своего правления Василий III в основном опирался на те слои московского боярства, которые преимущественно примыкали к партии нестяжателей, т. е. были сторонниками секуляризации церковных земель. Состав сторонников нестяжателей был весьма неоднороден. Сюда входили как представители крупного титулованного боярства, так и представители старомосковских боярских и служилых родов, считавших, что земельный вопрос, особенно остро стоявший перед московским правительством в конце XV — начале XVI вв. в связи с развитием поместного землевладения, должен решаться не за счет ограничения крупного боярского землевладения, а за счет конфискации значительной части монастырских и церковных земель. Этой же точки зрения, по-видимому, придерживался первоначально и сам Василий III.

Симпатии Василия III к нестяжателям нашли свое выражение в том, что в 1511 г. «оставил митрополию» сторонник иосифлян митрополит Симон. Преемником его становится весьма близкий к нестяжателям митрополит Варлаам. В то же время Василий III приближает к себе и инока Вассиана (князя Василия Патрикеева), одного из видных идеологов нестяжателей. Сочувственно относились к нестяжателям, видимо, и родственники жены Василия III, великой княгини Соломонии, Сабуровы, игравшие первостепенную роль в московском правительстве этого периода.

События 20-х годов резко изменили политические симпатии Василия III. Дело в том, что как раз к началу 20-х годов в связи с резким ухудшением отношений Руси с Крымом и Литвой внутри страны снова поднимает голову княжеско-боярская оппозиция. В Рязанском и в Новгород-Северском княжествах готовятся, с расчетом на поддержку из Крыма и Литвы, открытые выступления против Москвы. Обостряются отношения Василия III и с братьями. С рязанскими делами Василий III успел успешно управиться, как мы видели, еще до «великого» прихода на русские земли в 1521 г. Мухаммед-Гирея, что же касается второго заговора — князей Василия Ивановича Новгород-Северского (Шемячича) и Василия Семеновича Стародубского, потомков давних врагов Василия Темного, перешедших в конце княжения Ивана III под русскую власть, то с ним было покончено лишь в 1522 г. Новгород-Северский удел

был ликвидирован (участь Стародубского удела была решена ранее), а сам «Шемячич поиман бысть». Был принят Василием III ряд мер и для «умирения» братьев, хотя до открытого конфликта с ними дело не дошло.

События начала 20-х годов не только способствовали резкому обострению классовой борьбы в стране, но и чрезвычайно обострили политическую обстановку в самой Москве. В 1522 г. Василий III наложил опалу на ряд крупнейших бояр, в том числе на князей В. В. Шуйского и И. М. Воротынского, а вслед затем был вынужден оставить митрополию и митрополит Варлаам, имевший, по-видимому, какие-то связи с заговором Шемячича. Новым митрополитом был назначен иосифлянин Даниил. Изменяется состав и ближайшего окружения Василия III. Роль Сабуровых и их сторонников, занявших явно примиренческую позицию в борьбе с боярской изменой, резко падает. В 1525 г. «тягости ради и болезни и бездетства» Василий III насильно постриг в монахини свою первую жену Соломонию Сабурову и в том же году женился на племяннице литовского выходца князя Льва Глинского — Елене Глинской. Развод Василия вызвал «великую» смуту среди боярства, видевшего в столь решительных и самовольных действиях великого князя явную «поруху» «старины» и «обычая». Особенно недовольны были разводом нестяжатели.

Как видно из дела Берсеня-Беклемишева (1525 г.), говорившего о великом князе «обидные речи», а также по опале и соборному суду над идеологами нестяжательства Максимом Греком (в 1525 г. и вторично в 1531 г.) и Вассианом Патрикеевым (в 1531 г.), смута охватила очень широкий круг лиц. Расправлялся же со своими противниками Василий III чрезвычайно круто. Казни, опалы, ссылки следуют одна за другой. Особенно тяжелым бременем ложилась эта борьба в верхах на плечи трудящихся масс, в равной степени страдавших как от «боярских замятень», так и от произвола и самоуправств со стороны великокняжеской администрации. Даже дворянство, особенно провинциальное, ждало от Василия III «полегчаний». В то же время Василий III пытается добиться полной независимости в своих действиях путем противопоставления друг другу различных боярских группировок, в частности, западно-литовского боярства, в лице Глинских и Бельских, Шуйским как представителям наиболее родовитого русского «княжья», потомкам князей Суздальских. Резко изменяет Василий III и свое прежнее отношение к церковному землевладению, рассчитывая тем самым заручиться поддержкой церкви в борьбе с феодальной оппозицией. Еще более интенсивно, чем в предшествующие годы, проводит Василий III и раздачу великокняжеских земель в поместья, а также «выводы» и конфискацию земель опальных бояр. Но, в конечном счете, в условиях общего обострения классовой борьбы, все эти мероприятия лишь обостряли положение в стране.

Новые ссоры с братьями, особенно с князем Юрием, пытавшимся переманить от великого князя его бояр — А. М. и И. М.

Шуйских, скрытое, но явно нарастающее недовольство широких слоев боярства (да и не только боярства) внутренней политикой Василия III продолжаются вплоть до его смерти. Василий III умер неожиданно осенью 1533 г. Особенно волновал его перед смертью вопрос о судьбе престола. Поскольку его сыновья Иван и Юрий были еще малолетними (старшему Ивану было всего три года), Василий III объявляет правительницей Елену Глинскую и создает на время малолетства Ивана регентский совет из наиболее доверенных лиц. В то же время Василий III заставляет своих братьев Юрия и Андрея дать крестоцеловальную запись в верности своим малолетним племянникам. Но непрочны, как показала жизнь, оказались эти охранительные меры Василия III.

Правление Елены Глинской

Несмотря на крестоцеловальную запись, князь Юрий сразу же после смерти Василия III выступил против малолетнего племянника, надеясь добиться перехода великого княжения в свои руки. Только благодаря решительным действиям московского правительства замыслы Юрия были вовремя пресечены. Князь Юрий был арестован и умер в заточении.

Не все было благополучно и в самом регентском совете. В августе 1534 г. был раскрыт заговор Михаила Глинского, стремившегося захватить власть в правительстве. В заговоре был замешан ряд членов регентского совета. Этим воспользовалась Елена Глинская (а вернее, ее ближайшие сторонники) для упразднения вообще регентского совета. Похоже, что активную поддержку в этом Елене Глинской оказали и Шуйские, явно опасавшиеся засилья в правительстве Глинских и Бельских. Власть переходит непосредственно к Елене Глинской, в руки сравнительно небольшой группы наиболее доверенных бояр, среди которых главную роль играет ее фаворит, боярин и конюший, князь И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский, а также дворецкий, князь И. И. Кубенский.

Правительству Елены Глинской, состоявшему из сторонников продолжения политики Василия III, приходится действовать в обстановке как резкого обострения внешнеполитического положения Руси (татарские набеги, угроза новой войны с Литвой), так и усиления классовой борьбы в стране.

Для улучшения внутреннего и внешнеполитического положения правительство Елены Глинской проводит ряд чрезвычайных мероприятий — укрепление армии, массовое строительство новых и реорганизация старых крепостей. Был принят ряд мер для пополнения великокняжеской казны. Важное значение имела денежная реформа 1535 г., по которой «отставиша торговати старыми деньгами» (в них было много «обрезанных денег и подмесу») и «начаша торговати деньгами новыми, копейками». Реформа унифицировала чеканку монеты и установила единую монетную систему для всех русских городов. Одновременно проводится ряд мероприятий и в области податного обложения, в частности, по переводу отдельных натуральных

государственных повинностей и оброков на деньги и ограничению феодального податного иммунитета. Все эти мероприятия должны были укрепить как политическое, так и экономическое положение правительства. Но должных результатов они не дали. Положение правительства Елены Глинской, несмотря на все его попытки продолжать политический курс Василия III, становится все более и более трудным. Усиливается не только оппозиция к нему среди широких слоев боярства, но также и явное недовольство (хотя и с иных позиций) его политикой и в известной части дворянства. Назревает политический кризис.

В 1537 г. вспыхивает «великий мятеж» Андрея Старицкого, предъявившего, как и князь Юрий в 1533 г., свои претензии на «великое княжение». Андрей «отъехал» в Новгород и пытался начать открытую борьбу с Москвой, но был разбит посланной против него московской ратью во главе с Овчиной-Телепневым. Лишенный военной поддержки, он был заманен в Москву, арестован и «уморен» в тюрьме «шляпой железной». Как мы уже отмечали, «замятня» Андрея Старицкого всколыхнула всю страну. Попытки правительства Елены Глинской массовыми казнями и репрессиями (как раз в этот период было, видимо, принято и правительственное решение о проведении губной реформы) справиться с вызванными мятежом волнениями в стране не дали должных результатов. Реакционные слои боярства явно не хотели усиления правительства Елены Глинской. В апреле 1538 г. Елена Глинская неожиданно умирает, видимо, отравленная боярами. А через несколько дней Шуйскими и их сторонниками был схвачен и уморен голодом в тюрьме И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский.

«Боярское правление»

После упорной политической борьбы, которая длилась почти весь 1538 г., между сторонниками и противниками правительства Елены Глинской, власть переходит в руки крупного именитого боярства в лице боярских группировок Шуйских и Бельских. Активную роль играют в событиях этого периода и представители старомосковского боярства, хотя и не имевших своей особой группировки, но зато, в отличие от титулованного боярства, значительно более тесно связанных с широкими слоями московского дворянства. На стороне этих бояр был и приказной аппарат (дворецкие, казначеи, дьяки), игравший весьма важную роль в московском правительстве. Этот аппарат был сформирован из сторонников политики Василия III и претерпел незначительное изменение в годы так называемого боярского правления.

Первоначально в правительстве было известное равновесие между Шуйскими и Бельскими. Но уже осенью 1538 г. Шуйским и их сторонникам удается арестовать князя И. Ф. Бельского и добиться включения в состав правительства своих сторонников. Митрополит Даниил, активно поддерживавший сторонников политического курса Василия III, был «сведен» в феврале 1539 г. с кафедры,

а на его место поставлен Иоасаф Скрыпицын. Но «засилье» Шуйских продолжалось недолго. Уже в июле 1540 г. противникам Шуйских, среди которых на этот раз наиболее активно действовал дворецкий великого князя И. И. Кубенский (в событиях 1538 г., наоборот, поддерживавший Шуйских), удается при поддержке митрополита Иоасафа освободить И. Ф. Бельского. Лидер боярской группировки Шуйских князь И. И. Шуйский якобы для «казанского бережения» высылается из Москвы во Владимир. Основные посты в правительстве занимают сторонники Бельских, среди которых мы находим таких видных представителей старомосковского боярства, как Морозовы и Воронцовы. Но в целом в правительстве Шуйских, как и в правительстве Бельских, преобладали сторонники боярской аристократии, которые были заинтересованы в ослаблении великокняжеской власти. Бояре расхищали государственную казну, производили самовольное распределение земель, расширяли свои политические права как землевладельцев. В то же время страх перед антифеодальными выступлениями крестьянства и посадских низов заставлял боярскую олигархию, независимо от того будь то Бельские или Шуйские, идти на известное удовлетворение и интересов широких слоев дворянства, как, например, в отношении губной реформы, завершенной именно в годы боярского правления.

В начале 1542 г. Шуйским удается, используя недовольство Бельскими, поднять против них «великий мятеж», в котором приняли участие новгородские и владимирские дети боярские, и добиться свержения их правительства. Бельские попали «в опалу», а митрополит Иоасаф — «сведен» с митрополии. На его место был поставлен новгородский архиепископ Макарий. Но события 1542 г. хотя, казалось бы, и возвратили власть Шуйским, в то же время способствовали поражению реакционного боярства в целом. Дело в том, что широкие слои дворян и детей боярских, недовольство которых правительственной политикой использовали Шуйские, отнюдь не были заинтересованы в усилении боярской олигархии. Наоборот, они страдали от притеснений именно этой олигархии и уже в силу этого были ее прямыми противниками. Не поддержали Шуйских и верхи московского духовенства, особенно митрополит Макарий, убежденный иосифлянин и активный сторонник усиления великокняжеской власти. Возможность покушения реакционного боярства на церковное землевладение вызывала со стороны церковной иерархии настороженность в отношении как Бельских, так и Шуйских. Не случайно поэтому уже в конце 1543 г., по совету наиболее близких тринадцатилетнему Ивану IV бояр, лидер боярской группировки Шуйских князь А. М. Шуйский, особенно прославившийся своим «бесчинством и самоуправством», был по приказанию великого князя схвачен и отдан псарям, которые «взяша и убиша его».

Свержение Шуйских, правда, еще не означало окончательной ликвидации боярского правления. Но все же, начиная с 1543 г., в московском правительстве усиливается влияние защитников сильной

великокняжеской власти. И несмотря на то, что великокняжеские «дядья» князья Глинские пытаются в 1544—1547 гг. играть такую же роль в правительстве, какую до них играли Бельские и Шуйские, реальная власть все в большей и большей степени сосредоточивается в руках сторонников продолжения политики Василия III, а именно — в руках тех слоев старомосковского боярства, которые группируются вокруг Захарьиных. Московское восстание 1547 г. и вызванные им политические перемены в правящих кругах положили конец «боярскому правлению».

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ.

Центральное управление

На Руси XIV—XV вв. князь-вотчинник (независимо от того, являлся ли он великим или удельным князем) был, по представлениям того времени, не только правителем, но и владельцем своего княжества. Отсюда и специфические особенности управления этого периода — тесное переплетение дворцового хозяйства с общим управлением, «смешение» вотчинной и политической власти.

Средоточением управления был княжеский дворец, состоявший из административных ведомств хозяйственного происхождения. Крупнейшими из них были ведомства дворского, казначея, конюшего и оружейничего. Дворский ведал княжескими дворами и принадлежащими им имениями, а также «двором» князя — его дворовыми слугами или, как их обычно именуют источники, «слугами под дворским». Казначей — княжеской казной, а также сбором натуральных и денежных налогов. Дворцовые лошади, конюхи и луга составляли ведомство конюшего, изготовление и хранение оружия — ведомство оружейничего. Наряду с этим существовали при княжеском дворе и многочисленные мелкие ведомства, возглавляемые княжескими стольниками, постельничими, ловчими, стряпчими и другими придворными чинами. Управители главных дворцовых ведомств обычно именуются в источниках XIV—XV вв. «введенными боярами». Из них состояла и «княжеская дума» этого периода, совет бояр при князе. Дума не была постоянным органом и созывалась князьями лишь по мере надобности. При решении наиболее важных политических вопросов, как вопросы о войне и мире, о духовном завещании князя, об устройстве судьбы отдельных членов княжеской семьи и т. п., в боярских совещаниях обычно участвовали и представители высшего духовенства.

Эта система центрального управления существовала и при дворе московских великих князей. Но уже с середины XV в., по мере завершения политического объединения русских земель вокруг Москвы и усиления великокняжеской власти, эта система управления претерпевает ряд коренных изменений. Начинается постепенная перестройка старых органов великокняжеского управления применительно к социально-экономическим и политическим потребностям складывающегося Русского централизованного государства.

Решающее значение в этой перестройке имела борьба поднимавшегося дворянства против политических привилегий боярства.

Одной из основных тенденций этой перестройки было расширение и бюрократизация центрального аппарата, его подчинение интересам растущего самодержавия. Это находит свое выражение как в образовании приказной системы (приказов), так и в реорганизации Боярской думы, ее превращении в постоянный верховный совет при великом князе со строго определенным (назначаемым великим князем) составом.

Приказы, как определенные правительственные учреждения, зародились в недрах княжеского дворца. В XIV—XV вв., как уже отмечалось, те или иные отрасли дворцового хозяйства «приказывались» в качестве временных поручителей княжеским боярам или иным княжеским слугам. Позднее, с конца XV в., эти единоличные поручения постепенно начинают превращаться уже в постоянные присутственные места (учреждения), получившие в XVI в. название приказов. Образование приказов протекало первоначально без какого-либо определенного плана. Приказы возникали по мере надобности в силу практических потребностей в создании в той или иной отрасли дворцового ведомства постоянного органа управления, имеющего свою канцелярию и свой приказной аппарат (дьяков и подьячих).

Уже при Иване III заметно усиление в системе центрального управления трех ведомств: ведомства дворецкого великого князя, казначея и конюшего. Усиление роли боярина и дворецкого, как стал называться при Василии Темном великокняжеский московский дворский, в отличие от подведомственных ему дворских («тиунов дворских»), сидящих по иным городам, было вызвано необходимостью централизации учета и контроля за великокняжеским земельным фондом (включавшим в себя как непосредственно дворцовые, так и черные, оброчные и поместные земли, а также города), размеры которого резко возросли в 60—80-х годах XV в. в связи с окончательным объединением основных русских земель под властью Московских великих князей. Одновременно дворецкие как бы сосредоточивают в своих руках и общий контроль (включая и судебный) над всем местным управлением в целом. Выдача уставных, земских и иных жалованных грамот на места как правило, оформляется именно через них. При Иване III московский дворецкий получает титул «большого», а возглавляемое им ведомство превращается в приказ Большого дворца. Время образования приказа Большого дворца неизвестно. Термин «дворцовая изба» упоминается в источниках уже в 1501 г., дворцовые же дьяки еще в конце XV в. Наряду с приказом Большого дворца Иван III, как и позднее Василий III, учреждают специальные дворцовые приказы по управлению наиболее крупными бывшими удельными территориями. При Иване III были созданы Новгородский и Тверской дворцы, при Василии III — Рязанский (после 1520 г.), при Елене Глинской — Дмитровский (после смерти в

тюрьме князя Юрия Ивановича). Роль объединяющего центра в деятельности этих территориальных дворцов играет Большой дворец.

Наряду с Большим дворцом усиливается в центральном управлении и значение ведомства казначеев, ведающего не только великокняжеской казной, но и игравшего роль главной дворцовой канцелярии и архива. Казначеи (обычно их было два) ведали учетом, хранением и распределением денежных и иных государственных запасов, осуществляли общий контроль за сбором прямых и косвенных налогов, производили раздачу «государева жалования», распределяли (совместно с разрядными дьяками) кормления, выдавали «корм» послам и надзирали за «ямским делом» (государевой службой связи). Вели казначеи учет и всем великокняжеским холопам, а позднее «казенным людям» (государевым ратным и служащим людям, находившимся на содержании казны). Наконец, к ведомству казначеев принадлежал и печатник великого князя — хранитель «государевой печати».

В своей практической деятельности ведомство казначеев и ведомство дворецкого Большого дворца были не только самым тесным образом связаны между собой, но и непосредственно дополняли одно другое, даже дьяки, обслуживавшие Дворец и казну, были первоначально (во всяком случае при Иване III и Василии III) одни и те же. Подобное совмещение функций в одном лице характерно, правда, не только для указанных ведомств, а вообще для всей московской приказной системы в период ее становления.

Расширение ведомства казначеев приводит к постепенному выделению из него новых (сперва временных, а потом постоянных) приказов. Одним из первых выделился из казны Ямской приказ. Специальные подведомственные казначеям ямские дьяки упоминаются в источниках еще в 90-х годах XV в., примерно во второй четверти XVI в. образуется, видимо, и сам Ямской приказ. В середине XVI в. на базе казны образуется Большой приход, приказ ведающий сбором основных прямых налогов, Чети и ряд других приказов.[1]

Большую роль играет в системе управления того времени и ведомство великокняжеского конюшего, значение которого особенно усиливается при Иване III. Боярин-конюший обычно считался среди великокняжеских бояр «честию первый». Столь важное значение должности конюшего и конюшего ведомства объяснялось тесной их связью с организацией конных дворовых войск, иначе говоря великокняжеской дворянской конницы. По-видимому именно через ведомство конюшего великокняжеская власть первоначально осуществляла общий контроль за формированием и материальным обеспечением дворянского поместного ополчения. Как и Большой дворец

---

[1] Общую характеристику реорганизации центральной приказной системы в середине XVI в. см. в главе II.

и казна, конюшие еще в 90-х годах XV в. имели своих дьяков. К этому же времени относится и появление специальных поместных дьяков, распоряжавшихся испомещением служилых людей. Похоже, что поместные дьяки находились в конце XV — первой половине XVI вв. как бы под двойным контролем: дворецкого и конюшего.

Общие политические перемены, происшедшие при Иване III в московских правящих кругах (ограничение власти боярства, рост значения дворянства, развитие самодержавия и т. д.), оказали решающее влияние и на место в центральном управлении Боярской думы. Из временного (созываемого по мере надобности) совещания при великом князе Дума превращается в постоянный правительственный орган (верховный великокняжеский совет) с определенными функциями и составом, претерпевая в этом отношении примерно ту же эволюцию, что и дворцовые ведомства. В первую очередь меняется состав Думы. Правом участия в ней теперь пользуются лишь те представители земельной аристократии, которые «жаловались» великим князем в «думные чины». Первым думным чином стало звание «боярина». Вторым думным чином — звание «окольничего». Звание боярина получали только представители крупных, преимущественно княжеских фамилий. Представители менее родовитых фамилий достигали звания боярина лишь в редких случаях и то обязательно через чин окольничего, в то время как ряд наиболее знатных фамилий получал чин боярина сразу (минуя окольничество). Расширяется и численный состав Боярской думы, Так, в 1497 г. в составе Боярской думы Ивана III значится 21 боярин.

Еще более показательны изменения в составе Боярской думы, которые происходят при Василии III, когда в нее входят уже и наиболее крупные дьяки, обычно именуемые в источниках того времени «великими» или «введеными» дьяками (по позднейшей терминологии «думные дьяки»), а также представители московского дворянства — «дети боярские, которые в думе живут», в отличие от других детей боярских, «которые в думе не живут». В источниках второй половины XVI в. эти дети боярские уже прямо именуются как «дворяне, которые в думе у государя з бояры» или просто «думные дворяне». Подобное расширение состава Боярской думы явно говорило об усилении роли в политической жизни страны дворянства. Но в целом Боярская дума и при Василии III и даже при Иване IV по-прежнему оставалась оплотом крупной боярской аристократии.

Претерпела серьезные изменения и практическая деятельность Думы. Решающую роль в ее деятельности играют уже не столько заседания всей Думы в целом, сколько заседания так называемой «ближней думы», в состав которой входили лишь приближенные к великому князю бояре и дьяки (они и составляли, по существу, реальное правительство). Все же «думные чины» участвуют лишь в обсуждении наиболее важных общегосударственных вопросов.

В то же время для решения тех или иных специальных вопросов, подлежащих ведению Думы, при ней создаются особые комиссии, важнейшие из которых превращаются в дальнейшем в приказы. Так, например, возник Разрядный приказ, приказ, ведавший всеми важнейшими вопросами военного управления, а также выполняющий функции канцелярии Боярской думы. Приказ образовался, по-видимому, во второй четверти XVI в., хотя специальные разрядные дьяки упоминаются еще в источниках конца XV в. При Василии III наиболее крупные разрядные дьяки обычно являлись дьяками, «введенными» в Боярскую думу.

Из боярской комиссии по иностранным делам образуется в середине XVI в. и особая «посольская изба», приказ, ведающий внешними сношениями государства. Во главе Разряда и Посольской избы стояли не бояре, а дьяки, и это вполне понятно, так как оба приказа первоначально играли роль своеобразных подсобных учреждений при Думе. На базе боярских комиссий образуется в дальнейшем и ряд судных приказов (боярские комиссии по судебным делам, как и позднее судные приказы, обязательно возглавлялись думными боярами). Первым из подобных приказов был Разбойный приказ, созданный в 1538—1539 гг. в связи с губной реформой. Разбойный приказ ведал сыском и расправой над «ведомыми» разбойниками, татями (ворами) и иными «лихими людьми», иначе говоря сосредоточивал в своих руках высший уголовный суд, а также надзор (через институт губных старост) за общественным порядком на местах. Создание Разбойного приказа имело важное значение в борьбе господствующего класса с ростом антифеодальных выступлений народных масс.

Таким образом, развитие приказной системы и реорганизация Боярской думы способствовали укреплению государственного аппарата, его приспособлению к возросшим потребностям складывающегося Русского централизованного государства, и говорили о продвижении к власти в противовес боярству новой политической силы — московского дворянства, представителями которого в московских правящих кругах и являлись дьяки и думные дворяне. И действительно, при Иване III и особенно при Василии III дьяки играют крупную роль в управлении государством. Достаточно назвать таких «государевых дьяков», как дьяк Ивана III Федор Курицын или дьяки Василия III Афанасий Курицын, Федор Мишурин, Григорий Меньшой Путятин, Елизар Цыплятев и ряд других крупных политических деятелей своего времени, ведавших важнейшими вопросами внутренней и внешней политики Русского государства. Не менее крупную роль играют при Василии III и Елене Глинской и такие лица, как И. Ю. Шигона-Поджогин, упомянутый еще в 1517 г. сыном боярским, «который у государя в Думе живет», а в дальнейшем ставший дворецким Тверского дворца и одним из наиболее близких к Василию III лиц, которого тот включил даже в состав регентского совета при малолетнем Иване IV.

Но усиление влияния в правительственной среде представителей дворянства встречало самое решительное сопротивление со стороны титулованной знати, которая видела в этих представителях «всенародства», по выражению князя Андрея Курбского, своих прямых политических врагов. Знать упорно цеплялась за свои старые политические права и привилегии. Одним из наиболее консервативных институтов, ограждавших титулованную знать от притязаний дворянства, было местничество. Система местничества сложилась еще в конце XIV — начале XV вв., когда начался массовый прилив бывших удельных князей и бояр ко двору великих московских князей. По системе местничества все боярские фамилии распределялись по ступеням иерархической лестницы и все их служебные назначения (военные и гражданские) должны были строго соответствовать их родовитости. Местничество закрепляло политические привилегии феодальной аристократии при московском дворе и являлось серьезным тормозом в борьбе великокняжеской власти за укрепление государственного аппарата.

Эта система центрального (а как мы сейчас увидим и местного) управления частично получила свое закрепление еще в Судебнике 1497 г., посвященном в основном вопросам организации центрального и местного управления и суда. В отношении приказной системы Судебник, по существу, характеризует момент превращения «приказов» из личных поручений в правительственные учреждения, особо выделяя при этом роль дьяков. Большое место занимают в Судебнике и вопросы гражданского и уголовного судопроизводства (в центре и на местах). Основное содержание постановлений Судебника 1497 г. заключается в том, что он вводит на территории государства единообразный порядок суда и управления.

Местное управление

В административном отношении территория Русского государства делилась на уезды. Уездами назывались административные округа, сотоявшие из города с приписанными к нему землями.[1] Уезд делился на волости и станы. Станом обычно называлась та же сельская волость, но только пригородная, непосредственно подведомственная городской княжеской администрации. Встречается и иное административное деление. Например, Новгородская земля вместо уездов делилась на пятины, а новгородские погосты и псковские губы примерно соответствовали московским волостям. Во всяком случае, единообразия в административном делении не было, как не было его и во всей системе управления того времени.

Местное управление XV в. в основном было приспособлено к потребностям крупного княжеского и боярского землевладения. В нем сочетались две, казалось бы, различных, а в действительности

[1] Образование уездов, как территориально-административных округов, падает в основном на вторую половину XV в. и было тесно связано с объединительной политикой Москвы. Политическое подчинение удельных княжеств обычно завершалось созданием на их территории одного или нескольких уездов, уже непосредственно управляемых великокняжеской администрацией.

органически дополняющих друг друга системы управления: дворцовое, вотчинное управление и наместничье управление.

Дело в том, что местная княжеская администрация в лице городских ключников, дворских, а также иных княжеских приказных людей обладала весьма широкими правами. Она не только непосредственно ведала княжескими городскими и сельскими землями и дворами, а также живущими на них дворцовыми крестьянами и иными не ратными людьми, но и сосредоточивала в своих руках общий надзор за выполнением всем местным тяглым населением («чей кто нибуди», как обычно указывается в грамотах того времени) таких общеобязательных дворцовых повинностей («княжего дела»), как обязанность местного населения участвовать в уборке, молотьбе и перевозке княжеского хлеба, кормить княжеского коня и косить для него сено, строить княжеские дворы, мельницы, пруды, участвовать в княжеской охоте и т. д. В руках дворцовой администрации находился и сбор княжеских оброков. Что же касается общего управления на местах, то оно было сосредоточено в руках наместников и волостелей. Наместник управлял городом и подгородними станами; волостель управлял волостями, которые кроме военно-административного управления и суда по важнейшим уголовным делам были, как правило, независимы от наместника своего уездного города. Власть наместников и волостелей была в известной мере универсальна. Они были судьями, правителями, сборщиками доходов князей (за исключением доходов сугубо дворцового происхождения и дани [1]), а наместники сверх того были военными начальниками города и уезда.

Институт наместников и волостелей базировался на системе кормлений. Существо системы кормлений заключалось в следующем. Великий или удельный князь посылал своих бояр в качестве наместников, а более мелких служилых людей в качестве волостелей по своим городам и волостям, которыми они должны были управлять «наместо» князя (отсюда и название «наместник»), население же было обязано их содержать — в буквальном смысле кормить (отсюда и название «кормленщик»). Когда кормленщик «наезжал» на кормление, население встречало его хлебом-солью, и это называлось «въезжим кормом». Корм же обязательный («урочный») наместник или волостель обычно получал три раза в году: на Рождество, Пасху и Петров день (29 июня ст. ст.). Корм давался натурой (хлебом, мясом, сыром и т. д.; для лошадей кормленщика давались овес, сено). Размеры кормов, особенно наместников, были достаточно велики, на них кормленщик мог кормиться не только сам с семьей, но и содержать свой двор челяди, что он обычно и делал. Кроме этого, наместники и волостели собирали в свою пользу судебные и иные пошлины, как «конское пятно» (пошлина за пятнанье и продажу лошади), «явка»

[1] Сбор дани обычно осуществлялся специально посылаемыми на места «данщиками». Наместники осуществляли лишь общий надзор за их деятельностью.

(особый сбор со всех пришлых людей при их явке местным властям), «полавочное» (особая пошлина с лавок), «протаможье» (штраф за нарушение уставов о торговле), «мыт» (дорожная пошлина), пошлины с браков и т. д. и т. п. «Кормленые грамоты»[1] даже XVI в. нередко насчитывали до полутора десятка подобного рода доходных статей кормленщиков.

Таким образом, кормление было, с одной стороны, государевой службой, а сами кормленщики — органами княжеской власти, ее представителями на местах, с другой — формой вознаграждения и содержания ратных и приказных княжеских слуг.

Наместники и волостели должны были управлять данными им в кормления городами и волостями своими силами, а это означало, что они должны были иметь свой административный персонал: тиунов, творивших суд их именем, доводчиков, вызывавших на суд, и праведчиков, исполнявших судебные решения. Все эти лица были обычно послужильцы или дворовые люди наместников и волостелей. Как и сами кормленщики, они тоже содержались за счет местного населения. Кроме этого, наместники-бояре имели с собой и ратных слуг (свои военные отряды), так как иначе они не могли бы обеспечить возлагаемых на них обязанностей по военно-административному управлению городом и уездом — в целях как обеспечения общественного порядка на местах, так и местной обороны. Естественно, при таких условиях наместниками могли быть далеко не все служилые люди великого или удельного князя, а лишь сравнительно крупные его вассалы.

Общие социальные и политические изменения, которые претерпевает Русское государство на рубеже XV—XVI вв., оказали решающее влияние и на местное управление. Система кормлений теряет не только свое значение, но и свою социальную базу. Связанная с крупным феодальным землевладением, она не удовлетворяет интересам поместного дворянства. Не соответствует она и проводимой великокняжеской властью политике государственной централизации. Но показательно, что чем больше изживала себя система кормлений, тем сильнее цеплялось за нее («прибытка ради») боярство.

Перестройка системы местного управления, начавшаяся с конца XV в., идет как бы по двум линиям: с одной стороны, по линии постепенного ограничения системы кормлений и установления более строгого контроля со стороны центрального правительства за деятельностью наместников и волостелей, с другой — по линии создания новых органов управления, органов дворянских по своей классовой природе.

Первые серьезные шаги в области ограничения наместничьего управления были сделаны еще при Иване III путем введения в практику выдачи на места специальных уставных грамот, регламен-

---

[1] «Кормлеными грамотами» назывались правительственные грамоты о даче тех или иных городов и волостей в кормления.

тирующих права и обязанности наместников и волостелей. Наиболее ранней из известных нам грамот подобного рода является Белозерская уставная грамота 1488 г. Уставные грамоты, в частности, вводили обязательность присутствия на наместничьем суде представителей местного населения (старост, сотских и иных «лучших людей»), которые должны были при наместнике «правду стеречи». Подверглись сокращению и «доходные статьи» кормлений, которые теперь уже обычно переводятся на деньги. Эти постановления были частично закреплены Судебником 1497 г., но на практике выполнялись далеко не всегда.

Решающее значение в перестройке местного управления имело создание новых органов управления, органов, непосредственно связанных с провинциальным дворянством. Это были городовые приказчики и губные старосты.

Институт городовых приказчиков образуется на рубеже XV—XVI вв. Городовыми приказчиками назывались приказные лица великого князя, непосредственно ведавшие городскими крепостями, своего рода городские военные коменданты. Создание института городовых приказчиков было обусловлено, в первую очередь, потребностями новой военно-служилой организации господствующего класса, основу которой составляла поместная система.

Назначаемые обычно из числа местных детей боярских городовые приказчики, в конечном счете, представляли именно их интересы в местном управлении. Помимо собственно комендантских функций, городовые приказчики сосредоточивают в своих руках ведание и посошными «делами» великого князя, имевшими прямое или косвенное отношение к вопросам военно-административного управления уездом, а именно «городовым делом» (строительством и ремонтом городских укреплений), строительством дорог, мостов, обеспечением перевозок военного провианта, производством пороха, хранением боеприпасов, оружия, продовольствия и т. д. Одной из главных обязанностей городовых приказчиков было проведение уездной мобилизации — сбора «посохи» (крестьянского ополчения) и «пищальников з городов» (городского ополчения, вооруженного огнестрельным оружием).

Рост значения в местном управлении городовых приказчиков идет рука об руку с повышением удельного веса в жизни страны самого дворянства. Уже ко второй четверти XVI в. в их ведение переходит (за счет сокращения компетенции наместников, а также постепенной ликвидации старой княжеской вотчинной администрации в лице ключников и дворских) и надзор за великокняжеским земельным фондом, преимущественно городским, поместными и черными землями (специальные дворцовые земли находились на особом положении), сбор прямых налогов и даже контроль за косвенным обложением и наместничьим судом.

В конце 30 — начале 40-х годов под давлением классовой борьбы в стране и особенно открытых антифеодальных выступлений крестьянства правительство принимает ряд новых мер по укреплению

местного управления. Проводится губная реформа. По губной реформе дела о «ведомых» разбойниках, а в ряде мест и «ведомых» татях, изымались из наместничьего суда (волостели и раньше не имели права решать крупные уголовные дела) и передавались в руки «выборных голов» из местных детей боярских («губных старост»), в помощь которым избирались старосты, сотские и «лучшие люди» из крестьян и посадских людей. Губные старосты были обязаны сыскивать «лихих людей», татей и разбойников (под категорию которых подводились господствующим классом и крестьяне, посягнувшие на феодальную собственность или на жизнь феодала) и предавать их смертной казни. Сыскной, он же судебный процесс, носил по «губным грамотам»[1] характер открытого классового произвола. В лице губных старост провинциальное дворянство получило «свой» «аппарат насилия» для удержания власти помещика над крепостным крестьянином.

Развитие институтов городовых приказчиков и губных старост подорвало систему наместничьего управления, окончательная ликвидация которого к середине XVI в. стала лишь делом времени.

Армия

В период феодальной раздробленности основную массу великокняжеских войск составляли отряды самих великих князей, состоявшие из княжеских холопов и иных «слуг под дворским», а также отряды «служебных князей» и бояр, обязанных являться на «государеву ратную службу» со своими послужильцами. Городское и крестьянское ополчения («посоха», «посошная рать») привлекались для участия в армии только при проведении наиболее крупных походов или строительстве крепостных стен или других оборонительных сооружений.

При Иване III русская армия претерпевает коренную реорганизацию. Военной опорой великокняжеской власти становится теперь постоянное дворянское войско, состоящее из московских и провинциальных дворян-помещиков. Дворяне были обязаны регулярно являться на «государеву службу» «конны и оружны», т. е. со своим конем и оружием, а также приводить с собой своих ратных людей, число которых, а также характер вооружения определялись размерами находящегося в распоряжении служилого человека поместья или служилой вотчины.[2] Дворянское ополчение составляет

---

[1] Губными грамотами назывались правительственные грамоты, регламентирующие порядок организации и деятельность губного самоуправления на местах. Наиболее ранними из дошедших до нас являются Белозерская и Каргопольская губные грамоты 1539 г.

[2] Регистрация и определение пригодности служилых людей, приписанных к тому или иному городу, осуществлялись в XVI в. путем ведения «городовых десятен» (особых списков служилых людей по уездам), составляемых специально присылаемыми для этих целей на места правительственными уполномоченными. В помощь им из числа местных служилых людей выбирались специальные окладчики в количестве 15—20 человек на уезд, которые вели непосредственный учет поместной и денежной обеспеченности служилых людей, а также осуществляли контроль за несением последними государевой службы. Они же являлись и начальниками местных дворянских отрядов, члены которых были связаны между собой круговой порукой.

теперь основной костяк русской конницы. Княжеские и боярские отряды играют в великокняжеском войске уже второстепенную роль.

Серьезное влияние оказало на русскую армию и введение в ней огнестрельного оружия. В сравнительно широких размерах артиллерия (правда, преимущественно крепостная) начала применяться в русской армии еще во второй половине XV в. Что касается ручных «пищалей» — ружей, то первые сведения о массовом их применении в русской армии относятся лишь к началу XVI в., хотя упоминание об отдельных русских ратниках, вооруженных «ручницами», приходятся на середину XV и даже конец XIV в.

Источники начала XVI в. обычно упоминают о «казенных пищальниках» (пищальниками назывались ратные люди, вооруженные ручными пищалями), находившихся на содержании казны, и «пищальниках з городов», иначе говоря ополченцах, набираемых временно для участия в том или ином походе из посадских людей. Казенные пищальники, как правило, входят в состав постоянных городских гарнизонов. В Пскове в 1510 г. находилось на государевой службе 1000 казенных пищальников и воротников, присланных из Москвы. Насколько массовый характер носило применение огнестрельного оружия в русской армии этого времени видно из того, что во время боев в 1512 г. за Смоленск только одних псковских пищальников участвовало в осаде 10 000. «С нарядом большим (полевой артиллерией)... и с пищальники и с посохой» участвовали русские войска и в походе на Полоцк 1518—1519 гг.

Что же касается крестьянского ополчения, иначе говоря «посохи», составлявшего ранее основной костяк русской пехоты, то уже в XVI в. в связи с образованием дворянского войска, а также переходом к массовому применению огнестрельного оружия, его значение резко падает. По сравнению с дворянской конницей (состоявшей из опытных и хорошо вооруженных профессиональных воинов) и пищальниками плохо вооруженное крестьянское ополчение не имело серьезного военного значения. Поэтому в XVI в. «посоха» обычно используется не столько для ведения боевых действий, сколько в качестве подсобных войсковых соединений, обеспечивавших подвоз для армии артиллерии («наряда»), боеприпасов, продовольствия, строительство оборонительных укреплений, осадных сооружений и т. д.

О численности русских войск можно судить по их участию в отдельных наиболее крупных походах. В 1480 г. во время «стояния на Угре» русские войска, по данным летописей, насчитывали до 180 тыс. человек (видимо, включая «посоху»). В походе на Вятку в 1489 г. участвовало 64 тыс., а в битве с литовцами в 1500 г. великокняжеская рать насчитывала более 60 тыс. князей и детей боярских, «опроче их служилых людей». В среднем же во время войны Русское государство могло выставить до 150 тыс. конных и пеших воинов.

Русские войска отличались большой выносливостью и боеспособностью, что особенно отмечали Герберштейн и другие иностранцы, посетившие русские земли в XV—XVI вв. И это понятно, так как двухвековая борьба русского народа против татарского ига не только закалила русскую армию, но и заставляла русского пахаря всегда быть готовым сменить соху на оружие. Ведь даже в XVI в. Русское государство было вынуждено постоянно держать на своих южных и восточных рубежах крупные соединения войск. В XVI в. русская армия считалась одной из сильнейших в Европе.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Задачи внешней политики Русского государства

Русское государство в конце XV в. складывалось в окружении враждебных ему сил. На восточных и южных границах шла борьба с Золотой ордой, без ликвидации зависимости от которой не могло быть речи о создании централизованного суверенного государства. Распад Золотой орды привел к образованию ряда татарских ханств. Наибольшую опасность для Руси представляли Казанское и Крымское ханства, за спиной которых стояла агрессивная Турецкая империя. Наличие враждебных России татарских государств таило возможность реставрации татарского ига. Внешняя опасность постоянно угрожала и с запада. Швеция стремилась укрепиться на южном побережье Финского залива и захватить важные речные пути — Волхов и Неву. Ливонский орден продолжал нападения на Новгородско-Псковскую землю. Великое княжество Литовское и Польское королевство, династически объединенные, включали в свои границы Белоруссию, Украину и часть великорусской территории — Смоленскую землю и земли вплоть до верховьев р. Оки. Польский король Казимир IV питал надежды на дальнейшее расширение своих границ к Востоку за счет новгородских, псковских, тверских и московских земель.

Разумеется, соседние с Россией государства не могли относиться иначе, как враждебно к основной внутриполитической линии правительства Ивана III — объединению всех русских земель в рамках единого централизованного государства. В их планы входило удержать на Руси состояние феодальной раздробленности с тем, чтобы иметь возможность беспрепятственно осуществлять захваты русских земель. В силу этого основная линия внутренней политики Ивана III и Василия III, направленная на создание централизованного, независимого и сильного Русского государства, включавшего в свои границы все исконные русские земли, перерастала в крупный внешнеполитический вопрос международного значения.

Понятны притязания Ивана III на земли, когда-то принадлежавшие киевским князьям,— великорусские, белорусские и украинские, находившиеся под властью Польши и Литвы. Недаром в Мо-

скве поясняли литовским послам, что вся русская земля «из старины от наших прародителей наша отчина и нам ныне своей отчины жаль». Под «нашей отчиной» понимались не только земли, уже бывшие под властью Московского великого князя, но и города, находившиеся под властью Литвы и Польши — Киев, Смоленск, Полоцк и другие. Основная задача создания и укрепления Русского централизованного государства определяла собою направление и характер внешнеполитических задач в конце XV — в первой половине XVI вв. На восточном и южном рубежах ставилось целью вести борьбу с грабительскими татарскими ханствами, возникшими после распада Золотой орды; на западной границе — борьбу с Литовским великим княжеством и Польским королевством за воссоединение русских, украинских и белорусских земель; на северо-западе, в районе Прибалтики — борьбу с Ливонией и Швецией за обладание побережьем Балтийского моря.

Эти три задачи определили программу внешнеполитической деятельности Русского государства на три столетия вперед. И хотя попытки агрессии литовских феодалов в новгородско-псковские земли наталкивались на решительное противодействие Московского великого княжества уже с 60-х гг. XV в., тем не менее политика Москвы в отношении западных государств не могла быть активной до 80-х годов. В ту пору перед Иваном III в качестве первоочередных задач стояло объединение крупнейших территорий русской земли — Новгородской боярской республики и Тверского княжества и ликвидация остатков татарского ига. Осуществление той и другой задач к началу 80-х годов XV в. открывало новый этап в развитии внешней политики складывавшегося Русского централизованного государства. Росла активность русского правительства в отношении западных соседей. Присоединение Новгорода к Москве и подчинение Пскова делали новгородско-псковскую границу на западе русской государственной границей, это выдвигало на первый план задачу воссоединения русских, белорусских и украинских земель, находившихся под властью Литвы и Польши. Особенно остро стоял вопрос относительно подвластных Литве земель в верховьях р. Оки и Смоленщины. Смоленск был важным стратегическим пунктом на подступах к Москве. Присоединение Новгорода к Москве и последовавшая за этим территориальная и политическая изоляция Твери, предшествовавшая ее включению в состав Русского государства, вызвали попытки представителей феодальной аристократии опереться в борьбе с Иваном III на помощь литовского великого князя и польского короля Казимира IV. Тверской князь Михаил Борисович заключил с ними договор о помощи, а верейский удельный князь Василий Михайлович совершил побег в Литву. Борьба с сепаратизмом феодальной знати на первых порах связывала руки русскому правительству в решении внешнеполитических вопросов.

Борьба с Казанским и Крымским ханствами

Разгром в 1480 г. золотоордынского хана Ахмата усилил влияние Русского государства в Крыму и в районе Среднего и Нижнего Поволжья.

Используя противоречия между татарскими ханствами, правительство Ивана III к 90-м годам XV в. добилось укрепления безопасности южных и восточных границ. Некоторые претенденты на ханский престол в Казани пользовались в борьбе за власть поддержкой русского правительства, которое жаловало их крупными владениями в пограничных местах.

В 1487 г. Иван III предпринял поход на Казань. Враждебный России Али-хан был свергнут и на ханский престол посажен сторонник великого князя Мухаммед-Эмин.

Казанское ханство становится вассалом Москвы. Иван III объявляет себя даже владетелем Казани, приняв титул «великого князя Болгарского». Ханами Казани вплоть до 1521 г. становятся лица, угодные русскому правительству. Однако заговоры враждебных России феодалов и в этот период не раз приводили к нарушению мирных отношений между двумя государствами. В 1496 г. в результате одного из заговоров власть в Казани захватил враждебный России сибирский царевич Мамук. Против него были двинуты русские войска. В 1505 г., после избиения русских в Казани, татарские войска вторглись в пределы Русского государства и подошли к Нижнему Новгороду.

Выступление Казани было связано с изменением отношения к России со стороны Крымского ханства и стоящей за его спиной Турции. Окончательно уничтожив в 1502 г. Большую орду, крымский хан Менгли-Гирей в меньшей степени стал нуждаться в союзе с Россией. Стремление крымских феодалов к грабежу русских владений не встречало теперь преград со стороны хана. К враждебным действиям против России подталкивала крымцев и Турция, которая, значительно усилившись к началу XVI в., стала видеть в России конкурента в борьбе за господство в Восточной Европе.

С 1507 г. начались систематические нападения крымцев на Русь, принявшие особенно ожесточенный характер с 1515 г., когда ханский престол перешел к Мухаммед-Гирею. Обострение положения на южных границах завершилось переворотом в Казани в 1521 г., когда дружественный Москве хан Шах-Али был свергнут и власть перешла к турецкому ставленнику Сахиб-Гирею — брату крымского хана. По указке султанской Турции, захватившей Балканский полуостров, южную Украину, Крым, Кубань и часть Закавказья, Сахиб-Гирей открыл враждебные действия против Русского государства и захватил Нижний Новгород. Большие отряды крымцев, казанцев и ногайцев при участии отряда из Литвы подошли к Москве в районе Воробьевых гор, но взять Москву не смогли. Грабительский поход 1521 г. причинил все же серьезный ущерб.

Закончив в 1522 г. войну с Литвой, Василий III снаряжает войска против Казани и основывает новый форпост на подступах

к ней — г. Васильсурск. Хан Сахиб-Гирей, чтобы укрепить свое положение, признал верховную власть Турции над казанской землей. Казань обязалась беспрепятственно принимать назначаемых Турцией ханов. Турция же со своей стороны обещала Казани помощь в борьбе с Россией.

В период правления Гиреев в Казани русское правительство придерживалось в отношении Казанского ханства оборонительной политики, используя каждую возможность для того, чтобы посадить на ханский престол своих сторонников.

С 1533 г. Сахиб-Гирей становится крымским ханом. С его временем связано усиление грабительских походов крымцев на Русь, тяжелые последствия которых особенно остро сказались в обстановке внутренних политических усобиц в период боярского правления. В такой обстановке борьба против крымско-турецкой угрозы становится важнейшей задачей русского правительства.

Борьба с Литвой за возвращение захваченных ею русских земель

К осуществлению своего плана борьбы с Литвой за русские земли Иван III мог приступить лишь с конца 80-х гг. Первый этап русско-литовской войны, с 1487 г. по 1494 г., был заполнен мелкими пограничными столкновениями. Русские отряды совершали нападения на Великие Луки, Ржев, Торопец, на города и села в верховьях Оки, встречая всюду поддержку местного населения. Старые экономические, культурные и религиозные связи населения этих мест с северо-восточной Русью приводили к тому, что пограничные военные столкновения сопровождались массовым переходом русских, белоруссов и украинцев под власть московского государя. Опираясь на поддержку населения, под власть Русского государства стали переходить и местные чернигово-северские князья. В конце 80-х и начале 90-х годов XV в. перешли на сторону Москвы со своими владениями князья Белевские, Одоевские и Мезецкие. Наибольшее политическое значение имел переход к русскому государю князей Воротынских и Вяземских.

После смерти Казимира IV литовским великим князем стал его сын Александр (1492—1507). Усиление активности русской стороны заставило Александра искать путей примирения. В 1494 г. между Литвой и Русью был заключен мир, по которому ранее отошедшие к России земли в верховьях Оки и Вяземское княжество оставались за Русским государством. Мир был скреплен браком дочери Ивана III Елены с литовским великим князем Александром. Литовская сторона рассчитывала путем династического брака обезопасить себя от нападений Москвы. Но Иван III имел в виду использовать дочь как орудие дипломатической борьбы. Она получила указание воздействовать на мужа в нужном для русской стороны отношении, информировать отца о политических новостях в Литве и крепко держаться «греческого закона» (православия). В обстановке усиления церковно-политической и национальной

борьбы в Литве Елена становилась центром сил, выступавших против засилья католицизма.

Ни мир с Литвой, ни брак дочери, разумеется, не означали отказа Ивана III от намеченной им линии отвоевания русских земель. В дипломатической переписке с Литвой он именовал себя государем «всея Руси», давая этим понять о своих притязаниях на объединение всех земель, ранее входивших в состав древней Руси. Используя родственные связи с литовским великокняжеским двором, Иван III вмешивался во внутренние дела Литвы. Приверженность Елены к православию вызывала резкое недовольство литовской католической знати. Религиозный вопрос играл далеко не последнюю роль в обострении отношений между Литвой и Русью в связи с вопросом об осуществлении постановлений Флорентийского собора 1439 г. о церковной унии. Словом, мир 1494 г. оказался непрочным. Обе стороны исподволь готовились к новой войне.

В результате ряда мероприятий по созданию и укреплению органов государственного управления и подавления сепаратизма удельных князей и боярства, Иван III к концу XV столетия стоял во главе сильного централизованного государства. Иное положение было у Литовского великого князя Александра. Он целиком зависел от крупной земельной феодальной аристократии, входившей в состав господарской рады и сейма. Внешнеполитическое положение Русского государства к началу новой войны с Литвой сложилось благоприятно. Иван III мог рассчитывать на помощь крымского хана Менгли-Гирея, которого имел в виду использовать против враждебных России ханов Большой орды. К этому времени были налажены и мирные отношения с Турцией. Султан мог угрожать с тыла польскому королю Альбрехту и королю Венгрии и Чехии Владиславу в случае выступления этих правителей на стороне Александра. Против Польши был направлен и союз России с империей Габсбургов. Реальным союзником против Литвы могла быть также Молдавия, зажатая между двумя враждебными ей государствами — Турцией и Польшей.

Со своей стороны литовский великий князь искал союзников на востоке в лице ханов Большой орды, а на северо-западе — в лице правителей Ливонии и Швеции. Союзу этих двух враждебных России государств Иван III противопоставил свой союз с датским королем. Дания владела выходом из Балтийского моря и была противником Швеции и Ливонии. На другой год после заключения мира с Литвой была начата война Дании и России против Швеции. В результате войны Швеция вновь попала в зависимость от Дании, а Литва потеряла важного для нее союзника. Так, умелое использование противоречий западных и восточных держав дало возможность дипломатии молодого Русского государства подготовить благоприятную внешнеполитическую обстановку для дальнейших шагов по воссоединению русских земель.

Постепенно назревавший разрыв мирных отношений между Лит-

вой и Русью произошел, наконец, к началу 1500 г., в результате «переходов» нескольких западно-русских князей — Семена Бельского, Василия Ивановича Новгород-Северского и Семена Ивановича Стародубского — к Ивану III. В политическом отношении весьма показательным было то, что два последних князя были потомками злейших врагов московского великого князя из рода Шемяки и князей Можайских. Перешедшие ссылались на сильные религиозные притеснения в Литве и на принуждения к унии и католичеству. Переход князей не был только их единичным делом, а знаменовал собою целое национальное движение, охватившее русское население в результате исконных экономических и культурных связей Москвы с западной и юго-западной Русью. «Переход» сопровождался включением в границы Русского государства значительных территорий с их местными центрами — Новгород-Северским, Черниговом, Стародубом, Гомелем и другими городами.

Успешно закрепив за Россией эти земли, войска Ивана III в 1500 г. разбили литовские войска на реке Ведрошь (около Дорогобужа), взяв в плен литовского воеводу князя Константина Острожского. В следующем году русский отряд почти полностью уничтожил военные силы союзника Литвы, литовского магистра Плеттенберга. В 1502 г. русские отряды осадили Смоленск и продвинулись вглубь Северской Украины.

Военные неудачи заставили литовского великого князя просить мира при посредничестве своих братьев Альбрехта и Владислава и римского папы Александра VI Борджиа. Иван III соглашался на мир при условии присоединения к Русскому государству не только земель, отошедших к нему в 1501—1503 гг., но и Смоленска, Витебска, Киева и т. д. Литовская сторона отказалась принять эти условия. В результате длительных переговоров обе стороны подписали в 1503 г. перемирие на шесть лет, по которому к Русскому государству отошла территория верхнего течения Оки и по течению Десны и ее притоков, часть нижнего течения реки Сож и часть верхнего Днепра. Всего здесь находилось 70 волостей с 25 городами, крупнейшими из которых были Чернигов, Новгород-Северский, Гомель и Брянск.

Существенной причиной успеха русских войск в войне 1500—1503 гг. было патриотическое движение среди широких масс русского, белорусского и украинского населения, выразившееся в массовом переходе под власть Русского государства.

Попытка Литвы добиться реванша, используя смерть Ивана III в 1505 г., не дала результата. Василий III, отличавшийся не меньшей решительностью и твердостью, чем его отец, начал в 1507—1508 гг. наступление против Литвы. Наступление не было удачным, но привело к заключению «вечного мира» на условиях 1503 г.

При новом великом князе Литвы Сигизмунде (с 1507 г.) усилились гонения католиков на православную церковь. Овдовевшая дочь Ивана III, Елена, твердо державшаяся православия, была умерщвлена. Это дало Василию III законный повод для новой

войны. В 1514 г. русские войска после трехмесячной осады взяли Смоленск, находившийся под властью Литвы с начала XV в. В том же году польско-литовские войска нанесли поражение русским под Оршей. В 1517 г. начались переговоры о перемирии. Эти переговоры не были завершены, так как в 1521 г. крымский хан, перешедший на сторону Литвы и Польши, начал поход на Россию.

Набег татар надолго приостановил военные действия на западных границах. Продолжавшиеся переговоры несколько раз приводили к перезаключению перемирия.

Система перемирий с Литвой и Польшей продолжалась вплоть до второй половины XVI в.

Борьба с Ливонией. Разгром немецких рыцарей

С ликвидацией самостоятельности Новгорода и усилением зависимости Пскова от Москвы борьба с немецкими рыцарями Ливонии, часто нападавшими на новгородские и псковские земли, стала общерусским государственным делом.

Москва брала на себя охрану и русской торговли в Прибалтике, интересам которой наносила ущерб политика Ганзы. Именно к 80-м годам XV в. для русского правительства стала намечаться проблема связи со странами Западной и Северной Европы через Балтийское море.

Ливонский орден стал главным препятствием к достижению этой цели. В борьбе с Россией Ливония опиралась на союз с Литвой и Швецией. Каждый раз, когда начинались военные действия России с Литвой, в войну вступала и Ливония. В 1480 г. ливонские рыцари напали на Псков и Изборск. В следующем году русские отряды, направленные в Ливонию, взяли города Феллин и Терветен. Был заключен договор о десятилетнем перемирии. Русское правительство укрепило новгородские порубежные городки, а в 1492 г. построило против Нарвы каменную крепость Ивангород. Крепость преграждала проход через перешеек между Чудским озером и морским берегом, обороняя юго-восточную часть Финского залива. Одним из шагов в борьбе против Ливонского ордена было закрытие ганзейского немецкого торгового двора в Новгороде.

К началу XVI в. при магистре Плеттенберге Ливонский орден переживал период военно-политического подъема. Угроза русским владениям в Прибалтике возросла.

Используя начавшуюся в 1500 г. войну Русского государства с Литвой, Плеттенберг с крупными силами вторгся на русскую территорию, дошел до г. Острова и сжег его. Вблизи г. Юрьева (Дерпта) у замка Гельмеда произошло сражение русского войска с отрядами рыцарей. Немцам было нанесено, как сообщают русские летописи, сокрушительное поражение: «И биша поганых немец на 10 верстах, и не оставиша их ни вестоноши, а не саблями светлыми секоша, но биша их москвичи и тотарове, аки свиней, шестоперы».

В хронике немца Рюссова отмечено, что после сражения при Гельмеде «русские так хозяйничали в Ливонии, что недосчитыва-

лось 40 тысяч человек, старых и малых, которые были убиты или уведены в плен». Ливонский орден обратился за содействием к римскому папе, призывая к организации крестового похода на «московитов». Рим, однако, был занят борьбой с Турцией и видел в Иване III возможного союзника. Разбив войска Ордена, Иван III не пожелал лично вести переговоры с магистром, а поручил заключить мир новгородскому наместнику. По миру 1503 г. на Ливонию возлагалось обязательство вечной уплаты Москве дани за владение старым русским городом Юрьевом (Дерптом-Тарту).

Рост международного значения Русского государства

Москва начала играть видную роль в общеевропейских внешнеполитических делах еще до того, как стала центром сильного Русского государства. После захвата Константинополя в 1453 г. и покорения Византии, Турецкая империя угрожала Риму, Венеции, Венгрии, Польше и другим государствам Европы. Папский престол стремился вовлечь могущественного московского князя в антитурецкую борьбу с тем, чтобы отвлечь силы турок на восток. На этой почве и начались в начале 70-х годов дипломатические сношения Москвы с папой и Венецианской республикой. В Риме, как сообщалось выше, был предложен брак овдовевшего Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей (Зоей) Палеолог, которая воспитывалась при папском дворе в духе преданности католической церкви. Путем брака в Риме рассчитывали получить сильного союзника в войне с Турцией и добиться церковной унии. Однако рассчеты папы не оправдались. Иван III, поддерживая дипломатические сношения с противниками Турции, вовсе не собирался начинать войну с нею и отказываться от самостоятельной внешней политики, целью которой было воссоединение русских земель. Установление же династической связи с византийским двором укрепило международное положение Руси. Неоднократное направление послов в итальянские города Иван III использовал для приглашения на русскую службу архитекторов, инженеров и других мастеров.

В 80-е и 90-е годы XV в. круг западных и восточных держав, с которыми вступило в сношения молодое Русское государство, значительно расширился. Иван III показал себя искусным дипломатом, умело используя противоречия между державами для достижения своих целей. В начале 80-х годов XV в. сложился союз России и Молдавии, которая одновременно вела борьбу против Польши и Турции. Молдавский господарь Стефан обратился за помощью к Ивану III. Союз был скреплен браком сына Ивана III с дочерью Стефана. Молдавия отвлекала польские силы с юга, а Россия в свою очередь, борясь против Польши, облегчала Молдавии борьбу с Турцией. Особенно оживленными стали сношения Русского государства с Молдавией в 30-е и 40-е годы XVI в. Неоднократно русское правительство брало под защиту Молдавию в своих переговорах с Польшей о мире.

В 80-е же годы завязываются дипломатические сношения Русского государства с Венгрией. Этому послужило то обстоятельство, что Чехия и Венгрия в конце XV в. были яблоком раздора между Польшей и империей Габсбургов. Польские короли пытались объединить Чехию и Венгрию с Польшей путем брачных связей. Этому противодействовали Габсбурги, которые в свою очередь хотели присоединить эти страны к своим владениям. При таких обстоятельствах Венгрия и империя Габсбургов проявили заинтересованность в союзе с Россией против Польши. Венгерский король Матвей Корвин вошел в антипольскую коалицию, создаваемую Россией. Борьба за Венгрию кончилась победой польского царствующего дома, один из представителей которого, Владислав, соединил в 1490 г. под своей властью Чехию и Венгрию. Дипломатические связи Москвы с Венгрией прервались, но Иван III часто вспоминал венгерского короля как ценного союзника.

Искал союза с Россией и римско-германский император Фридрих III, которому нужна была помощь в борьбе с врагами империи Габсбургов — Францией на западе и Польшей на востоке. С целью разведки в Москву прибыл в 1486 г. под видом путешественника рыцарь Николай Поппель. Его рассказ о пребывании в России на Нюрнбергском съезде немецких князей вызвал большой интерес, так как в Европе не имели ясного представления о московской державе. В 1489 г. Николай Поппель вновь прибыл в Москву, теперь уже в качестве посла императора Фридриха III. От имени императора он предложил Ивану III королевскую корону и брак дочери великого князя с племянником императора. Принятие королевского титула из рук императора означало бы установление вассальной зависимости России от Германской империи. Иван III отверг оба предложения, сообщив через посла ответ, исполненный сознания собственного достоинства: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле и мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы, а просим бога, чтобы нам дал бог и нашим детем и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». Здесь идея божественного происхождения и наследственности власти в России противопоставлена выборности германского императора. Согласие на брак дочери Иван III давал только в том случае, если ее мужем будет не племянник, а сын императора.

В 1489 г. в Германию было направлено ответное посольство, а в 1491 г. был заключен договор о «дружбе и любви и братстве и одиначестве». Однако переговоры с Германией не дали практических результатов, так как Габсбурги стремились сделать Россию орудием своей политики и использовать ее главным образом против Турции. Все эти попытки разбивались о твердую политиче-

скую линию русских государей. Ничего не изменил и новый договор, заключенный в 1514 г. Василием III с римско-германским императором Максимилианом. Бесплодная попытка последнего через посла Герберштейна примирить Россию с Польшей лишний раз показала, сколь противоположны были внешнеполитические интересы Германии и России.

Нападение крымского хана в 1521 г. подтолкнуло Ивана III к укреплению связей с южнославянскими народами и к переговорам с новым римско-германским императором Карлом V. В 1528 г. был возобновлен договор 1514 г.

Учитывая враждебные отношения крымского хана к Большой орде, Иван III завязал с ним союзные отношения, рассчитывая использовать Крым против Литвы и Польши. Не веря в прочность мира с Крымом, Иван III начал переговоры с Турцией о торговых и дипломатических отношениях. В 1497 г. в Турцию был направлен посол, которому приказано было говорить с султаном, а не с пашами, при том не на коленях, а стоя. Султан Баязед примирился с этим нарушением этикета его двора, так как Турция нуждалась в торговых связях с Россией. Однако с разгромом Большой орды в начале XVI в. враждебная политика крымских ханов в отношении России возобновилась.

Играя, таким образом, видную роль в международных отношениях конца XV — первой половины XVI вв., Русское государство ставило целью своей дипломатической деятельности объединить против Литвы и Польши причерноморские страны, Крым, Молдавию и Венгрию. Однако сношения России с западными странами вышли далеко за пределы ближайших соседей. При Василии III русские послы побывали в Испании, Нидерландах и в Англии, узнав эту страну за тридцать лет до приезда в Россию англичанина Ченслера. Внешнеполитический вес России привлек к ней внимание и государств Востока. В числе восточных послов в Москве побывали посол из Хоросана от внука Тамерлана—Гуссейна, посол грузинского царя Александра, посольство основателя индийской державы Великих Моголов — Бабура.

В новых условиях роста внутренней власти и внешнеполитического значения московских великих князей прежний титул «великий князь» перестал соответствовать величию их власти. При Иване III к титулу «великий князь» стали добавлять «всея Руси» с перечислением земель, государем которых он был. В сношениях же с некоторыми иностранными государствами Иван III именовал себя «государем всея Руси», а иногда даже «царем» Русского государства.

Таким образом, внешняя политика Русского государства конца XV — первой половины XVI вв., будучи теснейшим образом связана с его внутренней политикой, сыграла важную роль в обеспечении задач создания и укрепления сильного централизованного

государства. Разумеется, отвоевание русских земель и обеспечение внешней безопасности проводилось прежде всего в интересах укрепления внутреннего положения господствующего класса феодалов.

КУЛЬТУРА.

Образование Русского централизованного государства сопровождалось подъемом русской культуры. Характерным явлением в развитии культуры Руси с конца XV в.— первой половины XVI в. было слияние местных областных культурных течений в общерусском потоке. Оно выражалось в сближении местных говоров, в развитии общего архитектурного стиля, в живописных и литературных темах общерусского значения. За всем этим стояло растущее сознание единства русского народа. Постепенно изменяется и сам характер культуры, она становится все более светской. Увеличивается число светских сюжетов в литературе и публицистике, темы светского содержания решаются живописцами и архитекторами. Культура еще теснее связывается с политическими задачами общества. В произведениях культуры находили яркое отражение идеи централизации и объединения Руси, выдвигаемые экономическими и политическими задачами эпохи. Культура как надстройка содействовала укреплению феодального базиса.

Общественно-политическая мысль

Создание Русского централизованного государства явилось мощным толчком к развитию общественно-политической мысли. Политическое объединение русских земель Москвой, коренным образом менявшее международное положение Руси, требовало своего идеологического обоснования. С конца XV в. в публицистических произведениях, в исторических трудах (летописях и хронографах) и во всевозможных повестях и сказаниях разрабатывается теория о Москве как законной преемнице политических традиций Киевского и Владимирского периодов истории Руси. Общерусская по существу власть киевских и владимирских князей, согласно этой теории, должна быть закреплена теперь за великим князем московским. Но этого мало. Идеологи московского самодержавия рассматривали образование Русского централизованного государства не только в плане русского исторического процесса, но и как важное явление мировой истории. В их изображении Москва становится преемницей великих мировых государств: Римской империи и Византии.

В конце XV и начале XVI вв. на Руси приобрела значительную популярность повесть о «Вавилонском царстве». В этой повести, возникшей в Византии в XIII в., обосновывалась идея преемственности власти Византии от Вавилона через усвоение византийскими царями знаков достоинства вавилонских царей. Эта идея находила живой отклик у русского читателя. В некоторых ранних списках повести встречаются дополнения о том, что знаки царского достоинства были позднее переданы киевскому князю Владимиру Мономаху и перешли в Москву.

«Сказание о князьях владимирских»

В первой четверти XVI в. возникло небольшое произведение «Сказание о князьях владимирских», в котором нашла яркое выражение официальная политическая теория Русского централизованного государства. Сказание начинается с рассказа о разделении вселенной между потомками Ноя и в перечне древних властодержавцев особо выделяет Августа — кесаря, который был провозглашен властителем вселенной. В одну из подчиненных ему областей на берега Вислы Август посылает в качестве владетельного князя своего брата Пруса. От последнего, через князя Рюрика, призванного новгородцами, и повелись князья русские, киевские и московские. Один из потомков Рюрика князь Владимир Всеволодович, в результате успешного похода на Византию, получает от византийского царя Константина Мономаха знаки царской власти — венец, бармы, цепь золотую и другие дары и послание, чтобы Владимир венчался тем венцом и дарами на царство. «И с того времени,— говорится в Сказании,— князь великий Владимир Всеволодович наречеся Мономах царь Великия России». Этим венцом венчаются все остальные русские князья, идущие от Владимира Мономаха. Обе легенды и о происхождении русских князей от римского императора Августа и о получении царских регалий из столицы Византийской империи имели целью идеологически обосновать самодержавные устремления великих князей московских и их суверенные права, как государей «всея Руси».

«Москва — третий Рим»

Идея преемственности московскими великими князьями власти из Рима и Византии нашла свое яркое выражение в теории «Москва — третий Рим», сформулированной в посланиях игумена псковского Елеазарова монастыря Филофея. Согласно этой теории история человечества есть история трех мировых царств, трех избранных богом народов. Измена православию привела к падению двух царств: Рима старого и Рима нового (Константинополя). Единственным оплотом православной веры осталось Русское государство. Последним, третьим Римом является Москва — это последнее мировое царство. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». По этой теории великий князь Московский, подобно византийским царям, становился защитником церкви, главой всех христиан, «един православный русский царь во всей поднебесной» восклицал Филофей в одном из посланий к Василию III. Мистическая теория Москвы третьего Рима, изображавшая возвышение Москвы, как мирвого центра православной веры способствовала росту национально-политических идей Русского государства, но она не могла служить реальной политической доктриной московской политики. Не достижение мировой власти, а объединение всех русских земель ставили своей задачей московские великие князья. Поэтому идеи «Сказания о князьях владимирских», обосновывающие претензии Москвы на все наследие Киева — т. е. и на те русские земли, которые находились под властью Польско-Литовского государства,

нашли широкое применение в политике московских князей. В сношениях с иностранными государствами русские дипломаты использовали легенду о происхождении московских князей от рода Августа и о венчании на царство их предка шапкой Мономаха для утверждения престижа Руси в системе других государств и для обоснования прав Москвы на все русские земли. Иван Грозный в письме к шведскому королю писал: «Мы от Августа кесаря родством ведемся», а на царском месте (троне), изготовленном в 1552 г., приказал вырезать историю о принесении шапки Мономаха из Византии.

Идеи «Сказания о князьях владимирских» нашли отражение в летописании. В конце XV и в первой половине XVI вв. создаются новые летописные памятники, отстаивающие идею централизации. В 1479 г. сразу же после присоединения Новгорода к Москве был закончен Московский летописный свод, который позднее в 30—40-х годах XVI в. лег в основу Воскресенской летописи. В изложении русской истории в этих летописях подчеркивалась неразрывная связь Киевского периода Руси с Московским. История России рассматривалась в них в рамках всемирно-исторического процесса как продолжение истории ветхозаветной, римской, византийской и южных славян. Несколько позднее эта концепция получила свое развитие в грандиозном Никоновском своде и в Степенной книге, созданных во второй половине XVI в. Летописание подводило итог объединению русского народа, сводило воедино все сочинения, касающиеся Руси и прочно вводило ее в сферу событий всемирной истории.

Ереси

Создание Русского централизованного государства происходило в условиях обостренной классовой и политической борьбы. Часто эта борьба облекалась в религиозную оболочку и проявлялась в виде еретических движений. Ересь конца XV в.— начала XVI в., связанная с развитием городского торгово-ремесленного населения, была направлена против господствующей церкви. Наиболее радикальная часть еретиков отрицала основные догматы христианской веры и выдвигала требование ограничить права церкви во владении землей и крестьянами. Общественные взгляды идеологов еретического движения нашли отражение в сочинении под названием «Аристотелевы Врата» — в наставлении Аристотеля Александру Македонскому. Здесь говорится, что царская власть — это служение народу. Царь должен заботиться о своих подданных, поощрять правдивых, не проливать зря крови, быть щедрым, управлять вместе с «умными советниками». В вопросе соотношения духовной и светской власти еретики были на стороне приоритета светской власти. Эта сторона учения еретиков, а также их обличения жадности и косности духовенства принимались правительством Ивана III порой благосклонно. Однако выступить защитником еретиков Иван III не мог, так как по существу своему ересь была движением антифеодальным. В разгроме еретиков великокняжеская власть стала на сторону церкви.

На соборе 1490 г. еретики были преданы проклятью, а в 1504 г. некоторые из них были казнены.

Иосифляне и Нестяжатели

Идеологом воинствующих церковников явился Иосиф Санин (1439—1515 гг.), игумен Волоцкого монастыря. Понимая, что только прочная власть феодального государства может спасти имущественные владения церкви, Иосиф Волоцкий выступал за укрепление государственной власти и самодержавия. Церковь должна быть подчинена царю, но царь должен беречь церковь, казнить еретиков, ни в коем случае не посягать на церковные земельные владения и другое имущество. Последователи учения Иосифа Волоцкого, так называемые иосифляне, шли дальше в развитии его положений о правах церкви и монастырей на землю. Противниками иосифлян выступили нестяжатели. Теория нестяжательства зародилась в конце XV в. среди монашества заволжских монастырей. На первой стадии в учении идеолога нестяжателей Нила Сорского (1433—1508 гг.) вопрос о праве монастырей владеть землями совсем не ставился. Нил Сорский лишь ограничивался проповедью созерцательной жизни и нравственного самоусовершенствования. Он призывал монахов жить трудом своих рук и не заниматься стяжательством. А так как идеалу монашеского аскетического житья противоречило владение монастырями землей и крестьянами, то Нил Сорский пришел впоследствии к выводу о вреде монастырского землевладения. На соборе 1503 г. нестяжатели выдвинули программу «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы ся рукодельем». Как известно, эта программа не была осуществлена. Ярым сторонником «нестяжательства» выступил Вассиан Патрикеев, насильственно постриженный Иваном III в монахи. В своих сочинениях Вассиан бичевал алчность и сребролюбие иноков, которые строили свое благополучие на слезах и крови крестьянской и пытался опровергнуть доводы иосифлян в пользу монастырского землевладения. Вассиан доходил до того, что ставил под сомнение церковную каноническую литературу: «здешние книги,— говорил он,— все лживые, а правила здешние — кривила, а не правила».

В последнем вопросе Вассиан Патрикеев нашел единомышленника в лице Максима Грека. Максим Грек прибыл в Москву в 1518 г. для исправления богослужебных книг и перевода с греческого. Однако он не ограничился этими узкими рамками, а развил кипучую литературную деятельность. Находясь под влиянием Вассиана Патрикеева, Максим Грек выступил с критикой организации Русской церкви и монастырского землевладения. В своих посланиях он язвительно бичевал пороки монахов и в самых черных красках изображал положение монастырских крестьян, истязаемых и терпящих ужасные лишения. В 1525 г. Максим Грек был, по домогательствам иосифлян, заключен под стражу и сослан в монастырь. В 1531 г. его судили второй раз вместе с Вассианом Косым и вновь подвергли заключению на 20 лет, откуда он был освобо-

жден лишь при Иване Грозном. Критика господствующей церкви и централизаторской политики московских князей велась нестяжателями с реакционных позиций. Однако обличение нестяжателями феодального строя и феодального землевладения имело объективно положительное значение.

Литература и народное творчество

Идеи централизации государственного аппарата власти нашли отражение в ряде литературных повестей. Написанная по заданию московского князя в конце XV в. «Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле» изображала справедливого феодала, поставившего своей задачей искоренить зло. Кто нарушал правду, тех воевода Дракула нещадно казнил: воинов — за трусость, монахов — за лицемерие, воров — за воровство. В повести восхваляются правдивость и разумная жесткость государственного деятеля в борьбе со своими врагами, в борьбе со злом. Общественно-политические идеи нашли отражение в повести о купце Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле, созданной в начале XVI в. Герой повести мудрый семилетний купеческий сын удачным отгадыванием загадок спасает жизнь своего отца, а затем убивает греческого царя за то, что тот хотел всех перекрестить в латинскую веру, и сам становится царем. Таким образом, русский купеческий сын спасает греческое царство от гибели, возлагает на себя царские регалии греческих царей, венчается на греческом престоле. В этом политический смысл повести. В «Повести о грузинской царице Динаре», появившейся в конце XV или в начале XVI в., прославляется идея царской власти, как власти, полученной от бога. Повесть представляла собой переработку легенды о знаменитой в истории Грузии царице Тамаре. Персидский царь, узнав о смерти грузинского царя Александра, вознамерился подчинить себе Грузию и уничтожить там христианскую веру. Но дочь Александра царевна Динара сумела посрамить персидского царя. Воодушевив свой народ на борьбу с захватчиками, Динара сама убивает персидского царя, берет богатую дань с персов и с почетом возвращается в свое царство, которым правит в мире и тишине 38 лет, до самой смерти. Появление повести свидетельствовало о культурных связях России с Грузией.

Борьба московских князей за усиление своей власти против боярства находила оправдание в «Повести о Петре и Февронье муромских», которые со времени Ивана III считались покровителями московских государей. Муромский князь Петр женится на простой крестьянской девушке Февронье. Но бояре не хотели, чтобы ими управляла крестьянская девушка и добились изгнания князя Петра и Февроньи. Однако в отсутствие Петра бояре начинают междоусобную борьбу за власть и многие погибают. Оставшиеся в живых вынуждены были призвать Петра и Февронью обратно на княжение. Таким образом, автор противопоставляет единодержавную власть князя гибельному боярскому самовластию. Произведения новгородской литературы, созданные после падения самостоятельности Новгорода носят в большинстве реакционный ха-

рактер, так как отражают интересы боярских кругов. В этих произведениях звучит унылая нота наказания Новгорода «за грехи». Настроения псковского боярства отразила «Повесть о псковском взятии», включенная в Псковскую 1-ю летопись. Реакционные настроения отразила новгородская «Повесть о белом клобуке», в которой доказывается первенство Новгорода в духовной культуре и в религиозных вопросах. Но и в Новгороде появляются произведения, отстаивающие идеи единства Руси и выступающие против носителей феодальной раздробленности. Примером может служить житие Михаила Клопского, особенно его новая редакция, составленная в 1537 г. В. М. Тучковым по поручению архиепископа Макария.

Несмотря на наличие областных литератур, период конца XV — начала XVI вв. является периодом решительной победы московской общерусской литературы как в художественном, так и в идеологическом отношениях.

На развитие русской литературы оказывало влияние и устное народное творчество, которое удовлетворяло художественные потребности широких народных масс и прежде всего крестьянства. Следы народной сказки видны в «Повести о Петре и Февронье», в «Повести о Дмитрии Басарге» и др. Народная сказка вносила в эти повести дух демократизма и живой народный язык. Из сказок, возникших в конце XV и начале XVI вв., замечательна своей политической направленностью «Сказка о Борме-Ярыжке». Герой сказки Борма-Ярыжка, выходец из народа, из Вавилона достает для русского царя после ряда приключений знаки царского достоинства. Сохраняя в устной традиции былины предшествующего времени, народ вносит в их интерпретацию социальную тему, изображая былинных бояр и князей в резко отрицательных тонах.

Просвещение и школа

Политическое объединение Руси имело положительное значение для развития русского просвещения. Тяжелые последствия татаро-монгольского ига, выразившиеся в снижении грамотности и в уничтожении огромных книжных богатств русского народа успешно преодолевались уже со второй половины XIV в. К концу XIV в. в Константинополе и на Афоне существовали целые колонии русских, занимавшихся списыванием книг, переводами с греческого и т. д. Много рукописей поступает на Русь из южнославянских стран. Возрождается и собственная русская книжность. Русские книжники усиленно переписывают сочинения, созданные еще до татаро-монгольского завоевания. Наряду со старыми центрами просвещения — Новгородом и Псковом — к концу XIV в. особое значение приобретают Тверь, Ростов, Суздальское княжество и наконец Москва. Уже в XV в. в Москве составляются грандиозные летописные своды, здесь создаются первые широко организованные государственные архивы, трудятся переводчики и т. д. В московских монастырях, у бояр и купцов возникают библиотеки рукописных книг. Особенно богатой была в начале XVI в. библиотека великого князя. В ней хранилось

до 800 древнейших рукописей, среди них сочинения Тита Ливия, Цицерона, Светония, Юлия Цезаря, Саллюстия, Полибия, комедии Аристофана, своды законов византийских императоров и т. д. Ученый монах Максим Грек, ознакомившись с библиотекой Василия III, воскликнул: «Государь! Вся Греция не имеет такого богатства, ни Италия, где католический фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасенные моими единоверцами от варваров магометовых». Собрание в великокняжеской библиотеке огромного числа античных авторов свидетельствует, что на Руси, так же как в эпоху Возрождения в Западной Европе, проявлялся большой интерес к античной культуре Греции и Рима. Русские книжники изучали античных авторов.

Крупные библиотеки создавались в таких монастырях, как Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Волоколамский и др. Тысячи писцов в городах, в монастырях и даже в деревнях и селах занимались переписыванием книг. Наряду с книгами церковными переписывались также рукописи светского содержания: летописи, хронографы, исторические сказания, литературные повести и т. д. Все это свидетельствовало о росте образования на Руси. Как показывают найденные в Новгороде при раскопках берестяные грамоты, грамотность здесь была присуща не только феодалам и торговым людям, но и широкому кругу посадского населения — ремесленникам. Грамотность растет и в других областях страны. По подсчетам подписей на документах полагают, что в начале XVI в. грамотных среди мужского населения русского Севера было 80%, среди помещиков Московской области — свыше 65%, а среди посадских 25—40%. Конечно, эти проценты могут считаться лишь приблизительными, однако они показывают, что элементарная грамотность была очень распространенным явлением на Руси в первой половине XVI в.

Обучение грамоте производилось через посредство особых «мастеров грамоты», которые порой содержали своего рода частные училища. Иногда эти училища открывались при монастырях и учителями здесь выступали монахи, иногда они открывались светскими людьми и даже в деревнях. Ребенка начинали учить грамоте с 7 лет, причем одновременно обучалось несколько детей. Учебники были рукописные. Сначала дети учили азбуку, затем переходили к слогам и усваивали первые навыки чтения. На второй стадии обучения заучивали часослов, учащиеся также обучались письму. Обучение заканчивалось, и то лишь в том случае, если родители были состоятельны, изучением Псалтыри.[1] Так приобретались знания элементарной грамоты. Есть сведения, что в школах учащиеся получали и простейшие знания в арифметике. Получив первоначальные знания, книжники остальное образование приобретали не в школах, а в общении с знающими людьми или путем

---

[1] Часослов и Псалтырь — богослужебные книги, широко употреблявшиеся для чтения и игравшие роль учебников при обучении грамоте.

чтения книг. В конце XV — начале XVI вв. известно много образованных русских людей. Таковы: воевода В. М. Тучков, боярин Ф. И. Карпов, В. Патрикеев, Иосиф Волоцкий, Д. Герасимов и многие другие. Боярин Ф. И. Карпов, умерший в 40-х годах, занимался астрологией, медициной, политикой, церковными вопросами. В. Патрикеев в своих работах ссылался на Гомера, Аристотеля, Платона, Александра и Филиппа Македонских. Образованнейшим человеком был Д. Герасимов, знавший иностранные языки. Конечно, круг этих высокообразованных людей был весьма ограничен.

Накопление научных знаний

В конце XV и в первой половине XVI вв. происходит накопление научных знаний во всех областях, связанных с укреплением экономической, политической и военной мощи страны. Уже говорилось, что потребность реальной политики как внутренней, так и внешней побуждала русских книжников к разработке истории Руси и соседних с ней стран. Расширяется и источниковедческая база истории. При составлении летописных сводов, хронографов, исторических сказаний привлекаются данные великокняжеских архивов, дипломатические документы, а также производятся генеалогические и хронологические изыскания исключительной точности. Развитие математических знаний вызывалось интересами государственного хозяйства. Предпринятые в конце XV и первой половине XVI вв. описания земель сопровождались измерениями земельных площадей и исчислениями налогов и повинностей, возлагаемых на население. Писцы и их помощники были первыми практическими «геометрами» и «арифметиками». О развитии астрономических знаний свидетельствуют точные хронологические таблицы праздников пасхи, рассчитанные в начале XVI в. на сотни лет вперед. В работах астрономического характера — «Шестокрыле» и «Космографии» — давалось правильное объяснение причин солнечных и лунных затмений. В таблицах «Шестокрыла» можно было высчитать вперед лунные фазы и затмения.

Развитие торговли способствовало обогащению географических знаний русского народа как о своей стране, так и о соседних странах. Писцовые, межевые и др. книги, охватывающие большие территории государства, содержали значительные географические данные. Есть известия, что в первой половине XVI в. составляются уже географические карты отдельных местностей («чертежи»).

Умножались знания по практической медицине. Создается большое количество рукописных лечебников, авторами которых были безвестные знатоки лечебных трав и способов врачевания. В лечебниках первой половины XVI в., обобщающих многовековой опыт народа, дается правильная характеристика основных лечебных растений: ландыша, черники, малины, шалфея, липового цвета и многих других. Углубляются знания о болезнях. В рукописях встречаются точные описания симптомов различных заболеваний. Например, в летописном рассказе о смерти Василия III (1533 г.) дается почти клиническое описание течения болезни и хода ее лечения.

В способах лечения, которые применялись при лечении Василия III, нет ничего знахарского. В рукописях начала XVI в. дается правильное объяснение многих явлений природы. Справочные словари, известные на Руси с XIII—XIV вв. (например «Толкование неудобь познаваемым речам»), в конце XV и в первой половине XVI вв. пополняются новыми словами и толкованиями. Появляются статьи о грамматике, о сотворении азбук греческой и славянской. Все это свидетельствовало о повышении интереса к изучению языков. Таким образом повсюду, во всех областях происходит накопление научных знаний, приобретенных русским народом в его трудовой деятельности.

Архитектура Образование Русского централизованного государства обусловило стремительный подъем в конце XV в.— начале XVI вв. строительного искусства. В величественных архитектурных памятниках, воздвигнутых в столице, нашел яркое выражение политический успех Русского государства и возросший международный авторитет Руси. В результате грандиозных строительных работ конца XV и начала XVI вв. создался тот архитектурный ансамбль Кремля, который и до наших дней сохранил величавую красоту и является замечательным памятником русского и всего мирового искусства.

Сооружение нового Кремля вызывалось стратегическими и политическими соображениями. Кремлевские белокаменные стены, построенные при Дмитрии Донском, к середине XV в. сильно обветшали. Они никак не отвечали новым фортификационным требованиям, возникшим в связи с победой огнестрельного оружия. Новые кирпичные башни и стены были построены в 1485—1495 гг. Строительство началось с южной стороны Кремля, обращенной к Москве реке, где в 1485 г. была заложена первая башня, Тайницкая, названная так потому, что под ней был устроен «тайник», подземный ход к реке и колодец. В 1487 г. строится Беклемишевская, а в 1489 г.— Свиблова башни, которые с востока и с запада завершили южную линию стен Кремля. В 1490—1492 гг. мощные стены и башни (Боровицкая, Фроловская, Никольская, Константино-Еленинская и Собакина) возводятся по восточной стороне Кремля, обращенной к Красной площади. С сооружением крепостных стен со стороны Неглинной в 1491—1495 гг. двухкилометровое кольцо кремлевских укреплений с 18 башнями сомкнулось. В 1508—1516 гг. вдоль Красной площади был устроен ров, заполненный водой, в результате чего Кремль оказывался как бы на острове, сообщаясь с городом через подъемные мосты. Все эти сооружения сделали Кремль первоклассной крепостью, одной из самых мощных в Европе, символизирующей силу и мощь Русского централизованного государства. Внешний вид кремлевских укреплений был очень суров и производил впечатление незыблемой твердыни. Башни Кремля в XVI в. еще не имели разнообразных шатровых завершений, устроенных в XVII в., а были покрыты простыми деревянными крышами.

Наряду со строительством укреплений, внутри Кремля велись также большие строительные работы. Они открывались сооружением Успенского собора. Успенский собор в Москве должен был строиться по образцу Успенского собора XII в. во Владимире, чем подчеркивалась преемственность власти московского князя от князей владимирских.

Работы по сооружению собора начались в 1472 г. и уже подходили к концу, когда 20 мая 1474 г. во время землетрясения он рухнул. Псковские мастера, вызванные для определения причин катастрофы, указали на ошибки в конструкциях и в строительных приемах. В 1475 г. для продолжения строительства был приглашен выдающийся итальянский мастер Аристотель Фиоравенти. Прибыв в Москву, Фиоравенти подпал под мощное влияние русского искусства. На архитектуре Успенского собора, построенного им, сильно отразилось воздействие архитектуры Успенского собора во Владимире и Софии Новгородской, с которыми он ознакомился во время его поездки по русским городам. Строительство Успенского собора продолжалось 4 года и было завершено в 1479 г.

Успенский собор представляет собой величественное здание, соответствующее его назначению быть местом важнейших государственных церемоний, связанных с «посажением» на стол московских великих князей. Успенский собор отличается строгою простотою и гармоничностью пропорций и ясностью художественных средств. Пять золотых глав шлемовидной формы венчают его. Суровая гладь стен нарушается лишь узкими щелевидными окнами и выступами от пилястр.[1] На уровне середины высоты собора стены украшает аркатурный поясок,[2] состоящий из полуколонок, соединенных арочками, заимствованными из владимирско-суздальской архитектуры. Абсиды[3] алтарной[4] части, обычно сильно выступающие с восточной части храма, здесь менее заметны, что создает большую легкость и стройность здания. Главный вход в собор украшен перспективным порталом, состоящим из уходящих вглубь полуколонн. Внутри собора создано обширное пространство, имеющее вид торжественного зала. Нововведением для Москвы явились четыре грандиозных круглых столба — колонны, поддерживающие свод здания. Вскоре после окончания строительства с 1482 г. художники начали роспись стен Успенского собора. К 1515—1516 гг. собор внутри был весь покрыт стенописью. По сообщению летописца в росписи собора принимал участие крупнейший живописец того времени Дионисий.

В 1484—1490 гг. мастера-псковичи построили в московском Кремле Благовещенский собор, представлявший собой небольшой стройный трехглавый храм, предназначенный для великокняжеской семьи. Легкость и нарядность форм Благовещенского собора осо-

[1] Пилястра — прямоугольный плоский выступ стены.
[2] Аркатурный пояс — ряд декоративных арок на фасаде здания.
[3] Абсида — полукруглый, прямоугольный или многоугольный выступ.
[4] Часть церкви, находится в восточной части храма.

бенно выделялась на фоне величавого Успенского собора, находившегося рядом. Благовещенский собор в 1564 г. был перестроен; появились галереи, а число глав увеличено до девяти. Нарядная Ризоположенская церковь в 1486 г. была построена на запад от Успенского собора.

В 1505—1509 гг. итальянский архитектор Алевиз Новый воздвигнул новый Архангельский собор, бывший усыпальницей московских великих князей и царей, начиная с Ивана Калиты. В архитектуре собора, напоминающего русский пятиглавый храм, много таких особенностей, которые делают его похожим на здание светского характера. В наружном декоративном убранстве собора нашли применение классические ордера. Главный западный фасад здания имеет сходство с венецианским дворцом.

Наряду со строительством храмов и церквей в Кремле возводятся и светские постройки. В 1487 г. начато было строительство грандиозного дворца Ивана III, который должен был быть по русской строительной традиции комплексом отдельных палат, соединенных крыльцами и переходами и увенчанных разнообразными кровлями. Из комплекса дворцовых сооружений до нас дошла Грановитая палата, построенная итальянскими архитекторами Марко Руффо и Пьетро Солари. Свое название она получила от фасада, сложенного из белых граненных камней. Грановитая палата была сооружена по образцу московских и новгородских гражданских построек. Палата представляла собой квадратное помещение со столбом посредине, на который опирается четыре крестовых свода. Это был самый большой зал на Руси. Здесь происходили парадные дворцовые церемонии, приемы послов. Общая композиция кремлевского ансамбля завершилась в XVI в. постройкой в центре Кремля церкви-колокольни Ивана Великого.

Пышные храмы и другие каменные здания возводятся не только в Москве, но и в других городах Руси. Некоторые из них создаются по инициативе великого князя Московского. В 1515 г. по повелению Василия III в Хутынском монастыре под Новгородом и в Тихвине строятся огромные соборы, архитектура которых находится в прямой зависимости от архитектуры московского Успенского собора. В эти же годы перестраивается собор в Ростове Великом, по архитектуре близкий к собору Хутынского монастыря. В 1521—1523 гг. строится собор Троице-Макарьевского монастыря в Калязине, в 1525 г.— собор Новодевичьего монастыря, тогда же воздвигается собор Рождества Богородицы Лужицкого монастыря под Можайском и др. Всем этим сооружениям свойственны в большей или меньшей степени черты величественных кремлевских соборов. Эти выдающиеся памятники знаменуют собой развитие нового стиля, ярко выражавшего расцвет Русского государства.

В первой половине XVI в. проводятся большие работы по строительству укреплений. В интересах обороны страны возводятся крепостные стены в ряде городов. Мощные стены и башни Ивангорода строятся в конце XV и в начале XVI вв. на берегах реки

Наровы. С 1500 по 1511 гг. сооружаются укрепления Нижнего Новгорода. В 1514—1521 гг. возводится Тульский кремль, в 1531 г.— кремль в Зарайске, в 1525—1531 гг.— кремль в Коломне, перестраиваются крепостные стены в Новгороде и Пскове. В самой Москве в 1534—1538 гг. создается новая оборонительная линия, опоясывающая торговый центр — так называемый Китай-город. Под Москвой в 1525 г. возникает Новодевичий монастырь, представлявший, благодаря своим стенам, настоящую крепость на подступах к столице. Все эти крепостные сооружения свидетельствуют не только о высоком военно-инженерном искусстве русских строителей, но и представляют собой блестящую страницу в истории русской архитектуры.

Живопись

Развитие живописи в конце XV и в начале XVI вв. связано с именем выдающегося художника Дионисия, в произведениях которого нашли яркое выражение рост национального самосознания русского народа и политические успехи Русского государства. В эпоху Дионисия московская живопись завоевала первое место между многочисленными местными школами, среди которых она занимала долгое время равноправное положение.

Мало сведений сохранилось о жизни Дионисия. Даже год рождения и место рождения неизвестно. Предполагают, что он родился около 1440 г. В 1460—1470 гг. он уже пользуется широкой известностью, и ему вместе с неким Митрофаном поручается роспись церкви Рождества в Пафнутьевом монастыре. В 1481 г. Дионисий совместно с Тимофеем, Ярцом и Коней пишет иконы Успенского кремлевского собора. В 1484 г. он вместе с сыновьями Феодосием и Владимиром в составе артели живописцев расписывает собор Иосифо-Волоколамского монастыря. Между 1500—1502 гг. Дионисий с сыновьями,— «Дионисий иконник со своими чады»,— как гласит надпись на стене,— работает над росписью церкви Рождества богородицы в Ферапонтовом монастыре на Белоозере. Предполагают, что Дионисий умер между 1502—1508 гг. Приведенные биографические данные показывают, что Дионисий был весьма почитаемым мастером, заказчиками которого выступают крупнейшие феодалы Русского государства и сам великий князь. Парадность, праздничность и торжественность письма Дионисия чрезвычайно соответствовали устремлениям Ивана III окружить свою власть ореолом блеска и царственного великолепия. В созданиях Дионисия, особенно в хорошо сохранившихся фресках Ферапонтова монастыря, очевидно стремление художника показать красивую сторону человеческих чувств и переживаний, благородство, утонченную женственность, нежность материнства, подчеркнуть достоинство человеческой личности, т. е. все то, что кладет на его искусство печать изящества и светского начала.

Ряд произведений Дионисия посвящен теме возвеличения тех исторических лиц, деятельность которых была направлена на возвышение Москвы. Сохранилось две житийные иконы из Успенского собора, отличающиеся высокой художественностью и торжествен-

ностью. Одна из них изображает митрополита Петра, другая — митрополита Алексея (ныне в Третьяковской галерее). В восемнадцати небольших клеймах-композициях, расположенных вокруг фигуры митрополита Алексея, художник стремился его изобразить как борца за национальную независимость, как защитника русского народа от татарского гнета.

Творчество Дионисия сыграло огромную роль в истории древнерусской живописи. Переработав рублевское наследство, он сделал его общерусским достоянием.

В памятниках живописи XVI в. разных городов наблюдается подражание работам Дионисия. Так, росписи Благовещенского собора 1508 г., исполненные артелью живописцев при участии сыновей Дионисия, Феодосия и Владимира, по трактовке образов, характеру композиции, формальным приемам, а также по колориту близки к фрескам Ферапонтова монастыря. Примечательно, что в росписи Благовещенского собора нашла отражение мысль о преемстве власти московскими князьями от Византии. На стенах и столбах собора изображаются рядом византийские императоры и князья киевские, владимирские и московские.

Борьба старых феодальных центров против объединительной политики Москвы находила свое отражение и в памятниках искусства. Новгородские бояре в борьбе против Москвы обращались к прошлому Новгородского государства. С этим связаны, например, большая строительная деятельность в Новгороде, воспроизводящая архитектурные формы XII в., т. е. периода могущества Новгорода, возрождение летописного дела, создание сказаний об архиепископе Иоанне, при котором Новгород отстоял свою независимость от суздальских князей. С последними событиями, а именно с войной Новгорода в 1170 г. против суздальцев связано создание иконы «Битва суздальцев с новгородцами» (конец XV в.). На ней изображена легенда о том, как суздальские войска бежали от Новгорода пред иконой богородицы, вынесенной архиепископом Иоанном на стены города. Создавая эту икону, художник выполнял социальный заказ новгородского боярства, стремившегося найти идеологическую опору в борьбе с Москвой. Икона «Битва суздальцев с новгородцами» написана лаконичным и выразительным стилем, свойственным искусству Новгорода. В рисунке людей, боевых эпизодов, очевидна связь с традициями народного искусства. В искусстве Пскова отмечается в конце XV в. ряд новшеств. В иконопись проникают светские мотивы, трактовка иконографических сюжетов приобретает известную свободу. На московских соборах псковичи обвинялись в том, что они писали иконы «по своему разуму», а не по обычаю.

Прикладное искусство

Включение Новгорода и Пскова в Русское централизованное государство вносило много своеобразного в общерусское искусство.

Рост русской культуры с конца XV в. выразился в развитии многообразных форм прикладного искусства. Пышный быт верхов

феодального общества — как светских, так и духовных феодалов — способствовал развитию ювелирного искусства, художественного шитья, вышивания и т. д.

Центрами ювелирного искусства были Москва, Новгород, Тверь, Суздаль и другие города. О значительном развитии ювелирного ремесла можно судить по следующему факту. Во время завоевания Новгорода Иван III вывез в Москву 300 возов «перел, злата и серебра и камений многоценных».

Небольшое число сохранившихся произведений мастеров-ювелиров XV в. свидетельствуют о высокой культуре этого ремесла. О виртуозной изобретательности мастеров свидетельствуют украшения, изготовленные способом скани. Тонкие нити проволоки (золотой, серебряной, медной или посеребренной), спаянные между собой, создавали изысканные узоры. Сохранившиеся книжные и иконные оклады XV в. с тончайшими сканными узорами показывают высокий художественный вкус древнерусских мастеров. В прикладном искусстве в конце XV в., наряду со сканью, получает распространение и басма. Тонкие листы металла (золота или серебра) со штампованным рельефным орнаментом употреблялись для украшения церковной утвари, икон, книг и предметов обихода. С конца XV в. возрождается вновь искусство перегородчатой эмали, стоявшее на высоком уровне в Киевской Руси и полностью забытое после татарского нашествия. Высокого совершенства достигло художественное шитье, основным материалом для которого были шелк (крученый и некрученый), золото и серебро. Шитье конца XV в. настолько совершенно, что производит впечатление живописи. В шитье-вышивке в этот период получил распространение так называемый «живописный стиль», отличающийся богатством цветовой гаммы и сочетанием светлых и темных тонов. Примером может служить новгородский «чин» из Государственной Третьяковской галереи. На фоне тафты малинового цвета вышиты безукоризненного рисунка стройные фигуры Христа, богоматери, Иоанна Предтечи, ангелов и апостолов. Мастер-художник сумел передать выражение лица изображаемых, то строгое, то нежное. Сохранились и другие произведения искусства вышивки конца XV в.— пелена Софьи Палеолог 1499 г., сделанная в честь рождения ее сына Василия, и подвесная пелена, посвященная венчанию внука Ивана III, Дмитрия Ивановича, на царство в 1498 г. На последней пелене изображены великий князь Иван III, митрополит Симон и члены княжеской семьи: Софья Палеолог с двумя дочерьми и сыном и княжна Елена Стефановна Волошанка и ее сын Димитрий. Как и ювелирные изделия, произведения художественного шитья свидетельствуют о большом искусстве русских мастериц-вышивальщиц и о развитом эстетическом вкусе.

Развивается искусство резьбы по дереву особенно для церковных надобностей. В связи с подъемом культуры возрастает потребность и в хорошо исполненной книге. До нас дошли отдельные экземпляры рукописных книг конца XV и первой половины

XVI вв., которые по своему художественному выполнению (изысканный шрифт, красочные заставки, хорошо выполненные миниатюры) представляют собой настоящие произведения искусства.

Мировое значение русской культуры

Расцвет русской культуры в конце XV в.— первой половине XVI вв. был результатом политического объединения Руси, выразившемся в создании Русского централизованного государства. В свою очередь достижения культуры были поставлены на службу крепнущему государству. Литература, архитектура, живопись, общественно-политическая мысль не в малой степени содействовали политике централизации, идеологически обосновывая и закрепляя успехи объединительной политики Москвы. В русской культуре, созданной на основе национальных народных традиций, находило выражение растущее сознание единства русского народа.

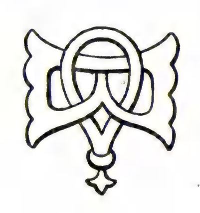
Создавая свою культуру, русский народ не отгораживался от культуры Западной Европы. Иван III наказывал своим послам нанимать за рубежом на русскую службу иностранных ремесленников, литейщиков, пушкарей, врачей, архитекторов, художников и т. д.

Русское централизованное государство и его культура явились центром притяжения для народов, находящихся под чужеземным гнетом. Белоруссы, южные и западные славяне, греки, молдаване, народы Прибалтики и Закавказья с горячей симпатией относились к героической борьбе русского народа против чужеземных захватчиков и в мощном Русском государстве видели своего естественного защитника, а в русской культуре — идейное оружие в борьбе за независимость.



II

УКРЕПЛЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА





Со второй половины 40-х годов XVI в. происходит процесс дальнейшего укрепления и расширения Русского централизованного государства и превращение его в государство многонациональное.

Преодоление экономической замкнутости отдельных русских земель, происходившее в результате развития производительных сил в стране, явилось основой изживания пережитков феодальной раздробленности и дальнейшего укрепления Русского централизованного государства — явлений, характерных для второй половины XVI в.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В экономическом отношении Русское государство в середине XVI в. находилось в полосе расцвета. Три десятилетия XVI в. (40—60-е годы) были временем успешного развития сельского хозяйства, ремесла и торговли.

Сельскохозяйственное производство

Важнейшей отраслью сельскохозяйственного производства было по-прежнему земледелие. Во второй половине XVI в. оно утвердилось в приморской части Новгородской области, а также распространилось далеко на юг, на новые районы присоединенного к Русскому государству «Дикого поля».

Благоприятное значение для развития земледелия в Поволжье имело заселение русскими этого края. Вместе с распространением земледелия на новые районы оно успешно развивалось в центральных уездах. Вырубались леса, увеличивались площади пахотных земель. На расчищенных новых местах повсеместно возникали новые деревни — починки. Так, в центральном Тверском уезде по писцовой книге 1539 г. починки составляли 10,7%, а по книге 1548 г.— 12,6% от общего числа поселений. В более северном Белозерском уезде в вотчине Кириллова монастыря было к середине XVI в. 248 деревень и 145 починков, т. е. вновь основанные

поселения составляли свыше 50%. В Новгородской области в Бежецкой пятине в 1545 г. починки составляли 30% всех поселений. Только за 6 лет с 1545 по 1551 гг. в этой пятине возникло 254 деревни. Подобные данные имеются и по многим другим центральным уездам. Указание источников на большое количество вновь основанных деревень в тех или иных районах указывает на хозяйственное развитие этих районов и прежде всего на развитие в них земледелия. О высоком уровне русского земледелия в центральных областях говорят и иностранцы. Ченслер, проехавший в 1553—54 гг. через Ярославль в Москву, отметил, что вся страна между этими городами на протяжении 120 миль «изобилует маленькими деревушками», окруженными обширными полями, где вся земля хорошо засеяна хлебом. Высокий уровень земледелия отмечал и проезжавший здесь в 1568 г. английский посол Рандольф. Во второй половине XVI в. происходит процесс улучшения системы земледелия. В центральных районах и в Новгородско-Псковской области господствует паровая система хозяйства с трехпольным севооборотом. К концу века эта система распространилась на южные районы и Поволжье. Однако в ряде южных уездов сохранялась еще переложная система, а иногда и просто пашня «наездом». В северных районах наряду с трехпольем оставалась и подсечная система земледелия. Обычно крестьяне расчищали участки под пашню вблизи лежащих к деревне лесах, снимали с них несколько урожаев, а затем забрасывали их. Основным орудием обработки почвы по-прежнему была соха, плуг применялся лишь в южных районах.

Хотя земледелие и господствовало над всеми другими отраслями сельского хозяйства, степень преобладания земледелия не была одинаковой во всех областях страны. Скотоводство имело серьезное значение в ряде центральных уездов. В Костромском, Нижегородском, Галицком, Арзамасском уездах источники отмечают обилие сенокосных угодий — лугов. Тверской уезд, Ярославский, Вологодский и Углицкий по сообщениям иностранцев поставляли продукты животноводства — сало, мясо, кожи. Более важное значение имело скотоводство в Новгород-Псковском крае. Здесь было много лугов, оброчных пожен, с которых собирались десятки тысяч копен сена. Псковские монастыри держали на скотных дворах десятки и сотни голов скота. Иностранцы отмечали, что много сала и кож производилось в Смоленской земле и Поднепровье. Обильные луга и пастбища отмечаются в Сольвычегодском, Углицком, Каргопольском и Двинском уездах, что способствовало здесь развитию скотоводства. В XVI в. к районам, в которых скотоводство не было развито, относились Степной край и Север — Печора, Терский берег (у Белого моря), Мурманский берег.

Важное значение имели промыслы. В Поморье жители занимались в основном рыбным промыслом и бобровым гоном, солеварением, охотой на пушного зверя и т. д. Рыболовство было развито по всей стране в больших и малых озерах и по течению рек.

Развитие ремесла

В середине XVI в. хозяйство феодальной деревни оставалось еще натурально-замкнутым. Основная масса населения удовлетворяла свои потребности в орудиях труда, утвари, одежде своим собственным трудом. Крестьяне сами строили свои дома, делали сельскохозяйственный инвентарь, посуду, производили холсты и сермяжное сукно, шили одежду, изготовляли обувь и т. д. Однако рост общественного разделения труда находил свое выражение в развитии ремесла, в увеличении городов и торговли. Даже в сельских местностях появляются ремесленники, полностью порвавшие с земледелием и живущие только от своего ремесла, сбывая произведенные товары на рынке. Это всевозможные «непашенные люди» — кузнецы, плотники, бочарники, калачники и т. д. Появляются особые поселения — слободы, в которых селятся ремесленники. Например, в Таиловской губе Псковского уезда была слободка в 25 дворов непашенных людей, а около Ипатьевского монастыря в Костромском уезде — 112 «непашенных» дворов, в которых жили 4 кожевенника, 2 красильника, 1 овчинник, 4 сапожника, 10 плотников, 6 кузнецов, 1 серебряник, 1 кирпичник, 1 свечник, 3 портных, 1 хлебник, 1 пивовар, 1 масленик. В новгородских селах встречаются такие случаи, когда десятки дворов заняты каким-либо одним ремеслом, например гончарным — 11 дворов, колесным — 18 дворов, плотницким — 5 дворов и т. д.

Яркий пример перерастания монастырского села в городское поселение дает большое подвологодское село Спасо-Прилуцкого монастыря Выпрягово. В 40-х годах XVI в. из 191 тяглеца этого села 156 человек торговые и мастеровые люди, порвавшие с земледелием.

Развивается ремесло и в городах, которые становятся центрами ремесленной промышленности. В Устюжне-Железопольской конца XVI в. было 236 дворов ремесленников, главным образом по железоделательному промыслу: 66 дворов молотников, 34 — кузнецов, 12 — угольников и т. д. В Новгороде (в 80-х годах) ремесленники составляли 49% всего населения, в Торопце (в 1540—41 гг.) — 10—12%, в Каргополе (в 60-х годах) — 27,3%, в Серпухове (1552 г.) — 22%, в Туле (1588—89 гг.) — 25,4%. Нет суммарных сведений о ремесленном производстве в таких крупных экономических центрах как Москва, Псков, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Астрахань, но, несомненно, процент ремесленников в них был еще выше, чем в перечисленных выше, сравнительно небольших городах.

Во второй половине XVI в. совершенствуется техника ремесленного производства, происходит дифференциация ремесленных специальностей. По данным историка русского города XVI в. Чечулина, в писцовых книгах XVI в. упомянуты ремесленники 220 специальностей. По подсчетам же А. В. Арциховского только в писцовых книгах и в одной лавочной книге г. Новгорода начала 80-х годов XVI в. указываются ремесленники 237 профессий. Больше

всего было кожевенников (427 человек), за ними шли сапожники (390 чел.), калачники и хлебники (385 чел.), серебряники (220 чел.), красильники (173 чел.), льняники (149 чел.), плотники (113 чел.), кузнецы (112 чел.) и т. д. По писцовым книгам устанавливается определенная локализация ремесла по определенным районам города, обусловившая большое количество наименований мест и улиц Новгорода. Например, местность «Кожевенники» была на берегу Волхова в Неревском конце и населялась ремесленниками-кожевенниками, в Гончарном конце на Воскресенской улице жили гончары, кузнецы селились на Кузнечной улице и т. д. Ремесленная дифференциация в Новгороде в XVI в. достигает высокого уровня. Например, среди новгородских кузнецов указано 38 ножевников, 31 железник, 21 гвоздичник, 17 замочников, 9 стрельников, 7 игольников, 5 секирников, 5 скобочников, 3 лемешника, 2 бронника, 2 сабельника, 1 забойник, 1 подковщик. Та же специализация наблюдается и среди скорняков. Писцовые книги указывают 34 бобровника, 19 белочников, 5 душечников, 5 кошурников, 5 медведников, 2 лисичника. Свыше 20 специальностей насчитывается среди новгородских портных. Были ремесленники — портные, которые специализировались на изготовлении какого-либо одного разряда одежды. По подсчетам Г. С. Рабинович, в Новгороде в 80-х годах XVI в. было занято обработкой животных продуктов 1034 ремесленника (27 специальностей), производством ткани и одежды 676 человек (42 специальности), обработкой металлов 345 человек (35 специальностей), обработкой дерева — 224 человека (18 специальностей), производством пищевых продуктов 367 человек (22 специальности), обработкой минералов 192 человека (12 специальностей).

Специализация происходила среди ремесленников и других городов, но не столь интенсивно, как в Новгороде. В Москве, например, выделялась новая разновидность бронников — кольчужники, изготовлявшие кольчуги из металлических колец. В каждом городе большое количество ремесленников занималось изготовлением продуктов питания, одежды и обуви. И здесь отмечается также очень большая специализация. Так, различные сорта хлеба готовили: хлебники, калачники, пирожники, блинники, пряничники и т. д. Среди сапожных специалистов источники называют особых мастеров — каблучников, подошвенников, поршенников, изготовлявших кожаные туфли, лапотников и т. д. Мы видим, что часть ремесленников специализировалась на изготовлении не только отдельных видов обуви, но и отдельных частей ее — каблуков, подошв. Такая специализация, наблюдаемая во всех отраслях ремесленного производства, говорит о росте ремесла вообще и о его значении в экономике страны.

Усовершенствовалась техника ремесла. В кузницах применялись механические молоты — «самоковы», приводимые в движение водой. Известен молот в 17 пудов весом. Высокого искусства достигло литейное производство. На Пушечном дворе в Москве ко-

вали небольшие пушки и пушки-гиганты. Замечательный русский мастер Андрей Чохов отлил в 1586 г. пушку в 2400 пудов. Пушку украшало изображение царя Федора на коне, почему она и названа была «царь-пушка». Высокого развития достигло русское ювелирное искусство. Ювелиры-серебряники изготовляли как дорогие золотые украшения для знати, так и более дешевые из серебра, меди и бронзы. В Москве для обеспечения царского двора предметами роскоши в середине XVI в. создается Оружейная палата, бывшая не только хранилищем оружия, но и мастерской, где производилось оружие, драгоценная утварь и т. д. Здесь работало много мастеров самых различных специальностей. Для обеспечения крупного государственного строительства в 1583 г. были учреждены Городовой приказ и Приказ каменных дел. В их ведении находились казенные ремесленники строительных специальностей: каменщики, кирпичники и плотники. Эти Приказы осуществили в конце XVI в. строительство Белого города в Москве и каменных кремлей в Астрахани, Казани и Смоленске. О размахе строительных работ можно судить по тому, что стены Смоленска строило 6 тыс. рабочих, было привлечено 3 тысячи подвод и израсходовано 100 миллионов штук кирпича. Внешним показателем развития ремесла может служить цифра роста русских городов. По данным Чечулина в течение XVI в. возникло 60 новых городов, причем многие из них создаются в 50-х годах XVI в. В каждом городе, за исключением небольшого числа степных городов-крепостей, значительную часть населения составляли ремесленники. Развитие ремесла способствовало росту внутренней и внешней торговли.

Развитие внутренней торговли

Несмотря на господство натурального хозяйства в стране, во второй половине XVI в. намечается ряд районов, в которых получают особое развитие отдельные отрасли производства. Так, хлеб производился в Рязанской области, в Опольщине, Заволочье и в Поволжье. Лен — в Новгородско-псковской области, в Смоленщине и в Ярославском районе. Элементы территориального разделения труда наблюдаются и в сфере ремесла. Районами железоделательного производства были преимущественно районы, изобиловавшие железными рудами. На первом месте в отношении добычи руды в XVI в. стоял район Серпуховско-Тульский (к югу от Москвы). Вторым по значению районом железоделательного производства был Новгородский край с Тихвином. В одной Вотской пятине в начале XVI в. было около 200 домниц, в которых выплавлялось железо, и большое число кузнецов как в городах, так и в деревнях. К Новгородскому району примыкал район Устюжны-Железопольской, которая в XVI в. стала промышленным центром, обслуживающим все государство. Крупными центрами выработки изделий из железа была Тверь, где, по словам современника, были «лучшие и искуснейшие по всей земле кузнецы», Ярославль, Вологда, и др. Железо вырабатывалось в Заонежских погостах, в волостях Белозерского края, в области Двины. Центрами кожевенного производ-

ства были Вологда, Ярославль, Кострома, Можайск, Муром и Новгород. В той или иной мере кожевенное производство (выделка кож, пошив обуви, сбруи и т. д.) было распространено повсеместно. В районах льноводства: в Псковско-Новгородском, Ярославском и Смоленском было развито производство полотна и холста, который поступал на широкий рынок. Крупными центрами деревообрабатывающей промышленности были Тверь, Калуга, Кирилло-Белозерский монастырь. Здесь изготовлялась из дерева посуда и ложки, расходившиеся по всей стране. Соль добывалась в Поморье, в районе Старой Руссы, на Шелони, при устье Мшаги, а также в Пермской области (на Вычегде, на Чердыне Соликамской) и у Галича. Наметившаяся специализация отдельных районов страны по производству тех или иных продуктов свидетельствовала о росте товарного производства. Продукт, произведенный в хозяйстве феодала или крестьянском хозяйстве, поступал на рынок.

Во второй половине XVI в. все яснее обозначались областные рынки в стране, центрами которых были крупные города: Новгород и Псков, Вологда, Ярославль, Холмогоры, Устюг Великий, Казань, Нижний-Новгород и др. Города, как центры ремесленного производства, нуждались не только в продуктах сельского хозяйства, но и в продуктах добывающей промышленности. На рынке ремесленники не только сбывали произведенные ими товары, но и приобретали необходимое для ремесла сырье и другие материалы: лен, холсты, сукна, кожи, железо, строительные материалы и т. п. Так, в Новгороде был особый льняной ряд, ряд холщевнический, белильный ряд, красильный ряд, два кожевенных ряда, три сапожных, большая торговля велась изделиями железоделательного производства. Таким образом, Новгород, получая сырье из пятин, через торг поставлял в сельские местности изделия ремесленного производства. Новгородский рынок объединял мелкие сельские рынки, возникавшие около ремесленных поселений, рядков, около монастырей и т. д. Торжки по городам и селам во всех областях Руси особенно быстро растут во второй половине XVI в. Например, в 60-х годах XVI в. в небольшом районе по течению р. Мологи было свыше десятка мелких торжков, куда съезжались «торговые люди и скупщики» и торговали «всяким товаром с девятой и десятой пятницы и по иным праздникам и по неделям (воскресениям) и во весь год». Скупщики — повсеместное явление. Они организовывали сбыт как сырья, так и готовых изделий.

Крупным торговым центром был и Псков, в котором насчитывалось, по подсчетам С. В. Бахрушина, 1478 торговых помещений. Торговля хлебом и солью была развита в Вологде. Крупным центром внутреннего обмена являлся Ярославль, к нему тянулись многочисленные сельские рынки близлежащих уездов, Бежецкого, Углицкого и др. Много торговали Нижний Новгород, Тверь, Дмитров. В Коломне был гостиный двор, соляной амбар Строгановых и 379 лавок в рядах, в Можайске 2 гостиных двора и 239 ла-

вок, в Серпухове 250 лавок, в Муроме 315 торговых помещений и три гостиных двора. О развитии торговли в Прикамье можно судить по тому, что в Казани было 376 лавок и 313 других торговых мест, а в Свияжске 254 лавки. Центрами торговли в Степном крае были Рязань, Астрахань, Тула и др. В Туле насчитывалось 294 лавки, в Зарайске 273 лавки, в Пронске 54 лавки и т. д.

Городской рынок был в большинстве случаев тесно связан с деревенской округой. В житии Даниила Переяславского сообщается, что крестьяне ежедневно рано утром отправлялись «во град на куплю, несуще от своих трудов земельных плодов и прочего снеда и от животных». Выразительную картину крестьянской торговли рисует другой документ середины XVI в. В нем говорится, что крестьяне вологодских сел Кириллова монастыря «приезжают в город на Вологду на торг с рожью и со пшеницею, и с овсом, и с солодом, и с мясом, и с лыки, и с хомуты, и с рогожами, и с иным сельским мелким товаром». Продукты крестьянского хозяйства находили хороший сбыт и в других городах, в которых сосредоточивалось значительное ремесленное население, оторвавшееся от земледелия.

Наряду с развитием областных рынков, укрепляются и межобластные связи. Особенно наглядно эта связь проявлялась в оживленной торговле Поморской области с центром. Из Поморья через Холмогоры поступала соль, рыба, меха, кожи, ворвань, моржовая кость, ловчие птицы, дичь, перья и пух. Сюда из центра везли все, в чем нуждался Север — от хлеба до металлов. Поморье покупало новгородские холсты, вологодские и белозерские сукна, новгородский и тихвинский «уклады» (т. е. сталь). Есть указания, что железо привозилось в Поморье из Подмосковья: из Серпухова и Тулы. Торговые связи развивались и между другими областями страны. Особое значение во второй половине XVI в. приобретает Москва, становясь постепенно в известной мере экономическим центром страны. Семь торговых дорог шли от столицы: на север — ярославская и углицкая, на северо-запад — новгородская, на восток — нижегородская, на юг — серпуховская, тульская и коломенская. В дальнейшем эти пути разветвлялись на целую сеть дорог, расходившихся по всему широкому пространству Руси. О степени оживленности дорог можно судить по ярославской дороге, по которой в Москву ежедневно проезжало по 700—800 возов с зерном. Своими размерами, количеством населения и оживленной экономической жизнью Москва поражала иностранных наблюдателей. Многонаселенный город поглощал большое количество продуктов сельского хозяйства. Ремесленная промышленность Москвы нуждалась в сырье. В Москву привозили лен, кожи, железо, воск и т. д. На торгу в Москве можно было купить отдельный сруб и даже целый дом. Москва была центром пушной торговли. Следовательно, Москва не только снабжала страну произведениями своих ремесленников: оружейников, иконописцев и др., но являлась центром

транзитной торговли, через который шли товары различных областей страны. Так закладывались предпосылки всероссийского рынка.

Развитие внешней торговли

Интенсивно развивалась и внешняя торговля Русского государства. С присоединением Казани и Астрахани Россия получила возможность установить непосредственные сношения с государствами Средней Азии и Кавказа и Ираном, которые стали играть выдающуюся роль в русской внешней торговле. Из восточных стран привозили шелк и шелковые ткани (из Персии, Ширвана, Турции), хлопчатобумажные изделия (из Средней Азии), пряности, драгоценные камни и т. д. Россия вывозила кожи, меха, шерсть, воск, мед, ловчих птиц и изделия ремесла. Расширились торговые связи и с Западом. Русское государство впервые завязало торговые сношения с Англией, Нидерландами и Испанией. В 1553 г. один из кораблей английской экспедиции, имевшей целью отыскать дорогу в Индию северным путем, был занесен в Белое море и пристал в устье Северной Двины. Капитан судна Ричард Ченслер был принят в Москве Иваном IV и заключил торговый договор между Англией и Русским государством. Два года спустя, в 1555 г., в Англии была образована специальная «Московская компания», которая и вела торговлю с русскими через Белое море. Несколько позднее, в конце 60-х и начале 70-х годов, на севере появились голландские купцы, вступившие в конкуренцию с англичанами.

В годы Ливонской войны важным торговым портом России, через который шла внешняя торговля, была Нарва. Одних голландских судов в Нарву приходило ежегодно от 200 до 300. С потерей Нарвы в 1581 г. основным средством сообщения с Западом вновь стал северный путь. Предметами, вывозимыми из западных стран, были сукна, оружие, свинец, олово, вина, писчая бумага и др. На Запад Россия возила пушнину, воск, мед, кожи, сало, масло, мясо, лен, пеньку, коноплю, смолу, деготь, вар, корабельный лес и т. д. Через территорию России шла и транзитная торговля между странами Востока и Запада, в которой наибольшую роль играли английские купцы. О размахе внешней торговли России во второй половине XVI в. можно судить по ярмарке в Холопьем городке на Волге, недалеко от Углича, описанной современником. Здесь встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, ногаи, черкесы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке. Как видим, небольшой городок на Волге был оживленным центром внешней торговли. Большое значение во внешней торговле имели Вологда, Ярославль, Холмогоры и, наконец, Москва. По словам одного иностранца, посетившего Москву в 1593 г., сюда приезжали многочисленные купцы из западных стран, а также купцы из Турции, Персии, Туркмении, Кабарды, Грузии, бывали здесь и бухарцы, греки и др. По сравнению с предшествующим временем пало значение во внешней торговле

Новгорода и Пскова, хотя и во второй половине XVI в. через эти города вывозились за границу сельскохозяйственные продукты (лен, конопля, кожи, сало и т. д.). Оживленная торговля с Литвой и Ливонией шла на двухнедельной петровской ярмарке в Острове и в других пограничных городах.

Развитие внутренней и внешней торговли во второй половине XVI в. свидетельствовало о важных переменах в хозяйственном развитии Русского государства, а именно свидетельствовало о росте товарно-денежных отношений в стране.

Феодальное землевладение

Серьезные изменения произошли в третьей четверти XVI в. в соотношении различных форм феодального землевладения. Значительное развитие получило поместное землевладение. В центральных уездах поместные земли составляли более 1/3 всех земель (в Коломенском 60%, в Московском 34%, в Звенигородском 27%), в Псковской области — примерно половину земель, а в Новгородской области по разным пятинам от 75% до 97%. Преобладали поместья в степной полосе, по отдельным уездам они составляли здесь от 61% до 99% всей территории. В условиях развивающихся товарно-денежных отношений дворянское поместье оказалось более жизнеспособным, чем крупная феодальная вотчина. Поместье легче перестраивалось в связи с потребностями рынка. В поместье раньше, чем в крупных вотчинах, вводилась барщина. Барская запашка давала помещику больше продуктов, с которыми он мог выступать на рынке. Княжеско-боярское вотчинное землевладение, связанное своими корнями с порядками феодальной раздробленности, становилось все больше и больше помехой социально-экономическому развитию Русского централизованного государства. Правительство Ивана Грозного, стимулируя поместную систему, стремилось установить контроль за владениями удельных княжат и бояр. Указами 1551 и 1562 гг. княжатам было воспрещено без согласия царской власти отдавать земли в монастыри помимо рода, т. е. помимо родственников: братьев и племянников, которые наследовали вотчину. При отсутствии наследников вотчина отписывалась в казну и шла в раздачу помещикам. Незаконно розданные в монастыри княжеские вотчины также поступали в казну и отдавались в поместья. В середине XVI в. была прекращена выдача тарханных и несудимых грамот светским феодалам, которыми светские феодалы освобождались ранее от уплаты налогов государству со своих владений и ограждались от вмешательства судебно-административных властей. Этим самым был нанесен удар податному и судебному иммунитету светских феодалов-вотчинников. В интересах дворян-помещиков правительство Ивана IV пытается ограничить развитие церковно-монастырского землевладения. Духовенству в середине XVI в., как уже отмечалось, принадлежала 1/3 всех угодий, удобных для сельского хозяйства. Кирилло-Белозерский монастырь, например, имел от 13 до 19,6 тыс. десятин пахотной земли. В вотчине Ио-

сифо-Волоколамского монастыря, разбросанной по 9 уездам, было свыше 30 тыс. десятин земли. В одном Рузском уезде, по описанию 1569 г., Волоколамский монастырь владел более чем 14 тыс. десятин земли. В 18 уездах находились вотчины московского Симонова монастыря, в 14 уездах — Новодевичьего монастыря, который имел не менее 30 тыс. десятин земли. Большие земельные владения принадлежали митрополиту. Несмотря на ряд ограничений, проведенных правительством Ивана Грозного, церковно-монастырское землевладение в 50 — начале 70-х годах значительно возросло. В руки монастырей попало большое количество княжеско-боярских вотчин. Монастыри захватили также значительную часть черных крестьянских и дворцовых земель.

Усиленная раздача земли помещикам, практиковавшаяся правительством Ивана Грозного как до опричнины, так и особенно в пору опричнины, привела к почти полному исчезновению черного крестьянского землевладения в центре и к сильному сокращению дворцовых земель. Черное крестьянское землевладение осталось лишь в северных уездах Русского государства.

Следовательно, развитие поместного землевладения имело своим результатом расширение и углубление сферы феодальных отношений. Укрепление поместной системы было связано с процессом дальнейшего закрепощения крестьян и изменения форм феодальной эксплуатации.

Рост денежной ренты. Усиление эксплуатации крестьян

С середины XVI в. на Руси отмечается дальнейший рост денежного оброка за счет натурального. В связи с развитием товарно-денежных отношений потребность феодалов в деньгах значительно возросла. В отличие от предшествующего периода в середине XVI в. перевод крестьян на денежный оброк становится повсеместным явлением. Так, к 1568 г. 16% крестьянских хозяйств Вотской пятины платили денежный оброк. В Обонежской пятине, населенной преимущественно черными и дворцовыми крестьянами, в 1565 г. денежный оброк платили 76% крестьянских хозяйств. Еще выше процент денежного оброка был в Бежецкой пятине, ибо здесь еще в 1565 г. более 26% хозяйств было обложено денежным оброком. По описаниям 90-х годов Троице-Сергиев монастырь со своих вотчин в центральных уездах взимал с крестьян оброк только деньгами. Значительная доля платежей с черносошных крестьян и с дворцовых крестьян бралась также деньгами. Иногда весь оброк переводился на деньги. Его вносили еще в 40-х годах крестьяне дворцовых волостей Волоколамского уезда. С 60-х годов на денежный оброк переводятся дворцовые крестьяне Веневского, Белозерского, Казанского и Свияжского уездов. Денежный оброк как повсеместное явление отражал значительное развитие торговли, городской промышленности и товарного обращения.

Одновременно с денежным оброком феодалы начинают развивать собственную запашку, в связи с чем на крестьянина накладывается барщина. К увеличению барской запашки феодалы побуж-

дались тем, что хлеб как товар стал играть все более заметную роль на рынке. Источники показывают, что в некоторых поместьях боярская пашня составляла 16, 35, 38 и даже 56% всей запашки. В монастырских имениях Московского уезда в 1573 г. монастырская пашня занимала более 26% всей запашки. В 90-х годах в вотчинах Троице-Сергиева монастыря, в центральных уездах, владельческая запашка занимала около 1/3 земель. Еще резче возрастание боярской запашки наблюдается в южных уездах — в Степном крае, здесь она занимала примерно половину пахотных земель.

Вместе с ростом боярской запашки шло развитие крестьянской барщины. Раньше всех барщину в своих хозяйствах вводят мелкие и средние землевладельцы, т. к. эксплуатация крестьянского труда на барской земле позволяла им более эффективно использовать поместье. Для помещика, как правило не имевшего холопов, принуждение крестьян к барщинным работам было единственным способом обеспечения своего земледельческого хозяйства. Крупные вотчинники могли обрабатывать землю часто трудом своих холопов.

В связи с ростом владельческой запашки значительно уменьшается количество земли, находившейся в пользовании крестьян. Средняя запашка на крестьянский двор по центральным уездам сокращается. Это особенно заметно с 70-х годов XVI в. Крестьянский надел на владельческих землях в это время, как правило, был не более 3-х, 4-х, или изредка 6 десятин, т. е. почти в два раза меньше крестьянского надела первой половины XVI в.

Рост денежного оброка, введение барщины, захват крестьянских земель под владельческую запашку, все это означало усиление крепостнической эксплуатации крестьян. Усиление крепостнической эксплуатации потребовало укрепления власти помещиков-крепостников. Личная зависимость крестьянина от феодала, благодаря которой последний мог заставить работать на себя первого, значительно возросла. В России в XVI в., как и в других странах Европы к востоку от Эльбы, развивается крепостничество. Хотя Судебник 1550 г. подтвердил право крестьянского выхода в Юрьев день, однако фактически крестьянин мог воспользоваться им лишь для того, чтобы перейти от одного феодала к другому, который мог бы уплатить все долги за крестьянина. Так писатель-современник Максим Грек говорит, что если монастырский крестьянин захочет уйти, то его не отпускают прежде, чем он не заплатит весь оброк и долги монастырю. Но сделать это рядовому крестьянину не под силу, поэтому он должен был искать другого феодала, который бы его «отказал» из-за монастыря. В таком случае в положении крестьянина ничего не менялось — он попадал в кабалу к новому феодалу. Монастыри и помещики удерживали часть крестьян силой. Так из челобитной крестьян одной черносошной волости 1555 г. видно, что ржевские, псковские, луцкие и другие помещики вообще крестьян из-за себя не выпускают, требуют уплаты пожилого выше, чем это определено ст. 88 Судебника. В результате «отказати де их хрестьянина из-за тех детей боярских немочно». Таким образом,

существовавшее право крестьянского выхода часто фактически сводилось на нет. Крестьяне, которые уходили от феодала «не в срок без отказу», рассматривались как беглые и возвращались правительственными органами обратно.

Усиление крепостного гнета сопровождалось обнищанием и обезземелением крестьянства. К середине XVI в. появляется значительный слой крестьян-бобылей, потерявших землю. Обезземеливание крестьянства в середине XVI в. особенно заметно проявляется также в дальнейшем развитии такого разряда зависимого населения, как новоприходцы. Путем привлечения новоприходцев феодалы увеличивали число зависимых крестьян. Такое же значение имело развитие половничества в северных и северо-западных районах Руси. Характерной особенностью половничества в изучаемый период является проникновение его в сферу промыслов.

На тяжелое положение крестьян в середине XVI в. указывал публицист того времени Ермолай-Еразм. Он с горечью писал, что «ратаеве» (т. е. пахари) находятся под гнетом своих господ, царских правителей, несут многочисленные повинности, платят подати. Они (ратаеве), писал Ермолай-Еразм, «беспрестани различныя работныя ига подъемлют: овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собрания, овогда же ина». Царские сборщики помимо царских податей обирают крестьян в свою пользу: «подле царского уставления и себе с них многа збирают», берут беззаконно корм у крестьян. Кормленщики мучают крестьян «сребра ради» и т. д. «Многа же и ина ратаем обида», восклицает Еразм.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Классовая борьба

Подметив усиление крепостнической эксплуатации, Ермолай-Еразм отмечает также и факт нарастания классовой борьбы крестьянства против феодалов, указывает на волнения крестьян. Ратаи, по словам Еразма, «всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единаго ярма тяготу всегда носяще». Классовые противоречия обострились в середине XVI в. и в городе. Низы городского населения, так называемые «молотчие люди», несли большее число повинностей в пользу государства, платили налоги и оброки. Городская чернь находилась под гнетом феодалов, а также угнеталась выделившейся городской верхушкой, теми «добрыми» и «лучшими» людьми посада, которые вели крупный торг и владели промыслами.

Рост феодальной эксплуатации, приведший к значительному ухудшению положения крестьян и низов посадского населения, был причиной обостренной классовой борьбы, которой отмечена середина XVI в. Особенно сильный размах классовая борьба приняла в Москве. В июне 1547 г. произошло открытое восстание посадских людей столицы. Восстание развернулось в сложной политической обстановке, в условиях обостренной борьбы за власть между дворянством, с одной стороны, и княжеско-боярскими реакцион-

ными кругами — с другой. В конце 40-х годов находит свое завершение процесс оттеснения от власти княжат и бояр и окончательно ликвидируется «боярское правление». К управлению государством приходят те социальные группировки, которые стремились путем проведения крупных реформ укрепить власть и управление централизованного государства.

Началом реформ было венчание на царство Ивана IV (16 января 1547 г.), осуществленное по инициативе митрополита Макария, виднейшего сторонника и идеолога самодержавной власти. Это был акт большого политического значения. Принятием царского титула подчеркивались самодержавный характер власти молодого государя, способной покончить с феодальным междоусобием, и возросшее международное значение Русского государства. Последовавшая вскоре (3 февраля 1547 г.) женитьба царя на Анастасии Захарьиной означала укрепление при дворе ее родственников, т. е. опять-таки группировки, которая выступала за прочную царскую власть.

Однако это были лишь первые шаги. Фактически власть попрежнему оставалась в руках феодальной знати. Родственники царя — князья Глинские сохраняли свое влияние в правительстве. Они олицетворяли собой тех вельмож, «насильствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде», которые возбуждали особую ненависть народа. Поэтому восстание посадских низов Москвы, по своей сути антифеодальное, приняло форму восстания против Глинских.

Толчком к восстанию послужил пожар, уничтоживший большую часть Москвы. Пожар начался 21 июня 1547 г. в 10 часов дня (т. е. в 12 ч. 30 м. по нашему счету) в одном из монастырей на «Арбатской улице на Острове» и продолжался около 10 часов. Благодаря сильному ветру пламя распространилось по всему городу с огромной быстротой. Выгорела основная территория Москвы. По сообщению летописи сгорело 25 тыс. домов и погибло 2700 человек. По другим источникам цифра погибших достигала 3700 человек. Десятки тысяч москвичей остались без крова, в городе начался голод. Все это еще больше ухудшило и без того тяжелое положение низов городского населения. Классовые противоречия обострились. Волнения в Москве начались сразу же после пожара и приняли столь опасный для правительства характер, что царь с двором вынужден был, по словам Курбского, «утещи от града» в подмосковное село Воробьево. Опасаясь народного восстания, бежали из Москвы и прятались по монастырям родственники царя, князь Михаил и Анна Глинские. Среди населения Москвы распространялся слух, что Москву подожгли Глинские, что бабка царя, княгиня Анна «вымала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила». «А сие говорили,— поясняет летописец,— черные люди того ради, что. . . от людей их (Глинских) черным людем насильство и грабеж, они же их от того не унимаху». В этих словах летописи ясно выражен классовый

смысл восстания,— оно было направлено против боярского произвола и насилий, против феодальной эксплуатации.

Открытое восстание началось в воскресение 26 июня 1547 г. Собравшись вечем, видимо, где-то на посаде, «черные люди» Москвы двинулись в Кремль и заполнили центральную площадь Кремля перед государевым двором. Народ требовал выдачи Глинских. Спрятавшийся в Успенском соборе Юрий Глинский был разыскан ворвавшимися посадскими людьми и убит здесь во время церковной службы. Затем восставшие разгромили дворы князей Глинских, перебили их людей. Побиты были также многие дети боярские из северных городов, связанные, видимо, с Глинскими. В следующие два дня 27 и 28 июня Москва фактически была в руках восставших, которые, вероятно, пытались даже создать какое-то свое управление городом. Во всяком случае новое вооруженное выступление было кем-то организовано. 29 июня по «кличу палача»,— должностного лица, обычно выбираемого от посадских людей вооруженные посадские люди «скопом» «с щиты из сулицы, яко же к боеви обычай имаху», т. е. с оружием и щитами, как в бой, двинулись в Воробьево, где находился царь. Народ потребовал от царя выдачи Глинских (Анны и Михаила), ибо ходил слух, что он их прячет у себя. Появление множества вооруженных людей перед царем напугало правительство. «Вниде страх в душу мою и трепет в кости мои и смирися дух мой»,— вспоминал позднее об этом моменте царь.

Правительство не было в состоянии двинуть войска против восставших, видимо, не располагая ими, оно попыталось убедить народ, что царь не скрывает Глинских. Этому поверили, так как не подтвердился и второй слух — о походе крымского хана на Русь. Не имея ясного плана действий, восставшие покинули село Воробьево. Царь решился провести розыск лишь позднее, когда отряды восставших не будут представлять для него опасности. Восстание было жестоко подавлено. Предводители его казнены, многие — по сообщению летописи — вынуждены были бежать из Москвы. С восстанием в Москве было покончено. Однако оно отозвалось по всей стране. Обострение классовой борьбы в городах вызывалось ухудшением положения народных масс в связи с хлебным недородом 1547—1549 гг. и введением повышенного налога по 12 рублей с сохи. Под 1547 г. летопись отмечает: «во всех городех Московские земли и в Новегороде хлеба было скудно. Тое же зимы царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублев, и оттого крестьянам тягота была великая». Волнения прокатились в ряде городов. В июне 1547 г. псковичи выступили против наместника Турунтая. Они отправили в Москву 70 человек, чтобы подать жалобу на него правительству. Однако Иван IV с ними жестоко расправился. Грозные события произошли в 1547 г. в Опочке. Посадские люди посадили «в крепь» (т. е. в тюрьму) особенно ненавистного пошленника Салтана Сукина, который «много зла творяша». Для усмирения волнений в Опочке из Новгорода спешно была выслана

двухтысячная рать. Участники восстания были выведены из Опочки, т. е. поселены в других городах. Неспокойно было и в Новгороде. В 1546 г. летопись отмечает столкновения посадских людей с богатыми торговыми людьми — сурожанами (переселенными ранее из Москвы), которые стремились переложить на посад все расходы по набору пищальников к казанскому походу. Правительство встало на сторону богатого купечества и на посад были наложены репрессии.

О напряженном положении в Новгороде в 1547 г. свидетельствует грамота архиепископа Феодосия к царю по поводу кормчества. Говоря о вреде кормчества, Феодосий указывает, что «в домех и на путех и на торжищех убийства и грабленна, во граде и по погостам, великие учинилися, прохода и проезду нет кроме тебя, государя, того душевного вреду и травления уставити некому». Глава новгородской церкви, как видим, обращается к царю за помощью. В 1549 г. прокатились волнения в Устюге — «смутишася люди града Устюга». Восстание было направлено против верхушки посада: «восташа друг на друга и много домов разграбили, многих и человек смерти предали». В марте 1550 г. по случаю пожара во Пскове произошли новые волнения — «рагоза и нелюбовь», как пишет летописец. Волнения имели ярко выраженный социальный характер. Во время пожара, охватившего значительную часть города «меншия люди начаша грабити богатых людей животы». Борьба против феодального произвола разгоралась повсюду. От царских наместников, волостелей, сборщиков дани, пошлинников и других приказных лиц поступали жалобы, что «им посацкие и волостные люди под суд и на поруки не даютца, и кормов им не платят, и их бьют». В приговоре о кормлениях 1555 г. правительство вынуждено было признать, что многих городов и волостей крестьяне («мужичье») избивали и убивали кормленщиков и их людей, грабили их имущество и вотчины. Все эти факты свидетельствовали об обостренной классовой борьбе в стране в середине XVI в.

РЕФОРМЫ 50-х ГОДОВ XVI в.

Классовая борьба крестьянства и посадских низов против феодалов, ярким проявлением которой явилось июньское восстание в Москве, представляла собой угрозу феодальному государству. Перед царем Иваном и окружающими его государственными деятелями стояла задача укрепления власти и подавления народного движения. В условиях середины XVI в. это могло быть достигнуто лишь путем укрепления централизованного аппарата власти, установлением самодержавия. Дворяне-помещики, поддерживавшие растущее самодержавие, видели в прочной центральной власти надежную гарантию своего владения землей и господства над крестьянами. Сильная царская власть могла обеспечить дворян от посягательств со стороны верхов их собственного класса — бояр и княжат.

Ярким выразителем интересов дворянства в 40-х годах XVI в. выступил Иван Пересветов. В своих сочинениях Пересветов доказывает, что опорой государства являются не бояре, которые «богатеют и ленивеют», а «воинники», т. е. дворяне, составляющие главные военные силы государства. Воинниками царь «силен и славен». Поэтому он должен «воинником сердца возвращати и к себе их припущати блиско, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любити их яко отцу детей своих, и быти до них щедру». Воинники-дворяне должны быть обеспечены денежным жалованьем из казны. Вместо родовитости личные заслуги и храбрость должны определять служебное положение воинников. В войсках должна быть строжайшая дисциплина и «наука воинская» (т. е. обучение). Во главе воинников должен стоять царь сам или поставленный им «мудрый паша». Пересветов предлагал создать регулярное войско стрельцов в 20 тыс. человек.

Для обеспечения военных расходов необходима была строгая финансовая централизация, при которой все средства должны поступать в царскую казну. Кормления должны быть уничтожены. Особое внимание обращал Пересветов на устройство суда. Царь должен издать книги судебные, назначить судьям жалованье из казны, обязав их присылать судебные пошлины в казну и строго бороться со взяточничеством. Пересветов выступал против закабаления служилых людей боярами и предлагал все кабальные «книги полные и докладные огнем пожещи». Отражая интересы дворянства, стремящегося к увеличению земельных владений, Пересветов предлагал царю завоевать «подрайскую землю» — Казанское ханство. Для защиты южных границ — создать прочную оборонительную линию.

Осуществление намеченной программы не может не вызвать сопротивления со стороны крупных феодалов. Поэтому Пересветов призывает царя быть «грозным», ибо «немошно царство без грозы держати».

Основные требования дворянства были удовлетворены в ходе реформ 50-х годов XVI в. Непосредственным результатом восстания 1547 г. явилось устранение от власти Глинских и переход управления государством в руки их политических противников. В состав нового правительства входили родственники царя Захарьины, игравшие заметную политическую роль уже с начала 40-х годов, сравнительно незнатный дворянин Алексей Адашев, священник придворного Благовещенского собора Сильвестр, князь Андрей Курбский и др.

Большую роль в политической жизни, как по положению, так и по своим личным качествам, играл митрополит Макарий. Это было то фактическое правительство, которое осуществило проведение реформ 50-х годов.

Общий характер реформ нашел свое выражение в декларации царя Ивана IV, сделанной им на заседании Боярской думы и «освященного собора» 27 февраля 1547 г. В декларации царь об-

винял бояр во всех непорядках, бывших в годы его малолетства, когда от бояр «детем боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных обидных делах» и воспрещал подобные действия бояр в будущем. Эту речь, в которой провозглашалась политика защиты интересов помещиков против насилия бояр, царь повторил также перед дворянами, «воеводами и княжатами и боярскими детьми и дворянами большими». Дело не ограничилось лишь речами. На другой день, 28 февраля был принят закон о новых формах суда для помещиков. По этому закону помещики во всех делах, кроме уголовных (убийство, разбой), освобождались от суда наместников и подчинялись суду центральных судебных учреждений; вместе с тем помещикам давалось право суда над своими крестьянами. Закон охранял мелких землевладельцев от произвола кормленщиков и приравнивал их в судебном отношении к боярам. Указ 28 февраля 1549 г. можно считать началом работы по пересмотру законодательства, результатом которой было издание в июне 1550 г. нового Судебника, заменившего Судебник 1497 г.

Судебник 1550 г.

Для выработки Судебника в 1550 г. в Москве был собран первый Земский собор, состоявший из боярской думы и других чинов государственного центрального управления, а также из представителей от городов.[1] Привлечение провинциального дворянства к составлению нового Судебника вполне соответствовало общему направлению политики правительства 50-х годов по реорганизации местного управления и защите интересов детей боярских против произвола бояр-наместников.

Из 100 статей нового Судебника большая часть посвящается вопросам управления и суда. Сохраняя старые органы управления, Судебник 1550 г. вносит существенные изменения в систему управления Русского государства. Эти изменения идут по пути усиления органов центрального управления (приказов и дьяков) и ограничения власти наместников. По Судебнику дьяки и бояре получали в свое ведомство («в приказ») определенную территорию (города) и обязывались контролировать действия наместников этих городов и принимать от населения жалобы на наместников. Вводится правило, что дела по служебным преступлениям (приказным, разбойным) наместников и волостелей и их людей должны разбираться до окончания срока кормления.

Одновременно с усилением центральных органов управления в Судебнике ярко выражена тенденция к ограничению деятельности

---

[1] Факт созыва Земского собора в 1550 г. для составления Судебника подтверждается летописной записью, воспроизведенной историком В. Н. Татищевым на полях его списка Львовской летописи. Эта запись гласит: «Да видя же князь великий, что и в судех неправды и грабления, оставя предков уложения судят по своей воли, и для того велел князь великий собрати от городов добрых людей по человеку, да и к тому бояр, окольничих и дворецких велел сидети и судебник со старых уложений делати, яко же зделав, все крестным целованием утвердили, что держати в правду».

органов местного управления, наместников и волостелей. Так, наместники лишались права окончательного суда по высшим уголовным делам, эти дела докладывались центральному правительству; ограничивались права наместников и в делах о холопстве. Выдача правых и беглых грамот наместниками «без доклада» была воспрещена, право выдавать отпускные грамоты имели лишь два наместника городов Новгорода и Пскова. Судебник расширил деятельность таких органов, как губные старосты и городовые приказчики, к ним полностью отошли важнейшие отрасли местного управления (суд по разбойным делам, командование военными силами города и уезда, укрепление городов, сбор налогов), этим сильно ограничивалось ведомство наместников. Так как губные старосты и городовые приказчики рекрутировались из дворян уезда, то это означало усиление значения в местном управлении именно помещиков и ослабление роли бояр, которые занимали преимущественно наместничьи посты. К мерам, ограничивающим власть наместников, относится также постановление Судебника о безусловном и обязательном участии старост и лучших людей в наместничьем суде, что означало контроль со стороны выборных от населения за судом наместников. Чрезвычайно существенна для характеристики политической направленности Судебника 1550 г. 64-я статья, источником которой был закон 28 февраля 1549 г. Статьей 64-й устанавливалась неподсудность служилых людей наместникам. Если до сих пор неподсудность того или иного служилого человека обеспечивалась специальной жалованной грамотой от верховной власти, то Судебник устанавливает эту неподсудность в общей форме для всех. Отныне наместник должен руководствоваться в своих отношениях к служилым людям не личными жалованными грамотами, а теми «вопчими грамотами», которые были разосланы по городам и упомянуты в статье 64-й.

Все эти постановления Судебника подготовили уничтожение наместничьего управления и укрепляли положение помещиков в управлении государством.

Существенны постановления Судебника и социально-экономического порядка. Вопросам землевладения посвящена ст. 85-я. В ней определяется порядок родового выкупа. Право родичей на выкуп проданной вотчины было одним из устоев вотчинного землевладения. Судебник целым рядом постановлений ст. 85-й затруднял осуществление права родового выкупа родичами и тем самым становился на защиту интересов покупателей вотчин. Это способствовало превращению вотчинных земель в земли других разрядов, в том числе и поместных. Ст. 43-я Судебника, отменявшая тарханы, наносила также чувствительный удар по привилегированным землевладельцам. В 91-й статье Судебника монастырям запрещалось держать торговых людей закладчиками (т. е. на монастырской «белой земле»), а предписывалось им жить в городских дворах.

Особое место в Судебнике 1550 г. занимают статьи о феодально-зависимом населении. Судебник в ст. 88-й сохранил право крестьян-

ского перехода в Юрьев день, имевшееся в Судебнике 1497 г., и уточнил вопрос о выплате пожилого. В ст. 88-й устанавливается также, что право снять озимый хлеб, засеянный уходящим крестьянином, остается за ним. Ст. 78-я определяет положение другой большой группы в составе зависимого населения Русского государства — кабальных людей. Статья регламентирует взаимоотношения между кабальным человеком и господином и наивысшую сумму долга по служилой кабале (15 р.). Здесь устанавливается также, что кабалу может дать на себя лишь вольный человек. Постановления Судебника способствовали втягиванию в сферу феодальной эксплуатации еще не закрепощенные группы населения и ограждали, следовательно, интересы феодалов.

Издание Судебника представляет собой реформу важнейшего значения, так как в нем получили дальнейшее развитие правовые основы деятельности аппарата централизованного государства, которые были сформулированы еще в Судебнике 1497 г.

Реформы в области землевладения и армии

Вторая группа реформ относится к землевладению и армии. Обеспечение дворянства землей и определение принципа службы «с земли» представляло главное существо этих рефом.

Приговором 3 октября 1550 г. в Московском, Звенигородском, Дмитровском и Рузском уездах (не далее 60—70 км. от столицы) было испомещено более 1070 «лучших слуг», главным образом из провинциальных детей боярских. Для раздачи им предназначались дворцовые и черные земли в количестве 118 000 четей. «Избранная тысяча», внесенная в особую «Тысячную книгу» должна была служить опорой самодержавной власти. Эти помещики составляли ядро московского дворянства, из их состава назначались полковые воеводы, наместники, дипломатические представители, гонцы. По «приговору» входившие в «тысячу» дети боярские всегда должны были быть «готовы на посылки». Вместе с тем тысячники были своего рода политическими представителями в столице всей массы дворянства Русского государства. Например, на Земском соборе 1566 г. они составляли главную часть представителей дворянства. Приговор 3 октября 1550 г. укреплял политические и экономические позиции дворянства — классовой опоры самодержавия.

В следующем, 1551 г. правительство проводит ряд новых мер по обеспечению дворянства землей. На Стоглавом соборе Иван Грозный заявил о необходимости перераспределения («переверстания») земель между землевладельцами. Смысл этого перераспределения состоял в том, чтобы землей «поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати». Под недостаточными людьми, которым надлежало дать землю за счет «лишков» других, имелись в виду дворяне-помещики. В этом политическая направленность «переверстания». Для проведения этого мероприятия была предпринята всеобщая перепись земель. Писцы, посланные правительством в уезды, не только фиксировали точные размеры владений, но также производили перераспределение зе-

мель и раздачу новых земель помещикам. Таким образом, перепись земель, затянувшаяся по некоторым уездам до 80-х годов, имела результатом дальнейшее расширение поместного землевладения и укрепление поместной системы.

Существенной стороной описания, начатого в 50-х годах, было введение общей единицы государственного обложения, так называемой «большой сохи». Характерно, что поместные земли при введении «большой сохи» ставились в привилегированное положение по сравнению с черными (т. е. землями государственных крестьян) и церковными землями. Норма земли на соху на черных землях была 500 четвертей доброй земли, на церковных — 700 четвертей, а на поместных и вотчинных служилых землях — 800 четвертей. При раскладке налогов по сохам выходило, что на каждую четверть поместной земли приходилось почти наполовину меньше платежей, чем на четверть черных земель и на $^1/_8$ меньше, чем на церковных.

В целях укрепления поместного землевладения в 50-х годах издаются законы о задолженности помещиков — служилых людей. Хотя в ст. 81-й Судебника 1550 г. запрещалось превращать должников-помещиков в кабальных людей, однако задолженность служилых людей, возраставшая особенно быстро в результате значительных процентов, налагаемых кредиторами, представляла постоянную угрозу их имуществу. Поэтому в 1557 г. издается закон, по которому устанавливался льготный срок в 5 лет для уплаты долга без процентов. 11 января 1558 г. был издан закон, облегчающий положение служилых людей, заложивших свои вотчины за долги. По этому закону кредиторы, пахавшие заложенные земли «за рост», обязаны были вернуть их должникам, а последние имели право погасить свой долг в течение 5 лет.

Проводя земельную политику в интересах помещиков, правительство Ивана Грозного 50-х годов издает ряд законов, направленных против боярского землевладения. Так, закон 11 мая 1551 г. ограничивал княжат и бояр в распоряжении вотчинами. Без доклада царю они не могли ни продать свои вотчины в монастыри, ни отдать их туда «вкладом по душе». В отношении ряда княжеских родов — Ярославских, Стародубских и Суздальских — закон 1551 г. подтверждал указ Василия III, запрещающий этим князьям продавать свои вотчины кому бы то ни было без ведома царя. Вообще, в земельной политике 50-х годов налицо тенденция к ликвидации последствий боярского правления. Так, по закону 1551 г. те земли, которые «бояре подавали» в малолетство царя (т. е. в годы боярского правления) монастырям, должны быть отобраны у них и розданы в поместья.

В интересах дворянства было также установление твердого принципа в распределении служебных тягот в соответствии с размерами земельных владений. В 1555 г. издается «Уложение о службе», в котором был сформулирован общий принцип службы: «со ста четвертей доброй угожей земли (300 четвертей в 3-х полях,

т. е. 150 десятин) человек на коне и в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь». Вотчины в отношении службы отныне уравнивались с поместьями, и вотчинники должны были нести службу на тех же основаниях, что и помещики. «Уложение о службе» оформляло правовые основы поместного землевладения. Поместье в 100 четвертей в одном поле (в трех — 300 четвертей) становилось теперь основной единицей землевладения. Каждый служилый человек имел право требовать поместье не менее 100 четвертей, так как военным эквивалентом такого поместья являлся один вооруженный и экипированный воин. Если земельные владения служилого человека превышали 100 четвертей, то он обязан был поставлять в армию из числа своих людей одного вооруженного человека с каждых следующих 100 четвертей. Уложение о службе 1555 г. завершает формирование армии Русского централизованного государства, начавшееся с конца XV в. Центральной фигурой этой армии становится служилый человек — помещик. Неродовитый помещик получает также доступ к командным постам в армии. Еще в 1549 г. был издан закон о местничестве, которым местничество в армии воспрещалось и предписывалось несение военной службы «без мест». По этому закону правительство получало возможность назначать воеводами тех, кто подходил к этой должности по личным качествам. Старинный принцип занимать высшие посты в армии родовитыми княжатами и боярами этим самым нарушался.

В формировании армии централизованного государства важное значение имело стрелецкое войско. В 1550 г. был создан трехтысячный корпус «выборных стрельцов из пищали» и размещен в подмосковном селе Воробьеве. Стрельцы делились на 6 статей по 500 чел. в каждой статье, в свою очередь статьи делились на сотни с особым начальником во главе. Вооружены стрельцы были огнестрельным оружием — пищалями. Стрельцы получали от казны жалованье по 4 руб. в год и представляли собой уже регулярное войско, вооруженное новейшим оружием и содержащееся казной. Организационное строение стрелецкого войска было позднее распространено на все войска Русского государства.

Перестройка государственного аппарата и финансов

Реформы в административной области и в области финансов представляют собой существенную часть реформ 50-х годов. Перестройка государственного аппарата как в центре, так и на местах имела целью укрепление централизованного государства. В центральном управлении в 50-х годах усиливается значение приказов. Именно в середине XVI в. возникают важнейшие приказы: Челобитный приказ, своего рода контрольный орган, Поместный приказ, ведавший делами поместного землевладения, финансовые приказы — Большого прихода и Четвертей или Четей. В 1549 г. было оформлено существование Посольского приказа как отдельного учреждения. После завоевания Казани и Астрахани был создан приказ Казанского дворца, ведавший вновь присоединенными землями.

Наличие центральных учреждений с определенными функциями вносило известную систему и порядок в работу центрального правительства.

Верховная власть также получила иную организацию. В ходе реформ, проходивших в условиях обостренной классовой борьбы отдельных группировок внутри господствующего класса, царь Иван IV не ограничивался обсуждением важнейших вопросов в Боярской думе, но совещался также с представителями духовенства, столичного и провинциального дворянства и представителями городов. В 1550 г. в Москву призываются представители городов (по одному человеку от города), которые принимают участие в выработке Судебника. Из этой практики и получили свое развитие Земские соборы. Первым Земским собором может считаться собор 1550 г., так как на нем вместе с представителями высших государственных и церковных учреждений присутствовали и представители городов. Земские соборы как высшее государственное учреждение были формой представительства дворян-помещиков и посадского населения и являлись своеобразным противовесом Боярской думе. Опираясь на Земские соборы при решении важнейших вопросов, правительство Ивана IV осуществляло свою политику по укреплению государственной власти.

В местном управлении важные изменения произошли в связи с уничтожением системы кормлений и наместничьего управления. Как уже отмечалось, Судебник 1550 г. определил место губных учреждений в системе местного управления и, предписав обязательное участие в суде наместников, выборных от населения, подготовил уничтожение наместничьего управления. После издания Судебника правительство приступило к реформе местного управления. В 1551—1552 гг. по челобитиям населения наместники были уничтожены в отдельных областях. В декабре 1552 г. царь Иван IV, отправляясь в Троице-Сергиев монастырь крестить сына, поручил боярам «сидети» о кормлениях, т. е. подготовить отмену кормлений вообще. Однако осуществление этого мероприятия встретило сопротивление со стороны реакционного боярства. Бояре «возжелеша богатства», т. е. не желая лишиться доходов, связанных по преимуществу с кормлениями, отказались от проведения реформы. И лишь в 1555—1556 гг. приговором царя «о кормлениях» наместничье управление отменялось в общегосударственном масштабе. Местное управление, образовавшееся после ликвидации наместников, принимало разные формы в зависимости от социального состава населения той или иной местности.

Так в центральных районах государства с развитым феодальным землевладением центральной фигурой местного управления стал помещик. Помещики осуществляли, во-первых, непосредственно свою власть над крестьянами своих имений и, во-вторых, из помещиков выбирались губные старосты и городовые приказчики, в руках которых находился суд и финансовое и административное управление уезда.

В областях, где помещичье землевладение отсутствовало, на черных и дворцовых землях и посадах местное управление сосредоточивалось в руках земских старост, выбираемых населением. В их руках были административно-финансовое управление и суд иногда по всем делам. Земскими старостами избирались обычно «лучшие», наиболее зажиточные («добрые») волостные крестьяне и посадские люди. Таким образом, как в районах феодального землевладения, так и в тех районах, где его не было, с отменой наместников местное управление перешло в руки тех социальных слоев, которые поддерживали политику укрепления централизованного самодержавного государства.

Уничтожение наместничьего управлениия было выгодно правительству в финансовом отношении. Так, если ранее судебные пошлины попадали в руки кормленщиков, то теперь они отправляются из уездов в казну. Кроме того, уничтожив кормления, т. е. все те натуральные и денежные сборы, которые взимались наместниками, волостелями и их слугами в свою пользу, правительство ввело новый налог с тяглого населения — кормленый окуп. Этот налог поступал в государственную казну, откуда он и раздавался служилым людям в качестве жалованья, полагавшегося им помимо поместных дач. Таким образом, отмена кормлений дала в руки самодержавного правительства источник финансирования дворянства.

Стоглавый собор

Процесс централизации аппарата власти нашел свое выражение в некоторых мероприятиях в области церкви. В 1547 и 1549 гг. митрополитом Макарием были собраны церковные соборы, на которых местные святые, почитавшиеся в отдельных бывших княжествах, провозглашены были общерусскими святыми. Узаконенный соборами общерусский список святых с включением в него и некоторых патронов бывших удельных княжеств становился обязательным для всех частей государства и символизировал собой политическое объединение русского народа в едином государстве. На Стоглавом соборе 1551 г. (названном так потому, что решения собора изложены в 100 главах) были проведены дальнейшие меры по унификации службы, церковных обрядов, церковной живописи и по устранению некоторых злоупотреблений, имевших место в церкви.

На соборе, где присутствовали и представители светских феодалов, царь Иван IV выступил с обширной программой реформы церкви, которая сводилась к сокращению церковного землевладения и судебных прав церкви, а также к устранению наиболее вопиющих безобразий в церковном быту (неграмотность попов, пьянство и разврат духовенства и т. д.), что снижало авторитет церкви в глазах верующих. Однако не все предложения царя были приняты собором. Духовенство во главе с митрополитом Макарием выступило против посягательств на имущества церкви. В отношении церковного землевладения собор согласился лишь на частичные ограничения; так монастыри и владыки должны были вернуть владельцам насильно захваченные ими земли, а также земли, ко-

торые они получили в годы боярского правления. Монастырям запрещалось брать вкладом «по душе» земли князей, а покупать землю они могли лишь с согласия царя. Судебные привилегии церкви были ограничены также в незначительной степени. На Стоглавом соборе церковникам удалось даже фактически аннулировать невыгодный им приговор от 15 сентября 1550 г. о церковных слободах. Практика устройства частновладельческих слобод внутри городов стала очень распространенной. Так, на территории Москвы в XVI в. были слобода Алексея Третьякова и слободы ряда монастырей (Алексеевского, Петровского, Симонова, Чудова, Новодевичьего и др.). Население этих слобод обычно занималось промыслами, ремеслами и торговлей, но находилось в более привилегированном положении, чем остальные посадские люди, т. к. освобождалось от уплаты податей и исполнения повинностей, накладываемых на город. В судебном отношении слободы были подсудны также феодалам — владельцам слобод. Наличие таких слобод ущемляло в сильной степени интересы посадского населения, т. к. слободское население, используя свое привилегированное положение, успешно выступало конкурентом посадских людей в сфере ремесла и торговли. Правительство Ивана IV, идя навстречу требованиям посадов и стремясь ограничить привилегии крупных феодалов, указом 15 сентября 1550 г. установило всем новым церковным слободам «тянути с городскими людьми всякое тягло и судом». Однако на Стоглавом соборе духовенство решительно выступило против посягательств государства на судебные права церкви. Правительство пошло на уступки и оставило суд над слобожанами за церковными владельцами.

Правительство шло на значительные уступки в церковной политике, так как понимало великое значение церкви в укреплении классового господства феодалов над крестьянами. Для того, чтобы усилить эту классовую функцию церкви, Стоглавый собор принял ряд решений, которые унифицировали церковные обряды, централизовали управление церковью, способствовали подъему нравственности и культуры духовенства. «Стоглав» (так называлась книга решений собора) надолго становился своеобразным кодексом церковного права.

Реформы 50-х годов XVI в. в области землевладения, управления, армии, финансов, церкви и т. д. означали крупный шаг вперед в процессе дальнейшего развития Русского централизованного государства и усиливали экономические и политические позиции дворян-помещиков. Вместе с тем реформы имели результатом ослабление роли княжат и бояр в управлении государством.

ОПРИЧНИНА.

Вся тяжесть проводимых правительством реформ пала на плечи крестьянства. Развитие поместного землевладения приводило к усилению крепостнической эксплуатации и росту барщины и оброка.

Установление на местах органов управления, в которых решающую роль играли дворяне-помещики, привело к усилению непосредственной власти феодала над крестьянином. Реформы в армии привели не только к значительному расхищению крестьянских земель, но и к увеличению государственных налогов и повинностей, которые несло население.

Войны 50-х годов с Казанским и Астраханским ханствами и начавшаяся в 1558 г. Ливонская война привели к еще большему усилению налогового гнета. Крестьяне строили укрепления, прокладывали дороги для войск, поставляли подводы, выполняли другие работы. За счет крестьян снаряжались дворяне на войну, с крестьян взималось продовольствие. Крестьяне принимали и непосредственное участие в военных действиях в составе вспомогательных войск — посохи. Все это еще более ухудшало положение трудящихся масс и вызывало с их стороны протест. Обострение классовых противоречий в 50-х и в начале 60-х годов выражалось в побегах крестьян. Спасаясь от крепостного гнета и государственных повинностей, крестьяне бежали на вольные земли юга, на Волгу и Дон и становились казаками. Чтобы держать крестьян в повиновении, дворяне-помещики были заинтересованы в дальнейшем усилении централизованной власти и в ликвидации привилегий бояр как крупных вотчинников. Требования их были осуществлены в дальнейшем, в годы опричнины.

Боярский мятеж 1553 г.

Резкое обострение противоречий между дворянами-помещиками и боярством отмечается уже в ходе проведения реформ 50-х годов XVI в. В то время как дворяне были сторонниками централизованной самодержавной власти, бояре хотели делить с царем его власть и могущество. Экономической основой этих устремлений боярства были обширные земельные владения, их родовые вотчины, внутри которых они продолжали себя чувствовать настоящими государями удельных времен. Враждебное отношение бояр к правительству Грозного нашло яркое выражение во время болезни царя в 1553 г. Весной 1553 г. Иван Грозный серьезно заболел.

Он составил завещание в пользу своего новорожденного сына Дмитрия и потребовал, чтобы бояре ему присягнули. Ближайшее окружение царя, Адашев и другие, беспрекословно подчинились. Только князь Дмитрий Курлятев уклонился от присяги, сказавшись больным. Удельная же знать отказалась присягать Дмитрию и выдвинула кандидатуру двоюродного брата царя удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. Князь Владимир и его энергичная мать Евфросиния развернули кипучую деятельность: собирали своих дворян, раздавали им деньги, вели переговоры с боярами. Они являлись душой боярского заговора. Активно хлопотал за кандидатуру князя Владимира ближайший советник царя Сильвестр. Все это создало очень напряженную обстановку в правительственных кругах.

Когда на следующий день стали приводить к присяге Дмитрию остальных бояр, многие отказывались целовать крест. Князь Иван Михайлович Шуйский отказался присягать на том основании, что «государя тут нет» (царь Иван не мог присутствовать на церемонии из-за очень плохого состояния здоровья и лежал в комнате рядом). Федор Адашев — отец Алексея Адашева — во время присяги высказал опасение, что при малолетнем царе править будут Захарьины и, следовательно, могут повториться времена произвола боярского правления. Другие бояре говорили: «Ведь владеть нами будут Захарьины, лучше чем служить государю малому, станем служить взрослому князю Владимиру». Летописец замечает: «И была между бояр брань великая и крик, и шум великий». Только после новых увещеваний царя и угроз в адрес непокорных бояр, они присягнули. Князя Владимира Андреевича привели к присяге последним. Его принудили к этому почти силой, так как он в течение трех дней отказывался присягать.

Вскоре Иван Грозный выздоровел, и вопрос о наследнике был снят. Однако события 1553 г. со всей ясностью показали враждебность боярства к правительству Грозного, с одной стороны, и наличие двух группировок в самом правительстве, с другой стороны. В ходе мартовского «мятежа» Адашев держался очень осторожно. Отец его открыто отказался присягать. За кандидатуру Владимира стоял Сильвестр. Два члена правительства Ивана Грозного выступили против него. Позиция Адашева и Сильвестра отчасти может быть объяснена тем, что они боялись оттеснения их от власти Захарьиными в случае, если бы после смерти Грозного престол перешел к Дмитрию, сыну Анастасии Захарьиной. Захарьины представляли другую группу в правительстве Грозного, которая в дни «мятежа» осталась верной его воле. В лице Захарьиных выступали те «молодые», т. е. незнатные бояре, возвышение которых при дворе рассматривалось князьями и боярами, как утеснение и бесчестие для «великих родов».

После событий 1553 г. политическая борьба еще более обострилась. «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимиром Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость».

В борьбе с правительством бояре обращаются к внешней силе — к Литовскому государству. В 1554 г. был раскрыт заговор Лобановых-Ростовских. Один из заговорщиков — С. Лобанов-Ростовский — летом 1553 г. вел переговоры с польским послом Довойной. Заговорщики зашли столь далеко, что призывали к войне против России, настаивая в секретных переговорах «чтобы они (Литва) с царем и великим князем не мирилися, а царство оскудело, а Казани царю и великому князю не здержати, ужо ее покинет». С целью привлечения иностранной интервенции заговорщики изменнически сообщали о тяжелом внутреннем положении Русского государства. Пытавшийся бежать за литовский рубеж С. Лобанов-Ростовский был схвачен, заговорщиков постигла суровая расправа. Репрессии

коснулись и Владимира Старицкого, ему было запрещено принимать к себе на службу людей.

Устранение от власти А. Адашева и Сильвестра

Разгром боярского заговора и усиление правительственного надзора за деятельностью главарей княжеско-боярской реакции привели к временному ослаблению борьбы боярства против Ивана Грозного. Хотя в мартовские дни 1553 г. проявилась непоследовательность политической линии А. Адашева и Сильвестра, положение их в ближайшее время не изменилось. (В 1554 г. Алексей Адашев получает чин окольничего, а отец его чин боярина). Это объясняется тем, что именно в 1555—1556 гг. правительство Адашева проводило такие важнейшие мероприятия в интересах дворянства, как отмена кормлений, земская реформа и уложение о службе. Но к концу 50-х годов политика Адашева становится малопопулярной в кругах дворянства. Затеянная им война с Крымом несла лишь тягости для служилых людей и мало сулила выгод, так как приобретение новых земель в южных степях не давало непосредственного эффекта. Земли без крестьян нельзя было раздавать в виде поместий. Не обеспечило правительство Адашева и безопасность дворянского землевладения и во вновь присоединенных землях Поволжья. Постоянные восстания покоренных народов, нападения ногайцев делали положение помещиков здесь очень непрочным. Поэтому помещики горячо поддерживали план завоевания Ливонии, так как рассчитывали, что оно не будет в военном отношении трудным и даст большие выгоды. Помещики надеялись получить хорошо возделанные плодородные земли с многочисленным крепостным населением. Завоевание Ливонии было выгодно также и русским купцам. Отражая интересы дворянства и купечества, Иван Грозный считал завоевание Ливонии первоочередной задачей. В этом он натолкнулся на сопротивление со стороны боярства во главе с Адашевым, отстаивающим первоочередность борьбы с Крымом. В результате Адашев был отстранен от власти и летом 1560 г. направлен в действующую в Ливонии армию, а по взятии русскими г. Феллина назначен воеводой. Второй деятель правительства 50-х годов, Сильвестр, отправлен был в Кирилло-Белозерский монастырь. Чтобы развязаться с неугодными временщиками, их обвинили в отравлении царицы Анастасии Романовны, умершей в августе 1560 г. В результате Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь и лишь смерть (в 1561 г.) спасла Адашева от преследований.

Устранение от власти Адашева и Сильвестра, сомкнувшихся с княжатами, означало новый взрыв обостренной борьбы против боярской оппозиции. В 1563 г. родственники и «приятели» Адашева были подвергнуты казням и репрессиям. Двор князя Владимира Старицкого, главы оппозиционного боярства, уличенного в «многих неправдах к царю и великому князю», был распущен. Для надзора за ним были приставлены царские бояре и дьяки. Мать князя Владимира, княгиню Евфросинию, насильно постригли в

монахини и сослали в один из Белозерских монастырей — Горицкий. В свою очередь боярство в борьбе с Иваном Грозным становится на путь государственной измены. Весной 1564 г. бежал в Литву один из высших военачальников русской армии, пользовавшийся доверием царя, князь Андрей Михайлович Курбский. Измена Курбского была опасна потому, что он сразу же стал во главе литовских войск в борьбе с Россией. Ряд последующих поражений русских войск служилые люди связывали с военной изменой бояр-начальников. К осени 1564 г. с войной против России выступили крымские татары. Опасность была так реальна, что царская семья поспешила выехать в Суздаль. В неожиданном походе крымцев видели также боярскую руку.

Было ясно, что реакционные силы вступили в открытую борьбу, особенно опасную в условиях военного времени. Обострились и классовые противоречия. К середине 60-х годов волна крестьянских побегов от помещиков достигла небывало высокого уровня. Крестьяне и посадские люди бросали землю, дома и уходили на вольный юг или на черные земли севера и северо-востока. Поместья и вотчины пустели.

Учреждение опричнины

В этой обстановке острой политической борьбы внутри господствующего класса и все усиливающегося классового сопротивления крестьянства и низов городского населения и произошел тот новый поворот в политике правительства Ивана Грозного, который вылился в форму опричнины. С помощью этой реформы Иван Грозный рассчитывал окончательно разгромить боярство и подавить сопротивление эксплуатируемых.

Переход к опричнине произошел следующим образом. 3 декабря 1564 г. царь неожиданно выехал из Москвы вместе с семьей в сопровождении «ближних бояр», дворян и приказных людей и отряда особо отобранных городовых (т. е. провинциальных) дворян. Им приказано было быть в полном вооружении и иметь при себе семьи. Царь брал с собой также казну — «золотое и серебряное, и платье, и деньги» и «святость» — дорогие иконы и кресты. Простояв две недели в Коломенском, поезд царя направился затем в Александровскую слободу, находившуюся в 100 километрах к северо-востоку от Москвы. Александровская слобода была укрепленной летней резиденцией московских князей. Отсюда Иван Грозный 3 января 1565 г. послал две грамоты в Москву — одну к духовенству, боярам и служилым людям, другую — к купечеству и «ко всему православному христианству града Москвы», т. е. к посаду. В первой грамоте царь обвинял бояр в измене, казнокрадстве, расхищении государственных земель, уклонении от службы и отказе оборонять страну. В заключение он объявлял о своем отказе от власти, так как не хотел «их (бояр) многих изменных дел терпети» и прилагал перечень этих измен. Во второй грамоте царь объявлял московским посадским людям, что у него «гневу на них и опалы никоторые нет». Таким образом, если в первой грамоте царь ставил своеобразный ультима-

тум боярам, то во второй грамоте царь фактически обращается к посаду за поддержкой в его борьбе с боярством. Послания царя вызвали в городе огромное волнение. Гости и купцы и посадские открыто говорили о своей готовности расправиться с изменниками-феодалами, только бы царь «над ними милость показал, государства не оставлял и их на расхищение волкам (т. е. боярам) не отдавал, наипаче от рук сильных (вельмож) избавлял». В поддержке населением города Москвы действий Ивана Грозного, направленных против боярской оппозиции, нашло выражение стремление городов к сильной королевской власти, о котором говорил Энгельс, касаясь Западной Европы. Перепуганные выступлением горожан, бояре вынуждены были обратиться к митрополиту, чтобы он упросил царя не оставлять власть «и своими государствы правил яко же годно ему, государю». В Александровскую слободу двинулась делегация от церковных властей и бояр с изъявлением покорности и с просьбой к царю не оставлять власти. Вместе с делегацией в слободу пришло много приказных людей, гости, купцы, ремесленники и другие посадские люди.

Зная о поддержке его действий горожанами, царь Иван IV согласился остаться на государстве, но с условием «что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати, а учинити ему на своем государстве себе опричнину, двор ему учинить себе и весь обиход особный». Первоначально по воле царя в опричнину была взята тысяча дворян, а для их обеспечения выделено несколько городов и волостей. Позднее как число опричников, так и опричная территория значительно увеличились. Для устройства опричнины царь наложил на земщину огромный единовременный налог в 100 000 рублей.

С введением опричнины все государство было разделено на две части: опричнину — «особное» владение царя, в которой он был полным хозяином, и земщину — остальную государственную территорию, которая осталась в ведении Боярской думы во главе с князьями И. Д. Бельским и И. Ф. Мстиславским.

Опричная территория, врезываясь клином с севера на юг в массив земель Московского центра, делила страну надвое. За земщиной оставались только окраины. В состав опричнины были включены главным образом центральные и южные уезды, являвшиеся районами господства княжеско-боярского землевладения (Можайск, Вязьма, Ростов, Суздаль, Ярославль, Шуя, Галич, Старая Русса и др., позднее Старица, Кострома, Дмитров, Переяславль-Залесский. Из южных уездов — Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Медынь и др.). Вместе с тем в опричнину были взяты богатые поморские города (Устюг Великий, Холмогоры, Каргополь, Вологда, Белоозеро, владения Строгановых на Урале), имевшие важное торговое и промысловое значение. Поделена была и Москва, где в опричнину отошел на посаде район от впадения Черторыя в Москву и до Никитской улицы и ряд слобод.

Разделение государства на «опричнину» и «земщину» отнюдь не означало политического раздробления страны. Формально и фактически бояре, управлявшие земщиной, действовали под контролем царя. Кроме того, создание особого, строго централизованного, не связанного никакими традициями управления в опричнине и особого опричного войска имело последствием дальнейшее укрепление самодержавной власти. Политическим и административным центром опричнины был так называемый «особный двор» (опричная резиденция царя) с самостоятельными опричными приказами, во главе которых стояли свои бояре, окольничии и особые опричные дьяки. В опричнине была особая казна, куда шли доходы со всей опричной территории. В ведение опричного казначея из земщины была переведена Четверть — приказ, собиравший все налоги с посадского и крестьянского населения подчиненных ему территорий. Теперь собираемый в Четверть кормленый окуп шел на удовлетворение потребностей опричного войска. По некоторым сведениям все управления в опричнине возглавляла опричная боярская дума. Был в опричнине и особый суд. Вместе с тем существовали приказы общие как для опричнины, так и для земщины, например, Большой приход, Посольский приказ и др.

Опричное войско по социальному составу было дворянским. С начала опричнины формированием корпуса опричников занималась особая комиссия, которая производила отбор служилых людей в опричнину. В большинстве своем это были мелкопоместные провинциальные помещики. В письме к одному из своих любимцев, опричнику Василию Грязному, Иван Грозный писал, что, видя измену бояр, он приближал к себе «страдников» (мужиков), «хотячи» от них «службы и правды». А сам Грязной, отвечая царю, восклицал: «Ты, государь, аки бог, и малого и великого чинишь». Опричник Генрих Штаден пишет: «теперь с великим князем ходят новодельные господа, которые должны были бы быть холопами прежних». По сообщениям Таубе и Крузе, ливонцев, служивших также в опричнине, видно, что в опричнину принимали лишь тех, кто ничем не был связан с боярской и княжеской знатью. Опричники брали обязательство прервать всякие отношения с земщиной. Для опричников вводилась особая форма: к шеям своих лошадей они привязывали собачьи головы, а у колчана со стрелами — метлу. Это означало, что опричник должен грызть как собака «государевых изменников» и выметать измену.

Создание чрезвычайного аппарата власти и военных опричных сил означало оформление неограниченной диктатуры дворян-помещиков, направленной своим острием на разгром княжеско-боярской оппозиции, с одной стороны, и на подавление крестьянства, с другой. Наличие в составе опричников представителей некоторых княжеских и боярских родов (Вяземский, Темкин-Ростовский и др.) ничуть не меняет социальной сущности опричнины как дворянского учреждения.

Разгром бояр и княжат

Опричнина нанесла решающий удар по экономическим основам боярско-княжеской группировки путем ликвидации крупного боярско-княжеского землевладения на опричной территории. Дело в том, что объявление той или иной местности опричной территорией означало конфискацию земель и выселение оттуда всех землевладельцев, не включенных в число опричников, т. е. чаще всего княжат и бояр. Конфискованные земли раздавались в поместье дворянам-опричникам. А так как с самого начала в состав опричной территории включались главные районы княжеско-боярского землевладения, то такие выселения и конфискации имели катастрофические последствия для этой формы земельной собственности. Крупные родовые вотчины делятся и небольшими поместьями раздаются опричникам. Бывшие вотчинники взамен конфискованных владений получали земли на территории земщины, обычно на окраинах государства — на поместном праве. Весь 1565 год был наполнен работой по перебору земель и людей, выводом старых владельцев и «испомещением» новых государевых слуг. Это была крутая ломка сложившегося старинного землевладения. В начале 1566 г. лишен был своего Старицкого удела князь Владимир Андреевич, получив взамен от царя Дмитров, Звенигород и некоторые другие земли. Вместе с удельным князем были ликвидированы вотчины и поместья его служилых людей, которые получали земли в новом уделе. Перетасовка земли имела результатом полный разгром княжеско-боярского землевладения и подрывала политическое значение бывших удельных князей и крупных бояр, уничтожая те связи, которые они имели в своих прежних уделах. Крупный вотчинник, чувствовавший себя полугосударем в своих родовых имениях, на новом месте не обладал прочными связями и не мог играть прежней политической роли.

Методом борьбы против боярства был также последовательно проводившийся террор, имевший целью физическое истребление наиболее видных представителей княжеско-боярских родов. За период опричнины было казнено свыше 3 тысяч человек, среди которых можно насчитать представителей более 40 княжеских родов. Исчезли в годы опричнины бесследно и многие боярские роды. Казни бояр и княжат сопровождались разгромом их дворов, в которых находилось иногда сотни слуг, составлявших вооруженную силу феодалов. Опричный террор до известной степени исторически обусловливался теми формами борьбы против Грозного, к которым прибегали князья и бояре. В годы опричнины боярские заговоры следуют один за другим.

В первый же месяц учреждения опричнины в Москве были казнены несколько представителей княжеской аристократии, в том числе знатный боярин А. Б. Горбатый-Шуйский. Многие были пострижены в монахи и сосланы в монастыри.

Введение опричнины встретило сильное противодействие со стороны феодальной аристократии, против которой она была на-

правлена. Этот протест выразился и в уходе в монастырь весной 1566 г. главы русской церкви митрополита Афанасия и в упорном несогласии архиепископа казанского Германа Полева занять митрополичий престол, и в обличениях опричнины со стороны нового митрополита Филиппа Колычева, принадлежавшего к старинному боярскому роду. Около этого же времени часть членов Земского собора 1566 г. после его окончания демонстративно обратилась к Грозному с требованием прекратить насилия опричников. Протест был подавлен казнями. В 1567 г. раскрылся заговор бояр против Ивана Грозного, во главе которого стоял боярин И. П. Федоров. К заговору был причастен и князь Владимир Андреевич. Заговорщики готовили открытую гражданскую войну, намереваясь выдать самого царя Ивана польскому королю. Опасность заговора увеличивалась обстоятельствами тяжелой войны, в состоянии которой находилось Русское государство. Расправа с заговорщиками была суровой. И. П. Федорова и многих других казнили. Попытка митрополита Филиппа заступиться за бояр (есть предположения, что Филипп был сам причастен к заговору) кончилась тем, что он был низведен с митрополии, заточен в Тверской Отроч монастырь, а позднее (в 1569 г.) умерщвлен.

В 1569 г. снова раскрывается боярский заговор, связанный с «изменой» в Новгороде и Пскове. Заговор ставил целью убийство Ивана Грозного и возведение на престол князя Владимира Андреевича. Подавление этого заговора — одно из самых кровавых дел опричнины. В октябре 1569 г. был отравлен князь Владимир Старицкий. Тогда же была казнена его мать. В 1570 г. Иван Грозный предпринимает свой поход на Новгород. Царь шел с опричным войском как по неприятельской стране. Опричники громили города (Тверь, Торжок), села, деревни, грабили и убивали население. Суд и расправа в Новгороде длились 6 недель. Подозреваемых тысячами пытали и топили в Волхове. Город был разграблен. Богатства церквей, монастырей и купцов конфискованы. Особенно пострадало новгородское духовенство. Архиепископ Пимен был низложен и сослан. Избиения жителей производились опричниками и в Новгородских пятинах и сопровождались грабежами. Количество убитых и казненных в Новгороде и области не поддается учету, но исчислялось, несомненно, десятками тысяч. Из Новгорода Грозный двинулся в Псков, но здесь дело ограничилось лишь конфискациями и отдельными казнями. Следствие по новгородскому делу показало, что в измену были замешаны и видные опричники, такие как А. И. Вяземский и Басмановы, которые понесли кару. 25 июля 1570 г. в Москве были казнены связанные с заговором глава Посольского приказа И. М. Висковатый и дьяки Поместного приказа, Большого прихода и др. приказов, а также «изменники», привезенные из Новгорода. Таким образом, широко разветвленный боярский заговор был разгромлен.

Не прошло и года, как в 1571 г. на Русское государство обрушился страшный удар с юга — нашествие Девлет-Гирея. В органи-

зации татарского нападения принимал участие польский король Сигизмунд, об этом знали в Москве сторонники польской интервенции и, несомненно, не без их содействия врагу удалось разорить центральные и южные области Русского государства, дойти до Москвы, сжечь город, за исключением Кремля. Изменники указали путь к Москве. Земские воеводы И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский не сумели организовать обороны. На следствии И. Ф. Мстиславский признался, что «навел» хана на Москву. Расследование этого дела привело к казни в 1573 г. нескольких земских бояр и ряда опричников.

Разгром Иваном Грозным в годы опричнины опасных заговоров княжат и бояр, смыкавшихся с внешними врагами Русского государства, был исторически прогрессивным делом.

Укрепление положения помещиков

Важнейшим результатом опричнины в области социальной является усиление экономических и политических позиций дворян-помещиков. Поместье сделалось главной и господствующей формой феодального землевладения, а дворяне-помещики заняли руководящее положение в Русском государстве. Как уже говорилось выше, развитие поместной системы в XVI в. связано с ростом эксплуатации крестьянства и его дальнейшего закабаления. Опричнина знаменовала собой новый этап развития крепостного права. Рост поместного землевладения в годы опричнины происходил не только за счет конфискованных вотчин крупных феодалов, но и за счет раздачи опричникам черных крестьянских земель и дворцовых земель.

Таким образом, во время опричнины значительная часть крестьянства попадает в личную зависимость от феодалов. Хозяйничая в стране, опричники захватывали крестьянские земли, не стесняясь в методах. Так, например, при размежеваниях опричных и земских земель царские писцы значительно урезывали крестьянские земли сел, не отходивших в опричнину. В челобитной 1585 г. крестьяне с. Борисовского Владимирского уезда так излагали историю захвата опричниками их земель: «Молчали мы по ся места потому, что Суздальский уезд был в опричнине, а наше село Борисовское было в земском и мы ждали времени, как государю побити челом, да не лучилося... А как Игнатей Блудов писал и отмежевал в опричнину и ему тогда была воля: что хотел, то писал, и отписал у нас тогда Игнатей луг за рекою за Нерлью против села Мордаша, а ставитца на нем сена 300 копен; да Игнатей же отмежевал у нас лесу-бору по ту же сторону Нерли 80 десятин, а тот лес отдал в Суздальский уезд к селу Батыеву, а ныне то село за Савою за Фроловым». Так крестьянская земля перешла в руки помещиков. Стремясь к увеличению своей запашки в поместьях, опричники отнимали земли у своих крестьян, что приводило к уменьшению средней запашки на двор. Если в 50—60-х годах средняя запашка на крестьянский двор колебалась между 7—8 четвертями, то начиная с 70-х годов средний размер запашки понижается до 3—4 четвертей. Захват помещиками земель, которые

крестьяне обрабатывали на себя, и превращение их в помещичью, барскую пашню — яркое свидетельство усиления эксплуатации крестьян во время опричнины. Об усилении эксплуатации крестьян свидетельствует и тот факт, что в 70-х годах широкое распространение получает юридическая формула, по которой помещики имели право определять размеры крестьянских повинностей по своему усмотрению — «чем они их изоброчат». Эта формула вытеснила старую формулу, определявшую размеры крестьянских повинностей «по старине, как давали доход прежним помещикам». По сообщениям Таубе и Крузе, опричники-помещики увеличивали размер повинностей крестьян в несколько раз: «бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет».

Закрепощение крестьян

Опричнина своими грабежами нанесла огромный урон крестьянскому хозяйству. Крестьянин был беззащитен против вооруженного до зубов дворянина-опричника, действовавшего почти бесконтрольно. Кары, падавшие на земских бояр, сопровождались разгромом и грабежом крестьян их вотчин. Особенно пагубным для крестьян северо-западных областей государства был поход опричников на Новгород в 1570 г. На страницах обыскных книг 70—80-х годов часто можно читать, что причиной запустения той или иной местности является «опричный правеж», «опричный грабеж», «от опричнины» и т. д. Иногда о крестьянине говорилось: «опричники убили, замучили», «умер от опричного правежа», «умер, дети от опричнины сбежали безвестно» и т. д. Реальное представление о деятельности опричников дает описание грабежа одной новгородской деревни: «В деревне Кюлакще лук (участок) пуст Игнатка Лутьянова, запустел от опричнины — опричники живот (имущество) пограбили, а скотину засекли, а сам умер, дети безвестно сбежали; хоромишко избенцо да клетишко. В той же деревне лук пуст Еремейка Афанасова, запустел от опричнины — опричники живот пограбили, а самого убили, детей у него нет; хоромушек избенца да хлев. В той же деревне лук пуст Мелентейка, запустел от опричнины — опричники живот пограбили, скотину засекли, сам безвестно сбежал». Итак, крестьянские дворы запустели или сожжены, скот уведен или перерезан, крестьяне, если не были убиты и замучены, разбежались. Опричники использовали карательные экспедиции для личного обогащения. Так, опричник Генрих Штаден, участник похода на Новгород, в своих записках хвастливо писал: «Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, а вернулся я с 49, из них 22 были запряжены в сани полные всякого добра». Генрих Штаден, разумеется, не представляет собой исключения. Так поступали все.

В борьбе за рабочие руки опричники, используя свое исключительное положение, насильно увозили крестьян в свои поместья, пренебрегая законом о Юрьеве дне. Они захватывали имущество крестьян и уничтожали все, что увезти было невозможно. Штаден

по этому поводу замечает: «Кто (из крестьян) не хотел добром переходить от земских под опричных, тех вывозили насильством и не по сроку. Вместе с тем увозились и сжигались и крестьянские дворы».

Как говорилось выше, опричнина была введена в Русском государстве в период обострения классовой борьбы. Уже волнения в Москве (январь—февраль 1565 г.), связанные с посланиями царя из Александровской слободы, явно носили черты антифеодального выступления, направленного против крупных феодалов — бояр и княжат. В последующие годы, несмотря на открытую диктатуру помещиков в стране (чем являлась опричнина), господствующему классу не удалось полностью подавить народные волнения. По-прежнему, стремясь избежать помещичьего гнета и тяжелых государственных повинностей, крестьяне массами бежали на окраины. Центр государства пустел, не пахались поля, деревни стояли без людей. «Резкий классовый антагонизм,— пишет исследователь опричнины П. А. Садиков,— вскрывался в отношениях опричника-землевладельца и зависимого от него населения его поместья — крестьянина и кабального холопа — и временами уже выливался в настоящие крестьянские восстания; классовая борьба принимала характер хотя еще и не повсеместной, но во многих случаях открытой гражданской войны».

В условиях нарастающего классового сопротивления крестьянства помещики стремятся к усилению своей власти над крестьянами. Опричнина подготовила ликвидацию тех остатков крестьянской свободы, которые еще сохранялись в XVI в. в форме права крестьянского перехода в Юрьев день. Отражая интересы помещиков, правительство в 1581 г., т. е. уже после официальной отмены опричнины, издает указ о заповедных годах.

Отмена опричнины

За семь лет существования опричнины правительство Ивана Грозного добилось выполнения основных задач по укреплению централизованного аппарата власти: был осуществлен разгром боярства, созданы новые органы центрального управления. Таким образом, основная цель опричнины достигнута. Вместе с тем царь мог убедиться, что злоупотребления опричников вызывают сильное раздражение народа. Некоторые опричники участвовали в заговорах, опричное войско оказалось мало боеспособным в войне с Девлет-Гиреем и т. д. Все это побудило царя к отставке опричнины. В 1572 г. «государь опришнину отставил». Сам термин «опричнина» был заменен «государевым двором», т. е. опричнина восприняла внешние формы дворцового ведомства. Отставка опричнины отнюдь не означала отказа от политики опричнины. В перемене названия нашел свое выражение процесс чистки личного состава опричников, производившийся в 1570—1572 гг.

Существенным явлением после 1572 г. является то, что между опричными и земскими территориями стираются различия и опричные порядки распространяются по всей стране. Земщина как опре-

деленная территория государства, управлявшаяся особыми учреждениями во главе с Боярской думой, продолжала существовать и далее. Но в Земщине строятся теперь приказы по образцу опричных. В 1580-х годах появляются земские финансовые приказы — чети, воспринявшие опыт опричных четвертей. Опричная практика переселения вотчинников стала применяться в Земщине. Немногие из оставшихся в живых вотчинников, начавшие налаживать свое хозяйство на новых местах, должны были вернуться на старые места в свои вотчины, опустошенные в период господства опричников. Фактически это был новый удар по княжатам и боярам, которые должны были теперь покидать вновь обжитые земли. Не доверяя земской Боярской думе, Иван Грозный ставит во главе ее преданных ему людей, не связанных по происхождению с родовой русской аристократией. В 1572 г. во главе Земской думы был поставлен крещеный астраханский царевич Михаил Кайбулович, а после его смерти — касимовский царь Симеон Бекбулатович, родственник царя по его второй жене. Царь Симеон получил от царя титул «великого князя всея Руси», а сам Иван IV именовался «князем московским». Разумеется, вся полнота власти находилась в руках Грозного, а Симеон лишь исполнял его волю, но, сделав Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси», Иван Грозный хотел унизить спесивые боярские роды, которые считали унижением подчиняться «касимовскому царю». Кроме того, вероятно, сняв с себя титул «великого князя», Иван Грозный надеялся увеличить свои шансы на избрание на польский престол. В августе 1576 г. Симеон был сведен с великого княжения (пробыв на нем менее года) и отправлен в Тверь. С этих пор обе части государства были объединены под единым управлением. Отношение царя к Земской боярской думе показывает, что и после отмены опричнины ограничение прав бояр и княжат оставалось лейтмотивом политики Ивана Грозного. Заботясь прежде всего о защите интересов помещиков в 70 и 80-х годах, правительство Грозного проводит в общегосударственном масштабе меры по ограничению боярского и монастырского землевладения (указы 1572, 1580, 1584 гг.).

Для обеспечения барщинного крепостнического хозяйства дворян-помещиков в 1581 г. был издан указ о заповедных годах, запрещавший крестьянские переходы даже в Юрьев день. Этим законом крестьяне прикреплялись еще сильнее к земле помещика. Одновременно было начато составление писцовых книг, в которых крестьяне записывались за теми помещиками, где их застал указ о заповедных летах. Указ 1581 г. и перепись населения оформили в общегосударственном масштабе новый этап в развитии крепостного права в России, который принесла с собой эпоха опричнины.

Опричнина и тогда, когда она была под этим наименованием (1565—1572 гг.) и под именем двора (1572—1581 гг.), являлась продолжением реформ 50-х годов XVI в. Как и реформы 50-х годов, опричнина отражала интересы дворян-помещиков и была по сути дела диктатурой крепостников. Опричнина знаменовала даль-

нейшее укрепление централизованного аппарата власти, окончательно и навсегда сломила боярство и сделала невозможным восстановление порядков феодальной раздробленности. В этом заключается ее прогрессивное значение, которое сознавали и современники. «Нынешний великий князь,— писал Штаден,— достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он — все исполняется, и все, что запретит — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне».

Опричнина вместе с тем явилась периодом бурного развития поместного землевладения и этапом в процессе дальнейшего закрепощения крестьянства.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Реформы 50-х годов XVI в., способствовавшие укреплению Русского централизованного государства, позволили правительству Ивана Грозного предпринять важнейшие мероприятия в области внешней политики. Соседние с Россией государства: Польша и Литва, Ливонский орден и Швеция на западе и татарские ханства на юге и востоке враждебно относились к факту создания мощного национального Русского государства. Организация решительного сопротивления растущей агрессии со стороны внешних врагов являлась составной частью борьбы за укрепление Русского централизованного государства.

Основные вопросы внешней политики

Центральными вопросами внешней политики России во второй половине XVI в. были восточный (казанский) и балтийский (ливонский) вопросы. Для сохранения независимости Русского государства и обеспечения дальнейшего экономического и культурного развития необходимо было обезопасить страну от угрозы татарско-турецкой агрессии и укрепить экономические и культурные связи с Западной Европой. Если первая задача могла быть осуществлена путем разгрома татарских ханств, поддерживаемых султанской Турцией, и прежде всего Казанского ханства, то вторая задача разрешалась путем отвоевания выхода к Балтийскому морю.

а) Восточная политика.

Первоочередной задачей Русского государства к середине XVI в. стала борьба с Казанским ханством. В системе татарских государств, возникших на развалинах Золотой орды, Казанское ханство занимало особое место. Оно непосредственно граничило с русскими землями, держало в своих руках волжский путь, было достаточно сильно, чтобы постоянно угрожать России хищническими нападениями. Опасность со стороны Казанского ханства особенно возросла с того времени, когда в Казани воцарился хан из дома

Гиреев, враждебных России (1521 г.), и когда казанские ханы становятся в вассальную зависимость от Турции (1524 г.). Поэтому борьба России с Казанью приобретает важное международное значение, так как разгром Казанского ханства означал не только предотвращение возможности восстановления в той или иной форме татарского ига, но и решительный удар по попыткам Турции установить свою гегемонию в Восточной Европе.

Народы Поволжья под властью Казанского ханства

Казанское ханство возникло в начале XV в. К середине XVI в. территория его с татарским населением располагалась в основном в бассейне р. Казанки, по среднему течению р. Мёша и верхнему течению р. Ашита, на юге эти земли доходили до р. Камы, а на западе до р. Свияги. В состав Казанского ханства входили также земли, населенные чувашами (к западу от р. Свияги), мордвой (по среднему и нижнему течению р. Суры), марийцами (по р. Ветлуге), удмуртами (до верховий р. Вятки), башкирами (к югу от р. Камы) и др. Более или менее устойчивой граница ханства была лишь на западе. Она шла по р. Суре, которая, по словам, Герберштейна, делила «владения царей московского и казанского». Границы южные, северные и восточные не отличались определенностью. Формирование казанских татар началось задолго до нашествия в XIII в. монголов.

Этнической основой казанских татар были камские булгары, которые переселились в Среднее Поволжье еще в VII в. В центральных районах ханства — по р. Казанке и Мёше — высокое развитие получило земледелие в соединении со скотоводством и садоводством. Здесь применялось трехполье. На окраинах ханства среди ясачного (не татарского) населения существовала отсталая система земледелия — подсечная. Охота, рыболовство и бортничество были особенно развиты на землях мари и мордвы. Ремесло сосредоточивалось, главным образом, в Казани — самом крупном городе, столице ханства.

Славились кожевенные изделия казанских ремесленников: юфть, сафьян, обувь. Казань была центром внутренней и внешней торговли. В XVI в. здесь было два базара. 24 июня на Гостином острове, против устья р. Казанки, открывалась большая ежегодная ярмарка, на которую съезжались русские купцы, а также купцы Кавказа и Средней Азии. С учреждением в 30-х годах XVI в. Макарьевской ярмарки и ярмарки у Холопьего городка казанской торговле был нанесен значительный ущерб. К середине XVI в. Казань имела два ряда крепостных стен, а население, преимущественно татарское, достигало 30 тыс.

Социально-экономический строй Казанского ханства был феодальным. Значительная часть земель ханства принадлежала хану и светским и духовным феодалам: сеидам, эмирам, мурзам, тарханам и т. д. Некоторая часть земель находилась во владении общин ясачного населения. Эти последние считались государственными, и верховным собственником их был хан. За счет расхищения ясач-

ных крестьянских земель росло и развивалось феодальное землевладение.

Частновладельческие земли делились на вотчинные, тарханные и вакуфные. Вотчинные земли (т. е. наследственные) принадлежали ханам и представителям высшей аристократии. Тарханные земли — это земли, пожалованные ханами казанским феодалам с правом сбора податей и закрепленные особыми тарханными грамотами. Вакуфные земли принадлежали духовенству.

Основную массу крестьянского населения составляли ясачные люди. Они были подчинены ханским чиновникам и местным феодалам. В число ясачных людей входило также и нетатарское население: мари, удмурты, чуваши и мордва. Они подвергались особенно жестокой эксплуатации. Согласно ярлыку хана Сахиб-Гирея 1523 г. ясачные люди должны были платить ясак (дань десятинную), клан (оброк в пользу хана и его семьи), подать на оплату жалованья войскам, таможенную пошлину, поземельный налог, подымный или подворный налог, поставлять продовольствие и квартиры для чиновников и служилых людей хана, фураж для лошадей и другие поборы. В пользу мусульманского духовенства на землях сеидов взималась десятина. Ясачные люди платили также всевозможные поборы в пользу местных феодалов. Все это тяжелым бременем ложилось на крестьянское население ханства. Еще более тяжелым было положение тех крестьян, которые попали в крепостную и кабальную зависимость от феодалов.

Количество рабов в Казанском ханстве по некоторым данным достигало 100 тыс. человек. Большей частью это пленные русские. Условия труда рабов были исключительно тяжелыми, часто им приходилось работать в цепях и жить в ямах. Некоторая часть рабов наделялась землей и превращалась со временем в крепостных крестьян, обязанных нести барщину и платить оброк.

Казанское ханство было государством татарских феодалов, господствовавших над закрепощенным многонациональным крестьянством Поволжья. У народов, подчиненных Казанскому ханству, происходит процесс феодализации. Феодальная верхушка чувашского, марийского, удмуртского и других народов шла на сближение с татарскими феодалами в целях упрочения господства над своими народами. В XVI в. известны чувашские, марийские, удмуртские, каринские и арские князья, которые владели землями и вместе с татарскими феодалами эксплуатировали крестьян.

Феодально-зависимое население Казанского ханства, испытывавшее, помимо социального, также и гнет национальный, не раз подымалось против угнетателей феодалов. В 1531, 1545—1546 и в 1549 гг. происходили крупные восстания крестьян и городских низов против ханов и татарских феодалов. В результате этих восстаний из Казани дважды (в 1531 и 1545 гг.) изгонялся хан Сафа-Гирей с его советниками — крымцами и ногайцами.

В политическом отношении Казанское ханство не было устойчивым. Власть ханов была непрочной. За 115 лет в Казани сме-

нилось 14 ханов, а всего царствований было 21, так как некоторые ханы занимали ханский престол по два раза. Большинство ханов свергалось, изгонялось или убивалось в результате борьбы между отдельными феодальными группировками. Аппарат управления был громоздким, войско не было централизованным, а составлялось из мелких отрядов, выставляемых отдельными феодалами. Численность войск достигала 20—40 тыс. человек. Феодальная раздробленность Казанского ханства обусловливалась также многонациональным составом его населения. Так, например, удмурты образовывали в составе ханства отдельное Арское княжество, которое пыталось вести самостоятельную политику. Выделялись князья и у других подвластных Казани народов, которые претендовали на независимость от ханского правительства.

Политическая история Казанского ханства в первой половине XVI в. характеризуется нарастающим внутренним кризисом, выражавшимся как в обостренной борьбе между отдельными феодальными группировками, так и во все возрастающей борьбе угнетенных народов, которые стремились к разрыву своей зависимости от Казани. Внутренний кризис углублялся тем, что Казанское ханство попало в полную зависимость от Крымского ханства и Турции, подогревавших феодальные междоусобицы. Страдающие от этих междоусобиц массы трудового населения, а также угнетенные ханами народы были заинтересованы в ориентации на Русское государство, так как оно могло избавить их от турецкого порабощения. Часть феодалов и посадских людей выступала за дружественную политику по отношению к Москве, так как была заинтересована в развитии экономических связей с Русским государством.

Правление Сафа-Гирея в Казани, продолжавшееся с перерывами с 1524 г. по 1549 г. принесло огромный вред Казани и вызвало восстания народных масс, приведшие к двукратному изгнанию Сафа-Гирея.

Татарские феодалы проводили систематические набеги в русские пределы, грабили русские города и уводили русское население в плен. Господство крымских ханов вызвало недовольство среди части казанских феодалов и усиливало ряды сторонников русской ориентации. В 1546 г. группа казанских феодалов в 76 человек покинула хана Сафа-Гирея и переехала на «службу» в Москву. Трудовое население, разоренное поборами и постоянными внешними войнами и внутренними усобицами, волновалось и боролось против феодалов. Покоренные народы, стремясь избавиться от произвола татарских феодалов, также искали защиты у русских. Так, в конце 1546 г. в Москву прибыли «к великому князю бити челом горная черемиса... (марийцы и чуваши), чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служить хотят», а в 1551 г. жители Горной стороны переходят на сторону русских и помогают строить город Свияжск. Находясь в состоянии политического кризиса, Казанское ханство не могло устоять под ударами усиливающегося Русского централизованного государства.

Готовясь к войне с Казанью, правительство Ивана Грозного встречало поддержку со стороны всех прослоек класса феодалов. Татарские нападения были направлены на районы густого боярского и монастырского землевладения и поэтому в устранении угрозы от татар были заинтересованы бояре и церковные феодалы. Завоевание казанских плодородных земель было важным пунктом дворянской программы, выдвинутой Пересветовым. Дворянство связывало с войной прежде всего удовлетворение своего основного требования в земле и крестьянах. Верхушка русского купечества также была заинтересована в завоевании Казани, так как это давало ему великий международный путь по Волге. Война с Казанским ханством должна была принести облегчение положения и народных масс, больше всего страдавших от татарских разбоев.

Борьба с Казанью вызывалась потребностью самообороны русского народа против татарских нападений.

Завоевание Казани

Война Русского государства за Казань длилась 7 лет. Первый поход состоялся в 1545 г. Он носил характер военной демонстрации, но имел результатом усиление «московской» партии в Казани, которая в 1546 г. добилась возведения на ханский престол московского кандидата Шах-Али, скоро, однако, изгнанного Сафа-Гиреем. Зимой 1547—1548 гг. был совершен второй, также неудачный, поход на Казань, а в 1549 г. умер казанский хан Сафа-Гирей. На престол взошел его малолетний сын Утемыш-Гирей, а фактическим управителем стал крымский выходец Кучак. В 1549—1550 гг. русские предпринимают третий поход на Казань, окончившийся также неудачей.

Необходима была более решительная подготовка войны как в дипломатическом, так и в военном отношении. В 1550 г. предпринимаются шаги по реорганизации армии, по улучшению ее технических качеств и укреплению командования. Одновременно ведутся переговоры с Литовско-Польским государством, которые приводят к затишью на западных границах Руси. С помощью переговоров в Ногайской орде (их вел дипломат Петр Тургенев) удалось помешать вступлению ее в антирусскую коалицию мусульманских государств, сколачиваемую Турцией. Важным фактом в политическом и военном отношениях было основание весной 1551 г. г. Свияжска. Построенный недалеко от Казани, близ впадения р. Свияги в Волгу, город-крепость рассматривался как военно-продовольственная база наступления на Казань. Наличие рядом с Казанью русской крепости углубило политический кризис Казанского ханства. Народы Горной стороны (чуваши, часть мордвы, мари) отказались подчиняться казанским ханам и приняли участие в войне на стороне русских. Подчинения Ивану IV требовали также и арские князья.

В этих условиях в Казани совершился переворот. Хан Утемыш-Гирей был низложен и вместе с матерью Сююнбики выдан русскому правительству. По договору, заключенному с русскими, Казанское ханство, сохраняя свою самостоятельность, становилось в

вассальное отношение к России. Московское правительство потребовало также отказа от Горной стороны и освобождения русских пленных. 16 августа 1551 г. ханом Казани стал кандидат русского правительства Шах-Али. Но Шах-Али недолго удержался в Казани. Крайне жестокий и мстительный, он возбудил ненависть казанцев. Казанские феодалы были недовольны также потерей Горной стороны. Двуличную политику вел Шах-Али и в отношении к русским. Так, он утаивал русских пленных, не допустил русские войска в город и т. д. В этих условиях часть казанских феодалов выдвигает проект унии с Русским государством под непосредственной властью Ивана IV, чтобы «царь держал их также как в Свиязском городе». Переговоры закончились успешно, и в Казань был назначен русский наместник (С. И. Микулинский), а Шах-Али бежал. Однако к моменту въезда русского наместника враждебная Москве группировка феодалов подняла восстание, закрыла ворота города и не пустила его в город. На ханский престол был приглашен ногайский царевич Едигер. Так безуспешно закончилась последняя попытка русского правительства присоединить Казань мирным путем.

16 июня 1552 г. Иван IV во главе огромного войска (до 150 тыс. человек) выступил в поход на Казань. Попытка Девлет-Гирея, действовавшего по указке турецкого султана, сорвать этот поход русских не увенчалась успехом. Татарско-турецкое войско вторглось в пределы Русского государства и осадило Тулу, однако взять ее не смогло. Испугавшись огромного русского войска, двигавшегося на Казань, Девлет-Гирей бежал от Тулы, бросив часть обоза и артиллерию. Русские не преследовали войско Девлет-Гирея, сохраняя силы для решающих боев под Казанью.

13 августа войско под предводительством Ивана IV было уже в Свияжске, а к 25 августа осадило Казань, так как хан Едигер категорически отверг предложение царя о сдаче. Русская армия имела до 150 «пушек огненных» и осадные сооружения. В составе войска находились полки вновь созданных стрельцов. Осада длилась почти полтора месяца. Осажденные (около 30 тыс. человек) оказывали отчаянное сопротивление. В тылу русских войск действовали татарские отряды. При осаде города русские проявили много искусства, военной хитрости и упорства. В 7 дней под руководством Ивана Выродкова Казань была окружена двумя линиями из туров с позициями для артиллерии. Осадные башни с пушками и стрельцами постепенно придвигались к стенам, что позволило осаждающим вести меткий огонь по городу. Одновременно велись подкопы под стены. Взрывом 5 сентября был разрушен тайник, по которому осажденные ходили за водой к ключу. После этого казанцы стали пользоваться загрязненной водой из внутренних водоемов, что вызвало в городе заболевания. 30 сентября после взрыва подкопа у Арских ворот русские устремились на штурм и взяли часть стен посада и Арскую башню. После отказа осажденных сдаться, 2 октября взрывом были произведены новые проломы

в стенах, и город был взят штурмом. Бой закончился в кремле у укрепленной ограды царского дворца. Часть осажденных вместе с ханом Едигером сдалась, но большинство защитников города погибло. Казанское ханство было присоединено к Русскому государству. Иван IV принял титул царя казанского. Первым наместником Казани он назначил князя А. Б. Горбатого.

Включение в состав Русского государства поволжских народов

В 1552—1557 гг. народы Среднего Поволжья вошли в состав Русского государства. Некоторые из местных и татарских феодалов, поддерживаемые Турцией, крымскими ханами и ногайцами, пытались восстановить Казанское ханство. Так, в декабре 1552 г. вспыхнуло восстание под руководством крупного феодала Усейн-Сеита, охватившее Луговую и Горную стороны. Однако эти восстания, имевшие целью восстановить Казанское ханство под протекторатом Турции, не были поддержаны трудовым народом. В 1554 г. «черные люди» Казани «переимали» многих казанских феодалов, которые не «прямили» государю, и перебили из их числа 1560 человек.

Подавляя феодально-монархические движения казанских феодалов, правительство Ивана Грозного со всей жестокостью подавляло также и восстания народных масс против феодального гнета. Для закрепления своей власти в Среднем Поволжье правительство строит здесь ряд крепостей и ставит в них русские гарнизоны. Первоклассной крепостью стала Казань. В ней был возведен каменный кремль. Военный гарнизон состоял из стрельцов и детей боярских и доходил до 1000 человек. Важным административным и военным центром на Горной стороне стал г. Свияжск. В нем находилось 417 стрельцов и 20 пушкарей. В 50-х годах в Поволжье строятся новые крепости: Чебоксары (1555 г.), Лаишев (1557 г.), Тетюши (1558 г.) и др.

Как средство подчинения местного населения было использовано христианство. В 1555 г. в Казани утверждается епархия и первым архиепископом был поставлен Гурий. На него возлагалась миссионерская деятельность среди языческого и мусульманского населения. Одновременно с мероприятиями военного характера, правительство проводит массовую раздачу казанских земель русским феодалам и прежде всего дворянам. В раздачу шли в первую очередь земли ясачных крестьянских общин и земли тех феодалов, которые продолжали борьбу с Россией. Большое количество земель захватила церковь — архиепископ и монастыри. Трудовой народ вновь присоединенных земель Среднего Поволжья попал под ярмо русских феодалов-крепостников.

Завоевание Астраханского ханства

Падение Казанского ханства предопределило судьбу другого татарского ханства — Астраханского. Астраханское ханство, возникшее на развалинах Золотой Орды, включало в себя область Нижнего Поволжья и предкавказские степи. Столица ханства г. Астрахань в XVI в. являлась важным торговым центром. Стратегическое и

торговое значение Астраханского ханства привлекало внимание соседних с ним государств. Влияния в Астрахани добивались соперничающие в Ногайской орде мурзы Юсуф и Измаил. Первый из них поддерживал крымского ставленника хана Ямгурчея, второй выдвигал кандидатуру Дервиш-Али, угодного русскому правительству. Активное вмешательство в астраханские дела Турции, стремящейся превратить Астрахань в оплот ее влияния в Восточной Европе и в базу для борьбы с Ираном, представляло угрозу и для Русского государства. Борьба правительства Ивана Грозного за овладение Астраханским ханством имела целью не только укрепить за русскими обладание удобным торговым путем на Восток, но и ликвидировать один из очагов турецко-крымской агрессии. В 1554 г. русскому правительству удалось изгнать из Астрахани хана Ямгурчея и посадить на его место Дервиш-Али в качестве вассала Ивана IV. Дервиш-Али обязался платить дань царю и дать право русским ловить рыбу в Волге без всяких пошлин. Однако в 1555 г., под влиянием турецких агентов, Дервиш-Али начал враждебные действия против Руси.

На помощь ему было послано крымско-турецкое войско. В ответ на это Иван IV двинул на Астрахань русские войска. Дервиш-Али бежал. В августе 1556 г. Астрахань была взята русскими войсками и присоединена к Русскому государству.

Установление вассальной зависимости ногаев от Русского государства

После присоединения Астрахани, в вассальную зависимость от Москвы попала и Ногайская орда, кочевавшая между средним и нижним течением Волги и рекой Яиком (Уралом). В середине XVI в. Ногайская орда раздиралась феодальными междоусобиями. От главной Орды отделялись подчиненные ей улусы. Большинство ногайских феодалов, возглавляемых князем Измаилом (хан Больших ногаев), ориентировались на Русское государство. Они были заинтересованы в развитии экономических связей с Россией, так как сбывали здесь лошадей и приобретали необходимые им товары. Стремясь укрепить дружественные связи с Россией, князь Измаил признал себя вассалом московского царя. Те же феодалы, которые были более тесно связаны с Крымом, вместе с подчиненным им населением перешли через Волгу и Прикубанье и присоединились к Крымскому ханству. Они стали называться Малыми ногаями.

Включение башкир в состав Русского государства

Ликвидация поволжских татарских государств и установление вассальной зависимости Ногайской орды от Москвы открыли возможность перед башкирским народом избавиться от ига татарских феодалов.

В XV—XVI вв. Башкирия представляла феодально-раздробленную страну. Западные земли по рекам Ик, Мензеле и нижнему течению Белой принадлежали Казанскому ханству, зауральские земли входили в состав Сибирского ханства, а большая часть южных земель находилась под господством Ногайской орды. Под

игом татарских, ногайских и башкирских феодалов изнывали трудовые массы башкирского народа. Население обязано было отдавать феодалам молочный скот для пользования, мелкий скот для убоя и платило ясак скотом и пушниной. Феодалы захватили лучшие места кочевок, бортные угодья, места охоты и т. д. Ногайские и казанские ханы опирались на башкирских феодалов — тарханов. Они давали тарханам ярлыки, освобождавшие их от несения повинностей и уплаты всевозможных поборов, предоставляли им земельные угодья и право власти над населением своих общин. Тарханы обязаны были лишь поставлять хану определенное число воинов. Положение трудовых масс Башкирии, подвергавшихся двойному гнету (со стороны захватчиков и своих феодалов), ухудшалось еще беспрерывными раздорами и феодальными войнами, которые вели между собою ханы, мурзы и другие феодалы. Грабежи, поборы, непосильные подати и повинности приводили башкирский народ к полному обнищанию и вымиранию. Желая избавиться от хищнического господства татарских феодалов и феодальных междоусобий, трудовой народ Башкирии стремился к принятию русского подданства. Первыми в состав Русского государства вошли жители западной Башкирии, подчиненные ранее Казанскому ханству. Их примеру последовали башкиры, которые находились под властью ногаев. Попытки ногайских мурз увести башкир за Яик и на Кубань не имели успеха. Уже в 1554 г. от Минской волости (территория к югу от р. Уфимки и Белой) в Москву прибыло посольство с предложением подданства. Присоединение минских башкир обострило борьбу остального башкирского населения против ногаев. В конце 1556—57 гг. прибыли посольства еще от ряда башкирских родов. В 1557 г. был собран первый ясак с башкирского населения и этот год стал годом окончательного присоединения Башкирии к Русскому государству. Лишь небольшая часть ее оставалась под властью Сибирского ханства.

Вхождение Башкирии в состав Русского государства имело глубокое прогрессивное значение для экономического и культурного развития башкирского народа. Принятие русского подданства покончило с феодальной раздробленностью страны и открыло башкирскому народу возможность непосредственного общения с русским народом и его передовой культурой. Развитие производительных сил Башкирии значительно ускорилось массовым переселением на ее территорию русских крестьян. Большая часть башкир перешла к оседлости и стала заниматься сельским хозяйством, переняв от русских относительно высокую в то время агротехнику. В совместном четырехвековом труде зародилась и окрепла дружба башкир с русскими и другими народами нашей страны.

После присоединения Башкирии русское правительство, стремясь привлечь местную знать, никоим образом не ущемило привилегированного положения тарханов, а наоборот, раздавало новые тарханные грамоты. Тарханы по-прежнему были освобождены от

уплаты ясака. Вообще ясак, установленный русским правительством, был меньше ясака, взимавшегося в Башкирии до принятия ею русского подданства. Для закрепления своей власти в Башкирии правительство строит города и размещает в них русские военные гарнизоны. В последней четверти XVI столетия на р. Белой строится город Уфа. В административном отношении Башкирия составила Уфимский уезд, в который посылается царский воевода. Уезд делился на четыре дороги — Казанскую, Ногайскую, Сибирскую и Осинскую.

Борьба с Крымским ханством

После покорения Казанского и Астраханского ханств делались попытки покорения и Крымского ханства. Так в 1556—1559 гг. русскими предпринимались разведывательные действия. Большое впечатление произвел поход Даниила Адашева в 1559 г. через Черное море в Крым. Десант русских был удачен. Адашев «повоевал» татарские улусы. Однако военные действия против Крыма не приняли широкого размаха, так как настойчивое стремление Ивана Грозного решить Балтийский вопрос отвлекло русские силы на Запад. На южных границах дело свелось к организации обороны путем организации укрепленных линий. В 50-х годах устраивается Тульская засечная черта, идущая по Оке до Серпухова, а потом на Тулу и на Козельск. Укрепленная линия состояла из городов, острогов, острожков, между которыми были устроены валы и рвы. В лесах, для закрытия прохода татарской коннице, устраивались засеки — широкой полосой подрубался и валился лес. На бродах набивались в воду колья. Южнее Оки, от Рязани до Козельска, шла вторая линия. Позднее, по мере заселения русским населением степи, строится новая линия, шедшая от Алатыря к Новгороду-Северскому и Путивлю. В 1571 г. было издано особое уложение о сторожевой и станичной службе на засечной черте. Это был устав пограничной службы, точно определявший обязанности войск, охранявших границу, и вводивший по всей засечной линии единую организацию службы. Из передовых линий в открытую степь отправлялись небольшие группы служилых людей: «сторожи» и «станицы», которые наблюдали за крымскими татарами. И если эти передовые разведывательные отряды замечали движение значительных военных сил крымцев, направлявшихся к границам Русского государства, они немедленно сообщали в ближайший укрепленный пункт засечной черты. Вся засечная черта приводилась сразу же в боевую готовность. Устройство обороны южных границ в 1571 г. положительно сказалось уже в следующем 1572 г. Попытка крымского хана Девлет-Гирея прорваться со 120-тысячным войском к Москве потерпела неудачу. Крымский хан был наголову разбит в 50 километрах от Москвы русским войском под командованием М. И. Воротынского. Организация укрепленных линий на южных границах обезопасила от татарских нападений плодородные земли степной области, куда в XVI в. устремилось русское население.

Народы Западной Сибири под властью Сибирского ханства

Присоединение Поволжья ставило Русское государство в непосредственное соприкосновение с Зауральем, в частности с Сибирским ханством, тесно связанным некогда экономически и политически с прежним Казанском ханством. В 1555 г. сибирский хан Едигер, теснимый бухарцами, обратился в Москву с просьбой о покровительстве. Он признал себя вассалом царя Ивана IV и обязался платить ежегодную дань в тысячу соболей. Однако эти отношения были разорваны уже при хане Кучуме, сменившем Едигера. В начале 70-х годов возникла реальная угроза русским восточным границам со стороны сибирских татар. Так, например, в 1573 г. сообщалось, что с Тобола «приходил сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде итти ратью в Пермь». В дальнейшем опасность татарских нападений увеличилась.

Однако разрешение вопроса о Сибири диктовалось не только целями обеспечения безопасности восточных границ, но и глубокими экономическими причинами. С расширением внешней торговли Русского государства в XVI в. значительно повысился спрос на такой экспортный товар, как пушнина. В центральных районах пушной зверь к этому времени уже выводился, тогда как пушные богатства Сибири были неиссякаемы. Освоение этих новых территорий становилось насущной экономической задачей. Господствующие классы Русского государства — служилые люди, а также купцы, промышленники — стремились в Сибирь с целью захвата новых земель, доходов и новых промысловых районов. С ликвидацией Казанского ханства государство Кучума было единственным препятствием для распространения русской колонизации на восток. При Кучуме Сибирское ханство распространялось от Барабинской степи на юге до нижнего течения р. Оби на севере, на западе в состав ханства входили земли до среднего течения р. Тобола и до Уральских гор. В политическом отношении Сибирское ханство представляло собой слабое раздробленное феодальное государство. Под властью хана находились многочисленные владельцы мелких улусов (владений), сохранявшие самостоятельность. Они платили лишь ясак хану со своих черных людей и помогали в военное время войсками. Многие народы тяготились господством татарских феодалов и внутриплеменными разорительными войнами и стремились стать под покровительство Русского государства. Этим непрочным внутренним состоянием Сибирского ханства и объясняется то, что для ликвидации его достаточно было небольшой кучки храбрецов, предводительствуемых Ермаком.

Поход Ермака и покорение Сибирского ханства

Известную роль в продвижении в Сибирь сыграли Строгановы, получившие от царя в конце 50-х годов обширные владения по р. Каме (ниже Соликамска) и Чусовой. Строгановы завели солеварение, железодутный промысел, добывали пушнину и вели большую торговлю. Наряду с этим во владениях Строгановых было развито

крупное сельское хозяйство, и, таким образом, они способствовали колонизации края русским населением. В 1579 г. во владениях Строгановых было уже 39 деревень с 203 дворами, 1 городок и 1 монастырь. Для охраны своих владений они строят, с разрешения правительства, ряд городков-крепостей, создают из «охочих людей» — казаков — военные гарнизоны и вооружают их. К концу XVI в. создалась укрепленная линия, в которую вошли острожки: Канкор, Коргедан, Яйвенский, Нижне-Чусовск, Верхне-Чусовск, Сылвенский и Очерский. Опираясь на городки, Строгановы повели наступление за Урал. Их активно поддерживало правительство. В 1574 г. Строгановы получили от Ивана IV грамоту, разрешавшую им строить городки на территории уже Сибирского ханства: на Тоболе, на Иртыше, на Оби и «на иных реках, где придетца... крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати». Таким образом, правительство разрешало открыть Строгановым военные действия против Кучума, рассчитывая на помощь русским со стороны местного населения.

В 1582 г. Строгановы снарядили за Урал военную экспедицию волжских казаков и своих ратных людей из городков. Во главе отряда стал атаман Ермак Тимофеевич. Сибирский летописец Илья Черепанов, опираясь на сказание, сообщает, что дед Ермака был суздальцем, посадским человеком Афанасием Григорьевичем Алениным. Дети его Родион и Тимофей ушли на р. Чусовую в земли Строгановых. Один из сыновей Тимофея Василий, получивший прозвище Ермак, был кабальным человеком Строгановых: «ходил у Строганова на судах в работе по рекам Каме и Волге». По примеру многих Ермак ушел на Дон, где стал атаманом отряда донских казаков. В 1579 г. Ермак с казаками появился во владениях Строгановых и предпринял поход в Сибирь. По р. Чусовой Ермак перевалил через Камень (Уральские горы) и спустился по Тагилу на Туру, приток Тобола. Далее он, не встречая сопротивления, вошел в Иртыш и в конце октября подошел к столице Кучума — Кашлыку. На Чувашевом мысе, под самой столицей татары устроили засеку, чтобы удержать неприятеля. Здесь-то и произошло решающее сражение. Разноплеменные войска Кучума не выдержали натиска казаков и разбежались. Кучум покинул столицу и откочевал в Барабинскую степь, а Ермак занял город и стал собирать ясак с местных жителей.

Ермак обратился за помощью в Москву. В 1583 г. из Москвы был выслан отряд в 500 человек под командованием князя С. Болховского, который прибыл в Сибирь в 1584 г. Столь незначительное пополнение, ослабленное еще к тому же цингой, не изменило положения. Победы Ермака оказались непрочными. Феодалы отдельных племен подняли восстание, сам Ермак вынужден был отсиживаться в осаде в татарской столице. В августе 1585 г. с небольшим отрядом он попал в засаду и утонул в Иртыше, при попытке вскочить в ладью. Русские вынуждены были оставить Кашлык, который и был вновь занят татарами. Остатки отрядов Ермака и

Болховского возвратились на Русь. Хотя поход Ермака и не привел к непосредственному подчинению Сибири, он имел большое значение. Путь в Сибирь был проложен, царству Кучума — нанесен жестокий удар.

Планомерное наступление на Сибирь началось с похода воевод В. Сукина и Мясного и головы Д. Чулкова в начале 1586 г. Успехи русских войск закрепляются теперь строительством русских городов-крепостей. В 1586 г. строится город Тюмень, в 1587 г. поблизости от Кашлыка возникает Тобольский острог. В 1588 г. Д. Чулков берет столицу ханства Кашлык и захватывает самого хана Сеид-Ахмата в плен. Дальнейшее наступление идет от Тобольска на север по р. Оби, в низовьях которой в 1593 г. строится Березов, а в 1595 г.— Обдорск, на восток, вверх по Оби, здесь строятся Сургут (1594 г.), Нарым (1596 г.), Кетский острог (1597 г.) и, наконец, Томск (1604 г.), на юг, вверх по Иртышу. Построенный здесь город Тара (1594 г.) был опорной базой борьбы против Кучума, кочевавшего в Барабинской степи. Строятся также города для обеспечения безопасности путей из Руси в Сибирь: Тагильский городок (1583 г.), Лозвинский городок (1590 г.), Верхотурье (1598 г.) и Туринск (1600 г.). Таким образом, в результате ликвидации Сибирского ханства Западная Сибирь была включена в состав Русского государства. Безопасность восточных границ была обеспечена. Вместе с тем создалась прочная база для дальнейшего продвижения русских на восток.

Западная Сибирь стала источником поступления драгоценной пушнины. Население облагалось данью — ясаком, ложившимся тяжелым бременем на плечи коренного населения Сибири. Тяжелые последствия для некоторых малых народов имела система аманатов (заложников), к которой прибегала русская администрация для принуждения покоренных народов к уплате ясака. Административным центром Сибири становится Тобольск, куда назначался царем воевода. Он ведал сбором ясака, наблюдал за торговлей и промыслами, в его распоряжении находились стрельцы, казаки и другие служилые люди. Воевода ведал также и государевой пашней, вводившейся в Сибири с конца XVI в.

Прогрессивное значение образования Русского многонационального государства

Включение народов Поволжья и Западной Сибири в состав Русского государства означало превращение его в государство многонациональное. Образование Русского многонационального государства в XVI в. было глубоко прогрессивным явлением, так как оно совершалось, во-первых, в результате ликвидации системы феодальных государств, образовавшихся на развалинах Золотой орды и препятствовавших культурно-хозяйственному развитию России, и, во-вторых, оно означало объединение отсталых в экономическом и культурном развитии народов Поволжья и Сибири с великим русским народом.

Создание Русского централизованного многонационального государства нанесло удар по планам султанской Турции установить

гегемонию в Восточной Европе. Это означало вместе с тем ослабление турецкой экспансии и в отношении стран Западной Европы. Устранение угрозы турецкого ига было важным условием успешного развития народов Поволжья, так как продолжение господства турецких феодалов и их крымских ставленников обрекало народы Поволжья на экономическую, политическую и культурную отсталость.

Хотя присоединение народов Поволжья и Западной Сибири к Русскому государству не избавляло их от классового гнета со стороны феодалов как своих, так и русских, однако объективно оно имело прогрессивный характер. Установление более тесных экономических связей народов Поволжья и Сибири с русскими областями способствовало развитию производительных сил этих народов. Широкая крестьянская и торгово-промысловая колонизация Поволжья, а также огромных и малозаселенных просторов Приуралья и Западной Сибири имела результатом развитие в этих районах земледелия, ремесленного производства, городов, торговли и т. д. По примеру русского крестьянина кочевник-скотовод начинает заниматься земледелием, примитивные системы земледелия (у чувашей, мари, удмуртов — подсечное) под влиянием русского опыта заменяются более прогрессивной системой — трехпольной. Русский человек принес земледелие в Башкирию и Западную Сибирь. Совместная жизнь с русским трудовым народом, несмотря на гнет царизма, приводила к усвоению земледельческой техники и других достижений русской культуры, что способствовало хозяйственному развитию отсталых народностей, росту населения, росту материальной и духовной культуры этих народов. Уже на первых стадиях закладывается дружба русского народа с народами Поволжья и Сибири. Она ярче всего проявляется в совместной борьбе этих народов против своих угнетателей — помещиков, князей, монастырей и приказных людей.

Присоединение народов Поволжья и Западной Сибири усиливало Русское государство в экономическом и военном отношении. Успешное разрешение основных задач восточной политики уже в 50-х годах XVI в. укрепляло позиции правительства Ивана Грозного в борьбе с пережитками феодальной раздробленности внутри страны и способствовало его деятельности по укреплению Русского централизованного государства.

Успешное разрешение восточного вопроса давало возможность бросить все силы на разрешение второй внешнеполитической задачи — выхода России к Балтийскому морю. В 1558 г. началась Ливонская война.

б) Ливонская война.

В связи с ростом производительных сил Русского государства в XVI в., выразившимся в развитии земледелия, ремесла и торговли, все острее чувствовалась необходимость укрепления экономических и культурных связей Руси с передовыми странами Запад-

ной Европы. Между тем Русское государство в XVI в. было отделено от Западной Европы враждебными ему государствами — Литовско-Польским государством и Ливонией. Немецкие феодалы и купцы, господствовавшие в Ливонии, закрывали наиболее удобный и надежный путь в Западную Европу через Балтийское море.

Народы Прибалтики под властью Ливонского ордена

Ливония, созданная в XIII в. немецкими рыцарями-меченосцами, представляла собой в XVI в. слабое государство, раздираемое феодальными усобицами. Она считалась леном Германской империи и, вместе с тем, подчинялась папе. Территория Ливонии была разделена между Ливонским рыцарским орденом, епископами и городами. Главные владения Ордена располагались в Эстонии, Курляндии, к югу от Западной Двины и в Латгалии. В руках орденских властей находилось свыше 50 замков. В одном из замков (в Вендене) жил магистр Ордена. Ордену была подчинена половина города Риги. Самостоятельными феодальными владетелями были архиепископ рижский (земли к северу от Западной Двины), епископы юрьевский (земли в юго-восточной Эстонии), эзельский (о. Эзель и побережье Эстонии к северу от Рижского залива), курляндский (земли в западной части Курляндии). Важную роль в политической жизни играли города: Рига, Ревель (Таллин), Дерпт (Юрьев, Тарту), Пярну и др., хотя они находились под верховной властью Ордена или епископов. Эти феодальные владетели лишь формально были объединены в единое государство, возглавляемое Орденом. Общим учреждением, долженствовавшим объединять страну, был ливонский сейм (ландтаг), состоявший из четырех сословий (духовенство, орденские чины, мелкие держатели земли, горожане). Однако его решения не имели реального значения, так как единой исполнительной власти в стране не было.

Господствующим классом Ливонии были немецкие духовные и светские феодалы. Они беспощадно эксплуатировали закрепощенных крестьян — латышей и эстонцев — и низы городского населения. Социальный гнет сочетался здесь с зверским национальным угнетением. По словам современников Ливония была адом для крестьян, золотым дном для помещиков и раем для священников. Немецкие феодалы обогащались в Ливонии за счет эксплуатации местного населения — эстонцев и латышей.

Опираясь на 150 крепостей и замков, ливонские феодалы жестоко подавляли антифеодальные восстания крепостных крестьян. Угнетеннное эстонское и латышское население, издавна связанное с русскими землями, видело в Русском государстве единственную силу, способную освободить их от господства немецких феодалов. Поэтому борьба Русского государства за Прибалтику была встречена с огромным сочувствием со стороны угнетенного латышского и эстонского населения.

Население встречало русских, как своих освободителей.

С момента вступления русских войск в Ливонию в 1558 г. эстонские и латышские крестьяне стали изгонять и убивать немец-

ких феодалов или передавать их русским. Например, после взятия Нарвы окрестные крестьяне, выполняя приказ русского командования, ловили скрывавшихся немцев и привозили их в Нарву. В битве при Эрмесе (2 августа 1560 г.) латышские крестьяне показали русским лесные тропы и проходы через болота, по которым они прошли в тылы немецкого войска, окружили и разбили его наголову. Осенью 1560 г. восстание охватило всю Эстонию. По словам хрониста-современника «крестьяне отказывались подчиниться помещикам и отрабатывать барщину». Ливонская война является одним из этапов многовековой совместной борьбы русского народа и народов Прибалтики против немецких захватчиков.

Утверждение Русского государства в Прибалтике было необходимо для нормального экономического развития страны, так как способствовало установлению нормальных отношений с западными странами. Русское государство нуждалось для укрепления своей обороноспособности и развития хозяйства в металле, в металлических изделиях, в оружии. Ему нужны были военные специалисты, строители, оружейники и т. д. Все это Россия могла бы получить из стран Западной Европы.

Враждебная политика Ливонии по отношению к Русскому государству

Однако в своих попытках установить сношения с Западом Русское правительство наталкивалось на сопротивление Ливонии, Ганзейского союза, Литовско-Польского государства и Швеции. Все эти государства, опасаясь усиления России, проводили ее экономическую блокаду. Реальность этой блокады ярко проявилась в 1548 г., когда Ливония и Ганза сорвали план привлечения на русскую службу 123 западноевропейских специалистов, завербованных в Германии агентом Ивана Грозного Гансом Шлитте. Уже на пути в Россию они были задержаны в Любеке ливонскими властями. Императором был издан даже особый указ, вообще запрещающий Ордену пропускать в Россию такого рода людей. За попытку перебраться в Русское государство через ливонскую границу полагалась смертная казнь. Столь враждебная позиция Ливонии вынуждала правительство Ивана Грозного начать вооруженную борьбу за выход в Балтийское море.

Борьба за Прибалтику отвечала интересам русского дворянства и посадских верхов — купцов и ремесленников. Дворянство не только надеялось получить хорошо возделанные земли в Прибалтике, но оно было заинтересовано также в установлении нормальных торговых связей с Европой, так как само втягивалось в торговлю. Большие выгоды приобретение балтийских торговых путей несло русским городам. Русские купцы стремились раскрыть для русских товаров иностранные рынки, осуществлять посредническую торговлю между Востоком и Западом. Поэтому дворянство и города поддерживали политику Ивана Грозного по завоеванию Прибалтики.

Противоположную позицию в вопросе о Прибалтике занимали консервативные круги боярства. Боярство, заинтересованное в союзе с польско-литовскими феодалами, так как надеялось на их под-

держку в борьбе против политики Ивана Грозного, противопоставило его плану завоевания Прибалтики план борьбы с Крымом. В письме к Курбскому Грозный признавался, что он начал «войну на Германы» вопреки советам Адашева и Сильвестра и их друзей, сомкнувшихся к концу 50-х годов с боярскими кругами. Отражая интересы дворянства и купечества, Иван Грозный в острой борьбе со своими противниками из лагеря реакционного боярства совершает крутой поворот во внешней политике Русского государства — встает на путь борьбы за Прибалтику и идет этим путем со всей настойчивостью, с введением в борьбу всех имеющихся ресурсов, несмотря на умножение врагов внешних и усиление противодействия врагов внутренних — бояр и княжат.

Начало и ход Ливонской войны на первом этапе

Поводом к Ливонской войне послужил вопрос о так называемой Юрьевской дани. В 1553 г. истек срок перемирия, заключенного Иваном III с Ливонским орденом. Один пункт договора 1503 г. об уплате ежегодной дани за Юрьевскую область не был выполнен Ливонией, не платившей ее за все 50 лет. Во время переговоров в 1554 г. о продлении перемирия русская сторона потребовала, чтобы Ливония продолжала платить юрьевскую дань и дальше и уплатила задолженность за прошлые 50 лет в три года. Кроме того, Ливония должна сохранять нейтралитет в случае войны России с Польшей и Литвой и обеспечить свободу транзитной торговли. После некоторых колебаний ливонцы приняли русские условия, и перемирие было продлено на 15 лет. Однако Ливония и не думала выполнять эти условия, а, наоборот, готовилась к войне. В Дерптском епископстве велись вооруженные приготовления. Воспользовавшись войной Ордена с рижским архиепископом в 1557 г., польский король Сигизмунд II Август ввел в Ливонию 100-тысячную армию. Имея в виду войну с русскими, орденские власти поспешили прекратить военные действия и принесли извинения королю. В сентябре 1557 г. магистр Ордена Фюрстенберг заключил союз с Сигизмундом II, направленный против Русского государства. Чтобы предотвратить укрепление Литовско-Польского государства в Ливонии, Иван Грозный в январе 1558 г. начал военные действия против Ливонии. Уже первый январский поход Шиг-Алея и М. В. Глинского, имевший разведывательные цели, показал, что Ливония к войне не готова. Напуганные действиями русских и видя свою слабость, ливонские феодалы и города на ландтаге в марте 1558 г. требовали у магистра Ордена заключения перемирия с русскими. Было решено даже собрать 60 тыс. марок для уплаты дани русскому правительству. Однако к маю было собрано только 30 тыс. марок, и перемирие нарушено. В мае Грозный вновь двинул войска в Ливонию. Целью русского командования стало планомерное подчинение территории Ливонии и закрепление ее за русскими. Главные удары были направлены на Нарву и Дерпт. Военные действия против Нарвы начались в апреле сильным артиллерийским обстрелом города из Ивангородской крепости. Более недели Нарва бом-

бардировки не выдержала, и 9 апреля ее командование било челом царским воеводам о принятии города на царское имя. В Москву была отправлена депутация, которая и присягнула на верность царю Ивану IV «за всю землю Нарвскую». Но когда Ивангородские воеводы послали сказать об этом в Нарву, жители отказались признать законность присяги. Такой оборот событий объяснялся тем, что в Нарву к этому времени прибыло подкрепление от магистра. 11 мая русские войска штурмом взяли город. Знатным жителям и военным было разрешено свободно (но без имущества) выйти из города, черные посадские люди приняли русское подданство. В июле русское войско под командованием П. И. Шуйского осадило Дерпт, который и сдался 19 июля. В жалованной царской грамоте жителям Дерпта давались большие привилегии: право самоуправления и суда, право беспошлинной торговли в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Нарве. В остальных русских городах с дерптских торговых людей взимались такие же пошлины, как и с русских купцов. Льготы, предоставленные покорившимся городам, показывали намерение царя удержать навсегда это завоевание. Кроме Нарвы и Дерпта в 1558 г. в руки русских войск перешло большое число и других мелких городов и замков восточной части Эстонии. Успешному их продвижению способствовали восстания эстонских и латышских крестьян против феодалов. Народные массы Прибалтики приветствовали уничтожение феодального землевладения Ордена, монастырей, епископов, проводимое русским командованием. Это означало ликвидацию злейшего врага прибалтийских народов — немецкой феодальной аристократии. Стремясь развить морскую торговлю, русское правительство дало жителям Нарвы право свободной торговли в Русском государстве и беспрепятственных сношений с империей. Привилегию получили также и жители Дерпта. Политика покровительства местному населению способствовала дальнейшим успехам русского оружия. Летом и осенью 1558 г. и в январе и феврале 1559 г. русские войска прошли всю Ливонию до Ревеля и Риги и продвинулись в Курляндии до границ Восточной Пруссии и Литвы.

Угроза полного разгрома вынудила магистра Ливонского ордена обратиться к русскому правительству с просьбой о перемирии. При посредничестве Дании в марте 1559 г. было заключено перемирие на полгода. Во время перемирия ливонские правители обратились за военной помощью к врагам Русского государства. 31 августа 1559 г. в Вильне состоялось соглашение с Сигизмундом II Августом. По этому соглашению Орден становился под протекторат короля, который обещал защищать ливонских феодалов от русских. Позднее (15 сентября) протекторат был распространен и на рижского архиепископа. В конце сентября в ливонские дела вмешалась Дания. Эзельский епископ отдался под покровительство датского короля, уступив при этом за 30 000 талеров остров Эзель брату короля, герцогу Магнусу. Непосредственной, немедленной помощи Ливония, однако, ни от Польши, ни от Дании не получила. Начав-

шиеся в 1560 г. военные действия принесли Ордену новые поражения. 9 февраля русским войскам удалось взять укрепленный город Мариенбург. 2 августа орденские силы были разбиты под Эрмесом, а 30 августа русские войска взяли крепость Феллин. В числе немцев, сдавшихся здесь в плен, был и престарелый магистр Ордена Фюрстенберг. Хотя русское командование, задержавшись неудачной осадой под Вейсенштейном, недостаточно полно использовало достигнутые военные успехи, однако общим результатом 1560 г. был фактический разгром Ливонского ордена. В 1561 г., в условиях всеобщего восстания крестьян Ливонии, Орден не смог оказать сколько-нибудь организованного сопротивления.

Распад Ливонского государства

В обстановке полного развала и деморализации ливонские феодалы для спасения своих привилегий пошли на отказ от государственной самостоятельности. В июне 1561 г. на верность шведскому королю Эрику XIV присягнуло рыцарство северной Эстонии. Ревель был занят шведскими войсками. На о. Эзеле укреплялся брат датского короля герцог Магнус. Лифляндия по виленскому соглашению 28 ноября 1561 г. перешла под совместную власть Литвы и Польши, а Курляндия превратилась в зависимое от Польши герцогство, во главе которого был поставлен Г. Кетлер, последний магистр Ливонского ордена.

Так прекратила свое существование Ливония — государство «псов рыцарей» в Прибалтике. Победы в Ливонии показали всей Европе силу Русского централизованного государства, боевые успехи войск которого были подготовлены военными реформами 50-х годов. Непосредственным результатом разгрома Ливонии, имеющим огромное значение для развития экономики Русского государства, было приобретение Нарвы как центра морской балтийской торговли. В 1569 г. польский король Сигизмунд II Август с горечью писал английской королеве Елизавете, что московский царь «ежедневно усиливается по мере большого подвоза к Нарве разных предметов, так как ему доставляются не только товары, но и оружие, доселе ему неизвестное, и мастера и художники: благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей». В одной анонимной записке, поданной германскому рейхстагу в 1570 г., отмечалось важнейшее значение Нарвы для укрепления России в Прибалтике: «Отовсюду с запада,— писалось в записке,— из Франции, Англии, Шотландии и Нидерландов, несмотря на запрещения, везут в Нарву оружие и съестные припасы... Привозят в Москву много шелка, бархата, полотна... Много доставляют царю золотой и серебряной утвари... Всего же опаснее то обстоятельство, что многие правительства доставляют московитам опытных кораблестроителей, знающих морское дело, искусных в сооружении гаваней, портов, бастионов и крепостей, затем оружейных мастеров, которым хорошо знакомо Балтийское море, его течение, гавани и пр. Все эти сношения Европы с царем придали ему мужества, теперь он стремится

стать господином Балтики, достигнуть этого ему будет нетрудно. . .» Как видим, в письме польского короля и в анонимной записке выражается страх перед укреплением Русского государства в результате его прямых экономических связей со странами Запада.

Второй этап Ливонской войны

Поэтому сильнейшие европейские государства, поделившие между собою Ливонию в 1561 г.,— Польша, Дания и Швеция, сделали все, чтобы не допустить укрепления России в Прибалтике. Распад Ливонии означал лишь новый этап войны за Балтийское море, в ходе которой Русскому государству пришлось столкнуться с Литовско-Польским государством и Швецией. Период Ливонской войны, охватывающий 1561—1570 гг., характеризуется борьбой за Ливонию между Русским государством и Литвой и Польшей. Польский король Сигизмунд II Август потребовал от Ивана Грозного прекращения войны в Ливонии и начал одновременно военные действия в России. Новая война ведется Иваном Грозным не менее активно и сопровождается новыми успехами. В 1563 г. русская армия под командованием самого царя вступила в Литву и осадила крупнейшую крепость и древнейший русский город на Западной Двине — Полоцк. После трехнедельной осады 15 февраля 1563 г. Полоцк был взят. Гарнизон вместе с воеводой Довойной попал в плен. Со взятием Полоцка русские войска получили базу для развития дальнейшего наступления в сторону Риги и по направлению столицы Литвы — Вильно. Русские овладели также ключевыми позициями на важнейшем водном пути по Западной Двине. Неудачи в войне с Россией вынудили Сигизмунда II Августа обратиться к Ивану Грозному с предложением о прекращении войны. В декабре 1563 г. в Москве начались переговоры. Однако несогласие послов Сигизмунда II Августа уступить русским Полоцк привело к прекращению переговоров, и военные действия возобновились. В 1564 г. русские войска потерпели ряд поражений: 26 января в битве на р. Уле и 2 июля в сражении под Оршей. Причину военных неудач 1564 г. Иван Грозный не без основания видел в боярской измене. Она проявилась не только в переходе А. Курбского на сторону врага (в апреле), но и в пассивных действиях некоторых воевод. Например, причиной поражения при Уле была вопиющая небрежность воеводы Шуйского, передвигавшегося со своим отрядом без должной осторожности: не была выставлена охрана, доспехи везли на санях. Внезапное нападение врага кончилось полным поражением русских. Измены бояр на войне были одной из форм борьбы реакционных кругов против политики централизации власти, проводимой Иваном Грозным. Военные неудачи 1564 г., предательство бояр, обострение политического положения в стране побудили правительство Ивана Грозного держаться более осторожной тактики в войне и в дипломатии. В 1564 г. Иван Грозный выдвинул проект восстановления Ливонского ордена под протекторатом России. Великим магистром Ордена предполагалось поставить пленного Фюрстенберга. Проект восста-

новления Ордена был направлен против Литовско-Польского государства, Дании и Швеции, так как лишал их хотя бы видимого юридического предлога вмешиваться в ливонские дела. Однако переговоры с Фюрстенбергом кончились неудачей. Пленный магистр отказался принять этот пост. Позднее Русское правительство пыталось еще раз осуществить свой план, используя для этого герцога Магнуса.

Военные действия во 2-й половине 1564 г. и в начале 1565 г. показали, что литовско-польские войска, одержав ряд побед, не смогли развернуть серьезного наступления, а ограничивались мелкими набегами на русские территории. Обе стороны были заинтересованы в прекращении войны. Переговоры начались во 2-й половине 1565 г. и продолжались с перерывами несколько лет. Литовская сторона выдвигала совершенно неприемлемые условия: уступка Полоцка и Смоленска, раздел Ливонии и заключение антишведского союза. Для обсуждения этих условий в 1566 г. был собран Земский собор, т. е. собрание представителей господствующего класса: духовенства, бояр, дворян и крупного купечества. Собор высказался за отклонение литовских условий и за продолжение Ливонской войны. Целью войны должно быть завоевание тех городов Ливонии, которые перешли в руки польского короля. «Государю нашему (т. е. Ивану Грозному) тех городов Ливонских, которые взял король во обереганье, отступитися непригоже, а пригоже государю за те городы стояти». В решении Собора подчеркивалось, что отказ от Ливонии повредит торговым интересам Юрьева, Пскова и Новгорода Великого «и иных городов торговым людем торговли затворятца». В 1567 г. начались вновь военные действия. Король Сигизмунд II Август выступил с большим войском к русским границам, рассчитывая на помощь бояр-заговорщиков. Разгром Иваном Грозным боярского заговора спутал расчеты короля, и он вынужден был отказаться от генерального похода. В 1568—1569 гг. военные действия носили местный характер. Затянувшаяся война, перевес в которой был явно на стороне русских, побудила правящие круги Литвы и Польши к более тесному объединению. В 1569 г. на польско-литовском сейме в Люблине состоялось объединение Польши и Литвы в одно государство — Речь Посполитую. Люблинская уния была направлена против национальных интересов Русского государства и преследовала цель укрепить власть литовских и польских феодалов на отторгнутых от России украинских и белорусских землях. В лице Речи Посполитой Русское государство имело сильного противника и в борьбе за Ливонию. Однако в 1569 г. Речь Посполитая еще не была готова вступить в решительную борьбу с Русью, и Ивану Грозному удалось заключить с Польшей в 1570 г. перемирие на 3 года. Это перемирие было выгодно России, так как ей предстояла война со Швецией. Борьбой между Русским государством и Швецией и характеризуется 3-й этап Ливонской войны с 1570 г. по 1577 г.

Третий этап Ливонской войны

До 1570 г. Швеция, захватившая в 1561 г. северную часть Эстонии с городом Ревелем, неоднократно предпринимала враждебные действия против Русского государства (например, блокада Нарвы), однако непосредственного участия в войне не принимала. Занятый войной с Данией (с 1563 г. по 1570 г.) и враждебно относившийся к попыткам Польско-Литовского государства укрепиться в Ливонии, шведский король Эрик XIV добился продления перемирия с Россией на новые 7 лет (1564—1571 гг.), а в 1567 г. заключил союзный договор в Москве, направленный против Литвы. По этому договору шведский король обязался снять препятствия русской торговле, а русское правительство признавало за Швецией все захваченные города в Ливонии. Однако обе стороны, стремясь дипломатическим путем оттянуть решительное столкновение до более подходящего момента, тем не менее готовились к войне. Такой момент для Швеции наступил в 1570 г., когда окончилась ее семилетняя война с Данией. Шведский король Иоанн III, сменивший свергнутого Эрика XIV, пошел на сближение с Польшей. Собиралась вмешаться в Ливонские дела и Дания. В этих условиях правительство Ивана Грозного предприняло новый дипломатический шаг: вновь был поднят вопрос о создании из Ливонии особого государства, находящегося под покровительством России. Ливонским королем был поставлен брат датского короля герцог Магнус. По договору, заключенному в мае 1570 г. в Москве, Ливония объявлялась наследственным владением Магнуса и его потомства. Магнус официально назывался «голдовником» (т. е. вассалом) России, а Ливония признавалась «отчиной» Ивана Грозного. Россия обязалась оказать военную помощь Магнусу в подчинении всей территории его государства, в том числе городов Риги и Ревеля. При этом русские войска поступали под командование Магнуса. Русское правительство оговорило право свободной торговли и свободных сообщений через Ливонию как для русских, так и для иностранцев. Для укрепления вассальных отношений Ливонского королевства к России Магнуса женили на царской племяннице Евфимии, дочери В. А. Старицкого. Созданием особого государства в Ливонии во главе с Магнусом Иван Грозный надеялся привлечь местное население Ливонии к борьбе за Прибалтику и устранить вмешательство Дании в ливонские дела.

Военные действия против шведов начались с похода русских войск под командованием Магнуса на Ревель в августе 1570 г. 30-недельная осада Ревеля закончилась, однако, неудачей. 16 марта 1571 г. Магнус вынужден был отступить. Русскому правительству не удалось побудить Данию двинуть свой флот к осажденному Ревелю, чтобы блокировать город с моря.

Но главной причиной неудачной осады Ревеля была агрессия со стороны Крыма. В 1569 г. турецкий султан Селим II организовал большой поход на Волгу с целью отторжения Астрахани и Казани от Русского государства. Правда, поход был неудачным. Однако уже

в 1570 г. часть русских сил была направлена на юг против нападений со стороны крымцев. Еще хуже создалось положение в 1571 г., когда 120-тысячное войско под предводительством Девлет-Гирея прорвалось до Москвы. Для отражения нового татарского набега в 1572 г. потребовалось сосредоточение основных сил России на юге. Все это не могло не оказать влияния на ход военных действий в Прибалтике. В 1572—1576 гг. они не имели крупного характера, хотя русским и удалось взять ряд городов: Вейсенштейн (1573 г.), Пярну (1575 г.) и др. мелкие города.

Последний, четвертый, этап Ливонской войны

1577 г. открывает новый (и последний) этап Ливонской войны. В этот период Россия ведет борьбу сразу с двумя противниками: со Швецией и с Польшей.

За семилетие 1570—1577 гг. в Польше произошли крупные политические события. После смерти Сигизмунда II Августа в 1572 г. в Речи Посполитой началось бескоролевье (1572—1573 гг.), характеризующееся ожесточенной борьбой вокруг кандидатуры нового короля. Одним из кандидатов на польский престол был назван Иван Грозный. Эту кандидатуру активно поддерживали прежде всего феодалы украинского и белорусского происхождения. Выдвижение русской кандидатуры на польский престол было встречено сочувственно московскими правительственными кругами. Иван Грозный рассчитывал этим путем разрешить не только ливонский вопрос, но и другие проблемы русско-польских отношений — возвращение Москве русских земель и т. д. Условием своего избрания на польский престол Иван Грозный ставил фактическое объединение Литвы и Польши с Россией и закрепление прав на польский трон за династией Рюриковичей. Однако такая позиция русского кандидата была неприемлема для агрессивно настроенной польской шляхты. Иван Грозный не согласился на те уступки, которые от него требовали, так как они наносили ущерб интересам страны. В результате в 1573 г. польским королем был избран Генрих Валуа, а после его отъезда из Польши во Францию (где он был провозглашен королем) на польский трон был избран в декабре 1575 г. Стефан Баторий — семиградский князь.

Избрание Батория польским королем означало возобновление Польшей войны против России.

Понимая неизбежность войны с обоими противниками, Иван Грозный уже в 1576 г. сосредоточил основные силы против Швеции. В 1576 г. русские войска трижды подступали к Ревелю. В конце 1576 г. была начата правильная осада города, которая была снята лишь 10 марта 1577 г. Очень удачными были действия русских в 1577 г. против польско-литовских войск в Ливонии. Военные силы Речи Посполитой вынуждены были отступить за Западную Двину, и Иван Грозный стал фактическим обладателем всей Прибалтики за исключением городов Риги и Ревеля. Тогда же Иван Грозный отказался по существу от идеи создания Ливонского королевства. Уличенный в сношениях с Баторием Магнус был на неко-

торое время арестован, а затем ему предоставили лишь несколько замков к северу от р. Аа. Ливония фактически находилась в непосредственном подчинении Русского государства. 1577 г. был последним годом успехов русских в Ливонской войне. Уже в 1578 г. Русское государство терпит частичные поражения. Польско-литовские войска взяли в Ливонии ряд городов, в том числе город Венден, в борьбе за который русские воеводы впервые столкнулись с объединенными шведско-польскими силами. Более крупный поход организовал Баторий в 1579 г., закончившийся взятием 30 августа Полоцка. Шеститысячный гарнизон г. Полоцка три недели сопротивлялся превосходящим силам врага. Население города активно помогало войскам, женщины становились на стены, чтобы отражать атаки наступающих. В том же году Баторий взял крепость Сокол.

Стремясь отрезать от Русского государства Прибалтику, в 1580 г. Баторий предпринимает второй поход против русских. Овладев Велижем и Усвятом, Баторий осадил Великие Луки. Небольшой гарнизон (6—7 тыс.), после того как в городе вспыхнул пожар, капитулировал. Однако солдаты Батория произвели в Великих Луках страшную резню. В 1581 г. Баторий начал свой третий поход против Русского государства. Целью похода теперь был Псков — крупнейшая крепость на северо-западных рубежах Руси. Ожидая нашествия врага, псковские жители и военный гарнизон исправили ветхие укрепления, расставили пушки, ручницы и пищали, распределили участки стены между отрядами защитников и поклялись «за Псков град битися с Литвою до смерти безо всякие хитрости». Возглавили оборону Пскова назначенные царем воеводы, среди которых особенно выделялись смелостью и ратным умением И. П. Шуйский, Андрей Хворостинин и др. При приближении 18 августа 50-тысячной армии (по другим сведениям 100-тысячной) Батория псковичи сожгли предместья и закрылись в городе. 26 августа началась осада Пскова Баторием, она закончилась полной неудачей польско-литовских войск. 1 сентября осаждающие начали рыть траншеи (копать борозды) к Покровским воротам, намереваясь разрушить стену между Покровскими и Свиными воротами. 7 сентября они начали обстрел стены на этом участке из 20 тяжелых орудий. 8 сентября часть стен была разрушена, и польские войска бросились в проломы.

Однако все их атаки были отбиты псковичами, вставшими как один человек за свой родной город. Опираясь на наспех построенную деревянную стену, осажденные к концу дня выбили польские войска из города. Вместе с воинами с врагами бились все жители Пскова и даже женщины. Героические защитники Пскова отбили 31 приступ врага и совершили 46 вылазок против неприятельского лагеря. В армии Батория начались болезни и бегство солдат, и он вынужден был снять осаду.

Успехи Речи Посполитой в 1579—1581 гг. побудили шведов к наступательным действиям в Эстонии. В 1581 г. они захватили

все побережье Финского залива, а осенью овладели Нарвой. Потеря Нарвы была тяжелым ударом по экономическим интересам России. Теснимое с двух сторон врагами Русское правительство вынуждено было искать мира. Еще в 1579—1580 гг. русское правительство предлагало Баторию начать переговоры о мире, но безуспешно. Однако неудача осады Пскова, волнения и недисциплинированность войск, а также недовольство политикой Батория в Польше сделали его уступчивее. При посредничестве Антония Поссевино, папского посла, иезуита, начались мирные переговоры, которые закончились 2 января 1582 г. в Запольском Яме (недалеко от Пскова) заключением 10-летнего перемирия. По условиям перемирия Иван Грозный отказывался от Ливонии в пользу Речи Посполитой, а Баторий должен был вернуть захваченные им пограничные русские земли. В мае 1583 г. на р. Плюсе под давлением Батория Иван Грозный заключил 3-летнее перемирие со Швецией, уступив при этом города Копорье, Ям, Ивангород и прилегающую территорию южного побережья Финского залива. Русское государство вновь оказалось отрезанным от моря. В его руках оставалось лишь устье р. Невы.

25-летняя борьба России закончилась поражением. Цель войны — завоевание выхода к Балтийскому морю — не была достигнута. Латышский и эстонский народы снова попали под гнет немецких феодалов, опиравшихся теперь на иностранные государства.

Главной причиной поражения Русского государства в Ливонской войне было экономическое истощение страны.

Тяжелая борьба против боярской оппозиции отвлекала силы правительства от непосредственных задач войны. На исход ее имело влияние и то обстоятельство, что в решающие ее периоды Русскому государству приходилось бороться на два фронта: на юге против турецко-крымских нападений и в Прибалтике против сильнейших государств Европы — Польши и Швеции.

Хотя Ливонская война и была проиграна, но значение ее огромно.

Основное историческое значение Ливонской войны заключалось в том, что в ходе ее под ударами русских войск и восставших эстонских и латышских крестьян было уничтожено в Прибалтике владычество Ливонского ордена, который в течение 3 столетий был орудием немецкой агрессии на востоке.

В этой войне русская армия и русский народ проявили высокие боевые качества и патриотический дух. В борьбе с немецкими, польскими и шведскими феодалами крепла дружба эстонского и латышского народов с великим русским народом. Отмечая настойчивость Ивана Грозного в борьбе против Ливонии, Маркс указывал, что сознательной целью борьбы «было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой». Внешнеполитическая программа, сформулированная во всем объеме в ходе Ливонской войны, была осуществлена русским народом через полтораста лет

НАРОДЫ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Присоединение к Русскому государству Поволжья вплоть до Астрахани поставило народы Северного Кавказа в непосредственные отношения с русскими и привело к укреплению русско-кавказских экономических и политических связей. Политическая обстановка на Кавказе в XVI в. характеризовалась упорной борьбой за господство здесь Турции и Персии, в ходе которой борющиеся стороны использовали в своих интересах противоречия между многочисленными феодальными владетелями Северного Кавказа и Закавказья.

Русское государство в вопросе о Северном Кавказе проводило твердую и активную политику. Она заключалась в том, чтобы преградить крымским и турецким войскам путь через Северный Кавказ в Закавказье, и тем самым предотвратить установление господства Турции и Крыма над народами Северного Кавказа и обеспечить торговые связи через Дагестан и Каспийское море с Закавказьем, Ираном и Средней Азией.

В ходе персидско-турецкой войны 1548—1555 гг. крымско-турецкая агрессия в сторону Северного Кавказа усилилась. Опираясь на крепость Тамань, построенную в конце XV в., Турция и Крым предприняли ряд походов против народов Северного Кавказа. В ответ на это в 1552 г. черкесские князья обратились в Москву за помощью: «чтобы их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил». Хотя русское правительство и обещало черкесским князьям «бережение» и предпринимало с этой целью в 50-х годах ряд дипломатических и военных действий против Крыма, однако черкесам не удалось удержаться на Таманском полуострове. В 1557 г. западночеркесские князья с их дружинами вынуждены были покинуть родину и выехать в Москву, где они были крещены и «устроены на службу». Западная Черкесия подпала под власть Турции и Крыма.

Значительно прочнее установились связи с Россией «кабардинских черкасов». После взятия Астрахани кабардинские князья обращались к Ивану IV с просьбами о помощи в обороне против Турции, Крыма и соседнего дагестанского шамхала и признали себя в 1557 г. подданными Москвы. Поход русских войск в 1560 г. из Астрахани против шамхала был удачен. Шамхал вынужден был покинуть Тарки и прекратить набеги на Кабарду. Кабардинский князь Темрюк Айдарович, стремясь закрепить политические связи с Москвой, выдал за Ивана IV свою дочь Марию Темрюковну и выслал в Москву своего сына, который был крещен здесь под именем Михаила и играл важную роль в опричнине. В 1567 г. в устье Сунжи — притоке Терека — был поставлен русский город «для бережения» князя Темрюка. Принятие Кабарды в русское подданство и постройка города облегчили сношения России с Закав-

казьем, в частности с Грузией, которая именно через Кабарду просила помощи у русского царя против султана и персидского шаха. Из Кабарды русское влияние распространилось и на соседние народы Северного Кавказа. Русское укрепление на устье Сунжи перекрывало Турции и Крыму путь в Закавказье. Поэтому они постоянно добивались, чтобы русское правительство уничтожило «город в Кабарде». В связи с тяжелыми политическими и военными неудачами в 70-х годах (поход Девлет-Гирея) Иван Грозный был вынужден уступить требованиям крымского хана и город был уничтожен.

Добровольное присоединение Кабарды к России было выдающимся историческим событием и имело огромное значение для судеб кабардинского народа. Оно спасло его от порабощения и истребления со стороны Оттоманской империи, обеспечило его дальнейшее экономическое, политическое и культурное развитие. В течение четырех столетий крепли и закалялись дружба и братство русского и кабардинского народов.

Укрепление за Русским государством Северного Кавказа способствовало установлению более тесных политических и экономических отношений России с государствами Закавказья: с Грузией, Арменией и Азербайджаном. В XVI в. феодально-раздробленная Грузия была ареной борьбы между Турцией и Персией. В 1555 г. борющиеся стороны заключили договор о разделе Грузии, по которому западная часть ее отошла к Турции, а восточная — к Персии. Тяжелая участь, выпавшая на долю грузинского народа, была следствием предательского поведения грузинских феодалов и владетельных князей, которые, ведя феодальные войны между собой, обращались неоднократно за помощью к захватчикам. Но грузинский народ не мирился с иноземным игом. В борьбе против него Грузия получила поддержку Русского государства. Еще в 60-х годах русские военные действия против дагестанского шамхала облегчали борьбу Кахетии против Турции. В 1564 г. правительство Ивана IV взяло под свое покровительство царствовавшего в Кахетии Левона II.

Налаживание связей Русского государства с Грузией и помощь, оказанная грузинскому народу в борьбе с захватчиками, облегчали положение и армянского народа. Как и Грузия, Армения в XVI в. стала ареной борьбы между османской Турцией и сефевидской Персией. В 1555 г. территория Армении была также поделена между этими государствами и подверглась страшному опустошению. Положение народных масс, крестьян, ремесленников было очень тяжелым. В стране развертывается массовое освободительное движение. В 1547 г. по инициативе Степаноса Салмастеци в Эчмиадзине было созвано тайное совещание, которое обсудило пути борьбы за освобождение Армении и постановило отправить католикоса в Европу, в частности в Рим, искать помощи. Однако в Риме переговоры католикоса не увенчались успехом. Тогда через Польшу католикос выехал в Москву. Однако Россия в середине XVI в., занятая борь-

бой на востоке и западе, не смогла оказать действенную помощь армянам. Экономические связи Армении с Россией оживились после освобождения Волжского пути от татарского господства. Особенное значение имела для обоих государств торговля шелком, сосредоточенная в руках армянских купцов. В Москве и Астрахани создались постоянные армянские поселения. Эти колонии имели существенное значение в укреплении армяно-русских экономических и культурных связей.

С присоединением к Русскому государству Казани и Астрахани установились более тесные связи между Россией и Азербайджаном. Главным предметом вывоза из Азербайджана был шелк. В г. Шемахе в 1562 г. возникла английская фактория. Но особенно города Азербайджана были заинтересованы в торговле с Русским государством. Для Турции, планировавшей восстановление татарских государств в Поволжье и стремившейся установить свою гегемонию в Восточной Европе, овладение Волжско-Каспийским путем было делом первостепенной важности. Поэтому Турция предпринимает длительную войну с Персией за овладение Азербайджаном и побережьем Каспийского моря. Персидский шах Аббас I (1587—1628 гг.) обращается к русскому правительству с просьбой о заключении военного союза против Турции и обещает уступить России Дербент и Баку с их округами. Но Россия не могла принять участия в войне, так как находилась в тяжелом положении после неудачного исхода только что закончившейся Ливонской войны. К тому же Персия скоро заключила мир с Турцией, по которому весь северный и южный Азербайджан с городами Баку, Дербентом, Ганджой и др. перешел к Турции. Укрепление в Закавказье турецкого владычества нанесло удар нормальному развитию связей между русским народом и народами Кавказа.

Со второй половины XVI в. установились более тесные отношения (экономические, культурные и дипломатические) между Россией и народами Средней Азии. Этому способствовало победоносное окончание борьбы Русского государства на востоке с поволжскими татарскими государствами и Сибирским ханством, в результате которой русские овладели важнейшими путями в Среднюю Азию.

В XVI в. сложилось Бухарское ханство, которое сделалось политическим и культурным центром Средней Азии. Своего расцвета Бухара достигла при Абдулле-хане (1560—1598 гг.), который пытался преодолеть феодальную раздробленность и объединить Среднюю Азию в единое государство. В это время владения Бухарского ханства на юге включали Бадахшан, а на востоке — Фергану. Казахи и сибирские татары добивались его поддержки. При Абдулла-хане установились торговые и дипломатические отношения Бухары с Русью. Среднеазиатские купцы ходили в Астрахань, Казань, а иногда и в Москву.

Образовавшаяся в начале XVI в. Казахская орда вела тяжелую борьбу с узбеками на юге и ногаями на западе. Казахи были вынуждены откочевать на восток и подпали в зависимость от Моголи-

стана. Усиление Казахского ханства произошло в середине XVI в. при хане Хакназаре, объединившем под своею властью всех казахов. Но в 80-х годах казахи терпят новое поражение от Моголистана, и Казахское ханство приходит в упадок.

Разгром Кучума и присоединение Западной Сибири к России способствовали развитию экономических и политических связей России с Казахстаном. Казахские степи приобретают транзитное значение в связи с оживлением торговых и дипломатических связей. Строгановы получили, например, беспошлинный торг с бухарцами, казахами и другими народами. Рядом с казахскими аулами селилось русское крестьянское население. Через Тобольск из Казахстана торговые караваны шли в Россию. В Казахскую степь проникали через русское влияние более высокие формы хозяйства. В конце XVI в. встал вопрос о принятии Казахским ханством подданства Русскому государству. От хана Тевеккеля отправлено было посольство в Москву, а в марте 1595 г. хану Тевеккелю была прислана царская грамота о принятии его в подданство.

КУЛЬТУРА.

Вторая половина XVI в. характеризуется подъемом русской культуры, выразившимся в появлении большого числа литературно-публицистических и исторических произведений, в росте просвещения, в успехах книгопечатания, в создании выдающихся памятников русского зодчества, живописи и многочисленных произведений прикладного искусства. Объединение русских земель вокруг Москвы и укрепление Русского централизованного государства способствовало развитию общерусской культуры во всех ее формах и проявлениях. Обостренная классовая борьба крестьянства и низов городского населения против феодального гнета и нарастание внутриклассовых противоречий между подымающимся дворянством и реакционным боярством породили многообразную литературу, в которой разрабатывались важнейшие социально-политические вопросы того времени. Русская публицистика — одно из ярких проявлений развития русской общественной мысли. Характерной чертой публицистики второй половины XVI в. является то, что определяющую роль в ней играют передовые дворянские публицисты, призывавшие к разгрому реакционного боярства, препятствовавшего прогрессу и тормозившего ход общественного развития.

Дворянская публицистика

Одним из наиболее передовых публицистов был уже упоминавшийся нами Иван Семенович Пересветов, разработавший в своих челобитных 1547—1550 гг., адресованных Ивану Грозному, стройную теорию дворянского государства во главе с самодержавным царем, опиравшимся на преданных ему слуг — «воинников». Для изложения своих взглядов Пересветов пользуется своеобразным литературным приемом. Он рисует несуществующего идеального монарха. Таким монархом в изображении Пересветова является Махмет-Салтан турецкий,

философ, сосредоточивший всю власть в своих руках и сумевший в своем государстве установить справедливые отношения и твердый правопорядок. Этого Махмет-Салтан достиг тем, что в своей политике опирался на «воинников» и не позволял вельможам умалять своей власти. Так, он не посылал вельмож на наместничества, а отправлял судей от себя «во все царство» и строго контролировал их. Ибо «немочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Все доходы со всего царства приказал Махмет-Салтан собирать в свою казну и был в результате в состоянии хорошо оплачивать своих воинов, которые служат ему усердно «с коня не сседают» и оружия «не испущают». Для расправы со своими врагами внутри страны Махмет-Салтан «умудрился» устроить особое войско в 40 тысяч янычар «гораздых стрельцов огненныя стрельбы». Нарисовав образ идеального царя, ничего общего не имеющего с реальным турецким султаном Мохаммедом II, при котором в Турции царил исключительный произвол и беззаконие, Пересветов противопоставляет ему слабого царя Византии Константина. В отличие от Махмет-Салтана Константин «вельможам своим волю дал», которые, отстранив царя от власти, своими злоупотреблениями довели страну до гибели. В обстановке середины XVI в., когда были написаны сочинения Пересветова, любой читатель легко понимал, что под боярами царя Константина имелись в виду русские бояре, хозяйничавшие в годы малолетства царя, а пример Махмет-Салтана воспринимался как прямой призыв к сокрушению боярства, к установлению прочной самодержавной власти, опирающейся на дворянство. В предлагаемых Пересветовым реформах социального и политического строя Русского государства главной задачей было укрепление централизованного аппарата власти и обеспечение господствующего положения дворянства в политической жизни страны, в военном деле и т. д. Стремясь к усилению военной мощи государства, Пересветов выступал против института холопства, так как рабы, по его мнению,— плохие воины. Эти выступления против холопства шли в ногу со временем. Развитие товарно-денежных отношений приводило к тому, что холопство теряло свой хозяйственный смысл.

Сочинения Пересветова отличаются большими литературными достоинствами: они написаны выразительным и простым языком, близким к народному разговорному языку. Пересветов совсем не цитирует и не ссылается на отцов церкви, т. е. отказывается от общепринятого литературного шаблона. Он вводит новую литературную форму для публицистического произведения — форму челобитной.

Замечательным писателем середины XVI в. был упоминавшийся нами священник Ермолай-Еразм. Он также выступал против вельмож, обличая их гордость, сребролюбие и ненасытную алчность. Однако в противовес Пересветову, Ермолай-Еразм не призывает к борьбе против боярства, наоборот, предлагает царю править не «грозой», «не яростью», а «истиною и кротостью». В своем про-

изведении «Благохотящим царем правительница и землемерие» Ермолай-Еразм высказывает глубокую мысль о том, что основой всей общественной жизни является труд крестьянина: «В начале всего потребни суть ратаеве (т. е. крестьяне), от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна. . ., и вся земля от царя и до простых людей тем хлебом питаема». Ермолай-Еразм отмечает также тяжелое положение крестьянства. Обращение дворянского писателя к крестьянскому вопросу объясняется тем, что классовая борьба крестьянства угрожала интересам класса феодалов. Для облегчения положения крестьян Ермолай-Еразм предлагал свести все крестьянские дани в одну и брать ее не деньгами, а натурой, так как от «серебра» страдают больше всего крестьяне. Размер этой дани, по мнению Еразма, не должен превышать пятой доли урожая, собираемого крестьянами. Наблюдая прямую зависимость ухудшения положения крестьян в связи с введением денежной ренты, Еразм выдвигал утопический проект облегчения крестьянской участи путем приостановки разумными указами царя внедрения денег в хозяйственную жизнь. Реальный характер имели предложения Еразма по поводу регламентации повинностей служилых людей в зависимости от их земельных владений. Эти предложения нашли отражение в реформах 50-х годов XVI в.

Беседа Валаамских чудотворцев

Большой интерес представляет и такое публицистическое произведение как «Беседа Валаамских чудотворцев», возникшее в середине XVI в. Анонимный автор «Беседы» является сторонником сильной царской власти и горячо нападает на духовенство и монастыри за их попытки вмешиваться в управление государством и алчность к наживе. Особенно волнует автора «Беседы» то, что монахи захватывают мирские, т. е. крестьянские, земли и проникают в крестьянскую черную волость. Полное уничтожение монастырского землевладения является главным требованием автора «Беседы». Кроме того, в «Беседе» предлагается уменьшение налогов, а также выражается пожелание, чтобы царь держал в повиновении дворянское войско с тем, чтобы оно не могло «всех православных христиан ничем вредити». Есть основания полагать, что «Беседа» вышла из среды северного черносошного крестьянства, ведшего ожесточенную борьбу против захватов волостных земель со стороны монахов крупных и мелких северных монастырей.

Переписка Ивана Грозного с А. Курбским

Выдающимся писателем-публицистом был сам Иван Грозный. В своих произведениях он выступает перед нами страстным защитником неограниченных прав самодержавной власти. Он пытается доказать полную правоту своей политики, соответствие ее основным принципам государства и власти, выработанным и защищаемым им самим. К лучшим публицистическим произведениям Грозного относится его знаменитая переписка с Курбским. В посланиях к Курбскому (1564—1577 гг.) Грозный полемизирует с изменником-князем, обвинявшим его в бесцельной жестокости, и излагает свое

собственное понимание значения царской власти. Как показывает заглавие к первому, наиболее обширному посланию («Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене»), Грозный взялся за перо, чтобы доказать правоту своей политики не столько перед изменниками отщепенцами, сколько перед всем «Российским царством». В обоснование неограниченных прав самодержавной власти Грозный приводит ряд аргументов, взятых из истории. Оказывается, «самодержавство» существует в России «божиим соизволением» издревле еще «от великого князя Владимира, просветившего всю Русскую землю крещением..., и даже доиде и до нас смиренных», т. е. до самого Ивана Грозного. Однако во время младенчества царя изменники «бояре и вельможи» «от бога державу данную мне от прародителей наших под свою власть отторгли», что грозило, по мнению Грозного, гибелью государству. Поэтому царь и стал на защиту своих прав и вернул себе власть, превратившись из самодержца по имени в действительно самодержавного царя. Но это означает, что царь волен «подвластных своих жаловати и казнити», а не судиться «с ними ни перед кем». Основной принцип самодержавной власти Грозный формулирует следующим образом: «А жаловати своих холопей вольны, а казнити вольны ж». Применяя этот принцип на практике, Грозный жаловал «великим всяким жалованьем» тех, кто служил ему верно, а изменников казнил — «по своей вине и казнь приемлют». Грозный считал, что власть царя должна быть неограничена. Он решительно осуждал вмешательство «епархов» (т. е. духовных) и «синклитов» (светских вельмож) в управление государством, совладение вельмож на городах (т. е. наместников) и т. д. Царь настаивает на божественном происхождении своей власти. В послании к Баторию Грозный именует себя царем «по божьему изволению, а не многомятежному человечества хотению». Таким образом, вопрос о самодержавной власти, разрабатываемый русскими книжниками в эпоху становления самодержавия в России, в произведениях Грозного получил наиболее полное освещение и наиболее четкую формулу.

Историко-литературные сочинения

Оформление в XVI в. централизованного Русского государства вызвало появление монументальных историко-литературных трудов, имевших целью идеологически обосновать и исторически объяснить образование самодержавия. Большая часть этих трудов, проникнутых идеей государственного единства России, связана с деятельностью кружка митрополита Макария (1542—1563 гг.). Наиболее грандиозным литературным созданием Макария были «Великие Четьи Минеи». Еще будучи в Новгороде, Макарий задумал объединить всю известную на Руси церковную литературу в одном собрании. Через 20 лет — в 1554 г. — работа была закончена. Макарьевские «Четьи Минеи» представляют собою 12 фолиантов, содержащих 27 тыс. страниц. Каждый фолиант соответствует определенному месяцу и разбит по дням. «Четьи Минеи» являлись

«собранием всех книг, чтомых на Руси», и включали книги «священного писания», жития святых, сочинения «отцов церкви», сочинения поминаемых святых, церковно-поучительные сочинения и т. д. В «Четьях Минеях» нашли отражение сборники «Пчела», «Златая цепь», а также «Иудейская война» Иосифа Флавия. В «Четьях Минеях» находятся также тексты из Кормчей, монастырские уставы, грамоты и акты. Объединение в едином литературном своде большого числа разрозненных ранее памятников письменности отражало процесс развития единой общерусской культуры. Старинные жития и другие произведения были перередактированы в соответствии с новыми политическими условиями — в духе единства Русской земли.

Историческому объяснению политического объединения русских земель в единое государство, возглавляемое царем-самодержцем, была посвящена «Книга степенная царского родословия», составленная по повелению митрополита Макария в 1561—1563 гг. протопопом Андреем (впоследствии митрополит Афанасий). В отличие от Летописей, где изложение ведется по годам, Степенная книга представляет цельное произведение, охватывающее историю рода российских государей от первых князей до Ивана Грозного. В этой истории каждое княжение представляет собой «степень» развития Русского государства — первая степень — княжение Владимира I, последняя, 17-я степень — царствование Ивана Грозного. Такое композиционное построение позволило автору Степенной книги изобразить блестящий расцвет Русского государства при Иване Грозном как результат деятельности князей Рюрикова дома и показать преемственность самодержавной власти в московском княжеском доме со времен «Рюрикова самодержавия». В Степенной книге подчеркивается также идея единства царской власти и церкви, в каждой степени наряду с князем ставится митрополит. Политическая актуальность Степенной книги для читателей 60-х годов XVI в. состояла и в том, что в ней строго осуждаются всякие попытки сопротивления со стороны бояр своим «богом данным скипетродержателям», порицаются феодальные междоусобия и неповиновение объединительной политике московских великих князей.

Одновременно с написанием Степенной книги велась работа по составлению нового летописного свода, получившего в науке название Никоновской летописи (оттого, что один из списков летописи в XVII в. принадлежал патриарху Никону). Никоновская летопись впитала в себя обширный летописный материал от начала Руси и до конца 50-х годов XVI в. Этот материал был дополнен отдельными сказаниями и повестями и проникнут общей идеей национального, политического и религиозного единства Руси. Замечательной чертой Никоновской летописи является то, что в ней сделана попытка объяснить события русской истории с точки зрения общих теоретических положений. Так, теория «лествичного восхождения», развиваемая в летописи (по которой Киевский великокняжеский стол всегда переходил к старшему в роде, а остальные князья размещались по княжениям также по старейшинству), помогала объяс-

нить огромный летописный материал о княжеских междоусобиях. Эта теория оказала свое влияние и на таких историков, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

В середине XVI в. было начато составление грандиозной иллюстрированной всемирной истории — Лицевого летописного свода. Лицевой свод, законченный в 70-х годах, представлял собой 12 фолиантов, из которых 10 дошло до нашего времени. О грандиозности этой работы можно судить по тому, что в сохранившихся томах имеется свыше 16 000 миниатюр. В Лицевом своде сделана попытка представить историю Русского государства как закономерный результат всемирно-исторического процесса. Излагая всемирную историю как смену великих царств — Древнееврейского, Вавилонского, Персидского, Александра Македонского, Римского и Византийского,— составители свода рассматривают Русское государство как заключительное звено исторического процесса. Царь Иван Грозный представляется достойным преемником и прямым потомком (через Рюрика и Владимира Мономаха) римских и византийских императоров. Так достигается цель возвеличения Русского государства. Благодаря огромному количеству хорошо выполненных миниатюр Лицевой свод по праву считается выдающимся памятником русского искусства XVI в.

В 60-х годах XVI в. была составлена и «История о Казанском царстве», которая имела целью доказать историческую справедливость завоевания Казани и прославить царя Ивана Грозного. В изображении автора заслугой Ивана Грозного является то, что он осуществил покорение Казани, несмотря на сопротивление феодальной знати. В этом он смыкался с передовой русской публицистической литературой XVI в.

Теории величия и святости царской власти, высказанные в публицистических произведениях Пересветова и других авторов и разработанные в грандиозных исторических сочинениях XVI в., отражали интересы широких слоев господствующего класса дворян-помещиков, заинтересованных в укреплении самодержавия.

Другую историческую концепцию, отражавшую идеологию крупной феодальной знати, выдвинул А. Курбский. В «Истории о великом князе Московском» и в посланиях к Грозному Курбский всячески чернит род московских князей, называя его «кровопийственным», и противопоставляет ему другие княжеские роды, происходящие также от Владимира. Он также обличает Ивана Грозного в том, что тот разгромил реакционных княжат и бояр — «сильных во Израиле»,— как называет их Курбский. Выступления Курбского были реакционны и имели целью сохранить милые для боярства пережитки феодальной раздробленности.

Устное народное творчество

Борьба русского народа за создание и укрепление централизованного государства нашла отражение в народном творчестве. Исторические песни и сказания, созданные в народе, посвящаются обычно выдающимся событиям того времени — разгрому Казани, завоеванию Сибири,

войнам Руси на западе и т. д. Звучит в них и тема борьбы Ивана Грозного с боярством.

В исторической песне о взятии Казани нашли выражение патриотический подъем и радость народа, освобожденного от угрозы нападения векового врага. В ней прославляются подвиги русских воинов — пушкарей, умело устроивших «хитрый» подкоп под стены Казани, решивший судьбу города. Грозный в песне изображается как умный правитель и полководец. Однако от сознания и осуждения народа не ускользнули и такие черты характера Ивана Грозного, как недоверчивость, вспыльчивость и жестокость. В песнях о завоевании Сибири встает славный образ Ермака Тимофеевича — удалого и смелого атамана, совершающего мужественные подвиги во славу родины. Ермак часто изображается в песнях идеальным казаком — героем, противником бояр. Героизируя в песнях и сказаниях Ермака, славного воина, вольнолюбивого патриота, изображая его поборником социальной справедливости, народ выражал этим заветные мечты о воле и свободе от крепостнического гнета. Распространенной песней времени Грозного является историческая песня о Кострюке, в которой воспеваются сила, смелость, честность русского человека. В песне рассказывается о победе русского, простого, незнатного человека («засельщины-деревенщины») над князем-иноземцем Кострюком, хваставшимся своей силой. Изображение героем простого человека, победившего князя — классового врага, отражало бунтарские настроения народных масс. Прославил народ и подвиги защитников рубежей родной земли на юге и западе. В песне о героической обороне Пскова враг Руси Стефан Баторий называется собакой царя крымского. Потерпев поражение под Псковом, Баторий зарекается от своего имени и от имени детей, внучат и правнучат когда-либо нападать на Русь. Как и в указанных выше историко-литературных сочинениях, в исторических песнях и сказаниях русского народа второй половины XVI в. проводится идея единства Русского государства. В них положительно оценивается централизаторская политика Грозного, направленная против тягостного для народа феодального произвола бояр.

Ереси

Существенное значение в развитии общественных идей имели религиозно-еретические движения. Протест против усиления феодального гнета нашел свое выражение в городских ересях, в которых под видом критики официальной церкви, высказывалось недовольство эксплуатируемых классов существующими социальными отношениями. Так, сын боярский Матвей Башкин в 50-х годах выступил с проповедью несовместимости рабства с принципами христианской религии. Башкин, следуя своему учению, освободил своих холопов («что было кабал полных, то де есми все изодрал») и держал лишь тех, кто хотел этого добровольно. Другой еретик, бывший холоп, Феодосий Косой, проповедовал равенство всех людей перед богом независимо от их религии и национальности. Он отвергал догмат церкви о троичности бога и церковную обрядность. Косой обличал духовенство, называя попов ложными

учителями, идоловыми жрецами, церкви — кумирницами, кресты и иконы — идолами, смеялся над постом, требовал уничтожения монастырского землевладения и т. д. Косой не ограничивается резкой критикой официальной церкви, он выступает за отрицание и светских властей, провозглашая, что «не подобает у христиан властям быти и воевати». Так в еретических движениях XVI в. под религиозной оболочкой проявлялась идеология угнетенных социальных низов.

Рост научных знаний

Наряду с развитием общественно-политических идей и тесно связанным с этим накоплением исторических знаний в XVI в. развивались также и другие науки. Возведение больших построек — стен, башен, храмов — невозможно было без накопления технических знаний в области каменного строительства. Точностью статических расчетов поражает до сих пор собор Василия Блаженного, воздвигнутый в 50-х годах XVI в. Появляются руководства по отдельным ремеслам, в которых обобщаются знания и навыки ремесленных людей. Например, найдено руководство XVI в. по солеварению.

Развитие военной техники также было невозможно без определенных знаний в области железоделательной промышленности, литейного дела и т. д. Известно, что в войнах Ивана Грозного большую роль играла артиллерия, достигавшая 2000 орудий разных калибров. Руководство боевыми действиями невозможно было без точных математических расчетов. Большие описания земель, предпринятые в XVI в., потребовали писцов, знающих исчисление площадей. В 1556 г. издано было руководство писцам, где указывались способы исчисления квадратов, треугольников, трапеций и т. д., т. е. своеобразный учебник геометрии. Развиваются географические познания. Этому способствовали регулярные торговые связи Руси со странами Востока и Запада. Русские мореплаватели ходили на Грумант (Шпицберген), открыли Новую Землю, дошли до р. Оби. Еще в 1525 г. русский дипломат и переводчик Д. Герасимов высказал идею северного морского пути в Индию, которая вызвала большой интерес на Западе. Иностранные мореплаватели Виллоуби, Ченслер, Баренц шли по пути, проложенному русскими. В конце XVI в. появляется популярное сочинение «Хождение Трифона Коробейникова на Восток». Составляются карты (чертежи) отдельных русских земель. Так, в царском архиве в 1572—1575 гг. находились чертежи украинных городов, смоленских порубежных земель, Псковско-Полоцкой области, Ливонских городов и т. д. Есть основания полагать, что в конце XVI в. был составлен чертеж всего Русского государства, именовавшийся в XVII в. «старым чертежом». О развитии научной мысли свидетельствуют также «Азбуковники» второй половины XVI в., являвшиеся своего рода энциклопедическими словарями, охватывавшими различные области знания. Интересным памятником хозяйственного и семейного быта боярской и купеческой семьи XVI в. является «Домострой», составленный Сильвестром. В «Домострое», помимо рели-

гиозно-нравственных наставлений, даются практические советы по ведению хозяйства, воспитанию детей, семейным отношениям.

Искусство: архитектура и живопись

О подъеме культуры свидетельствует также русское искусство второй половины XVI в. Наибольший расцвет русского искусства достигается в архитектуре. Примечательным явлением в области архитектуры явилась победа в каменном зодчестве нового художественного стиля, так называемой шатровой архитектуры. Народный шатровый стиль до этого времени бытовал только в деревне в деревянном строительстве. Органически связанный с народным искусством, шатровый стиль полностью изменил существовавший до этого тип церковного здания, восходящий к византийской традиции. Церковь теряет кубическую форму и приобретает облик «столпа» с пирамидальной вершиной. Шатровый стиль нашел свое гениальное выражение в церкви Вознесения в селе Коломенском и в храме Василия Блаженного в Москве. Церковь в с. Коломенском, построенная в 1532 г. на высоком берегу Москвы-реки, представляет собой гигантский (62 метра) столп с восьмиугольным шатровым верхом. Здание, воздвигнутое на подклете, окружено террасой-гульбищем с широкими галереями и лестницами. Все здание как бы стремится вверх и органически связано с окружающей природой. Современники говорили о церкви в с. Коломенском, что она «вельми чудна высотою и красотою и светлостью, такова не бывала преже сего на Руси.»

Лучшим памятником шатрового стиля является собор Покрова на рву в Москве (собор Василия Блаженного), построенный в 1554—1559 гг. в ознаменование победы над Казанью. Строителями его были замечательные русские зодчие Барма и Постник. Собор представляет собой сооружение из девяти столпов-храмов, опоясанных соединяющей их галереей. В центре композиции возвышается восьмигранный столп, увенчанный шатром. План собора (особенно восьмигранные формы башен) свидетельствует о связи его с деревянным зодчеством. В архитектурно-декоративном убранстве здания отмечается чрезвычайная близость к русскому народному зодчеству и к народным орнаментальным мотивам. Полная динамики живописная композиция девяти церквей собора Василия Блаженного являет собой апофеоз русского шатрового стиля. В нем с большой художественностью запечатлены национальные особенности русского зодчества, оказавшие влияние на все последующее развитие русской архитектуры.

Во второй половине XVI в. ведется большое строительство крепостных сооружений. Возводятся стены Соловецкого монастыря, Троице-Сергиева монастыря, Иосифо-Волоколамского монастыря и т. д.

В 1585—1591 гг. Приказом каменных дел была построена третья линия стен Москвы («Белый город»), окружавшая слободы, примыкавшие к Кремлю и Китай-городу. «Белый город» являлся мощной крепостью. Строителем его был выдающийся «каменных

дел мастер» Федор Конь, с именем которого связано и строительство могучих стен Смоленска. Хотя крепостные сооружения отличались массивностью и грандиозностью форм, однако некоторые из них, например стены Смоленска выделялись тщательной отделкой архитектурных деталей и свидетельствовали о высоком художественном мастерстве их строителей.

Новые явления характерны и для живописи второй половины XVI в. Они выражаются в том, что в живопись вливаются светские мотивы, усиливаются реалистические тенденции, искусство сближается с жизнью и с теми проблемами, которые волновали общество. Живопись используется для пропаганды идей самодержавия. Всего ярче это проявилось в росписи стен кремлевского дворца, восстановленного после пожара 1547 г. На стенах Золотой палаты была развернута в ряде символических картин художественная композиция на тему о сущности и значении царской власти. Юноша-царь изображается здесь как победитель врагов, милостивый и справедливый к подданным. Зритель должен был узнать в нем молодого царя Ивана IV. В росписи Золотой палаты нашла отражение и легенда о мономаховом венце, полученном, якобы, от Византии киевским князем Владимиром и перешедшем по наследству к Москве. Политические мотивы звучат и в иконописи. Замечательная икона «Церковь воинствующая» (хранится в Государственной Третьяковской галерее) изображает апофеоз христианского воинства, возвращающегося после разрушения «города неверных». Зрители сразу же узнавали в полках русское войско, завоевавшее Казань. К концу XVI в. появляются так называемые «строгановские» иконы, созданные в строгановских имениях. Эти иконы отличаются большой изысканностью письма, сочностью колорита и попытками очеловечить изображаемых святых. Иконописцы с большой точностью передают бытовую обстановку. В результате всего этого искусство живописи приобретает более земной характер, что роднит русскую живопись с западноевропейской живописью раннего Возрождения.

Просвещение

Развитие культуры и просвещения выразилось также в распространении грамотности, разумеется, прежде всего в среде господствующего класса — бояр, дворянства, а также купечества. Так, лишь два человека из 18 присутствовавших на Земском соборе 1566 г. бояр и окольничих не подписали лично «приговор» за незнанием грамоты. С образованием русского национального государства создался значительный слой грамотных людей (дьяков, подьячих, судей и т. д.), занятых в центральных и местных учреждениях. Высокий процент грамотности был также среди духовенства. Грамотность (хотя и элементарная) была распространена и среди посадских людей и крестьянства. Об этом свидетельствуют многочисленные подписи горожан и сельских жителей на всевозможных документах XVI в. в качестве послухов, участников сделок и т. д. Обучение грамоте на протяжении всего XVI в. производилось в школах,

которые содержались частными «мастерами», чаще всего представителями духовенства. Попытка Ивана Грозного создать государственные школы не имела успеха. Провозглашенная на Стоглавом соборе 1551 г. школьная реформа, предполагавшая создание в Москве и по всем городам «книжных училищ» для обучения детей священников, дьяконов и «всех православных христиан» грамоте, письму и церковному пению, не была осуществлена по причине, главным образом, отсутствия учителей. Однако во второй половине XVI в. уровень преподавания и в частных школах поднялся. В некоторых из них учащиеся, кроме обучения грамоте, чтению часослова и псалтырей, изучали грамматику и арифметику. Большое рапространение получили грамматические труды Максима Грека, а также всевозможные руководства по грамматике. В 1574 г. была издана первая печатная русская грамматика, что свидетельствовало о расширении круга обучающихся грамоте. Для обучения языкам изредка молодых людей посылали за границу, это вызывалось прежде всего потребностями дипломатической службы. О развитии просвещения в XVI в. свидетельствует также факт создания крупных библиотек, главным образом при монастырях. Так, библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря достигала внушительной цифры 1520 томов. Большая библиотека была в царском дворце. Судя по записям на сохранившихся рукописных книгах, они находились во владении и частных лиц самых разных категорий, в том числе и посадских людей и крестьян.

Книгопечатание Крупнейшим событием в области культуры явилось книгопечатание в России. Печатание книг типографским способом было вызвано значительно возросшей потребностью в книге. Изготовление книг с помощью писцов-переписчиков не удовлетворяло не только потому, что книг создавалось мало, но и потому, что приводило вследствие накопления ошибок к значительной порче текста. Последнее особенно было недопустимо в церковных книгах, так как приводило к нарушению единства культа. По свидетельству известного «послесловия» Ивана Федорова к «Апостолу» 1564 г., именно потребность в доброкачественных книгах для строящихся церквей побудила правительство к организации книгопечатания. «Изыскивать мастерство печатных книг», т. е. производить опытные работы в области книгопечатания, начали с 1553 г. В 50-х гг. были напечатаны первые книги. В царской грамоте в Новгород 1556 г. названо имя «мастера печатных книг» Маруши Нефедьева. В 1563 г. в Москве по царскому повелению и на государственные средства была сооружена типография, а в марте 1564 г. из этой типографии вышла первая книга — «Апостол». Создателями и руководителями этой русской типографии были «друкарь москвитин» Иван Федоров, дьякон одной из московских церквей, и белорус Петр Мстиславец. «Апостол» в техническом отношении был хорошо исполнен (четкий красивый шрифт, многочисленные заставки и со вкусом сделанная гравюра «апостол Лука», и т. д.) и

являлся выдающимся памятником книгопечатания. В 1565 г. вышли два издания «Часовника». После этого деятельность типографии прекратилась вследствие сопротивления печатанью со стороны реакционных кругов, а также со стороны переписчиков книг, боявшихся потерять заработок. Иван Федоров и Петр Мстиславец, захватив с собой шрифты и печатные доски заставок, уехали из Москвы на Украину. Обосновавшись сначала в Заблудове, потом во Львове и Остроге, Иван Федоров выпускает ряд крупных изданий: «Апостол» (в 1574 г.), Библию (1580—1581 гг.). Здесь же, во Львове, Иван Федоров выпустил первую книгу светского содержания, упомянутую выше Грамматику 1574 г. Издательская деятельность Ивана Федорова на Украине была важным орудием в борьбе украинского народа против католицизма и ополячивания. Не прекратилось печатание и в Москве. Во второй половине XVI в. здесь напечатано около 20 книг, некоторые очень внушительными тиражами. Так, «Апостол» 1597 г. вышел в 1050 экземплярах.

Связь русской культуры с культурой украинского и белорусского народов

Укрепление Русского централизованного государства и связанный с этим расцвет русской культуры во второй половине XVI в. имели огромное значение для украинцев и белоруссов — народов, родственных русским по крови и по историческому прошлому. Польско-литовские паны, господствовавшие на Украине и в Белоруссии, стремились не только задержать, но и полностью искоренить культуру покоренного ими населения. Украинский и белорусский народы опирались в борьбе за свое освобождение на помощь великого собрата — русского народа. Выше уже говорилось об издательской деятельности Ивана Федорова на Украине и ее значении для украинского народа. Отметим здесь, что высокая техника федоровской печати имела влияние и на украинское печатание. Типографские доски Федорова применялись на Украине более 200 лет. В свою очередь украинские издания пользовались большим спросом на Руси. Например, имела хождение в Русском государстве Грамматика 1591 г., изданная Львовским братством. Грамматика Мелетия Смотрицкого, напечатанная в 1619 г., была многие десятилетия основным учебником церковно-славянского языка в русских, украинских и белорусских школах.

В Белоруссии XVI в. большое культурное значение имеет просветительная деятельность Георгия Скорины (родился в Полоцке около 1490 г.). Горячо любя свой народ и веря в его лучшее будущее, Скорина в тяжелых условиях делал все, чтобы отстоять и развить культуру русского народа. Скорина предпринимает грандиозный труд по переводу Библии на белорусский язык и ее печатанию. Первые выпуски печатались Скориной первоначально в Праге (1517—1519 гг.), а затем в Вильно (1525 г.). С помощью комментариев к Библии Скорина стремился раскрыть ее как источник знаний по истории, естествознанию, астрономии и географии. Гравюры, приложенные к изда-

ниям Скорины, в которых давалась живая и реалистическая трактовка библейских сюжетов, имели большое влияние на издателей последующего времени. Издания Скорины были известны и в России и способствовали укреплению связей между братскими русским и белорусским народами.

Быт Отличие культуры социальных верхов от культуры народных масс со всей наглядностью выступало в бытовом укладе жизни различных классов Русского государства в XVI в. Условия жизни крестьян и низов посадского населения (их жилища, одежда, пища, обувь, обычаи и т. д.) ничего общего не имели с условиями жизни господствующих классов.

Изба небольших размеров, крытая дранью или соломой, топившаяся по-черному (т. е. с выходом дыма из печи прямо в помещение) с узкими «волоковыми» окнами, затянутыми рыбьим или бычьим пузырем, а иногда и просто промасленным холстом, освещаемая вечерами лучиной, являлась жилищем крестьянина. В зимнее время в избе держали мелкий скот (поросята, телята, ягнята) и птицу (гуси, куры). Обстановка жилища была скудной, она состояла из простых столов и лавок, прикрепленных наглухо к стенам. Одежда крестьян изготовлялась из холста и сермяги, шубы шили из бараньего меха. Обувью служили лапти, сплетенные из лыка. Посуда, употреблявшаяся крестьянами в XVI в., была почти исключительно деревянной или глиняной — деревянные блюда и ложки — для еды, ковши — для питья; глиняные горшки — для варки пищи и т. д. Основой питания были хлеб и овощи. Из муки и солода пекли хлеб, пироги, варили кисель, квас и пиво. Овощи употреблялись как в свежем виде, так и в квашеном, соленом и сушеном (капуста, огурцы, репа). На зиму заготовлялись грибы и ягоды. Мясо в крестьянском быту употреблялось редко, обычно по праздникам. Доступнее была рыба.

Бытовые условия небольшого слоя зажиточного крестьянства были несколько лучше. Богатые крестьяне заводили более обширные дворы, избы их были просторнее, одежда изготовлялась из покупного английского сукна, праздничные одежды иногда имели дорогостоящие украшения, обувью обычно являлись сапоги. Для хранения одежды в богатых крестьянских домах стояли сундуки и коробьи. Наряду с деревянной посудой здесь встречается посуда из меди (котлы), железа (сковороды) и олова (блюда). Бедное ремесленное население посада по укладу жизни стояло близко к основной массе крестьянства. Однако городские условия и неземледельческий характер занятий обусловливали специфические черты их быта. Дом ремесленника часто представлял собой светелку, которая была и производственным помещением и местом жилья семьи. Здесь нет большого количества хозяйственных построек, характерных для крестьянского двора. Помещение чище и светлее, в окнах зачастую употребляется слюда.

Верхи посада, богатые торговые и промышленные люди строили большие дома, иногда в два этажа, с большим количеством хозяй-

ственных пристроек: склады, амбары, клети, торговые и производственные помещения. При описании их домов упоминаются уже в XVI в. «белые избы», «белые горницы», т. е. помещения с печами, имевшими дымовые трубы. В окнах наряду со слюдой употребляется и стекло. Богато убранные иконы были украшением такого дома. В больших сундуках, обычно обитых железом и украшенных резьбой, хранилась одежда, которая изготовлялась из дорогих привозных сукон и шелков. Теплая одежда шилась из дорогих мехов (белки, куницы и т. д.). Домашняя утварь в богатых посадских домах обычно металлическая: из меди, железа и олова. Опись имущества купцов Строгановых в Сольвычегодске включает большое количество золотой и серебряной посуды. Здесь же много дорогой одежды из сукна, из восточной шерстяной материи — зуфи, из шелка — камки и т. д.

Быт дома богатого торгового человека нашел отражение в «Домострое» — в своеобразном руководстве XVI в. по ведению домашнего хозяйства. Дом, по «Домострою», возглавляется хозяином, ему подчинены все — и члены семьи и слуги. Хозяйство должно вестись экономно, для этого предписывается обходиться по возможности своими собственными продуктами и изделиями. Закупки необходимых припасов следует производить оптом — это обходится дешевле. Особо «Домострой» регламентирует положение женщины в доме. Девушка должна быть в полной воле родителей, замужняя женщина — в воле мужа. Женщина богатого дома не должна видеться с посторонними людьми без разрешения мужа. Ее удел — терем, занятие рукоделием, молитва и другие домашние дела. Изолированное положение женщины в боярских домах и в царской семье было характерным явлением и для последующего XVII в.

Особой пышностью отличались дома крупных феодалов. Они по своему укладу и быту напоминали в миниатюре великокняжеское и царское хозяйство и быт. Центром усадьбы был дом хозяина, обычно деревянный, иногда в два этажа, соединявшийся крытыми переходами с рядом других отдельно построенных помещений. Эти «хоромы» окружались многочисленными хозяйственными строениями, людскими избами, поварнями, погребами, клетями и т. д. Во дворе крупного феодала селились также и мелкие зависимые от него вассалы — служилые люди. В боярских домах много золотой и серебряной утвари заграничного изготовления. Герберштейн сообщает об огромном количестве драгоценной посуды, выставленной на поставах и столах во время обеда у великого князя.

Одежда высших феодальных кругов отличалась великолепием. Шубы-охабни, епанчи, опашни, летники, телогреи и другие виды мужской и женской одежды изготовлялись из дорогих материй и богато украшались вышивкой золотом и жемчугом и отделывались дорогим мехом. В обстановку знати проникали иноземные вещи, восточные ковры, оружие и т. д. В подражание иноземным обычаям в высших кругах феодалов входит в моду обычай, вопреки традиции, коротко стричь волосы и брить бороду. В одном из посланий

митрополита Даниила (начало XVI в.) дано сатирическое изображение щеголя из среды господствующего класса. «Великий подвиг творишь — говорит он щеголю,— угождая блудницам, платье переменяешь, сапоги у тебя яркого красного цвета, чрезвычайно узкие, так что сильно жмут ноги, блистаешь, скачешь, ржешь, как жеребец, волосы не только бритвою вместе с телом сбриваешь, но и щипцами с корением исторгаешь... мужское свое лицо на женское претворяешь, моешся, румянишся, душишся, как женщина...» Даниил порицает щеголя за то, что он носит сапоги, «шелком шитые», перстни, увлекается охотой, ходит на «зрелища» и т. д. Сатирическая речь Даниила дает яркое представление о бытовом укладе жизни господствующих классов Руси в XVI в. Расточительность, не знавшая границ, и ничегонеделание, сводившее жизнь к поискам развлечений, характерны для быта феодалов XVI в.

Особой пышностью отличался быт царского двора. Иностранцы удивлялись, когда видели в казне груды жемчуга, горы золота и серебра. На царских обедах, на которых присутствовало по 600—700 гостей, подавались в изобилии дорогие, доставленные из-за границы яства и заморские вина. Источники сообщают, что однажды на обеде в Кремле, помимо русских именитых людей присутствовало до двух тысяч ногайцев, отправлявшихся на войну в Ливонию. Торжественно и богато обставлялись царские выходы и выезды — телохранители в тканых золотом одеждах, богатое оружие, дорогое убранство коней, роскошь царских карет. Ставший обычаем при Иване Грозном выезд царя за город (в декабре месяце), для наблюдения потешных артиллерийских стрельб, представлял собой пышную процессию, в которой участвовало несколько сот князей, воевод и сановников, 500 стрельцов и т. д. Дорого обходились стране и всевозможные «шествия» царей на богомолья и другие церковные церемонии, приемы иноземных послов и т. д., происходившие с большой пышностью. Царский двор поглощал значительную часть государственных средств.

Все это тяжелым бременем ложилось на плечи эксплуатируемого крестьянства, создающего своим трудом все те материальные ценности, которые делали жизнь феодала-крепостника постоянным праздником.

Прогрессивное значение Русского государства и русской культуры

Значение Русского государства и его культуры усилилось и для других славянских народов. Задавленные султанской Турцией южные и западные славяне в борьбе с иноземными захватчиками надеялись на помощь Русского государства, разбившего своих врагов на юге — союзников Турции. Русский народ горячо сочувствовал борьбе угнетенных славянских народов. Из Москвы посылалась денежная помощь Болгарии, Сербии и Греции. В Москве проживали многие славянские ученые, гонимые у себя на Родине.

Русское государство и русская культура имели прогрессивное значение. Русское централизованное государство «сыграло огром-

нейшую роль в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей Родины. С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей».[1]

Народы Поволжья, Приуралья и Сибири, вошедшие в состав Русского государства, и народы Украины, Белоруссии, Южнославянских стран, Прибалтики и Кавказа видели в русском народе своего друга и защитника в борьбе за освобождение от иноземного ига. Объединение политическое и экономическое нерусских народностей вокруг русского народа имело положительное значение для развития этих народов, точно также и для развития русского народа.

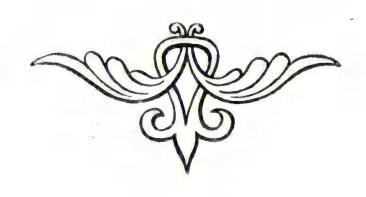
---

[1] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией.



III

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ И БОРЬБА С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ ПОЛЬСКИХ И ШВЕДСКИХ ФЕОДАЛОВ В НАЧАЛЕ XVII В.





ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI в. УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

Дальнейший рост внутреннего рынка и возникновение предпосылок всероссийского рынка

К концу XVI в. развитие внутреннего рынка сделало дальнейшие шаги по пути образования крупных областных рынков, торговые связи которых охватывали иногда значительные округи. Центрами таких областных рынков обычно были наиболее крупные города: Москва, которая постепенно становилась общехозяйственным центром страны, Новгород, Холмогоры, Ярославль, Казань как торговый центр Поволжья, и др. Одновременно растут торговые связи между этими центрами, иначе говоря, межобластные торговые связи.

Причиной углубления и расширения торговых связей был рост общественного разделения труда, который приводил к все большему росту и отделению от деревни городов как центров ремесла и торговли, и к усилению специализации отдельных районов страны по преимущественному производству того или иного продукта. Эта специализация и вызывала необходимость рыночных связей. Не следует думать, что радиус обращения различных товаров на рынке был одинаков. Наиболее обширными были торговые связи внутреннего рынка при продаже таких товаров, как соль и хлеб, которых в силу различий естественно-географических условий Русского государства не было вовсе в одних местах и не хватало в других. Строгановы, собственники многих соляных варниц за Волгой, имели складочные места и пункты оптовой продажи соли: во Владимире, Калуге, Устюге, Вологде, Нижнем Новгороде, Муроме, Кашире, Казани и в ряде других городов.

По прозвищам оптовых покупателей соли у Соловецкого монастыря на вологодском рынке — кашинцы, московитяне, костромитяне, кимряне, ярославцы и многие другие — можно судить о территориальных связях вологодского соляного рынка. Важнейшим товаром на внутреннем рынке был хлеб. Рост хлебной торговли теснейшим образом связан с ростом городов и отделением ремесла от сельского хозяйства. Основным покупателем хлеба становится житель города, ремесленник и работный человек промыслов.

Рост спроса на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты приводил к повышению цен на них. Цены на хлеб поднялись за столетие в 4 раза. Не удивительно поэтому, что крупные феодальные хозяйства, в частности некоторые монастырские вотчины вели хлебную торговлю в больших размерах, не останавливаясь перед закупкой хлеба для перепродажи. По хозяйственным книгам монастырских вотчин можно судить, например, о том, что Спасо-Прилуцкий монастырь, находившийся под Вологдой, систематически закупал хлеб на вологодском рынке и перепродавал его в Холмогорах. В книгах Иосифо-Волоколамского монастыря, вотчины которого были расположены в центральных подмосковных уездах, зафиксировано проданного хлеба в два с лишним раза больше, чем купленного. Наряду с перепродажей купленного хлеба монастырь выбрасывал на рынок значительное количество зерна и круп своей вотчины. В больших размерах, от нескольких сот до 1,5 тысяч четвертей[1] в год, закупали хлеб на Вологде и Холмогорах северные монастыри — Никольский, Корельский, Соловецкий и др., у которых в силу естественных географических условий края почти не было своего земледелия, но которые владели крупными соляными и рыбными промыслами. Не только монастыри занимались крупной торговлей хлебом. С хлебным рынком были связаны и светские феодалы-бояре и широкие слои дворянства. Даже царь получал, как пишет один англичанин, посетивший тогда Россию, «от оброчного хлеба и других припасов. . . около 200 000 рублей или марок в год». Все это говорит о том, что хлеб на внутреннем рынке в конце XVI в. был в значительных количествах и пользовался заметным спросом.

В оборот внутреннего рынка был втянут и крестьянин не только как поставщик сельскохозяйственных товаров, но и как покупатель их. Из общего количества закупленного Иосифо-Волоколамским монастырем хлеба в конце XVI в. более половины куплено у своих крестьян и у крестьян других владельцев; в то же самое время из общего количества проданного монастырем хлеба немногим менее одной четверти куплено крестьянами.

Разумеется, крестьянин покупал хлеб у монастыря не для перепродажи. Часто, особенно в кризисные 70-е и 80-е гг. и в периоды неурожаев и бедствий, своего хлеба не доставало на прокорм семьи, на семена нового посева. Не только хлеб покупали крестьяне. Они покупали и скот — лошадей, быков, овец, а также сено, солому и многое другое. Все это говорит о том, что в конце XVI в. деревня не только поставляла на рынок товары сельскохозяйственных продуктов, но и предъявляла на них заметный спрос. Такое явление было в значительной мере новшеством, ибо источники за более раннее время не сохранили свидетельств о сколько-нибудь значительных закупках крестьянами хлеба, скота, сена и т. п.

Но и продавал крестьянин не всегда излишки продукта. Он ча-

---

[1] Четверть ржи в XVI в. весила 6 пудов (96 кг.).

сто доставлял на рынок нужное для себя, в связи с необходимостью иметь деньги для выплаты оброка феодалу, либо государственных податей, собираемых зачастую в денежной форме.

В таком случае рынок не обогащал, а разорял основную массу крестьян и усиливал их зависимость от феодалов.

В условиях развития рынка и широкого участия в нем крестьянства феодалы стремятся увеличить свои доходы посредством организации торжков, перевозов и застав на своих землях. Сбор пошлины с торжков и перевозов шел в пользу феодалов. К концу века сеть перевозов и мытов на землях монастырей, бояр и дворян стала настолько велика и так возросли злоупотребления на этой почве, что возникли серьезные препятствия на пути развития торговли. Окружной грамотой 1596 г. правительство Федора Иоанновича стремится упорядочить взимание перевозочных пошлин и взять их под свой контроль. Грамота предписывала частные перевозы отписать на государя и на всех перевозах учредить государевых целовальников. Пошлина была уменьшена, регламентирована. Половина ее шла в пользу владельца вотчины, а другая половина — государству.

Росту внутреннего рынка сопутствовал рост внешней торговли. Необходимостью усилить торговлю с западной Европой продиктовано строительство Архангельска в 1584 г. как порта на Белом море.

Рассмотренные явления подтверждают один и тот же процесс: дальнейший рост в последней четверти XVI в. предпосылок всероссийского рынка, сложение которого началось примерно с XVII в.

Хозяйственное разорение 70—80-х гг. XVI в.

Поступательный ход развития экономики Русского государства был крайне осложнен хозяйственным разорением 70—80-х гг. XVI в., возникшим в результате целой сети обстоятельств внешней и внутриполитической жизни Русского государства второй половины XVI в. Длившаяся в течение 25 лет тяжелая и опустошительная Ливонская война привела к значительному истощению народно-хозяйственных сил. Одновременно с этим набеги крымских татар и их нашествие вплоть до Москвы в 1571 г. имели следствием не только массовое уничтожение населения, но и уничтожение материальных богатств и средств производства на значительной части территории государства.

В ходе Ливонской войны Иван Грозный предпринял ломку княжеско-боярского землевладения, сопровождавшуюся насаждением новых поместий и разорением крестьянского хозяйства старых вотчин. Крепостнический характер опричнины сказался прежде всего в массовом захвате феодалами-опричниками крестьянской земли и крестьянского имущества. Многие крестьяне бросали пограбленные опричниками дворы и разбредались в разные стороны. Одновременно во второй половине 60-х годов с большой силой разразилась эпидемия — «мор», приведшая к почти полному обезлюдению ряда районов страны.

Все указанные обстоятельства тяжелым бременем легли на плечи трудового населения и вылились в сильнейшее хозяйственное разорение страны. Разорение сказалось на всей экономике государства: оно привело к упадку ремесла и торговли, к расстройству государственных финансов, к запустению городов. Однако в наибольшей степени было подорвано сельское хозяйство. Особенно сильным было запустение центральных уездов государства, прежде всего Новгородской и Псковской земли. Превращение бо́льшей части когда-то возделываемой земли в «пустоши», в «перелог» и в землю, заросшую лесом, проходило одновременно с массовым отливом населения из центральных уездов и большой его убылью в результате «моровых поветрий». Один исследователь хозяйства Шелонский пятины Новгорода так подводит итоги своим впечатлениям: «Писцовые книги Шелонский пятины за 1571 и 1576 гг. походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди. Не только отдельные деревни и поместья,— целые погосты стоят пусты. Земля поросла лесом. Хоромы развалились».

По данным писцовых книг за 1582—83 гг. количество запустевшей земли достигало в Вотской пятине — 65%, в Шелонской — 83%, Деревской — 55% и Бежецкой — 79%. В среднем пустота по Новгородским пятинам превышала 60%. Еще резче по тем же землям соотношение жилых деревень и деревень, превратившихся в «пустоши». В Вотской пятине пустошей — 77%, в Шелонской и Бежецкой — 90%.

Запустение пашенной земли одной из вотчин Бежецкого верха достигало в 70-е годы 57%. В конце 80-х годов площадь той же пашни уменьшилась до 24% к площади «живущей» пашни 60-х годов.

В таких же размерах запустение коснулось Московского уезда. По данным 1584—85 гг. пашни паханной здесь было до 16%, а земли в перелоге 84%. Доля жилых поселений к общему числу их в Московском уезде составляла 25,5%. Запустевали преимущественно деревни. В землях князя Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде «пашня в пусте» превышала «живущую» более чем вдвое.

Запустение не коснулось лишь окраины государства — южных степных районов, Нижнего Поволжья, Прикамья и Поморского севера. Приток нового населения из центра сказался на хозяйстве некоторых из них даже в благоприятном смысле. В окраинном Тульском уезде к концу 80-х годов количество распахиваемой земли увеличилось более, чем вдвое.

Сильное запустение городов в те же годы привело к резкому сокращению ремесленного производства и внутренней торговли. Упала и внешняя торговля. Сильно сократился вывоз за границу воска, сала, кож, льна и пеньки.

Сокращение производства сельскохозяйственных и ремесленных товаров привело в конце 70-х — в 80-х годах к значительному повышению цен на внутреннем рынке. Более всего поднялись цены

на хлеб и на ряд других сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, в 70—80-е годы Русское государство попало в полосу глубокого хозяйственного упадка.

Однако, несмотря на всю глубину, хозяйственное разорение 70—80-х годов было явлением временным, так как временными и преходящими были причины, вызвавшие его. Разорение служит яркой иллюстрацией общей неустойчивости и слабости феодальной экономики, ее неспособности устоять под воздействием таких явлений, как война, эпидемия и тому подобное.

90-е годы XVI в. дают нам определенные признаки восстановления хозяйства. Поскольку хозяйственное запустение проявилось в уменьшении размеров запашки, постольку и преодоление его протекало прежде всего в виде обратного процесса роста запашки и сокращения площади заброшенных земель. Это хорошо видно на примере крупных феодальных вотчин. В селах Кисматове и Сабурове Троице-Сергиева монастыря, где в 1576 г. было 595 чети в поле пахотной пашни, в 1593 г. ее было уже 634. В вотчинах того же монастыря, находящихся в трех станах Московского уезда, по писцовым книгам 1584—86 гг. было паханой земли 2524 чети в поле, а в 1593 г. — 3904 чети. Размер запашки, как видим, увеличился более чем в 1,5 раза.

В Московском и Старицком уездах в одних и тех же вотчинах было

Годы	% пашни	% перелога
1584—1586	9,9	90,1
1593	34,8	65,2

Значительный рост пашни и общее усиление хозяйственной активности в 90-е годы заметны и в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря. Общая площадь засеянных пустошей и нови в эти годы в монастыре составляла 38,3% к площади старой пашни. Повышение спроса на землю приводило к массовому захвату «порозжих» земель. Подъем хозяйства в 90-е годы обострил борьбу за землю. В числе наиболее активных захватчиков пустых земель оказался царь Борис Годунов. В отписке губных старост о результате дозора безоброчной распашки земель Бежецкой пятины в 1596 г. сказано: «и пахали и косили те пустоши, сказывают, на обиход твоего, государева, слуги и конюшево боярина Бориса Федоровича Годунова». Насколько крупные размеры приняла распашка пустых земель без выплаты оброка видно из того, что только с одной Тверской половины Бежецкой пятины за 1598 г. следовало собрать пенных денег «с государевых с пустых с порозжих земель за безоброчный хлеб и за сено» 443 р. (в том числе с крестьян Годунова 92 рубля). Так как годовой оброк с обжи был около 1,2 рубля, площадь безоброчных земель составит около 1000 обеж или 5000 десятин. Подъем экономики в 90-х годах выражался и в росте торговли и в снижении цен в сравнении с 70—80-ми годами. Под

давлением тяжелых обстоятельств хозяйственного упадка отдельные вотчины были вынуждены снизить крестьянские повинности, а с целью привлечения крестьян на запустевшие земли практиковать раздачу земли крестьянам на условиях освобождения их от тягла на несколько лет.

Отмена тарханов

Правительство в те же годы хозяйственного разорения стремилось укрепить экономически помещичье землевладение. Нанеся удар боярскому землевладению в годы опричнины, правительство Грозного в 80-е годы проводит ограничение привилегий монастырского и церковного землевладения. В приговоре собора 1580 г. велено отписывать «на государя» вотчины, купленные монастырями и архиерейскими кафедрами у княжат, «чтоб в службу служилым людям земли прибавливати». Запрещались также земельные вклады в монастыри в дальнейшем. Новый собор 1584 г. шел дальше. Он отменял тарханы «покаместа земля поустроитця и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Все это мотивировалось интересами «воинства, служилых людей», т. е. помещиков. «И сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платят за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе и от того великая тощета воинским людям прииде». Соборы 1580 и 1584 гг. дали увеличение фонда земель для испомещения, способствовали обеспечению поместий крестьянской силой и расширили круг лиц, несущих тягло в пользу государства.

Заповедные годы

Еще более важным для помещиков мероприятием было описание земель в 80-е и 90-е годы. Описание выявило наличный состав культурных земель в государстве и их состояние в результате хозяйственного упадка. Перепись сопровождалась массовой раздачей земель помещикам, а писцовым книгам правительство придало характер акта, прикреплявшего крестьян к земле. Количество крестьянских переходов росло по мере роста хозяйственного разорения. В таких условиях служилые люди — помещики — оказались в тяжелом положении: удерживать крестьян в Юрьев день они не имели права по закону, а своих средств и возможностей для привлечения новых крестьян у них было не много. Отмена права крестьянских переходов для поместного землевладения стала жизненной необходимостью.

Именно поэтому, начиная с 1581 г., в форме «заповедных лет» вводилось запрещение крестьянского выхода даже в том урезанном виде, как его допускали судебники 1497 и 1550 гг. Опубликованные документы убедительно показывают, что заповедные годы в течение 80-х годов были введены на всей территории страны.

Введение заповедных лет явилось крупным шагом в деле обеспечения помещичьего землевладения рабочей силой и тем самым решающей мерой для ликвидации хозяйственного упадка.

Недавно в архиве обнаружен (В. И. Корецким) текст грамоты середины 90-х годов, в которой говорится, что «ныне по государеву указу крестьянам и бобылям выходу нет». Сопоставление

этой записи с Уложением 9 марта 1607 г., где сказано, что «. . .царь Федор Ивановичь по наговору Бориса Годунова. . . выход крестьянам заказал, и у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил. . .» и которое вводило пятнадцатилетний (с 1592 г.) срок подачи исковых челобитных о беглых крестьянах, дает возможность прийти к заключению, что в 90-х годах уже действовал указ, запрещавший выход крестьянам на всей территории государства. Только в 1601 и 1602 гг. по указу Годунова был разрешен временный и частичный вывоз крестьян помещиками. В остальное время запрещение выхода было в силе и никогда не отменялось.

Феодальное государство в интересах феодалов-помещиков ввело законодательное прикрепление крестьян к земле в общегосударственном масштабе и в этом усилении эксплуатации крестьянского труда нашло выход из хозяйственного разорения.

Рост барской запашки и борьба крестьян за землю

В результате опричнины поместье становится господствующим видом феодального землевладения. В Вотской пятине поместные земли составляли свыше 75%, в Шелонской пятине — 95%, в степных уездах — Веневском — 63,5%, в Казанском крае — 66%, а в Тульском уезде — 92%; в Московском уезде и в ряде других уездов центра значительные массивы земель распределялись почти поровну между помещиками и монастырями. В особо интенсивной форме испомещение проходило на юге страны — южнее р. Оки. Эта часть территории государства приобрела в конце века важное хозяйственное и политическое значение. Только Север, Двинской край, был почти свободен от помещичьего землевладения. Там преобладали черные волостные земли и немалую часть составляли растущие за счет черных земель монастырские вотчины. Феодальное землевладение росло преимущественно за счет черных крестьянских земель, в результате чего резко уменьшилось, а местами вовсе исчезло черное землевладение. Процесс поглощения феодалами крестьянских земель, имевший место всюду, где оставалось еще черное землевладение, можно проиллюстрировать на примере землевладения Белоозера.

Если в конце XVI в. немалая часть черных земель еще оставалась на Белоозере, то это следует объяснить упорной борьбой крестьянской общины с феодалами, наступавшими на волостные земли. Однако в начале XVII в. по указу царя оставшиеся черные земли Белоозера перешли к помещикам.

Наиболее существенные изменения в положении русского крестьянина были связаны с важнейшей особенностью в развитии феодального землевладения XVI в.— ростом собственной барской запашки. В конце XVI в. она непрерывно и одинаково интенсивно продолжала расти и в помещичьих имениях и в монастырских вотчинах.

После упадка и разорения 70—80-х годов вновь восстанавливается хозяйственная жизнь в вотчинах владимирского Константи-

новского, нижегородского Благовещенского монастырей и новгородского Софийского дома. Существенным элементом этого было восстановление и дальнейшее расширение монастырской запашки. В конце 70-х годов крестьяне обрабатывали значительную барскую пашню в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря. В 1591 г. Иосифо-Волоколамский монастырь перевел всех оброчных крестьян на барщину: «И которые деревни на оброке были, и те ныне пахали на монастырь и пустоши все пашенные из снопов отданы». Эти мероприятия дали увеличение «прибыльной земли» монастыря на 1636 четвертей. Ее расширение за счет заимки крестьянской земли и привлечения «нови» шло непрерывно из года в год. В 1592 г. почти вдвое в сравнении с 1589 г. увеличено число детенышей, привлекавшихся на работу в монастырском хозяйстве.

Прямым следствием роста собственной барской запашки явилось прогрессирующее уменьшение размеров запашки на крестьянский двор, которое достигло наибольшей степени в последней трети XVI в. Если в монастырских вотчинах центральных уездов в 50-е и 60-е годы средний размер запашки на один крестьянский двор был равен почти 8 четвертям, то по данным, относящимся к 1576—1600 гг. в том же районе средний размер запашки на крестьянский двор составлял около 5 четвертей. Еще более резкого снижения достигла запашка крестьянского двора по Новгородской области. Захват крестьянской земли и усиление эксплуатации крестьян были следствием заинтересованности феодалов в увеличении товарности своего хозяйства в обстановке роста товарно-денежных отношений и образования предпосылок всероссийского рынка.

Со своей стороны крестьянство вело усиленную борьбу за землю путем захвата владельческой и государственной земли. Помещики и монастыри жаловались на крестьян, которые «поместье пустошат, хлеб травят и сена косят насильством, и сады, яблони и вишни секут и ломают»; «лес секут, и сено косят, и хмель в болотах дерут, и рыбу ловят и хлеб толочат и животиною травят, и всякими угодьи владеют насильством». В одном из монастырей крестьяне «старцов... збили, и стан сожгли, и поставили... на том месте деревню». В другом монастыре крестьяне захватили остров, принадлежавший монастырю, и распахали его для себя. В 1580 г. по жалованной грамоте Ивана Грозного Ярославскому монастырю возвращалась деревня, которую отняли от монастыря «насильством» крестьяне села Новинского.

Подъем хозяйства в 90-х годах обострил борьбу за землю. В Новгородских пятинах крестьяне захватывали пустую государеву землю и распахивали ее безоброчно. В 1597 г. один помещик Владимирского уезда жаловался на то, что «крестьяне всею волостью лес секут насильством в его Михайлове и Васильеве поместье, а лес де у них не делен». Борьба крестьян за землю носила характер вторжения в феодальную собственность и была составной частью общей борьбы крестьянства против феодального гнета.

Усиление эксплуатации крестьян. Рост барщины

Наряду с захватом земли феодалы стремились и к захвату крестьян как рабочей силы. Борьба за рабочие руки, составляющая характерную черту феодального землевладения XVI в., в последнюю треть века принимает особенно острые формы. Существенной причиной этого была неодинаковая обеспеченность рабочей силой различных видов феодальных владений. В привилегированном положении были крупные монастырские вотчины. Иммунитет в форме тарханов, которым пользовались монастыри до середины 80-х годов, давал им возможность ставить крестьян в несколько более льготные условия, чем это было у помещиков, и этим привлекать крестьян на свою сторону. Более же слаженный и организованный аппарат вотчинного управления позволял монастырям создать достаточно сильный контроль за крестьянами, предотвращать побеги, успешнее разыскивать беглецов. Обширные пространства вотчин давали в свою очередь возможность «ухоронки» чужих беглецов и насильственно перевезенных крестьян. Этим и объясняется, например, что в Московском уезде по писцовой книге 1584 г. на монастырской земле один крестьянский двор приходился в среднем на 27 четвертей, в то время, как на поместной земле один крестьянский двор приходился на 37 четвертей.

Однако простое увеличение количества крестьян в небольшой сравнительно мере могло удовлетворить стремление феодалов к увеличению доходности их имений. Гораздо более эффективным средством повышения производительности и товарности хозяйства в условиях господства феодального строя был путь усиления феодальной эксплуатации. Феодальная собственность на землю, составлявшая основу всего феодального строя, была вместе с тем экономической основой усиления эксплуатации крепостных крестьян.

Усиление крепостнического гнета, составляя характерную черту социально-экономического развития Русского государства в конце XVI в., шло по нескольким направлениям. Главнейшим из них был рост барщины как прямое следствие организации и расширения собственной барской запашки. Широкое распространение барщины характерно для всех видов землевладения — от частновладельческих до государственных. Уже в ходе Ливонской войны вводится обязательная барщина для дворцовых крестьян в форме десятинной пашни. Каждый крестьянин дворцовых волостей обязан был пахать на государя 4 десятины. С исключительной ясностью отражено усиление эксплуатации помещичьих крестьян в новой редакции новгородских послушных грамот, получившей распространение с 70-х годов XVI в.: «И вы б все крестьяне, которые в том селе живут, (помещика) слушали, а пашню пахали и оброк платили, чем вас изоброчит». Эта формула узаконивала полный произвол помещика в установлении крестьянских повинностей («чем вас изоброчит»). Таким образом, временем заметного преобладания барщины следует считать 70-е годы. В последующее время барщина получила дальнейшее развитие.

По писцовым книгам Московского уезда 1584—1585 гг. барщинный труд крестьян был рядовым явлением и даже преобладал над другими видами повинностей. В Дмитровском уезде обычный размер барской запашки на крестьянский двор составлял 2 десятины с выти. В Коломенском уезде в 90-е годы барщина достигала 3 десятин на выть. По уставной грамоте 1590 г. крестьяне ряда сел и деревень вотчин Троице-Сергиева монастыря освобождались от денежных и натуральных поборов, но обязаны были пахать на монастырь пашню в размере 5 десятин с выти. Патриарх Иов в 1590 г. во всех патриарших землях ввел барскую запашку.

Крупнейший феодал — Иосифо-Волоколамский монастырь в 1591 г. перевел на барщину всех оброчных крестьян. Это дало значительное повышение доходов монастырской вотчины. Если с оброчных крестьян в 1590 г. собиралось оброка 70 р. 28 ал., то зерновая продукция этих крестьян в 1592 г. составляла по рыночным ценам 306 руб. 5 ал., т. е. в 4,3 раза более, чем в 1590 г. Одновременная раздача пустошей крестьянам из снопов (исполу, из третьего, четвертого и пятого снопа, смотря по земле) вместо прежнего оброка в денежной форме дала увеличение доходов монастыря в 5 раз.

В южных степных уездах имела распространение барщина в форме обработки помещичьей земли наездом. Помимо работы на барской пашне, крестьяне молотили барский хлеб, свозили его в житницы, растили солод, косили сено, возили дрова и мн. другое. Наряду с барщиной к концу XVI в. резко возрастает оброк. В связи с развитием рыночных отношений, преобладающей формой оброка становится денежная. Если в Вотской пятине в первой половине века оброк деньгами выплачивало 6—9% крестьянских хозяйств, то в 1568 г.— 16%, а в 1581 г. черносошные крестьяне этой пятины знали только денежный оброк. В вотчине Троице-Сергиева монастыря в 90-е годы оброк платили деньгами. Преобладание денежной формы оброка не исключало натуральных поборов с крестьян в различных видах — здесь и хлебный оброк натурой, и «столовые припасы» в виде определенного количества яиц, сыров и подношения на праздники несколько раз в году и многое другое. Крестьяне содержали вотчинную администрацию — приказчиков, ключников, слуг — и платили судебные пошлины. Крайне обширна была сеть торговых пошлин. Неукоснительно взимались с крестьян бытовые пошлины — «выводная куница», «новоженный убрус» и многое другое.

Вся эта масса вотчинных податей и повинностей ложилась на крестьян одновременно с выплатой государева тягла и различных государственных повинностей, которые к концу XVI в. также увеличивались в числе и возрастали в объеме.

Произвольное увеличение барщины, оброка и других видов повинностей было формой классового наступления феодала на крестьянина с целью усиления его эксплуатации. В ходе этого наступления феодалы, далеко ушедшие от прежних установлений жалованных, уставных и послушных грамот в части форм и размеров

крестьянских повинностей, стремятся «узаконить» увеличенные ими размеры эксплуатации и с этой целью встают при прямой поддержке правительства на путь создания новых грамот подобного рода. В крупнейших монастырских вотчинах в конце 80-х — начале 90-х годов появляются уставные грамоты, которые под видом «регламентации» крестьянских повинностей «узаконивали» их высокий уровень, фактически сложившийся к этому времени. Так, Соловецкий монастырь уставной грамотой 1591 г. утвердил норму дележа рыбы крестьянского улова «на трое, на монастырь две доли, а третья доля крестьяном». Высокий размер барщины, оброков и множество других повинностей утвердили уставные грамоты Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей.

В погоне за увеличением доходности своих имений феодалы прибегали к выколачиванию денег из крестьян и средствами иного порядка. Показателен в этом отношении пример Иосифо-Волоколамского монастыря. С 70-х годов монастырские власти стали прибегать к принудительной ссуде крестьян деньгами для увеличения поголовья скота, беря с них за это кабалы. Первоначально такая операция имела скромные размеры, но уже с начала 90-х годов принудительное кредитование крестьян проводилось в широком масштабе и к 1594 г. дало монастырю 100 рублей прибыли. Недаром глава хозяйственного управления монастыря старец Мисаил Безнин писал: «Крестьянам будет от той многия животины приплод великий и прибытки многия, а монастырской казне прибыль великая на всякий год имати по 600 рублев».

Усиленное хозяйственным разорением обнищание крестьянства к концу века неуклонно возрастает. Проявлением этого был рост категории крестьян, которые «прожитком худы» и сидели на малом наделе, рост количества бобылей, монастырских детенышей, закладчиков и кабальных людей. Общее усиление феодальной эксплуатации к концу XVI в. ощутимо коснулось и этих групп феодально-зависимых людей.

Монастыри, например, снижали оплату труда детенышей. Обедневших крестьян и вольных людей, желающих идти в наймы, было значительное количество. Подмога детенышам в 80-е и 90-е годы выдавалась только в том случае, если детеныши переходили в категорию крестьян-старожильцев и тем самым окончательно закреплялись за вотчиной. Кабальное холопство, пришедшее в обстановке развития товарно-денежных отношений на смену полному холопству, в конце XVI в. было превращено из временного состояния при условии выплаты долга в пожизненное по смерть господина.

Усиление крепостной зависимости крестьян и других категорий сельского населения сопровождалось общим ухудшением их положения. Под видом «полюбовных» соглашений между помещиками, когда один помещик уступал крестьян другому за какое-либо вознаграждение, скрывалась торговля крестьянами. Феодалы стали вести себя как хозяева имущества и личности крестьян. Нередки были случаи раздела крестьян между помещиками, насильствен-

ного перевода крестьян из одной деревни в другую, из деревни в помещичий двор и т. д.

Наиболее полное осуществление эксплуатации крестьянства, кабальных людей и других категорий феодально-зависимых групп населения возможно было только при условии их полного закрепощения, лишения права покидать своего владельца. Этот вопрос в интересах подавляющей массы феодалов-помещиков решило феодальное государство. Законы 80—90-х годов, установившие отмену крестьянского перехода, сыск беглых крестьян, принцип службы кабального человека до смерти господина, принудительное превращение в кабальных «добровольных холопов» при условии их службы у господина свыше 6 месяцев, юридически завершали процесс усиления феодальной эксплуатации к концу XVI в. и оформляли крепостное право в России в общегосударственном масштабе.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОНЦА XVI — начала XVII вв.

Политическая борьба. Приход к власти Б. Годунова

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. русский престол унаследовал его сын Федор. Слабоумие нового царя, его приверженность к монашески-церковным делам и полная неспособность управлять государством, создали благоприятную обстановку для борьбы за власть придворных группировок. Еще в конце жизни Грозного был намечен регентский совет из пяти бояр, в который входили как представители боярства (князья И. П. Шуйский, И. Ф. Мстиславский), так и сторонники опричных порядков (Б. Я. Бельский). Дядя царя Н. Р. Юрьев склонен был к компромиссу с боярами, а пятый член совета Б. Ф. Годунов, брат жены царя, был сторонником дворянской ориентации.

Особенностью политической борьбы 80—90-х годов было то, что она не ограничивалась одной придворной сферой, а выходила на просторы московских площадей и улиц. Так было, например, в 1584 г., когда против заговора Б. Я. Бельского, ставившего целью возведение на престол младшего сына Грозного Дмитрия и восстановление опричных порядков, выступили московские городские низы. Заговор Бельского был подавлен. Сам он выслан из Москвы, а царевич Дмитрий с матерью выслан в Углич.

События 1584 г. завершились венчанием Федора на царство. Это облегчило Б. Годунову, как брату жены царя, сосредоточение власти в своих руках. Б. Годунов был убежденным сторонником самодержавного крепостнического государства. Такая позиция и определила его деятельность в качестве главы государства, как при Федоре, так и позднее, в период самостоятельного правления. Стремившиеся к участию в управлении государством представители княжеско-боярских родов во главе с И. Ф. Мстиславским организовали новый заговор, на этот раз против Б. Годунова. Заговор раскрыли, И. Ф. Мстиславский был пострижен в монахи и этим

лишен возможности дальнейших притязаний на власть; других участников Годунов, как сказано в летописи «поима и по городам разосла, а иных в темнице затвори». Усиление репрессий против княжат привело к организации нового заговора во главе с князьями Шуйскими при поддержке митрополита Дионисия. Шуйские стремились использовать недовольство торговых и ремесленных кругов Москвы политикой Годунова. В 1587 г. дело дошло до открытого выступления, когда был осажден Кремль «торговыми мужиками» Москвы. Подавив и это движение, Годунов путем многочисленных казней и других репрессий добился ликвидации наиболее сильной боярской группировки и этим значительно укрепил свое положение главы государства. В его руках были сосредоточены все функции управления, не исключая сношений с иностранными государствами от собственного имени. Неожиданная смерть царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. в Угличе, обстоятельства которой из-за разноречивости источников не вполне ясны, но в которой не исключено участие Годунова, расчистила ему путь к престолу. И когда в январе 1598 г. умер царь Федор Иванович, борьба за власть в придворных кругах, вспыхнув с новой силой, закончилась победой Годунова. Годунова поддержали служилые люди — дворяне, помещики, которые составляли большинство на Земском соборе 1598 г., избравшем Годунова царем.

Крепостническая политика правительства Б. Годунова

Внутренняя политика периода правления Годунова характеризуется отказом от опричных порядков предшествующего времени при сохранении основного курса на укрепление самодержавного крепостнического строя и усиление закрепощения крестьян. В осуществлении этой политики Годунов опирался на широкие круги служилых людей — помещиков. Именно в их интересах в 1591 г. был принят указ об обелении [1] пашни служилых людей. Часть земли поместий, которая обрабатывалась на их владельцев, освобождалась по этому указу от платежа подати и несения государственных повинностей. Крестьянская запашка обелению не подлежала. Одновременно широко практиковались правительством земельные пожалования помещикам. Годунов значительно облегчил военные обязанности служилых людей, увеличив вдвое земельный участок (со 100 четвертей по уложению 1556 г. до 200 четвертей), с которого должен был направляться в поход один вооруженный воин. Укрепление земельной поместной собственности сопровождалось попытками ограничения роста земельных владений бояр и монастырей. В 1593—94 гг. была проведена проверка прав монастырей на владение вотчинами с секуляризацией тех из них, на владение которыми у монастырей не было прав. Проводя ревизию прав монастырей на земельные владения, правительство одновременно занималось вопросом повышения доходности вотчин путем увеличения повинностей крестьян.

---

[1] Обеленной называлась земля, освобожденная от податей и повинностей на государя.

Такое повышение как барщинных, так и оброчных повинностей крестьян было проведено писцами по наказу Годунова в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 1601 г.

Важные мероприятия, получившие название «посадского строения», проведены в 1600—1601 гг. в отношении города. На посады в принудительном порядке возвращались разбежавшиеся тяглецы, но наряду с этим в города переводились и принадлежавшие различным владельцам торговые люди, ремесленники, крестьяне, бобыли, захребетники и другие категории сельского населения. Так увеличивалась численность населения и расширялась территория посадов. Если «посадское строение» было с одной стороны показателем роста экономического значения и политической роли городов к началу XVII в., то с другой — оно отражало основную линию политики правительства Годунова, направленную на укрепление диктатуры крепостников и усиление крепостнического гнета. Наиболее полное выражение такая политика получила в крестьянском вопросе. Логическим следствием введения заповедных лет явилось составление писцовых книг в 80—90-е годы XVI в. Книги должны были стать юридическим основанием прикрепления крестьян за теми владельцами, за которыми крестьяне были записаны в книгах после прекращения права перехода с 1581 г.

Введение заповедных лет открыло полосу массовых побегов крестьян, лишенных права свободного перехода. Это обстоятельство породило в свою очередь жалобы крепостников на побеги крестьян с требованием организации их сыска и возвращения прежним владельцам согласно писцовым книгам. С целью упорядочить положение дел с исками о беглых и закрепить за писцовыми книгами значение юридического основания прикрепления крестьян, правительство принимает 24 ноября 1597 г. указ о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян. Крестьяне, бежавшие от своих владельцев в пятилетний срок до принятия указа, т. е. с 1592 г. по 1597 г., подлежали возврату «по суду и по сыску... с женами и с детьми и со всеми животы... назад, где кто жил». Сыск и возврат крестьян, бежавших за 6 лет и более до 1597 г., производился только в случае, если ходатайство о их сыске было возбуждено владельцами до принятия указа.

1592 г. был взят в указе за грань определения срока сыска беглых потому, что к этому времени бóльшая часть территории государства была уже охвачена описанием [1]. В связи с указом 24 ноября 1597 г. окончательно сложилось понятие беглого крестьянина, а организацию сыска и возврат беглых правительство стало рассматривать как одно из важнейших мероприятий на пути усиления диктатуры крепостников.

Существенные изменения внес тот же 1597 г. в положение и другой категории феодально-зависимых лиц-холопов. В XVI в. на

[1] Составление писцовых книг в некоторых уездах продолжалось вплоть до середины 90-х годов XVI в.

смену старому полному холопству пришло холопство кабальное. Кабальное холопство означало распространение феодальной зависимости на еще свободные элементы общества, лишившиеся средств существования и за долг давшие на себя кабалу с обязательством за «рост служити» на господина. До 1597 г. кабальный человек юридически имел право порвать такую зависимость путем выплаты долга. Но 1 февраля 1597 г. правительство приняло новый закон о кабальных холопах, аннулировавший это право, предписав кабальному холопу оставаться в зависимом положении до смерти господина. Этот же закон предписывал брать служилые кабалы от «вольных людей», «добровольно» работающих на хозяина свыше полугода, превращая их таким образом в кабальных холопов. Законом 1597 г. вводилась обязательная регистрация кабальных холопов в приказе Холопьего суда.

Так указы 1597 г. о крестьянах и холопах завершили серию мероприятий правительства, направленных на юридическое оформление системы крепостного права в общегосударственном масштабе. Указы 90-х годов показывают рост внеэкономического принуждения, укреплявшего экономическую зависимость крестьян от феодалов.

Рост классовой борьбы в конце XVI в.

Внеэкономическое принуждение в форме крепостничества, закрепленного в законах 80—90-х годов, вызвало обострение классовой борьбы крестьян против феодалов уже в 80-е и в особенности в 90-е годы. Крестьянство повсеместно выступало, как показано выше, прежде всего против феодальной собственности на землю путем захвата помещичьей и монастырской земли в свое пользование. В 90-е годы XVI в. в ряде вотчин выступление крестьян приняло массовый характер и перешло в открытые восстания. Такое восстание началось в конце 1594 г. в вотчине крупнейшего феодала конца XVI в.— Иосифо-Волоколамского монастыря. Как писали монастырские власти, «крестьяне монастырские не почели слушати приказчиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити и солодов растити и даней монастырских давати».

Таким образом, выступление крестьян в ответ на усиление эксплуатации на первых порах приняло форму отказа от выполнения барщинных и оброчных повинностей на монастырь. Для наведения порядка в монастырь была послана Годуновым специальная правительственная комиссия, в которую вошли видные представители царской администрации — А. Я. Измайлов и К. Петров. Однако Измайлову и Петрову, несмотря на то, что они «велели крестьянам всякие монастырские дела делати и крестьян за то велели смиряти, что они не слушают и пени на них имати», не удалось подавить движения. Более того, стоило им только уехать, «крестьяне монастырские почели пуще того не слушати, и приказчиков и ключников учели бити и дел монастырских не почели делати, и леса монастырские заповедные почели сечи».

Лишь путем применения штрафов в отношении «прожиточных крестьян», которые «сами воровали и научали всех воровать», монастырским властям удалось подавить восстание: «и от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати». Восстание крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря, длившееся с октября—ноября 1594 г. по февраль 1595 г., служит ярким показателем того, какой остроты достигли классовые противоречия между крестьянством и феодалами накануне крестьянской войны в начале XVII в. К тому же это был, хотя и наибольший по масштабам, но все же не единственный случай крестьянских волнений в 90-е годы XVI в. В одной из царских грамот 1591 г. сообщается об избиении крестьянами монастырских слуг Кирилло-Белозерского монастыря. О восстании крестьян рассказано в челобитной 1597 г. игумена Устюжского Прилуцкого монастыря. Воспользовавшись возникшим в монастыре пожаром, крестьяне окрестных деревень и других волостей решили свести счеты с монастырем, который захватывал крестьянские земли. Они связали игумена, хотели его и других старцев монастыря побросать в огонь, разгромили монастырское имущество («рассекли» хлебные амбары, разнесли по домам зерно, платье, ткани и даже книги). При всем стихийном характере восстания бросается в глаза значительное число участников в нем («многие люди», как отмечено в челобитной), заметная спаянность в рядах крестьян («с родом с племенем») и даже наличие определенной организованности, которая в интерпретации игумена представлена как «заговор». Не исключено, что и пожар в монастыре мог быть актом классовой мести со стороны крестьян. Аналогичные события происходили в конце XVI — в начале XVII вв. в вотчине другого крупного феодала севера — Антониева-Сийского монастыря. Разгар крестьянского движения достиг здесь наибольшей степени к моменту наивысшего подъема восстания Болотникова, к 1607 г. Игумен монастыря сообщал в челобитной царю Василию Шуйскому, что крестьяне «учинились сильны», царских грамот не слушают, «дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят. . . и монастырского изделия не делают, и ни в чем де его, игумена з братьею, не слушают, и в том ему, игумену, чинят убытки великие».

Все эти события вполне перекликаются с событиями 1594—95 гг. в Волоколамском монастыре и говорят о том, что каждое из них не было случайным явлением, а отражает общий подъем классовой борьбы крестьян на всей территории государства от центра до севера. Борьба против усиления феодально-крепостнического гнета широкой волной прокатилась и по городам Русского государства. Выше отмечены восстания посадского населения Москвы в 1584 и 1587 гг. и его активное вмешательство в борьбу правящих группировок. В 1591 г., когда к Москве подходил крымский хан Казы-Гирей, многие холопы московских бояр, как сообщает один источник, были арестованы по обвинению в намерении «во время осады поджечь Москву».

В данном случае возможно и такое положение, что холопы вовсе

не собирались поджигать Москву, но их арест мог быть вызван возросшим чувством страха феодалов перед холопским населением Москвы в момент подхода к ней крымского хана.

В 1586 г. крупное восстание городских низов произошло в Соли-Вычегодской. В ходе восстания был убит крупнейший солепромышленник края С. А. Строганов.

Большим восстанием посада и пригородных слобод сопровождалось убийство царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г. Посадские люди разгромили «дьячью избу» и убили государева дьяка.

Городские восстания показывают, что помимо антифеодальной направленности, которая в восстаниях была преобладающей, они были вызваны вместе с тем обострением социальных противоречий внутри посада — борьбой «низов» города с зажиточной верхушкой. В такой обстановке подъема классовой борьбы как в деревне, так и в городе борьба с растущим крестьянским и посадским движением составляла важнейшую черту внутренней политики Бориса Годунова.

Время его царствования характеризуется как развитием крепостнических отношений вглубь — ростом феодальной эксплуатации и распространением зависимости на новые слои населения, так и развитием их вширь — распространением феодального землевладения и крепостничества на новые территории Дикого поля на южных границах государства. Для обеспечения безопасности новых границ от набегов крымских татар здесь строится в 80—90-е годы XVI в. ряд городов-крепостей: Ливны, Воронеж, Курск, Елец, Кромы и другие. Такие же крепости возводились после подавления восстаний местных народов и в районе Нижнего Поволжья: Самара, Уфа, Царицын, Саратов и ряд более мелких крепостей. Колонизация Поволжья привела к установлению зависимости от русского государства Большой Ногайской орды.

Поволжье и район Дикого поля были местом поселения бежавших сюда от крепостного гнета крестьян и холопов. Один из современников, Авраамий Палицын, в своем Сказании говорит, что на южных границах насчитывалось более 20 тысяч беглых холопов. Так постепенно на территории Дикого поля образовалось местное население — казаки, которые сыграли видную роль в охране южных границ от нападений крымских татар. Правительство стремилось подчинить вольных казаков государственной власти и с этой целью вербовало зажиточную часть из них на службу в качестве стрельцов, пушкарей и разных атаманов, выплачивая за это хлебное и денежное жалованье, снабжая оружием. Рядовая же масса казачества была наиболее опасна для правительства.

Грозную силу представляло донское казачество, сложившееся во второй половине XVI в. В его ряды вливались все новые и новые потоки беглых. Поняв, какую опасность для феодалов представляет донское казачество, Годунов пытался всячески изолировать его от южной Украины. В летописи сказано, что «казаком от царя

Бориса было гонение велие; не пущал их ни на которой город; куда они не приидут, и их везде имаше и по темницам сажаху».

Укрепить позиции правительства в районе колонизации Дикого поля были призваны служилые люди, которых направляли в южные крепости в значительном количестве.

Все эти мероприятия по расширению и укреплению границ, помимо цели включения в сферу феодальной эксплуатации новых плодородных и еще не освоенных земель, имели большое внешнеполитическое значение.

Внешняя политика 80—90-х годов. Борьба за Прибалтику

В 80—90-е годы участились нападения крымских татар, союзных Турции, на русские границы. В 1591 г. хану Казы-Гирею удалось прорвать южную оборону и дойти до самой Москвы. Под Москвой его ожидали крупные силы русского войска, готового дать отпор татарам.

Испугавшись силы русских, Казы-Гирей на другой день утром повернул обратно и отступил так стремительно, что преследовавшие его русские части смогли настигнуть лишь тыловые отряды татар и разбить их в степи.

Начавшаяся в 1593 г. турецко-венгерская война, в которой участвовал и Крым, привела к возобновлению мирных отношений Крыма с Москвою.

В области сношений с Кавказом правительство Годунова ставило целью восстановление позиций, утраченных в период Ливонской войны. В конце 80-х годов положение на Кавказе изменилось в выгодную для русского правительства сторону. В 1588 г. был поставлен новый русский город в устье Терека, а в 1589 г. на «совете» всей Кабардинской земли было подтверждено подданство кабардинского народа России. В царский титул было внесено добавление: «горских черкас и Кабардинской земли государь». Опираясь на Терский городок, русские войска в 90-х годах совершают ряд удачных походов против дагестанского шамхала с целью устранения зависимости шамхальства от Турции. Русское правительство, стремясь укрепиться на Северном Кавказе, строит здесь ряд крепостей (в частности восстанавливается крепость на Сунже) и проводит политику поддержки феодальной знати. Князья кабардинские и черкесские, выехавшие в Москву, пополнили ряды высшего московского дворянства. В 1587 г. кахетинский царь Александр принял предложение царя Федора о союзе и покровительстве Грузии и вступил в подданство русскому царю. В царский титул было внесено указание на владение Россией «Иверской», т. е. Грузинской землей.

На пути к союзной Грузии находилось враждебное дагестанское княжество во главе с шамхалом Тарковским, борьба России с которым продолжалась в течение нескольких лет. Продвижение русских на Кавказ облегчалось тем, что местные народы находились под угрозой истребления их со стороны Турции и Персии.

Основной внешнеполитической задачей правительства Годунова,

как и в предшествующее время, была борьба за выход к Балтийскому морю. Улучшение экономического положения русского государства в 90-х годах XVI в. в результате преодоления хозяйственного упадка 80-х годов и некоторые благоприятные для России внешнеполитические обстоятельства послужили основой для активных действий правительства в этом направлении. Неудачная, с точки зрения конечных целей России, Ливонская война не ослабила напряженных русско-польских отношений. Более того, только смерть Стефана Батория в 1586 г. и наступившее затем в Польше новое «бескоролевье» прервали открыто агрессивные в отношении России действия польского правительства. Используя состояние политической неустойчивости в Польше, вызванное борьбой различных группировок в сейме вокруг кандидатур на польский престол, русское правительство сумело добиться заключения нового перемирия с Польшей с 1587 г. по 1602 г. и получить на это санкцию вновь избранного сеймом короля, шведского принца по отцу и наследника польского престола по матери, Сигизмунда III [1]. Устранение опасности войны с Польшей дало возможность активизировать политику в отношении Швеции как главного противника на пути получения выхода к Балтийскому морю.

В 1585 г. было продлено на четыре года русско-шведское перемирие. По истечении четырехлетнего срока русское правительство начало военные действия против Швеции. Русско-шведская война (1590—1593 гг.) закончилась заключением «вечного мира», который был подписан в Тявзине в 1595 г. По Тявзинскому миру Россия получила захваченные ранее Швецией старинные русские города: Ивангород, Ям, Копорье, Корелу. Несмотря на то, что Нарва оставалась за Швецией, успех России привел к тому, что ей удалось получить выход к Балтийскому морю. Внешнеполитический успех правительства Годунова дал возможность усилить культурные связи России с Западной Европой. В Англию, Францию, Германию была направлена группа дворянской молодежи «для науки разных языков и грамоте». Была предпринята попытка пригласить в Россию иностранных врачей, рудознатцев, часовщиков и других специалистов.

Важным в политическом отношении вопросом внутренней и внешней политики Годунова явилось установление патриаршества на Руси. До конца XVI в. русская церковь была подчинена Константинопольскому патриарху и не имела своего главы. В результате длительных переговоров с Константинопольской патриархией Годунову удалось получить согласие на учреждение патриаршества в Москве. Церковный собор 1589 г. избрал патриархом ставленника Годунова московского митрополита Иова.

Определенные успехи правительства Годунова в области внутренней и внешней политики были достигнуты в результате значительного усиления эксплуатации крестьян, холопов и бобылей. Од-

---

[1] Сигизмунд III был племянником польского короля Сигизмунда II Августа.

нако в конечном итоге усиление гнета вызвало обострение классовой борьбы в конце XVI — начале XVII вв. и привело к длительной крестьянской войне против дворян-помещиков и их правительства.

ПРЕДВЕСТНИКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Усиление феодального гнета, рост барщины, оброка, захват феодалами крестьянских земель привели к локальным выступлениям крестьян против феодалов. Чем ближе к началу XVII в., тем таких выступлений становилось больше, они принимали все более крупные размеры и, наконец, вылились в крупнейшую крестьянскую войну в начале XVII в.

Голод 1601—1603 гг.

Крупнейшим предвестником крестьянской войны следует считать восстание под предводительством Хлопка в сентябре 1603 г. Непосредственным толчком к выступлению холопов и крестьян послужили тяжелые обстоятельства голода 1601—1603 гг. Дождливое лето и ранние заморозки привели к неурожаю. За неурожаем последовал голод. Источники рисуют страшную картину голода: «И много людей с голоду умерло, а иные люди мертвечину ели и кошки; и люди людей ели; и много мертвых по путем валялось и по улицам; и много сел позапустело; и много иных в разные грады разбрелось и на чужих странах помроша. . .; и отцы чад своих и матери их не взведаша, а чады отец своих и матерей». Только на трех кладбищах Москвы за 2 года и 4 месяца было похоронено умерших от голода 127 тысяч человек.

В стране имелись запасы хлеба от прошлых урожайных лет, но они были сосредоточены в руках крупных светских и церковных землевладельцев. Бояре, монастыри, не исключая и главу церкви — патриарха, занялись спекуляцией, стремясь нажиться на бедственном положении народа. Спекулянты посылали на дороги к Москве своих агентов, которые перекупали хлеб с подвод, везущих его к Москве, затем перепродавали в городе в тридорога. Цена на хлеб вскочила в десятки раз. Правительство Годунова указом 3 ноября 1601 г. пыталось пресечь спекуляцию хлебом и установить на него максимальную указную цену. Но это не имело успеха. Безрезультатной оказалась и другая попытка Годунова смягчить последствия голода путем организации в Москве строительных работ с выплатой за работу хлебом из государственных житниц. Отпускаемые на это хлебные запасы обычно застревали в руках бояр, разных приказных дельцов и пускались в спекуляцию.

В обстановке голода усиливается борьба между феодалами за рабочие руки. Этим вызвано было появление осенью 1601 г. указа Годунова о разрешении помещикам «отказывати и возити крестьян. . . промеж себя». Правительство официальной целью указа 1601 г. объявило облегчение положения крестьян путем якобы восстановления на один год права крестьянского перехода. На 1602 г. это право было продлено новым указом. На самом деле указы

1601—1602 гг., имея в виду не выход самих крестьян, а вывоз крестьян помещиками, были на руку лишь последним. На бояр и монастыри право вывоза крестьян не распространялось.

В условиях голодных лет значительно усилился процесс превращения в кабальных холопов крестьян, бобылей и части свободного обедневшего населения сел и деревень. Это хорошо видно из новгородских кабальных книг 1603 г. По имеющимся в литературе подсчетам доля крестьян и холопов, давших на себя служилую кабалу, составляла около 17% к общему числу закабаленных по книгам 1603 г.; 20% составляли холопы, перешедшие от одного владельца к другому; остальные 63% приходилось на свободных людей. Иную картину дают кабальные книги 1593—1594 гг. Большую часть зарегистрированных в них (67%) составляли холопы, поменявшие своего господина. Становится очевидным, что общий рост кабальных холопов в голодные 1601—1603 гг. сопровождался ростом удельного веса в их среде бывших крестьян и полных холопов с одной стороны и обедневших свободных людей — с другой. Призовет богатей к себе такого бедняка,— как пишет А. Палицын,— напоит вином и обманным путем возьмет от него кабальную запись.

Экономический и социальный смысл процесса похолопливания вскрывает принятый при Лжедмитрии I закон 1 февраля 1606 г. Закон отказывает в удовлетворении исков феодалов на тех крестьян, которые, будучи брошены в голодные годы своими владельцами, вынуждены были податься в холопство, и откровенно объясняет поведение такого крестьянина тем, что «а не от самые бы нужи в холопи он не пошел». Часто феодалы прогоняли холопов в голодное время со двора, не давая им отпускных. Такие холопы пополняли обычно ряды беглых на окраинах государства.

Беглые холопы в огромном числе скапливались в южных районах государства. Недаром современник Авраамий Палицын писал в своем Сказании, что в украинных городах имелось более 20 тыс. беглых холопов.

Понимая, к каким серьезным последствиям для феодалов может привести положение с холопами, брошенными их владельцами на произвол судьбы, правительство Годунова указом 1603 г. обязало холопам, которых господа не кормят, «а велят им кормиться собою, и те их холопы помирают голодом», давать отпускные в приказе Холопьего суда. Но холопов, получивших отпускные, ожидала лишь одна участь — быть закабаленными другими феодалами.

Восстание Хлопка

В такой обстановке крайнего обострения классовых противоречий в условиях голода и вспыхивает в сентябре 1603 г. массовое восстание холопов и крестьян под предводительством Хлопка. На основе записок очевидца событий, голландца Исаака Массы, свидетельств разрядной книги 1603 г. и летописи под названием «Новый летописец» можно заключить, что восстание охватило все центральные районы государства. Правительство вынуждено было направить против восставших карательные отряды во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Ме-

дынь, Ржев, Коломну и в Рязанскую землю. Но правительственные отряды, которых по свидетельству источников было послано значительное количество, терпели поражение один за другим. Положение стало угрожающим, когда крестьяне и холопы, предводительствуемые Хлопком, подошли к Москве. Правительство Годунова придавало такому событию чрезвычайно серьезное политическое значение. Вопрос о подавлении восстания был поставлен на обсуждение Боярской думы. Дума решила послать против Хлопка «сомногою ратью воевод» во главе с окольничим И. Ф. Басмановым. Битва произошла вблизи Москвы и носила ожесточенный характер; восставшие «бьющеся, не щадя голов своих». Большой отряд Басманова потерпел поражение, а сам Басманов был убит в сражении. Посланные из Москвы подкрепления «едва возмогша» «осилить» рать Хлопка. Раненый Хлопко был взят в плен. Большая часть разбитых его отрядов укрылась в украинных городах.

Общий подъем классовой борьбы в конце XVI — начале XVII вв., сказался и на движениях в городах. Выше говорилось об активном участии посадских людей в московских событиях 1584—1587 гг. Значительно усиливается борьба в городах в голодные годы. По свидетельству одного современника, в Москве вспыхнуло восстание, в ходе которого «много богатых домы грабили и разбивали и зажигали; и бысть страхование велико». Новый подъем борьбы крестьянства и низов городского населения связан с походом Лжедмитрия I. Этот ставленник польской шляхты, не скупясь на демагогические обещания всяких благ, широко использовал «царистскую психологию» народных масс, их веру в «хорошего царя» и ненависть к феодалам и правительству Годунова.

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ. ЛЖЕДМИТРИЙ I.

Лжедмитрий I — ставленник польских феодалов

Польско-литовские феодалы давно стремились расширить свои владения за счет порубежных плодородных русских земель. Как средство достижения этой цели выдвигалась задача политического подчинения Русского государства и насаждения в нем католичества. Захватнические планы агрессивной части шляхты нашли полную поддержку со стороны Римского папы — главы европейской католической церкви.

Тяжелое внутреннее положение Русского государства в начале XVII в. создавало благоприятные условия для интервенции. Окончание в 1602 г. срока перемирия Польши с Россией развязывало руки польскому правительству.

Однако сложное внутреннее и международное положение самой Польши исключало возможность открытой военной интервенции против России. Польские правящие круги в начале предпочли путь скрытой интервенции — поддержку авантюры с самозванцами.

В 1602 г. в одном пограничном с Россией местечке во владениях польского магната князя Адама Вишневецкого появился пре-

тендент на русский престол, выдававший себя за «чудом» спасшегося от смерти в Угличе сына Ивана Грозного царевича Дмитрия. Вместо него в Угличе в 1591 г. был убит якобы другой подросток.

Среди враждебных Грозному и Годунову русских эмигрантов, проживавших в Польше, нашлись лица, которые охотно подтвердили подлинность «царевича». Но уже тогда многие русские официальные документы и литературные произведения указывали, что Лжедмитрий I был ни кем иным, как расстригой Гришкой Отрепьевым, бежавшим в Литву из Чудова монастыря в Москве. Появление Лжедмитрия у Адама Вишневецкого не было случайностью. Огромные владения Вишневецкого были расположены по обоим берегам Днепра и вплотную подходили к русским границам.

Вишневецкие незадолго перед тем захватили часть русской пограничной территории, но были выбиты русскими отрядами. Таким образом, участие Адама Вишневецкого в авантюре с самозванцем становится понятным. Те же стремления к расширению земельных владений за счет плодородных и богатых лесом смоленских земель руководили другими участниками авантюры из числа видной польско-литовской знати — литовским канцлером Львом Сапегой, усвятским старостой Яном Петром Сапегой, князем Романом Рожинским и многими другими. К участию в деле Лжедмитрия I был привлечен и польский король. На пути к королю Лжедмитрия I представили Сандомирскому воеводе Юрию Мнишку. Здесь состоялась помолвка Лжедмитрия с дочерью воеводы Мариной Мнишек. Несколько позднее с новоявленного царевича взяли письменное обязательство по вступлении на престол выдать Юрию Мнишку миллион польских злотых, уступить ему же земли Смоленскую и Северскую, а его дочери Марине предоставить в личное владение Новгород и Псков.

В марте 1604 г. самозванец получил аудиенцию у польского короля Сигизмунда III, которому за признание его законным наследником русского престола обещал помощь в борьбе со Швецией. В это же время Лжедмитрий пишет письмо папе Клименту VIII. Он дает обещание католической церкви быть верным ее сыном и ввести католическую веру в Русском государстве.

Так была подготовлена военная кампания против Русского государства. В интересах конспирации Сигизмунд не предоставил Лжедмитрию частей регулярного польского войска, но разрешил набирать добровольцев среди польской шляхты. Значительную часть сил самозванца на первых порах составили запорожские казаки.

В августе 1604 г. войско Лжедмитрия выступило из Львова к русской границе. При переправе через Днепр его силы насчитывали до 20 тыс. человек, из которых обученные военному делу польские шляхтичи составляли хотя и незначительную численно (не более 2 тыс. человек), но очень важную в боевом отношении часть. По мере продвижения в глубь русской территории отряды самозванца быстро росли за счет повстанческих крестьянских отрядов.

Лжедмитрий умело использовал «царистские» настроения народных масс, их веру в «хорошего» царя и не скупился на обещания «все православное христианство в тишине и в покои в благоденственном житии жити учинити». Использование крестьянского движения послужило главной причиной успехов Лжедмитрия I.

Без боя сдались самозванцу приграничные города Моравск и Чернигов. Враждебное отношение некоторых воевод к Б. Годунову привело к быстрому переходу ряда городов на сторону Лжедмитрия. Лишь Новгород-Северск, где воеводой был близкий Годунову П. Ф. Басманов, оказал упорное сопротивление. Но и этот город пал в декабре 1604 г. Затем последовала сдача правительственными войсками Путивля, Рыльска, Севска, Курска и Кром. Путь самозванца не был, однако, сплошь гладким. Несмотря на полученные подкрепления в лице большого отряда украинских казаков, войску самозванца воеводами Годунова был нанесен сокрушительный удар под Добрыничами. Самозванец отступил к Путивлю. Преследованию его войска помешала развернувшаяся здесь крестьянская война. Не дала успеха и осада правительственными войсками Кром, обороной которых руководил донской атаман Корела. Вся Комарицкая волость перешла на сторону самозванца. Комарицкой волостью в начале XVII в. назывался район между городами Путивлем и Кромами. Центром волости был г. Севск. Имея многочисленное крестьянское население, преимущественно черносошное, Комарицкая волость стала одним из главных центров восстания крестьян в период продвижения к Москве Лжедмитрия I. Есть основания полагать, что ненависть комаричан к Годунову была связана с передачей в царствование Федора Ивановича Комарицкой волости из дворцового управления непосредственно во владение Годунова, что, вероятно, и получило отражение в словах известной «Комаринской» песни:

Ах ты, сукин сын, комаринский мужик,
Не хотел ты свойму барину служить.

Годунов жестоко отомстил жителям Комаринской волости за их переход на сторону Лжедмитрия. По приказу Бориса Годунова правительственные войска расправились с населением области самым беспощадным образом: убивали, топили и жгли, не исключая женщин и детей: «Всяк возраст человеческ и скот бессловесный мечу и огню предаша и здания их в прах в пепел превратиша»,— с явным осуждением жестокостей пишет автор одного из хронографов. Репрессии лишь усилили в народе ненависть к правительству Годунова и ускорили победу самозванца. Вновь один город за другим стал переходить на его сторону.

В Москве широкие круги населения искренне верили в истинность Лжедмитрия и с нетерпением ждали его прихода, радуясь известиям о победах самозванца и, наоборот, сокрушаясь по поводу каждой его неудачи.

В апреле 1605 г. при загадочных обстоятельствах скончался

Годунов. Престол был передан его сыну Федору и царице-вдове. В Москве тотчас же вспыхнуло волнение среди населения слобод и посадов. Выступление городских масс против Годуновых вылилось в восстание против бояр, купечества и зажиточных кругов посада.

Смерть Годунова послужила толчком к переходу на сторону Лжедмитрия царских воевод, осаждавших Кромы — братьев Голицыных, Салтыковых и Басманова. Путь к Москве для войск Лжедмитрия был открыт. 1 июня в Москве появились с «прелестными грамотами» посланцы Лжедмитрия — Григорий Пушкин и Наум Плещеев. С лобного места на Красной площади была прочтена его грамота к москвичам. И в тот же день, когда по словам одного источника, «на Москве бояре и всякие люди растриге крест целовали. . .» «и тово ж дни в субботу миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Так народ по-своему понял призывы Лжедмитрия к борьбе против Годуновых, как призыв к выступлению против эксплуататоров в целом. Недаром, по словам современника Исаака Массы, бояре в Москве «чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или дмитриевцев».

Появление агентов Лжедмитрия привело к усилению восстания в Москве. Этим воспользовались представители московской знати для расправы с Годуновыми. Федор и его мать были задушены. Патриарха Иова, как сторонника Годунова, свели с патриаршего престола.

20 июня 1605 г. в Москву въехал Лжедмитрий, сопровождаемый польской шляхтой и казаками. Мать убитого в Угличе царевича Дмитрия, Мария Нагая, много лет прожившая в монастыре под именем инокини Марфы, под давлением близких к самозванцу бояр признала в нем своего сына. Были сосланы сторонники и родственники Годунова, а из ссылки возвращены его противники — Романовы, Нагие и другие лица, которых одарили имениями и предоставили почетные должности при дворе.

Внутренняя и внешняя политика Лжедмитрия I

Положение Лжедмитрия с первых же дней пребывания на русском престоле оказалось непрочным. Он был лишен определенной социальной опоры. Та часть боярства, которая ожидала его прихода в Москву для того, чтобы расправиться с Годуновыми, достигнув своей цели, вовсе не имела желания далее поддерживать самозванца. Более того, тотчас же по приезде Лжедмитрия в узком кругу боярской аристократии возник заговор против ставленника польской шляхты. Заговор возглавляли бояре Шуйские. Духовенство тоже было враждебно к Лжедмитрию и выражало недовольство высокими денежными поборами, которые новый царь, нуждаясь в деньгах для расчетов с польскими панами, собирал с монастырей.

Не дала успеха и попытка самозванца привлечь на свою сторону широкие круги служилых людей — дворянства. С этой целью Лжедмитрий I осуществил ряд внутриполитических мероприятий крепостнического характера, о чем говорят его указы о холопах и крестьянах. Указ 7 января 1606 г. восстанавливал формы кабальной зависимости, установленные указом 1597 г. Указ 1 февраля 1606 г. касался бегства крепостных крестьян и отказывал в иске о возврате беглых лишь тем феодалам, которые не хотели кормить крестьян в голодные годы и вынудили их к побегу под угрозой смерти от голода. В этой своей части указ брал под защиту интересы помещиков южных и юго-западных окраин государства, куда в большинстве своем бежали крестьяне и холопы в голодные годы. Таким путем Лжедмитрий I пытался отблагодарить украиных помещиков за поддержку, оказанную ему. В интересах же дворян было проведено в 1606 г. увольнение из армии недворянских элементов.

Народные массы оказались обманутыми в своих надеждах на «хорошего царя».Местами начинают возникать очаги нового восстания. Не рискуя быть свергнутым с престола, Лжедмитрий I тянул с выполнением обещаний передачи русских земель польскому королю и панам. Точно так же, выступая перед Римским папой с поддержкой проекта организации похода европейских государей против турок, он предпочитал до поры до времени молчать о введении католичества на Руси. Все это вызывало крайнее раздражение и польского короля Сигизмунда III и вновь избранного папы Павла V. Но ни тот, ни другой не собирались выпускать самозванца из своих рук. Большие надежды папа и король возлагали на брак Марины Мнишек и Лжедмитрия. 2 мая 1606 г. состоялся торжественный въезд Марины в русскую столицу в сопровождении почти двух тысяч вооруженных с ног до головы шляхтичей. Паны и шляхта вели себя в Москве как в завоеванном городе, бесчинствовали, грабили и убивали москвичей, оскорбляли их религиозные и национальные чувства.

Народное восстание в Москве. Свержение Лжедмитрия

Для широких кругов народа стало ясно, что русским престолом овладел не «истинный» царевич, а ставленник Польши. Особое возмущение населения Москвы вызвала свадьба Лжедмитрия и Марины, устроенная не по русскому обычаю. Свадебные торжества длились более недели. В ночь на 17 мая 1606 г. по колокольному набату против интервентов поднялась вся Москва. Лжедмитрий пытался бежать, выпрыгнул из окна дворца, повредил себе ногу, был схвачен и убит. Народный гнев обратился на польскую шляхту. В течение нескольких часов было убито свыше двух тысяч поляков. Как сообщает один из очевидцев этих событий, «народ московский, без согласия великих бояр бросился на поляков и многих бояр, боярынь, многих благородных детей и многих воинов умертвил и отнял у них имущество и оружие их. Великие бояре и дьяки двора и писцы с великим трудом и усилием успокоили неразумный народ,

так как он намеревался стереть с лица земли всех пришедших из Польши». Эта запись хорошо вскрывает различный характер отношения к интервентам бояр и народных масс. Лишь небольшой части поляков удалось спастись, в том числе Юрию Мнишку и его дочери Марине, которые позднее были высланы в Ярославль. Бояре поспешили захватить власть в свои руки. 12 мая на Красной площади был «выкрикнут» в цари своими сообщниками Василий Шуйский.

Первая попытка иностранной интервенции путем поддержки самозванца покорить Русское государство кончилась провалом. Русский народ показал свою волю к борьбе за национальную независимость.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ И. И. БОЛОТНИКОВА.

Начало восстания

Восстание крестьян, холопов и посадских людей против усилившегося в конце XVI — начале XVII вв. феодально-крепостнического гнета, начавшееся с восстания под предводительством Хлопка, не прекращалось в последующие годы, получив наиболее яркое выражение в выступлениях народных масс против правительств Годунова и Лжедмитрия I. К середине 1606 г. отдельные народные восстания вылились в крестьянскую войну под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. Болотников был холопом князя Телятевского, в молодости бежал от него в степь к казакам, был взят в плен татарами, продан в рабство в Турцию, где работал на галерах в качестве невольника. В одну из войн он был захвачен немецкими войсками, доставлен в Венецию, а оттуда через Германию и Польшу вернулся в Россию. Долгие скитания и тяжелые испытания, выпавшие на долю Болотникова, выработали в нем мужественного и энергичного борца за свободу. Обладая качествами выдающегося вождя и военного предводителя, Болотников встает во главе начавшегося на юго-западных границах народного восстания. И русские и иностранные авторы, очевидцы событий того времени, единодушно признают Болотникова предводителем, главой восставших. Исаак Масса называет Болотникова «отважным витязем», «отважным воином» и подчеркивает, что Болотников был «отважен и храбр на войне». Сведущим в военном деле считает Болотникова и архиепископ Елассонский Арсений. Русские источники, не скрывая ненависти к вождю крестьян и холопов, называют Болотникова «большим заводчиком всей беде», «начальником сонму сему лукавому», «полководцем» и т. д.

На начальном этапе восстание имело два исходных пункта — Путивль и Елец. Болотников начал свой поход на Москву из Путивля через Комарицкую волость, которая была уже охвачена восстанием и стала одним из основных центров крестьянской войны. Попытки воеводы Трубецкого, посланного В. Шуйским, захватить важный пункт на пути в столицу — Кромы, не имели успеха. Дру-

гому воеводе, Воротынскому, не удалось взять Елец, находившийся в руках восставших. Таким образом, план В. Шуйского — подавить восстание в его начальной стадии — осуществить не удалось. Болотников разгромил царские войска под Кромами, в результате чего воеводы Шуйского вынуждены были отступить к Орлу, а район восстания достиг Калуги. Вслед за этим Истома Пашков, возглавлявший отряды восставших в Ельце, нанес сокрушительное поражение царским войскам под Ельцом. Разбитые отряды воеводы Воротынского отступили к Туле.

Крестьянские отряды, преследуя отступающие царские войска, продвигались к Москве по двум направлениям: Кромско-Калужскому и Елецко-Тульскому. Калуга стала центром сосредоточения войск Шуйского, которые стягивались сюда со всех сторон для нанесения решительного удара восставшим. Однако и здесь под Калугой, при впадении р. Угры в Оку, войска Болотникова 23 сентября 1606 г. одержали победу над отрядами брата царя — Ивана Шуйского. Успех под Калугой привел к распространению восстания на район Брянска и Смоленских городов, где на сторону восставших перешли Вязьма и Можайск. Восстанием были охвачены и тульско-рязанские города. Тульско-Рязанский район отличался широким развитием помещичьего землевладения и большим крестьянским населением, чем и объясняется, что тульско-рязанские города и села стали важнейшим центром крестьянской войны, в особенности на втором ее этапе. К отрядам крестьян и холопов примкнули выступившие против Шуйского как боярского царя тульские и рязанские помещики во главе с Прокопием Ляпуновым и Григорием Сумбуловым. Они были лишь временными попутчиками крестьянского восстания, преследуя в этом движении свои классовые цели.

Отряды восставших успешно продвигались все далее к Москве, нанося удар за ударом правительственным войскам.

Осада Москвы

Воеводам Шуйского ничего не оставалось другого, как отступить к Москве и запереться в ее стенах. 7 октября 1606 г. отряды Истомы Пашкова подошли к Москве и осадили ее. 28 октября достигла Москвы основная часть войска восставших во главе с И. Болотниковым, которому удалось разбить посланные ему навстречу по Серпуховской дороге отряды воевод Федора Мстиславского и Дмитрия Шуйского[1]. И. Болотников стал лагерем в селе Коломенском. К этому времени территория, охваченная восстанием, включала около семидесяти городов южных и юго-западных районов государства и Среднего поволжья — от Нижнего Новгорода до Казани. Восстания против зажиточных верхов посада имели место и в ряде окраинных городов — Вятке, Перми, Пскове и Астрахани.

Основной движущей силой восстания И. Болотникова были

[1] В литературе имеется (на наш взгляд ошибочная) точка зрения, согласно которой отряды Болотникова и Пашкова подошли к Москве одной дорогой и одновременно — в конце октября 1606 г.

крестьяне и холопы. «Новый летописец» так определяет состав участников восстания: «Собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посацкие люди, и стрельцы, и казаки». На первом месте здесь справедливо поставлены холопы (боярские люди) и крестьяне; остальные группы, участие которых в восстании не вызывает никаких сомнений, названы лишь присоединившимися. Состав участников восстания и первенствующая роль в нем крестьян и холопов определяли его классовую направленность как восстания антифеодального и антикрепостнического.

Двухмесячная осада Москвы Болотниковым (7 октября—2 декабря 1606 г.) была временем наивысшего подъема восстания. Под ударом со стороны восставших оказалась столица государства и осажденное в ней правительство крепостников с его военными силами. Положение правительства Василия Шуйского стало крайне непрочным.

В обстановке осады все более разгоралось движение низов самой Москвы. Болотников знал об этом и посылал в Москву «листы» с призывом к расправе с феодалами: «побивати своих бояр... гостей и всех торговых людей» и «животы их грабити». «Листы» вскрывают социальные и политические требования Болотникова: уничтожение феодальной собственности, крепостнических отношений и свержение правительства В. Шуйского с заменой его хорошим «царем Дмитрием». Здесь вновь сказалась царистская идеология народных масс.

Положение в осажденной Москве становилось все тяжелее. Очевидцы отмечали рост цен на хлеб, рознь между боярами, но прежде всего недовольство бояр и дворян и «всей земли» царем Шуйским. Чтобы укрепить положение в Москве и предотвратить восстание, Шуйский прибегал к помощи церкви. Церковь использовала все средства воздействия на массы: проповеди, церковные обряды, публицистику. Особую роль в идеологической борьбе с Болотниковым играли грамоты патриарха Гермогена, в которых он призывал «всех православных христиан» на борьбу с восставшими, изображая их как людей, отступивших «от бога и от православныя веры и повенулись сатане и дьявольским четам». Патриарх всячески старался оклеветать восставших, представить их грабителями и нарушителями основ морали, жаждущими крови. В Москве появляется написанная в церковных кругах «Повесть о видении некоему мужу духовному», изображающая восстание как наказание, посланное богом за грехи общества. Повесть призывала к объединению народа вокруг царя.

Используя неоднородность состава сил Болотникова, тот факт, что наряду с крестьянами и холопами, которых было большинство, в лагере восставших имелись дворянско-помещичьи отряды Г. Сумбулова и П. Ляпунова и пестрые по составу отряды И. Пашкова, Шуйский завязывает тайные сношения с отдельными военачальниками из войска Болотникова с тем, чтобы перетянуть их на свою сторону. Этот разрыв с дворянской частью войска назревал в ла-

гере Болотникова и изнутри, в силу непримиримости классовых позиций крестьян и помещиков. 15 ноября 1606 г. «рязанцы» во главе с Сумбуловым и Ляпуновым перешли на сторону Шуйского. В таких условиях Болотников стремится перерезать дорогу, ведущую из Москвы в Ярославль с целью установить полное окружение Москвы. Шуйский предпринимает контрнаступление. Сражение произошло 27 ноября на правом берегу Москвы-реки, в Замоскворечье, и закончилось победой Шуйского. В ходе сражения на сторону царя перешел Истома Пашков с дворянской частью своего отряда. Эта измена послужила одной из причин поражения Болотникова. Заметную роль в победе Шуйского сыграл отряд стрельцов, пришедший с Двины. Вскоре Шуйский получил новые подкрепления в лице смоленских и ржевских дворянских полков, пришедших на выручку царю. Так соотношение сил заметно изменилось в пользу царя. Воеводы Шуйского наметили новый удар по укрепленной части лагеря Болотникова, селу Коломенскому, направив туда до 100 тыс. войска. Болотников, не желая быть в осаде, вышел навстречу. Сражение между основными силами восставших и царскими войсками произошло 2 декабря 1606 г. у деревни Котлы, по дороге на Тулу. Болотников потерпел поражение, отступил в Коломенское, некоторое время выдерживал осаду за крепкими укреплениями села, но когда воеводам удалось поджечь укрепления, отряды восставших покинули Коломенское и отступили к Серпухову, а затем к Калуге. Поражение Болотникова 2 декабря 1606 г. явилось переломным моментом в ходе восстания. Блокада Москвы была снята, а инициатива в ходе событий перешла в руки воевод Шуйского. Однако до полной победы над восставшими было еще далеко.

Оборона Калуги. Движение в Поволжье

Один из братьев царя — Дмитрий Шуйский — стал преследовать отряды восставших, но сам дважды потерпел поражение. Узнав об этом, Шуйский направил под Калугу, где были сконцентрированы основные силы Болотникова, войско во главе с другим своим братом, Иваном. Хотя он и осадил Калугу, добиться сколько-нибудь решительных успехов не удалось. В январе 1607 г. под Калугу были посланы новые войска под предводительством трех воевод, в числе которых был молодой талантливый военачальник М. В. Скопин-Шуйский. Воеводы пытались поджечь деревянный Калужский острог при помощи «примета»[1]. Однако Болотникову с помощью подкопа за пределами стен острога удалось подойти под «примет» и взорвать его, уничтожив таким образом и само сооружение и отряды, следовавшие за ним. Воспользовавшись паникой в стане врага, вызванной взрывом «примета», Болотников тут же осуществил вылазку и нанес сильный удар по войскам, осаждавшим Калугу.

Неудачи царских войск под Калугой объясняются не только личными качествами И. Болотникова как военачальника, но и тем,

[1] «Примет» — деревянное сооружение, которое подводилось под стены деревянной крепости, а затем зажигалось для того, чтобы вызвать пожар.

что весь район к югу и юго-западу от Москвы был в начале 1607 г. в руках восставших крестьян и холопов. Шуйскому пришлось посылать отдельные отряды под многие города этого района. Однако из многих осажденных царскими войсками городов к весне 1607 г. удалось занять лишь один Серпухов.

На период высшего подъема восстания Болотникова приходится размах народного движения в Среднем Поволжье. Среднее Поволжье было многонациональным по составу населения районом и потому движение здесь имело ряд особенностей. В числе восставших в Поволжье были русские крестьяне, холопы, которые придавали движению антифеодальный характер; участие же в борьбе местных народов — мордвы, мари, чувашей, татар придавало ей национальный характер. В движении участвовали, нередко в качестве предводителей отдельных отрядов, местные русские помещики и представители феодальных верхов народов Поволжья. Крупнейшим событием восстания в Поволжье была осада Нижнего Новгорода объединенными силами крестьян, холопов, бортников и отрядов мордвы. В конце 1606 г. Шуйский направил в Поволжье карательные отряды. Им удалось на время подавить движение, снять осаду Нижнего Новгорода и привести к покорности ряд городов. Замирение Поволжья, хотя и временное, обеспечило правительству дальнейшее развертывание борьбы с Болотниковым.

Важным моментом крестьянской войны этого периода явилось движение самозванца казака Илейки Муромца, который зимовавшими на Тереке казаками был объявлен сыном царя Федора Ивановича «царевичем» Петром[1]. Возглавив отряд из беднейшей части терского казачества, Илейка Муромец, нареченный именем вымышленного царевича, направился к Москве бить «лихих бояр». Дойдя до Свияжска, затем повернув на Волгу, а с Волги на Дон, отряд «царевича» Петра после долгих скитаний обосновался в Путивле. Отсюда была установлена связь с Болотниковым и началась совместная борьба против сил В. Шуйского.

В начале февраля 1607 г. воевода «царевича» Петра князь Телятевский нанес поражение одному из воевод царя под Веневым. После победы войска «царевича» Петра разделились на две части, одна из которых направилась к Туле, а другая —к Калуге на помощь осажденному Болотникову. Воеводам Шуйского удалось на р. Вырке разбить отряд «царевича», направлявшийся к Калуге. Сражение на Вырке носило ожесточенный характер. Отряды восставших «оградишася санми, бе бо зима настоящи, и связаша кони и сани друг за друга, дабы никто от них не избег». А когда победа все же оказалась на стороне царского войска, оставшиеся в живых из отряда «царевича» Петра мужественно и стойко предпочли смерть плену: «достальные ж воры многие на зелейных бочках сами сидяху и под собою бочки с зельем зажгоша и злою смертию помроша». В то же самое время другое поражение, на этот раз непо-

[1] В действительности у царя Федора сыновей не было.

средственно силам Болотникова, было нанесено у острога Серебряные Пруды. Вскоре, однако, восставшим удалось взять реванш двумя не меньшего значения победами над царскими войсками. Первая из них была достигнута под Тулой, когда князь Телятевский, воевода Петра, нанес поражение воеводе Воротынскому, посланному для разгрома второго центра восставших — Тулы. Вторая победа над воеводами Шуйского была одержана под Дедиловом. Вслед за этим «царевич» Петр направил к Калуге на помощь осажденному Болотникову новые силы во главе с победителем под Тулой князем Телятевским. Навстречу Телятевскому вышли крупные силы правительственных войск. Битва произошла под Калугой у села Пчельни 3 мая 1607 г., в которой войска Шуйского были разбиты наголову и, как говорит один иностранец, описавший эти события, «с великим ужасом прибежали в свой лагерь под Калугу». Добиться победы Телятевскому помогли отряды казаков, взятых в плен под Коломенским 2 декабря 1606 г. и позднее включенных в войско Шуйского, а теперь перешедших на сторону восставших.

Вслед за победой на Пчельне Болотников осуществил вылазку из Калуги и с такой силой ударил по осаждающим город войскам, что те, по свидетельству очевидцев, с великим страхом и ужасом бежали к Москве. Создалось благоприятное положение для нового похода на Москву, так как дорога туда была открыта. Болотников, однако, по неизвестной причине этим не воспользовался. Он покинул Калугу и перешел в Тулу, где объединился с «царевичем» Петром. Объединение сил восставших, возможно, и было целью перехода Болотникова из Калуги в Тулу. Тула, кроме того, как крепость, укрепленная каменным кремлем, имела большие преимущества перед деревянной крепостью Калуги. То обстоятельство, что Болотников не только вновь не пошел на Москву, но и отошел от нее еще далее, дало возможность Шуйскому выиграть время и накопить новые силы.

Крепостническая политика правительства Василия Шуйского

Важнейшей задачей внутренней политики правительства Шуйского было объединение сил господствующего класса, бояр и служилых людей — дворян, для решительной схватки с классовым врагом. Шуйский не скупился на выдачу земельных и денежных пожалований помещикам за участие в боях против Болотникова, «за раны», «за кровь», «за смерть». Встречаются в источниках указания о вознаграждении служилых людей «за убитые мужики», т. е. за убитых дворянами «мужиков» из войска Болотникова. В отношении же тех дворян, которые уклонялись от военной службы в период борьбы с Болотниковым (а таких было немало), Шуйский применял различные репрессии. Некоторая же часть дворян, враждебно настроенная против боярского царя, боролась на стороне Болотникова.

Другим важным вопросом внутренней политики правительства Шуйского был вопрос о крестьянах и холопах. Если, с одной стороны, на пути решения этого вопроса Шуйский искал средств при-

мирения интересов различных групп господствующего класса и объединения их сил вокруг правительства, то, с другой стороны, целью законодательства о холопах было внести разложение в лагерь восставших путем поощрения перехода холопов на сторону правительственных войск. С такой целью допускалась выдача отпускных тем холопам, которые являлись с повинной из лагеря Болотникова. Указом 7 марта 1607 г. «о добровольных холопах» восстанавливалось право добровольной службы во дворе господина свыше полугода без оформления кабальной записи, которое было отменено указом 1597 г. Но в то же самое время в качестве одной из мер вознаграждения дворян за участие в борьбе с Болотниковым Шуйский практиковал выдачу им пленных холопов.

В большей мере целям консолидации сил господствующего класса служила политика Шуйского в крестьянском вопросе. В период восстания Болотникова бегство крестьян от феодалов стало массовым. Рост побегов крестьян обострил борьбу за рабочие руки между различными группами феодалов. С целью сгладить противоречия и, главным образом, идя навстречу запросам широких слоев землевладельцев-помещиков, Шуйский Уложением 9 марта 1607 г. ввел пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян и узаконил право на крестьян по писцовым книгам 1591—1592 гг.

В результате всех мероприятий правительству Шуйского удалось достичь значительных результатов на пути объединения сил класса феодалов для борьбы с восставшими крестьянами и холопами, но эти результаты были далеко не полными. Немалая часть феодалов продолжала уклоняться от службы и борьбы с Болотниковым, а некоторая часть из них до конца оставалась на стороне восставших.

Оборона Тулы. Конец восстания

Поражение правительственных войск под Калугой крайне обострило обстановку в Москве. Для Шуйского был только один выход — направить все возможные силы против центра восстания — Тулы. В тульском походе, который начался 21 мая 1607 г., участвовал сам царь. Этим подчеркивалось особое значение похода. Первым крупным пунктом сосредоточения правительственных войск был Серпухов. Болотников, не желая упустить инициативу, обошел Серпухов и направился на Каширу с тем, чтобы нанести удар более слабым силам царя в Кашире и, в случае успеха, пойти на Москву. Шуйский немедля послал подкрепления в Каширу. Битва произошла 5—7 июня 1607 г. на р. Восме, в Каширском уезде. Поражение понесли войска Болотникова. Возможность похода восставших на Москву была устранена. Болотников, однако, сделал попытку приостановить продвижение царских войск к Туле, навязав им сражение на подступах к городу, на р. Вороньей. Потерпев и здесь поражение, он отступил под защиту тульских крепостных стен. Началась осада Тулы. Несмотря на то, что сил у осажденных (по свидетельству современников, насчитывалось более 20 тыс. человек) было значительно меньше, чем у воевод Шуйского под Тулой, осада города продолжалась целых четыре месяца. Причиной тому были героизм, самоотвержен-

ность и высокие боевые качества осажденных. Отсиживаясь за двумя рядами тульских укреплений, внешнего, состоящего из дубовых стен, и внутреннего в виде каменного кремля, осажденные неоднократно отбивали приступы врага, нанося ему чувствительные потери. По свидетельству одного из хронографов, «ис Тулы вылоски были на все стороны на всякой день по трожды и по четыреже, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали».

Для поднятия боевого духа войск Шуйский лично прибыл со своим двором под стены Тулы. Присутствие царя, однако, не помогло. Все попытки взять город штурмом были отбиты. Одновременно с осадой Тулы Шуйский посылал отряды против ряда городов с целью изолировать Тулу от прилегающего к ней района, находящегося в руках восставших. Царским воеводам пришлось отказаться от бесплодных попыток взять Тулу штурмом. Тогда некий дворянин Кровков предложил царю способ «водного потопления» Тулы. На реке Упе, протекающей через город, ниже города была построена плотина. Поднявшаяся вода затопила город. В Туле начался голод. Но мужество осажденных, и прежде всего Болотникова, осталось непреклонным. Голландский писатель Э. Геркман, современник описываемых событий, сообщает, что когда часть находящихся в осаде начала роптать на тяжелое положение и требовать сдачи города, Болотников сказал: «Если Вам нечем будет питаться, то я лучше всего сделаю, если предоставлю Вам свой труп. Таким образом день за днем он удерживал их, пока они, измученные голодом, не стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями».

Энергией и мужеством Болотников поддерживал стойкость защитников осажденной Тулы, ведя одновременно беспощадную борьбу с войсками Шуйского. В Туле были свои органы власти — суд и тюрьмы, направленные против классовых врагов. Помещиков, попавших в плен, подвергали следствию и суду, пыткам, заключали в тюрьму и стремились забрать у них запасы хлеба для голодающих в Туле. Яркую картину своих бедствий рисует один тульский помещик, попавший в плен к осажденным «мужикам»: «А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки... да вкинули в тюрму... Седел 19 недель, а вон ис тюрмы глядел. А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе... А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился: не много у меня ржи, нет во мне лжи... И они того не знают, больше того пытают». Между тем к осени 1607 г. положение Шуйского ухудшилось. Затянувшаяся осада Тулы вызвала недовольство и разложение в лагере осаждавших. Наряду с этим крестьянская война продолжалась в значительной части районов страны. Она даже усилилась с тех пор, как в июле 1607 г. в г. Стародубе появился новый самозванец, провозгласивший себя «царем Дмитрием». Новый ставленник панской Польши так же, как и его предшественник, пытался использовать в своих целях веру масс в «хорошего царя». Со своими отрядами Лжедмит-

рий II стал двигаться из Стародуба к Туле. Шуйский начал переговоры с вождями восстания об условиях капитуляции Тулы. Он даже не остановился перед обещанием сохранить жизнь Болотникову и «царевичу» Петру. Состоявшееся соглашение о сдаче Тулы было скреплено торжественной клятвой Шуйского. 10 октября 1607 г. Тула открыла свои ворота. Вопреки клятве царя, Болотников и «царевич» Петр были схвачены и увезены в оковах в Москву. «Царевича» Петра вскоре повесили. Позднее, в 1608 г., наступила расправа с И. Болотниковым. Его отправили в Каргополь, где ослепили и утопили.

Падение Тулы означало конец восстания под предводительством Ивана Болотникова.

Причины поражения восстания Болотникова

Причины поражения восстания И. Болотникова кроются в стихийном характере восстания крестьян и холопов. Сама по себе стихийность восстания объясняется исторической незрелостью, низким уровнем экономического и политического развития крестьянства как класса в эпоху крепостничества. Выступая против феодального гнета, крестьяне не были в состоянии выработать достаточно определенную программу борьбы и будущего политического строя, который мог бы соответствовать их классовым интересам. Они боролись против феодальной собственности на землю, за свободное от эксплуатации крестьянское землевладение, за более справедливый социальный строй, но представляли его по образцу существующих общественных отношений — с царем во главе, наивно полагая, что этот царь в отличие от ныне правящего должен быть «хорошим царем». Наивная вера в «хорошего царя», царистская психология крестьянства была идеологической формой проявления той же стихийности и классовой незрелости крестьянства. Стихийность проявлялась и в разобщенности крестьянства, в отсутствии единства в действиях против общего врага.

Эти особенности крестьянского восстания объясняются положением крестьян в производстве, которое характеризуется крайней разобщенностью производителей, их подавленным, угнетенным состоянием.

В. И. Ленин, отмечая зависимость крестьянских движений от общественного строя при крепостничестве, писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».[1]

Эта фраза отнесена В. И. Лениным к характеристике крестьянского движения более позднего времени, чем время восстания Болотникова. Но она справедлива в отношении восстаний крестьян всего периода крепостничества, поскольку основные черты положения крестьян и их движений оставались теми же на протяжении всей феодальной формации. Что касается до помощников и братьев,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

которые могли бы возглавить движение крестьян, то их не было и у крестьян в начале XVII в. Такой силой в интересующее нас время мог быть только город, но русский город (посад) в начале XVII в. был еще очень слаб экономически и политически и так опутан феодальными отношениями, что о его передовой роли в восстаниях не могло быть и речи. Посадские люди приняли активное участие в восстании Болотникова, но ни по характеру, ни по идеологии их движение ничем не отличалось от движения крестьян.

Наоборот, стихийной и разобщенной силе восставшего крестьянства противостоял политически организованный, опирающийся на мощь крепостнического государственного аппарата, класс феодалов. Силы были не равны. И крестьяне потерпели поражение.

Все указанные особенности крестьянского движения легко проследить в ходе восстания Болотникова. Локальный характер движения объясняет, почему отсутствовала прочная и постоянная связь отдельных мест восстания с центром и его руководителями. В организационном отношении военные силы Болотникова представляли собою простое соединение отдельных отрядов и групп со своими военачальниками, далеко не во всех случаях подчинявшимися Болотникову. По социальному составу отряды восставших так же отличались заметной пестротой: холопы, крестьяне, казаки, посадские люди, дворяне и даже отдельные бояре и князья. Измена дворянских отрядов во главе с П. Ляпуновым и Г. Сумбуловым, а затем И. Пашкова в ходе боев под Москвой в момент наивысшего подъема восстания явилась одной из непосредственных причин поражения восстания Болотникова. Отрицательную роль в ходе восстания сыграла наивная вера восставших, не исключая самого Болотникова, в «царя Дмитрия», прихода которого они упорно ждали и под Москвой и в Туле, полагая, что «царь Дмитрий» сможет обеспечить им успех борьбы против В. Шуйского. Эта вера в «хорошего царя»» сковывала энергию масс, подрывала их активность, уводила в сторону от той истины, что только собственными силами они могут добиться победы в борьбе против феодального гнета.

Значение восстания Болотникова

Восстание Болотникова было подавлено феодалами, но оно сыграло видную роль в истории борьбы русского народа против эксплуататоров. Это была исторически первая крестьянская война громадных масштабов, захватившая огромную территорию государства и вовлекшая в свое русло почти весь угнетенный народ. Заслугой восставших является то, что они поставили исторически прогрессивную задачу уничтожения феодального гнета. И хотя в силу определенных объективных обстоятельств эта задача не была решена, восстание все же нанесло сильный удар по устоям крепостнического режима.

Феодальное правительство в течение целого полустолетия не решалось затянуть до конца петлю крепостнической неволи на шее народа путем отмены урочных лет и сделало это только по Уложению 1649 г.

В ходе восстания значительно выросла и окрепла дружба народов России, совместно боровшихся за свое освобождение от феодального гнета.

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ И ИХ СТАВЛЕННИКОМ ЛЖЕДМИТРИЕМ II.

Лжедмитрий II. Тушинский лагерь

Едва Шуйскому удалось подавить восстание И. Болотникова, как перед ним встала задача борьбы с новым ставленником польской шляхты Лжедмитрием II. Новая скрытая интервенция, как и во главе с Лжедмитрием I, получила полную поддержку римского папы. Не случайно польско-литовская иезуитская клика, ставя целью политическое, культурное и религиозное подчинение русского народа, выдвинула второго самозванца в тяжелый для России момент, когда царские войска осаждали Тулу. Россия перед этим пережила годы неурожая и голода, сильно подорвавшие ее экономику. Еще более тяжелые испытания выпали на долю Русского государства в ходе боев с Лжедмитрием I и в период его царствования. Казна была опустошена. Нормальная хозяйственная жизнь нарушена. Почти все уезды юга, юго-запада России и Поволжья были разорены. Более или менее нормальная хозяйственная жизнь протекала в уездах Замосковья, севера и северо-востока страны. Последовавшая затем крестьянская война резко подорвала боярское и помещичье хозяйство и ослабила политическую силу господствующего класса. Следствием этого явилось ослабление дворянской армии, ее разложение, выразившееся в массовом дезертирстве дворян из армии Шуйского.

Поражение восстания Болотникова не прекратило борьбы крестьян и холопов против феодалов-крепостников. Классовая борьба в стране продолжалась. Упорное сопротивление войскам Шуйского оказывали города Псков, Астрахань, Калуга, Козельск и Брянск. Едва успел Шуйский вернуться в Москву из Тулы, как возникли новые повстанческие отряды и борьба крестьян и холопов против бояр и помещиков разгорелась с новой силой. Всеми этими особенностями обстановки в России решили воспользоваться организаторы интервенции, затевая новую авантюру с Лжедмитрием II. Один из главных руководителей интервенции Ян Петр Сапега заявлял об этом с неприкрытым цинизмом: «За три года перед сим вооруженною рукою мы посадили на русский престол бродягу под именем сына Ивана Грозного; теперь в другой раз даем русским нового царя и уже завоевали для него половину государства. Пусть их лопнут с досады: оружием и силою сделаем, что хотим». Почти все польские источники свидетельствуют о том, что Лжедмитрий II был подготовлен правящими кругами в Польше. В расчете на поддержку народных масс самозванец объявил себя царевичем Дми-

трием, якобы «чудесно» спасшимся от погрома в мае 1606 г. Однако в отличие от первого самозванца, Лжедмитрию II в меньшей мере удалось опереться на поддержку народа. Опыт с его предшественником не прошел бесследно. Значительно большую роль в движении Лжедмитрия II играла вооруженная польская шляхта. Для него собирали войска украинский магнат Рожинский и Ян Петр Сапега, родственник литовского канцлера. Но главную роль в подготовке самозванца играл пан Меховецкий. Король Сигизмунд III оказывал самозванцу полное содействие. Опираясь на польское войско, Лжедмитрий II в сентябре 1607 г. вышел из Стародуба к Туле, но, узнав о падении Тулы, в панике бежал назад. Получив подкрепление из Польши, самозванец двинулся в центр государства через районы, охваченные крестьянским движением. Ненависть народных масс к правительству Шуйского и новое обострение классовой борьбы толкнули широкие массы на сторону второго самозванца. Под Болховом в мае 1608 г. он одержал победу над царскими войсками. В результате битвы Шуйский был почти полностью лишен армии. После Болхова многие города встречали Лжедмитрия хлебом и солью. В июне Лжедмитрий II подошел к Москве. Попытка взять Москву лобовым ударом не дала успеха. Пришлось перейти к планомерной осаде столицы.

Центром расположения войск Лжедмитрия II стало село Тушино. Сюда подходили новые отряды польских войск, в том числе отряды панов Зборовского, Млоцкого, Яна Петра Сапеги и других. Основную опору «тушинского вора» составляли шляхетские польские отряды. В этом и состояла особенность второго этапа скрытой польской интервенции. Численность польских солдат в России достигала 40 тысяч.

Лжедмитрий II был в переписке с Юрием Мнишком, находившимся в Ярославле в качестве пленника царя. Когда по соглашению России с Польшей семейство Мнишков направлялось на родину, Юрий Мнишек и его дочь Марина были «перехвачены» в пути и доставлены в Тушинский лагерь. Марина признала в самозванце чудесно спасшегося мужа. Для Лжедмитрия такое признание имело большое политическое значение. За «признание» он обещал Мнишку 300 тысяч рублей и четырнадцать Северских городов.

Кроме польского правительства, «тушинскому вору» оказывал открытую поддержку папский престол. Рим составил специальный наказ Лжедмитрию II. По этому наказу самозванец должен был обеспечить унию католической и православной церквей и открыть доступ католикам-униатам к важнейшим должностям в государстве. Наказ рекомендовал перенести столицу государства ближе к западным рубежам. За успешное выполнение этих заданий Лжедмитрию был обещан императорский титул.

Таким образом, Тушинский лагерь становился средоточием интересов польской шляхты и папского престола.

Сюда же стекались недовольные Шуйским бояре, среди которых особое место занимали Романовы и дворяне-помещики. Таких

перебежчиков в лагерь самозванца в народе метко прозвали «тушинскими перелетами». Оказывала помощь Лжедмитрию и некоторая часть местных феодалов Поволжья. По грамоте самозванца касимовский царек Ураз Магомет собирал в понизовых городах ратных людей для подкрепления Тушинского лагеря.

Аппарат власти в Тушине состоял из русских и польских учреждений. Была создана боярская дума, в которую входили русские князья и бояре. Были приказы. Имелся и свой глава православной церкви «патриарх московский и всея Руси» — бывший ростовский митрополит Филарет (Ф. Н. Романов). Однако руководящая роль в Тушине принадлежала так называемым «децемвирам» — комиссии из десяти человек польской шляхты, имевших диктаторские полномочия. Распоряжения децемвиров были обязательны и для самозванца. Недаром русские патриоты говорили в ту пору, что поляки «царем же играху яко детищем».

В Тушинском лагере сложился режим военной польской диктатуры. Отсюда в разные стороны направлялись отряды для грабежа окрестного населения. Сохранилось немало челобитий крестьян, адресованных Лжедмитрию II, с жалобой на грабежи польских отрядов: «нас, сирот твоих, на смерть пересекли и животишка наши все поимали», «не вели нас литовским людем воевати и насмерть побивати, и женишек и детишек наших в полон имати, и животишек наших грабити».

Из различных мест награбленные богатства стекались в Тушинский лагерь. Здесь польское войско буквально тонуло в изобилии. Один очевидец писал, что «польские солдаты готовили для себя кушанья ежедневно из наилучших припасов, а пива так много забрали у крестьян и монахов, что его некуда было девать, пили только мед».

В ряде мест тушинские отряды пытались использовать в своих целях крестьянское движение и классовую борьбу в городах. Наиболее яркое выражение она получила в Пскове. Здесь «меньшие люди» города выступали против «больших» и правительства Шуйского. Когда Шуйский направил в псковскую тюрьму пленных повстанцев, взятых под Тулой, псковичи, как указывает летопись, сочувственно отнеслись к арестованным: «поили и кормили и одевали, и плакали на них смотря». В обстановке борьбы и угрозы интервенции со стороны шведов жители Пскова целовали крест Лжедмитрию II. Подобные выступления народных масс были и в ряде других городов. Упорное сопротивление войскам Шуйского продолжала в 1608—1610 гг. оказывать Астрахань, которая стала опорным пунктом восстания народа в Нижнем Поволжье. Власть в городе была в руках астраханских людей, стрельцов и казаков, которые выдвинули из своей среды астраханских «царевичей»-самозванцев. С гибелью «царевичей» Астрахань перешла на сторону Лжедмитрия II.

Классовая борьба в 1608—1610 гг. протекала наряду с признанием самозванца в обычных формах неповиновения крестьян и

холопов помещикам, бегства, захвата имущества феодалов, наконец, местных крестьянских и городских восстаний. Такие восстания известны по источникам в Рязанском, Коломенском, Московском, Владимирском, Костромском, Смоленском и других уездах. Сильные восстания мордовского, чувашского, марийского и татарского населения произошли в Поволжье. К повстанцам присоединились отряды тушинцев.

С приходом Сапеги в Тушино был выработан новый план действий. Лобовую атаку и круговую блокаду Москвы намечалось заменить оккупацией центральных, замосковных и северных уездов.

С целью прекратить доступ продовольствия в осажденную Москву, Сапега и Лисовский начали осаду Троице-Сергиева монастыря, представлявшего сильнейшую крепость на северо-востоке от Москвы. Другой отряд интервентов пытался изолировать Москву от Коломны, но встретил здесь сильное сопротивление. Еще большее сопротивление оказали крестьяне, посадские, монахи и воинские люди, осажденные в Троице-Сергиевском монастыре. Поляки простояли под стенами крепости год три месяца и были вынуждены снять осаду монастыря. Так была сорвана блокада Москвы.

Успешнее шло продвижение отдельных отрядов тушинцев на северо-восток. В конце 1608 г. к Лжедмитрию перешел ряд городов: Переяславль-Залесский, Суздаль, Ярославль, Владимир, Муром, Арзамас и др. Позднее перешла на сторону самозванца Вологда. Москва оказалась отрезанной от богатых городов севера и востока. Переход этих городов на сторону Лжедмитрия в большинстве случаев происходил добровольно и по воле широких масс народа. Решающая роль народа в признании самозванца наиболее ярко выступает на примере Ярославля и Вологды. Услышав о взятии тушинцами Ростова, ярославские дворяне и купцы покинули город: «...а из Ярославля де лутчие люди, пометав домы свои, разбежались, а чернь со князем Федором Борятинским писали в полки повинные и крест де целовали, сказывают, царевичу Димитрию Ивановичу...». В Вологде возникло восстание против воеводы Пушкина и дьяка Воронова, стремившихся сдерживать народ. Восставшие заточили и воеводу и дьяка в темницу, а затем целовали крест самозванцу.

Отложение от Шуйского ряда городов явилось выражением того, что одной из форм классовой борьбы крестьян, холопов и низов городского населения против феодально-крепостнического строя был переход их на сторону Лжедмитрия II, в лице которого народ надеялся получить более справедливого царя. Демагогические обещания самозванца воздействовали на народные массы северо-восточных уездов подобно тому, как это было в южных и западных городах. Крестьяне, холопы и низы населения городов переходили на сторону Лжедмитрия II в расчете избавиться от своего тяжелого положения. В городах Замосковья и Севера на сторону самозванца в большом числе переходило и рядовое дворянство, что

объясняется враждебным отношением к боярскому правительству значительной части служилых людей. Несомненно и то, что известная часть дворянства неоднократно переходила от одной стороны к другой, имея в виду придерживаться наиболее сильной в данный момент стороны с целью получения земельных пожалований. Не все, однако, города переходили добровольно на сторону самозванца. Ряд крупных городов, не желая подчиниться иноземным захватчикам, оказал им серьезное сопротивление. В числе таких городов Замосковья и Поволжья были Ростов, Шуя, Кинешма, Нижний Новгород и Казань. В числе западных городов наиболее сильное сопротивление самозванцу оказали Смоленск и Новгород. На Севере — Устюг и другие города. Не всем из них удалось устоять под нажимом хорошо вооруженного и подготовленного в военном отношении врага. Тушинцы силой сломили сопротивление ростовчан и, как сообщается в отписке устюжан в Вычегду, «Ростов весь выжгли и людей присекли».

Решительное сопротивление Ростова и других городов Лжедмитрию сыграло важную роль в ослаблении сил интервентов и в значительной мере преградило путь их дальнейшим завоеваниям. В захваченных городах интервенты подвергали население непосильному обложению деньгами, продовольствием, трудовыми повинностями. Грабежу и насилию подвергались не только города, оказавшие сопротивление, но и те, которые перешли на сторону самозванца добровольно. По свидетельству одного иностранного автора начала XVII в. жители Ярославля «отправили в тушинский лагерь 30 000 рублей для раздачи войску; сверх того обязались снарядить тысячу всадников и выставить значительное количество припасов; но панибраты (польские паны — *Авт.*) не сдержали слова: грабили купеческие лавки, били народ, оскорбляли бояр и без денег покупали все, чего хотели».

Один из предводителей интервентов, Сапега, не считаясь с Лжедмитрием, самовольно хозяйничал в оккупированных его войсками уездах Замосковья и Севера — устанавливал размеры обложения, назначал сборщиков, расквартировывал войска. Власти Юрьевского уезда просили Сапегу вывести продовольственные отряды, потому что от них «Юрьев посад и Юрьевский уезд до конца запустошены». В юго-западных уездах и в Тушине хозяином положения был Рожинский. Поляки в счет уплаты жалованья за службу «добились от Лжедмитрия и Рожинского грамот на кормление в городах, на сбор налогов с земли и торговли». В полное разорение от грабежа тушинцев впало и крестьянство оккупированных уездов. В челобитных крестьян указывалось, что «. . .воинские литовские люди, казаки многих крестьян побили и пожгли, дома разграбили, детишек и жон в полон поимали». От этого «села и приселки и деревни стали пусты». Из захваченных волостей, писал один участник интервенции, «везли нам почти всего, чего только душа захочет, и было нам очень хорошо».

Освободительная борьба против польских интервентов. Распад Тушинского лагеря

Политика грабежа и насилия вскрыла подлинное лицо Лжедмитрия II. К концу 1608 г. отношение народа к самозванцу и польско-литовским захватчикам резко меняется. В лице Лжедмитрия II крестьяне и посадские люди увидели ставленника польских интервентов, пришедших в Россию с целью ее порабощения и грабежа. Этот крутой перелом в сознании народа и положил начало массовой освободительной борьбы.

Важнейшим очагом борьбы за национальную независимость становятся посадско-крестьянские общины севера страны. Борьба с интервентами возникла сама по себе, стихийно и до того, как правительство Шуйского решило обратиться за помощью в борьбе против Тушинского лагеря к посадским мирам северных городов. Грамота, отправленная Шуйским в Галич в конце ноября 1608 г., в которой царь призывал к организации отрядов против тушинцев, пришла тогда, когда в Устюге и Вологде было уже решено «стоять накрепко» против интервентов.

В результате восстания посадских людей была свергнута власть тушинцев в Вологде. Сильное ополчение было создано в Галиче. Поднялись поволжские города — Кострома, Шуя и другие. Попытка тушинцев взять Нижний Новгород была отбита. В течение ноября—декабря 1608 г. значительная часть городов верхнего Поволжья была освобождена от интервентов. Тушинцы направили сюда крупные силы под командованием Лисовского. Ему удалось на короткое время вновь занять Кострому, Кинешму и жестоко подавить начавшееся восстание посадских людей в Ярославле. Но на севере, под Вологдой, Лисовскому было оказано сильное сопротивление. В начале 1609 г. народная война охватила весь север страны, затронув крупнейшие города: Устюжну Железопольскую, Белозерск, Тихвин и др. Наряду с русским народом в борьбе принимали участие и другие народы.

К середине февраля 1609 г. отряды интервентов были отброшены к центральным районам и плотно сжаты с севера и северо-запада. Посадские люди и крестьяне применяли свои тактические приемы борьбы с регулярными польскими войсками: в городах строили укрепления, баррикады на улицах, укрепляли отдельные дома; вне городов строили засеки и гуляй-города. Руководство борьбой было в руках земских выборных органов. Связь между городами осуществлялась путем переписки, посылкой грамот, ходоков и т. д. Все победы посадских людей и крестьян в борьбе с интервентами были делом рук самого народа.

Боярский царь Шуйский боялся народа и потому не мог опереться на него в борьбе с интервентами. Он искал помощи на стороне. И вскоре нашел ее в лице шведского короля Карла IX, который только и ждал случая, чтобы начать интервенцию в России. Швеция еще в конце XVI в. стремилась захватить русские прибалтийские земли, а в начале XVII в. аппетиты шведских феодалов значительно возросли. Они мечтали уже о захвате Псковской и

Новгородской земель, а на севере — Кольского полуострова и Северной Карелии. Будучи серьезно обеспокоен начавшейся в России интервенцией со стороны Польши, которая в ту пору была врагом Швеции в борьбе за Прибалтику, шведский король Карл IX находил тяжелое внутреннее положение Русского государства весьма благоприятным для вмешательства. С этой целью он неоднократно предлагал России помощь в борьбе с поляками. В конце 1608 г. Шуйский и поддержавшие его бояре, опасаясь восстания своего народа более, чем иноземного вторжения, решили использовать шведскую помощь. Для переговоров со шведами был направлен в Новгород родственник царя М. Скопин-Шуйский. Иначе расценили шведскую помощь жители приграничных северо-западных городов. Они увидели в этом акт новой интервенции и ответили на переговоры выступлением против Шуйского и местных бояр-воевод, поддержавших царя. В Пскове, Кореле, Орешке, Ивангороде и в некоторых других северо-западных городах борьба низов против воевод привела к признанию власти «царя Димитрия Ивановича» (Лжедмитрия II). Острая борьба проходила и в Новгороде. Однако подъем народного движения против тушинцев и движение земских отрядов Устюжны, Тихвина и других городов к Новгороду привели в январе 1609 г. к освобождению от польских гарнизонов северо-западных городов.

В феврале 1609 г. в г. Выборге состоялось подписание договора России со Швецией: за предоставленную помощь в 5 тысяч человек наемного иноземного войска правительство Шуйского должно было уступить Швеции город Корелу с уездом. С заключением Выборгского договора шведские феодалы получали официальный повод для вмешательства в дела России с целью территориальных захватов. Карл IX поспешил заявить об этом откровенно: «Настал такой удобный случай воспользоваться смутами России для территориального обогащения шведской короны, что упускать его невозможно». В апреле 1609 г. в распоряжение Скопина-Шуйского в Новгород пришло шведское войско под командованием Делагарди, состоящее из наемников — немцев, французов, англичан, испанцев и частично шведов. Всего насчитывалось 15 тысяч человек.

Не полагаясь сколько-либо серьезно на шведскую помощь, Скопин-Шуйский, вопреки своему коронованному дядюшке, делал ставку в борьбе с тушинцами на ополченческие отряды посадских людей и крестьян поволжских и северных городов. Еще в феврале 1609 г. Скопин послал для усиления военного руководства народными ополчениями опытных воевод Вышеславцева и Жеребцова. Народные отряды совместно с подкреплением Скопина отбили атаку польских войск на Устюжну Железопольскую. Вскоре вторично была освобождена Кострома, а в апреле Ярославль. Отряды Вышеславцева стойко отбивали атаки Лисовского. Отступив от Ярославля, Лисовский разорил Ярославскую область; «не пощадил ни жен, ни детей, ни дворян, ни земледельцев». Все Поволжье к апрелю было очищено от врага. Только в мае Скопин, объеди-

нив русские и иностранные силы под своим командованием, выступил из Новгорода к Москве. После сражения у Твери, где тушинцам было нанесено поражение, почти все шведское войско, недовольное задержкой выплаты жалованья, ушло обратно за рубеж. В дальнейшем шведских солдат в распоряжении Скопина было незначительное количество — от нескольких сот до 2 тысяч человек. Основную силу его войска составляли русские отряды. После взятия Твери Скопин пошел не прямо к Москве, а вниз по Волге к центрам народного движения. У Калязина его войско разбило отряды Яна Сапеги и вскоре взяло Переяславль, а в июле подошло к Ярославлю. Значительная часть Севера и Верхнего Поволжья была уже очищена от интервентов действиями посадско-крестьянских отрядов. Это обстоятельство помогло войску Скопина завершить разгром Тушинского лагеря. В деле освобождения Москвы роль шведского отряда была лишь вспомогательной.

Неудачи польского войска в борьбе с народными ополчениями и отрядами Скопина привели к распаду Тушинского лагеря. Попытка получить новую военную помощь от польского короля и папы не дала результатов. При польском дворе вынашивали план открытой интервенции в Россию.

Бояре и дворяне стали покидать тушинского вора, а когда в сентябре 1609 г. польский король начал осаду Смоленска, к нему под Смоленск из Тушина потянулись польские шляхтичи. Объединенные силы Скопина-Шуйского подошли к осажденному Сапегой Троице-Сергиеву монастырю. При таких обстоятельствах Лжедмитрий II, переодевшись в крестьянское платье, ночью на 28 декабря бежал из Тушина в Калугу. Бегство самозванца завершило распад Тушинского лагеря.

ОТКРЫТАЯ ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Осада Смоленска Заключение правительством В. Шуйского договора со Швецией о военной помощи против тушинцев послужило поводом для открытой интервенции Польши в пределы Русского государства. Швеция находилась в состоянии войны с Польшей. Действительной причиной интервенции был провал второй попытки подчинить Русское государство с помощью подставного авантюриста — самозванца, которому удалось увлечь некоторую часть русского народа. В королевском универсале официальной целью войны объявлялось расширение границ Речи Посполитой. В середине сентября 1609 г. польское войско под командованием Льва Сапеги перешло русскую границу. Оно держало путь на Смоленск, важнейшую крепость на пути из Польши к Москве. Смоленск был сильно укреплен еще в конце XVI в. Крепостные стены его насчитывали в длину $6^1/_2$ км. при высоте в среднем

около 10 м. и толщине до 5 м. Город опоясывало 38 трехярусных башен до 22 м. высоты. За хорошо укрепленными стенами Смоленска в ожидании врага засел небольшой гарнизон во главе с воеводой М. Б. Шеиным и несколько десятков тысяч человек из окрестного населения. Вокруг крепостной стены были сожжены посады и другие селения. Полякам не удалось взять город штурмом. Пришлось приступить к планомерной осаде. Нуждаясь в подкреплении своих войск, Сигизмунд III стал переманивать под Смоленск поляков из Тушинского лагеря. Некоторая часть из них отправилась к королю. Другая же часть, не желая терять достигнутых в Тушине богатств и положения, сделала попытку договориться с королем о его дальнейшей помощи Лжедмитрию II, обещав за помощь передать Польше Смоленск и Северскую землю. Король отказался, не без основания полагая, что роль самозванца уже сыграна и что Лжедмитрий ему более не нужен. Тогда за бежавшим в Калугу самозванцем последовала из Тушина часть польской шляхты.

Распад Тушинского лагеря заставил и русскую часть тушинцев искать выгодного для них выхода из создавшегося положения. Не имея намерения вернуться к Шуйскому, значение которого, как царя падало с каждым днем, и не полагаясь более на самозванца, тушинские бояре и дворяне, желая удержать власть в своих руках, стали на путь национальной измены. В январе 1610 г. к Сигизмунду III под Смоленск было направлено посольство во главе с М. Г. Салтыковым с целью приглашения на русский престол сына польского короля Владислава. По заключенному 4 (14) февраля 1610 г. договору Владислав, став русским царем, должен сохранить православие. Власть царя ограничивалась боярской думой, а польские паны не должны были занимать крупные государственные должности. Бояре и дворяне остаются при своем прежнем положении; их земельные владения и пожалования сохраняются в неприкосновенности. Холопы и крестьяне должны быть в прежнем зависимом положении; переход крестьян из России в Польшу и от одного владельца к другому воспрещался. Все многочисленные оговорки в договоре относительно ограничения приглашаемого на русский престол Владислава и сохранения русских законов и обычаев в случае действительного прихода к власти иноземного королевича не имели бы реального значения, поскольку решающую роль в установлении и укреплении новой власти стали бы играть польские войска. Таким образом, договор 4 (14) февраля 1610 г. является актом прямой измены национальным интересам русского народа. Антинациональный характер февральского договора усиливался тем, что договор давал формальное право для пребывания польских войск на территории России.

Лицемерно соглашаясь с венчанием сына на русский престол, Сигизмунд III в действительности стремился к установлению собственной власти в Москве. Он использовал договор как законное основание для продолжения и расширения интервенции. Для него это имело особое значение ввиду неуспеха осады Смоленска, за-

щитники которого мужественно отбивали все атаки врага и стойко выдерживали осаду. Недаром польский король говорил, что с заключением договора «открывается путь к умножению славы рыцарства, к расширению границ республики и даже к совершенному владению целою Московскою монархией». Иными словами, используя измену русских тушинцев, Сигизмунд III откровенно ставил целью захват и порабощение русской земли.

Разгром сил Тушинского лагеря, начатый и в значительной мере осуществленный народными ополчениями северных и поволжских городов, был завершен войском во главе с М. В. Скопиным-Шуйским. В составе этого войска был и шведский вспомогательный отряд Делагарди. Весной 1610 г. Скопин вступил в Москву. Его популярность в войске и среди населения необычайно выросла. С его именем стали связывать успех борьбы с интервентами. Часть рязанских дворян, возглавляемая Ляпуновым, выдвинула проект сделать царем Скопина-Шуйского, свергнув с престола царя Василия. В апреле 1610 г. Скопин-Шуйский после того, как побывал на званом пиру в доме Дмитрия Шуйского, заболел и умер. Не исключено, что он был отравлен братом царя, как опасный для него соперник. Русское войско лишилось талантливого военачальника. Стараясь поддержать свой быстро падающий авторитет в глазах бояр и дворян, Василий Шуйский начал наступательные операции против польских войск. Отдельные отряды освободили Волоколамск, Можайск и другие города. Во главе основных сил русских войск, в составе которых был и шведский отряд, стоял бездарный военачальник Дмитрий Шуйский. Он повел войско к Смоленску. Оттуда был послан навстречу с частью сил, осаждавших Смоленск, гетман Жолкевский. 24 июня 1610 г. у села Клушина произошло крупное сражение. В ходе битвы шведский отряд, в значительной части состоявший из наемников-немцев, перешел на сторону Жолкевского. Войско Шуйского было разбито и спасалось бегством. Клушино стало для Василия Шуйского катастрофой. Он остался без военных сил. Жолкевский повел польское войско к Москве. Города на пути его следования, не имея сил для сопротивления, сдавались врагу.

Боярское правление. Оккупация польскими интервентами Москвы. Падение Смоленска

Тушинский вор, опираясь на небольшие отряды казаков и поляков, находившихся с ним в Калуге, решил использовать новую ситуацию и вновь двинулся к Москве Он занял Коломенское.

В Москве стало неспокойно. На подступах к ней стояли два врага — гетман Жолкевский и тушинский вор. Своей политикой Василий Шуйский окончательно дискредитировал себя. Он лишился поддержки даже близко стоящих к нему боярских кругов. С некоторыми из бояр — «доброхотами», как их тогда называли, завел сношение Жолкевский еще на пути к Москве.

В Москве образовалась группа сторонников королевича Владислава во главе с боярином Ф. И. Мстиславским. Возникли и дру-

гие группы, вступившие в борьбу за власть: группа бояр с патриархом Гермогеном во главе, выдвигавшая на престол князя Голицына, и группа дворян во главе с Захарием Ляпуновым. Эта группа и возглавила мятеж против Василия Шуйского, вспыхнувший в Москве 17 июля 1610 г. Царь был низвергнут и насильственно пострижен в монахи.

К власти пришла боярская Дума. Фактически управление страной сосредоточилось в руках бояр: Ф. И. Мстиславского, И. М. Воротынского, А. В. Трубецкого и др., всего семи человек, отчего такое правление получило название «семибоярщины». Момент был трудным. На подступах к Москве стояли гетман Жолкевский и тушинский вор. Лжедмитрий стал предпринимать меры к захвату Москвы. Он направлял в город посланцев для агитации в народе против бояр, используя веру в «царя Дмитрия». Так как население Москвы было крайне недовольно боярским правлением, агитация Лжедмитрия имела успех. Боясь восстания народа более, чем чужеземного владычества, правившие в Москве бояре завели тайные переговоры с Жолкевским о передаче престола королевичу Владиславу.

В ходе переговоров были пересмотрены условия договора 4 (14) февраля, заключенного с русскими тушинцами. Новый договор, заключенный 17(27) августа 1610 г., имел дополнительные статьи, которые предусматривали интересы русской знати. В договоре имелся, например, пункт, согласно которому приезжие в Россию иноземцы не должны теснить «в отечестве и в чести» московские княжеские и боярские роды. Владислав, прежде чем получить русский престол, должен был по договору принять православие, а вступить в брак имел право только в Москве и только с русской. С воцарением Владислава король обязан снять осаду Смоленска. Эти пункты договора были известной уступкой Жолкевского русской стороне. На такие уступки польский гетман не скупился потому, что ему необходимо было как можно скорее иметь формальное основание для занятия войсками Москвы. Но с другой стороны, он сумел настоять на включении в договор пункта о вечном мире между Россией и Польшей с обязательством взаимной помощи в случае нападения на кого-либо из них со стороны третьей державы. Этот пункт договора равносилен был отказу от самостоятельной национальной внешней политики. Наличие в августовском договоре некоторых статей, отражающих в большей мере национальные интересы Русского государства, чем это имелось в предшествующем ему февральском договоре, не меняло общего антинационального характера договора 17(27) августа 1610 г. Боярское правительство во главе с Ф. Мстиславским встало на путь национальной измены по той простой причине, что бояре предпочитали быть под иностранным владычеством, но сохранить при этом свои классовые привилегии, решив, что лучше служить королевичу, «нежели от холопей своих побитым быти». Договор предоставил Жолкевскому право дальнейших действий. Совместно с отрядами

боярского правительства он выступил против Лжедмитрия, предварительно перетянув на свою сторону часть шляхты во главе с Яном Сапегой. Лжедмитрий II вновь бежал в Калугу. Вскоре после этого самозванец был убит во время ссоры со своими приверженцами.

Договор, принятый по соглашению бояр с Жолкевским, был отправлен на утверждение польского короля. Сигизмунд III отнесся к нему недоброжелательно. Его планы шли дальше условий договора и сводились к получению русского престола в собственные руки. Он тотчас же отправил приказание Жолкевскому добиваться присяги русских на имя самого короля, а не королевича. Но было уже поздно. Бояре и народ Москвы присягнули Владиславу. Тогда Жолкевский решил иными путями готовить переход власти в Москве к Сигизмунду и его ставленникам из числа русских бояр. Для этого было избрано два средства — удаление из Москвы противников короля и ввод польских войск в Москву. Первое достигалось тем, что в начале сентября под Смоленск к королю было направлено «великое посольство» в составе более 1200 чел. во главе с князем В. В. Голицыным с официальной целью уговорить короля принять условия августовского договора. Сигизмунд III затягивал переговоры, стремясь задержать посольство возможно дольше, а позднее даже арестовал многих членов его и отправил в Польшу. Тем временем Жолкевский по просьбе боярского правительства во главе с Ф. И. Мстиславским тайно в ночь на 21 сентября 1610 г. ввел польские отряды в Москву. Открытый ввод польских войск в столицу мог бы вызвать восстание народа. Так началась оккупация Москвы интервентами. Роль боярского правительства при поляках была сведена на нет.

Во главе приказов поставлены сторонники Сигизмунда из тушинцев — боярин Салтыков, торговец Ф. Андронов и др. Под предлогом борьбы с Лжедмитрием II польские отряды хозяйничали и за пределами Москвы. В октябре 1610 г. Жолкевский уехал к королю под Смоленск. Вместо него фактическим диктатором в Москве остался пан Гонсевский, упрямый вздорный человек, стремившийся в течение многих лет расширить свои владения за счет русских земель. Сигизмунд III и Гонсевский стали раздавать от своего имени русским дворянам чины, звания, земельные владения, с целью склонить их на свою сторону. В Москве был установлен жестокий режим террора.

Тем временем продолжалась осада Смоленска. Стойкие и мужественные защитники города более полутора лет отбивали атаки врага на крепостные укрепления города. Среди дворянской части гарнизона имелись сторонники капитуляции города, которые завязали тайные связи с лагерем противника. Однако посадские люди и крестьяне, составлявшие большинство осажденных, были полны решимости защищать крепость до конца. Воевода М. Б. Шеин, проявив себя стойким военачальником, опирался в обороне города на посадские и крестьянские отряды. В начале 1611 г. в Смоленске начался голод и вспыхнула эпидемия цинги. Число защитников го-

рода таяло с каждым днем. Выждав момент, когда гарнизон города значительно ослаб, польские войска в начале июня 1611 г. предприняли новый штурм крепости. Им удалось артиллерией пробить городские стены в наиболее слабых местах, указанных перебежчиками, и ворваться в город. Часть защитников Смоленска укрылась в соборе и подорвала себя на пороховых бочках, чтобы не сдаваться врагу. Смоленск пал, но тот факт, что он выдержал более чем двадцатимесячную осаду, имел огромное значение в борьбе русского народа против польских интервентов. Один автор того времени метко подчеркнул, что Смоленск польского короля «ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит». Смоленск действительно отвлек значительную часть войска врага. Казалось, уже не было силы, могущей противостоять ему. Но такая сила в этот тяжелый для нашей Родины момент нашлась. Эта сила — великий русский народ, взявший дело освобождения Родины в свои руки.

ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1611 ГОДА.

Нарастание освободительной борьбы

Патриотическое движение, стихийно возникшее в лице крестьянско-посадских ополчений в период осады Москвы тушинцами, не прекращало своего существования и в последующее время. Усиление к началу 1611 г. угрозы потери национальной самостоятельности вдохнуло в народное движение новые силы. В общее русло патриотической борьбы вливались разные в социальном отношении группы, преследовавшие в этой борьбе различные классовые цели. Но их объединяло одно общее стремление спасти независимость родной страны. Первыми признаками стихийного подъема патриотического движения в конце 1610 г.— в начале 1611 г. были оживленная переписка между собой русских городов по организации земского ополчения, появление в Москве и в других городах «подметных писем» с призывом к борьбе против поляков и грамоты патриарха Гермогена. Из числа «подметных писем» наибольшее значение имела появившаяся в Москве так называемая «Новая повесть», содержащая горячий призыв к русским людям объединиться для общей борьбы с интервентами: «Время, время пришло во время дело, подвиг показати и на страсть дерзновение учинити». Той же цели служили и грамоты Гермогена, которые он рассылал из Москвы по городам — в Рязань, Нижний Новгород и др. Патриарх использовал и церковную кафедру для проповедей против поляков и католической церкви. Гермоген выступал прежде всего с позиций защиты русской православной церкви, которой угрожала ликвидация в случае потери Россией национальной самостоятельности. Объективно такие призывы имели немалое значение; недаром поляки арестовали Гермогена и заточили его в тюрьму.

Пока вызревали и крепли народные силы для нанесения сокрушительного удара захватчикам, на волне растущего патриотического

движения поднялись те группы, которые имели уже некоторую организацию и опыт борьбы.

Первое ополчение Такой силой явилось первое земское ополчение, основу которого составляли рязанские дворяне во главе с П. Ляпуновым. В январе 1611 г. П. Ляпунов двинулся со своим войском из Рязанской земли на освобождение Москвы. К его ополчению присоединился ряд городов — Тула, Калуга, Нижний Новгород, Казань и другие. Во главе казацких отрядов ополчения стояли бывшие тушинцы — князь Д. Т. Трубецкой и шляхтич И. М. Заруцкий. Ополчение было разношерстным по составу: помимо упомянутых дворян и казаков в нем приняли участие крестьяне, привлеченные сюда обещаниями свободы, на которые Ляпунов не скупился, посадские люди, представители народов Севера и Поволжья. В Москве городские низы с нетерпением ожидали прихода ополчения, тайно вооружаясь и готовясь к восстанию против интервентов. Поляки отнимали топоры у московских плотников и даже запрещали продавать в Москве дрова и колья, которые народ мог использовать в качестве оружия. Обыскивали въезжавшие в город подводы. Польский гарнизон с помощью изменников Салтыкова и Андронова стал готовить избиение москвичей. Но провокация, намеченная на один из религиозных праздников, была сорвана народом, который не вышел на Красную площадь. Однако два дня спустя, 19 марта 1611 г., когда поляки втаскивали пушки на городские стены, чтобы приготовиться к приходу ополчения, и силой принуждали москвичей оказывать им помощь, вспыхнуло крупное восстание. Оно было чисто народным по характеру и возникло без какого-либо участия бояр. Поляки начали массовое избиение москвичей. В Белом городе народ строил баррикады, бил поляков камнями, кольями, из самопалов. Восставшие захватили часть орудий. Один из поляков, ротмистр Маскевич, писал в своих воспоминаниях: «Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загородок стреляют по нас из ружей».

К началу боев в Москве появились первые отряды ополченцев. Наибольший героизм из них проявил отряд Д. М. Пожарского. Пожарский потеснил неприятеля к Китай-городу. У Яузских ворот сражался отряд И. М. Бутурлина, а в Замоскворечье — И. Колтовского. На Лубянке Пожарский героически отбивал атаки врага, который вынужден был закрыться в Кремле и в Китай-городе. Терпя поражение, поляки решили поджечь город. Есть сведения, что изменник М. Салтыков зажег собственный дом, чтобы вызвать общий пожар. Пожар, охвативший посады Москвы, отвлек народ, и поляки этим воспользовались. На другой день борьба возобно-

вилась. Когда польское войско получило подкрепление из Можайска, восстание было подавлено.

Ополчение опоздало к восстанию. Основные части его подошли к Москве 24—25 марта и заняли разрушенную, сожженную окраину Москвы — Земляной город. Поляки вступили в бой с ополчением, но были отбиты. Ополчение окружило вражеский гарнизон в Белом городе. У поляков начались затруднения с продовольствием. Сигизмунд III не мог оказать им помощи, будучи занят осадой Смоленска.

Ополчение, возглавляемое Ляпуновым, Трубецким и Заруцким, ставило своей целью создание временного правительства, которое должно было заменить безвластную московскую думу. Однако единства и сплоченности между тремя руководителями ополчения не получилось. Каждый отстаивал интересы той части ополчения, которую он возглавлял и на которую опирался: Ляпунов — дворян, Трубецкой — бояр и дворян из тушинского лагеря, Заруцкий — казачества. Весьма существенны были противоречия классового характера между дворянской и казацко-крестьянской частями ополчения. Это противоречие крайне обострилось и в конечном итоге привело к распаду ополчения после принятия «Приговора 30 июня 1611 года».

Распад первого ополчения

Приговор 30 июня 1611 г. создавал орган верховной власти — «Совет всей земли», иначе говоря власть должна была принадлежать всему ополчению. Во главе же правительства были поставлены Ляпунов, Трубецкой и Заруцкий. В противовес московским приказам были созданы свои приказы: Поместный, Большой разряд, Разбойный, Земский и Большой приход. Приговор в интересах дворянства уделял большое внимание вопросам упорядочения поместного землевладения. У лиц, не служивших в войске, было решено отбирать поместья; отбирать также земли и сверх обычного оклада; земельные пожалования Скопина-Шуйского оставались в неприкосновенности, пожалования тушинцев во внимание не принимались. В интересах тех же дворян и вопреки ожиданиям крестьян и казаков, которые численно преобладали в ополчении, приговор 30 июня предписывал сыскивать беглых крестьян и холопов и возвращать их прежним владельцам. Должны подлежать возврату и беглые крестьяне, ставшие казаками. Казаки ставились приговором в положение, подчиненное и зависимое от дворян. Все это было отказом от обещаний, которые давались ранее Ляпуновым.

Руководители ополчения сузили задачу освободительной борьбы. Они ставили целью борьбу только с польской интервенцией, пытаясь заключить союз со шведами и использовать их против поляков. В глазах же народа шведы, которые в это самое время захватили ряд русских прибалтийских городов, были такими же интервентами, как и польские шляхтичи.

Среди казачества вспыхнуло возмущение против Ляпунова. Враждебные настроения казаков поддерживал авантюрист Заруц-

кий. Ими воспользовался и враг ополчения Гонсевский. По его указанию была составлена, якобы исходящая от Ляпунова, грамота с призывом: «где поймают казака, бить и топить, а когда успокоится Московское государство, то мы весь этот злой народ истребим». Эту подложную грамоту через одного атамана довели до сведения казаков. Собрался казачий круг, на который пригласили Ляпунова и тут же зарубили его. Смерть Ляпунова, наиболее видного, энергичного и способного руководителя, привела к ослаблению ополчения. Дворянская часть его разбрелась по домам. Оставшиеся под Москвой отряды тушинцев и казаков возглавили Трубецкой и Заруцкий. «Совет всей земли» (возглавляемый Трубецким и Заруцким) и приказы, созданные по июньскому приговору, продолжали действовать и после гибели Ляпунова. По городам рассылали воевод. До января — февраля 1612 г. власть подмосковного правительства признавали многие города страны, с которыми главари ополчения завязывали связь. Руководящая роль в ополчении перешла к верхушке казачества, тесно сомкнувшейся с дворянством на почве социально-экономических интересов. Этим объясняется, что и после смерти Ляпунова руководство ополчения в своей политике следовало июньскому приговору. Правительство занималось прежде всего вопросами поземельного обеспечения дворянства и верхушки казачества, широко практикуя раздачу земель в поместья. В послушных грамотах, которые давались владельцам поместий, крестьянам предписывалось слушаться своих помещиков.

В течение апреля 1611 г.— августа 1612 г. подмосковные полки продолжали блокирование поляков в Москве, помогая этим формированию нижегородского ополчения. Недаром из Нижнего Новгорода в первый период деятельности второго ополчения в северные города направлялись грамоты с призывом помочь подмосковным полкам, которые сдерживали атаки гетмана Хоткевича.

И все же, несмотря на известную роль, которую сыграло первое ополчение, в конечном итоге оно потерпело неудачу, потому что его руководители (прежде всего — П. Ляпунов) классовые интересы дворянства ставили выше задач национально-освободительной борьбы. Приговор 30 июня 1611 г. явился программой восстановления и укрепления крепостнических порядков в стране. Это вызвало глубокое разочарование среди крестьян, холопов и казаков. В таких условиях руководители не смогли объединить разнородные группы ополчения под общим лозунгом борьбы за освобождение Родины.

ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ.

Используя крайне тяжелое положение Русского государства, сложившееся в результате разгрома войск В. Шуйского под Клушиным, шведские войска приступили к захвату русских земель в Прибалтике. Покинув разбитые части Д. Шуйского, Делагарди со своим отрядом отошел к Новгороду. Первым объектом завоевания стал Корельский уезд с городом Корелой. Шведам силой оружия

пришлось брать то, что принадлежало им по договору с русским царем. Карельский народ, не желая быть под иноземным владычеством, оказал упорное сопротивление захватчикам. В Карелии вспыхнула длительная партизанская война. Более полугода защитники города-крепости Корелы выдерживали осаду, будучи лишены всякой поддержки со стороны. И лишь 2 марта 1611 г., когда силы гарнизона почти полностью иссякли (оставалось около ста человек), город сдался врагу.

Захватив Корельский уезд, шведы приступили к завоеванию Кольского полуострова и Северной Карелии. И здесь местное население поднялось на защиту родной земли. Из города Колы шведский отряд был выбит после того, как проник за городские стены. Не удалось шведам захватить и Северную Карелию. Карелы, не желая идти под власть иноземцев, покинули немногие здесь населенные пункты, разбрелись по лесам, и шведам стала угрожать гибель от голода в опустошенном краю.

Важнейшим объектом шведской интервенции стал Новгород. Низы населения города преисполнены были решимости защищать свой город. Бояре, крупное духовенство и воеводы Новгорода, опасаясь восстания народа, склонны были капитулировать перед шведами. Воспользовавшись изменой, Делагарди с войском ночью вошел в город. Воеводы и митрополит немедленно прекратили сопротивление. Иначе вел себя народ. Группа казаков в несколько десятков человек, возглавляемая стрелецким головой Василием Гаютиным, дьяком Афиногеном Голенищевым и атаманом Тимофеем Шаровым, сопротивлялась шведам до тех пор, пока все не погибли. Много перебила шведов группа новгородцев во главе с протопопом Амосом. Шведы подожгли двор Амоса; сидевшие там погибли в пламени, но не сдались. Между новгородским боярством и Делагарди был подписан договор: Новгород переходит под «покровительство» шведского короля. Царем должен стать один из сыновей Карла IX. За боярами и дворянами сохраняются их вотчины и поместья и прежние права на крестьян. Шведы имели в виду распространить этот договор на все Русское государство. Было приступлено к завоеванию других городов. После значительных усилий удалось захватить Копорье, Ям, Ивангород, Орешек и ряд более мелких городов. Зато Псков оказал такое сопротивление, которое шведам не удалось сломить.

К началу 1612 г. большая часть Новгородской земли оказалось в руках шведских интервентов.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ.

Организация второго ополчения

После распада первого ополчения и захвата поляками Смоленска положение в стране в конце 1611 г. стало как никогда близким к политическому распаду и потере национальной самостоятельности. Центральной власти не было. Боярскую думу в Москве, целиком зависимую от по-

ляков, никто не считал за власть. После длительных внутренних войн страна была разорена, хозяйство пришло в упадок, а крестьянство, спасаясь от грабежей поляков, покидало свои селения. В таких условиях на защиту родной земли вновь поднялся русский народ.

Это была третья волна подъема народных сил. Центром формирования нового ополчения стал Нижний Новгород, крупнейший город и торговый центр Волго-Окской речной системы. Вместе с тем это был крупный центр ремесленного производства. Нижегородский посад насчитывал до 2 тыс. дворов. Нижегородцы оказали стойкое сопротивление тушинскому вору, отказались целовать крест Сигизмунду III и приняли активное участие в первом ополчении. Все сказанное объясняет экономические и политические предпосылки формирования ополчения в Нижнем Новгороде.

Дело организации ополчения взял в свои руки нижегородский посадский староста Кузьма Минин. Он происходил из среды торговых посадских людей, отличался сильной волей и большим практическим умом. Современники отзывались о Минине, как о «муже от рода неславна, но смыслом мудре».

Вслед за прочтением в соборе грамоты Гермогена Минин обратился в октябре 1611 г. к посадским людям с призывом: «будет нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожалети животов своих, да не только животов своих, ино не пожалети и дворы свои продавать и жены и дети закладывать».

Патриотический призыв Минина получил широкий отклик в среде посадских людей. Существенную роль в создании материальной базы ополчения сыграли добровольные пожертвования нижегородцев. Минин первый пожертвовал на правое дело большую часть своего достояния. Помимо добровольных взносов, специальным «приговором» нижегородцев вводился обязательный сбор средств в размере пятой деньги.[1] Пятую деньгу собирали как с посадских людей, так и с других категорий населения, не исключая монастырей. На уклоняющихся от платежей Минин получил право «страх... полагати». Их дворы подлежали конфискации в пользу ополчения. Так, строгой организацией дела и решительными мерами была создана для ополчения прочная материальная база.

Встал вопрос о военном предводителе. Кандидатуры местных воевод, не исключая и большего воеводу Звенигородского, отклонили, как не вызывавшие доверия. Звенигородский, например, был родственником тушинского изменника Салтыкова. По предложению Минина выбор остановился на князе Д. М. Пожарском, который в это время залечивал раны в своем имении в Суздальском уезде, полученные в борьбе с поляками во время московского восстания в марте 1611 г. Пожарский был известен как «военачальник искусный во бранех», и в то же время честный патриот, который не проявил никакой «шатости» ни в отношении тушинцев, ни в отно-

[1] Денежный сбор в размере одной пятой стоимости имущества.

шении Сигизмунда. Д. Пожарский стал первым воеводой ополчения, а К. Минин был избран его ближайшим помощником по делам организации и хозяйства ополчения.

Второе ополчение зародилось в посадской среде. В этом было его принципиальное отличие от первого ополчения, ядро которого составляли дворяне. Но без служилых людей, опытных в военном деле, трудно было рассчитывать на успех предприятия. Вскоре к ополчению примкнули смоленские, дорогобужские и вяземские дворяне. С целью мобилизации всех патриотических сил руководители ополчения рассылали из Нижнего по городам грамоты, в которых говорилось: «Быти всем нам православным христианам в любви и в соединении, и прежнего междоусобства не всчинати, и Московское государство от врагов наших, от польских от литовских людей, очищати неослабно до смерти своей... и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати».

Призывы к борьбе с иноземным врагом, терзавшим родную землю, всюду встречали горячий отклик. На грамоты ополчения отозвались многие города Верхнего Поволжья и северо-востока страны. В Нижний Новгород направляли ополченческие отряды, вооружение, продовольствие, деньги. Широкую поддержку получил патриотический почин нижегородцев и со стороны народов Среднего Поволжья — мордвы, татар, коми. Словом ополчение, сложившееся в Нижнем Новгороде, постепенно становилось общенародным.

Не сразу ополчение могло тронуться на освобождение Москвы. Помимо решения ряда сложных финансовых и организационных вопросов требовалось предварительно очистить ряд верхне-волжских городов от отдельных польско-литовских отрядов, бродивших на подступах к Москве. Важно было определить отношения с казацкими отрядами Заруцкого и Трубецкого, стоявшими под Москвой. Заруцкий был враждебно настроен к ополчению. Он направил отряд Просовецкого с целью захватить Ярославль, чтобы воспрепятствовать движению ополченческих отрядов северных городов к Нижнему Новгороду. Весть о походе Просовецкого, достигшая ополчения, заставила Пожарского и Минина выступить ранее намеченного срока. В середине февраля 1612 г. к Ярославлю был направлен передовой отряд князя Лопаты-Пожарского. Ему удалось при содействии ярославцев отбить Просовецкого от города и занять Ярославль. В начале марта к Ярославлю тронулись главные силы ополчения. На пути к ним присоединились многие отряды, шедшие на соединение с Мининым и Пожарским. В конце марта ополчение вступило в Ярославль.

Ярославль был вторым после Москвы крупным торговым и ремесленным городом в стране. Через него проходили торговые пути на север (к порту Архангельск) и на Восток в Сибирь; он был одним из центров ремесленного производства холста, кожевенных и металлических изделий. Ярославль имел крупный посад. Ремесленно-торговые верхи ярославского посада оказали ополчению

серьезную материальную поддержку, а посад в целом пополнил его ряды добровольцами. Занятие Ярославля, таким образом, сыграло большую и очень важную роль в истории второго ополчения. Однако значение Ярославля этим далеко не исчерпывается.

За четыре месяца, проведенных в Ярославле, была проделана большая работа по завершению организации военных сил ополчения.

Основу военных сил составляли отряды мелкого провинциального дворянства и посадских людей. Здесь же было образовано правительство во главе с Пожарским и Мининым и создан «Совет всей земли», нечто вроде земского собора, в который входили представители дворянства, влиятельных кругов посада и местного духовенства. Высшее духовенство и боярство играли в Совете весьма незначительную роль. Если учесть широкое участие в ополчении крестьянства, главным образом черносошного, и не только русского, но и татар, мордвы и марийцев, становится ясным, что второе ополчение по составу сил, участвующих в нем, было общенародным.

От имени «Совета всей земли» в разные города рассылались грамоты с призывом направлять дворян, посадских людей и крестьян в ополчение, не слушаться бояр-изменников, сидящих в Москве, и всем выступить против общего врага. Ярославское правительство проделало большую хозяйственно-организаторскую работу. Было обращено внимание на более справедливое, в соответствии с заслугами в борьбе с врагами русской земли, распределение земельных пожалований среди дворянства. По предложению Минина, денежное вознаграждение ополченцам выдавалось не по признаку знатности, а по заслугам и степени военной подготовки. Были созданы органы центрального управления — приказы: Разрядный, Поместный, Дворцовый, Сибирский, Посольский и др.

Важнейшим делом «Совета всей земли» явилось освобождение дорог на Москву от польско-литовских и казацких отрядов. Путем посылки отдельных отрядов руководителям ополчения удалось в течение лета 1612 г. добиться почти полного освобождения Замосковного края вплоть до Волги от враждебных ополчению польских и казацких шаек. Одновременно Пожарский направлял отряды для занятия окских городов. Так постепенно осуществлялся ополчением охват Москвы с севера и с юга. Существенную помощь оказало при этом партизанское движение. Если участие крестьянства непосредственно в войске ополчения было одной из форм борьбы широких слоев народа против польских интервентов, то другой не менее действенной формой ее были партизанские отряды, скрывавшиеся в беспредельных лесах волжско-окского междуречья и Подмосковья. Партизаны были буквально бичом для отдельных отрядов поляков, в особенности для фуражиров, добывавших путем грабежа населения продовольствие для польского гарнизона в Москве. Участник интервенции поляк Маскевич рассказывает в своих записках, как один польский отряд, направлявшийся к Москве с продовольствием, не зная местности, взял под Можайском

одного старика-крестьянина в проводники. Крестьянин повел поляков ночью как раз на один из отрядов ополчения. Только случайно поляки уцелели. И хотя шляхтичи расправились с крестьянином, отрубив ему голову, но, как замечает Маскевич «страха нашего никто не вознаградит». На почве множества подобного рода случаев геройского самопожертвования в борьбе за независимость родины сложилась легенда об Иване Сусанине.[1]

За четыре месяца своего пребывания в Ярославле ополчение Минина и Пожарского достигло большого авторитета в стране, подчинив своей власти значительную часть государства. Русские люди с надеждой смотрели на Ярославль, ожидая скорого часа освобождения родной земли. Тем большее беспокойство и ненависть вызывали успехи ополчения в стане врагов. Поляки спешно подбрасывали своему гарнизону в Москве подкрепления и направили на помощь большой отряд войск под командованием гетмана Хоткевича. Вожди казацких отрядов Трубецкой и Заруцкий после неудавшейся попытки захватить Ярославль предложили Минину и Пожарскому объединиться с ними. Руководители казачества не внушали доверия, и Пожарский отказался. Тогда Заруцкий подослал двух казаков в Ярославль, дав им задание совершить покушение на жизнь Пожарского. Покушавшийся хотел убить Пожарского ножом, но промахнулся, был схвачен и предан суду. Потеряв надежду обмануть руководителей ополчения, Заруцкий без ведома Трубецкого надумал перейти на сторону гетмана Хоткевича. Это привело к разрыву между предводителями подмосковных казацких отрядов. Заруцкий ушел к Марине Мнишек в Коломну и с нею далее на юг, уведя с собою около половины бывших с ним казаков. Уход из-под Москвы политического авантюриста Заруцкого и наиболее разбойничьей части казачества значительно облегчал обстановку для борьбы патриотических сил за освобождение Москвы от интервентов.

Наряду с поляками в стране орудовали другие интервенты — шведские феодалы. Однако главную опасность представляла тогда польская шляхта, захватившая столицу и важнейшие районы. Поэтому руководители ополчения с целью отвлечь внимание шведов и выиграть время начали с ними длительные дипломатические переговоры вокруг намечаемой новгородскими боярами кандидатуры на русский престол шведского принца Карла-Филиппа.

Минин и Пожарский понимали, что русский народ враждебно относится к любой иностранной кандидатуре в русские цари, но из дипломатических соображений вынуждены были поддерживать кандидатуру Карла-Филиппа, чтобы не вызвать военных действий со стороны шведов. После двухмесячных переговоров было условлено,

[1] Случай, легший в основание легенды о Сусанине, относится к более позднему времени. В 1613 г., когда вновь избранный царь Михаил Романов был еще вне Москвы, один польский отряд потребовал от крестьянина Костромского уезда Ивана Сусанина указать местопребывание царя. Сусанин отказался это сделать и был зарублен поляками.

что Карл-Филипп до своего избрания на престол должен прибыть в Новгород креститься в православную веру. Переговоры с Новгородом имели большое значение, поскольку они привели к преостановке наступления шведов и дали возможность ополчению сосредоточить все силы на походе против поляков.

Тяжелым положением России решило воспользоваться также английское правительство, толкаемое к этому своей торговой буржуазией. В 1609 г. английский капитан Томас Чемберлен, попавший в Россию, в записке, поданной на имя английского короля Якова I, изложил проект захвата русского севера и волжского пути в Каспийское море под предлогом помощи русскому государству: «. . .Россия. . . должна стать складом восточных товаров Англии»,— говорилось в этой записке.

Известна и другая английская анонимная записка с предложением захвата Соловецкого монастыря. В связи с намерениями англичан захватить русский север стоит появление в Архангельске в июле 1612 г. группы иностранных наемных солдат под предводительством Якова Шава. Яков Шав встретился с Пожарским у Переяславля Залесского, предложив в его распоряжение свой отряд. В ответ иностранцу было заявлено, что «Все Московское государство учинилось в соединение и против польских и литовских людей стали все и стали единомышленно и бьемся. . . за свое отечество без жалованья. . . и, чаючи милости божей, оборонимся от польских людей сами Российским государством и без наемных людей». Получив отказ и убедившись, что ополчение Пожарского опирается на поддержку народа, Яков Шав вынужден был со своим отрядом покинуть Россию.

Освобождение Москвы

Сведения о движении к Москве больших польских сил под командованием гетмана Хоткевича заставили Минина и Пожарского спешно выступить из Ярославля. Первый отряд ополчения прибыл к Москве 3 августа и встал отдельно от казаков Трубецкого. 19—20 августа подошли основные силы Минина и Пожарского, заняв позиции на р. Яузе и между Никитскими воротами и Москвой-рекой. Такое расположение войск преграждало путь отрядам Хоткевича, который шел к Москве по Смоленской дороге. Численность войск ополчения, пришедших к Москве, видимо, не превышала 20 тысяч человек. Этих сил было более, чем достаточно для того, чтобы сломить сопротивление польского гарнизона в Москве, насчитывавшего всего 3—4 тысячи человек, которые к тому же уже были истощены из-за недостатка продовольствия. Главную опасность представляло двигавшееся на помощь гарнизону хорошо обученное и вооруженное войско Хоткевича численностью до 15 тысяч человек, основную силу которого составляла конница. Пополнение сил ополчения могли бы составить казаки Трубецкого, который предлагал свою помощь. Минин и Пожарский на первых порах относились к казакам с недоверием.

Утром 21 августа Хоткевич подошел к Москве, переправился

через Москву-реку и расположил войско под Новодевичьим монастырем. На другой день поляки всеми силами обрушились на отряды Пожарского, стремясь пробиться к Кремлю и доставить туда обоз с продовольствием. Одновременно с тыла по войскам ополчения ударил польский отряд, сделавший вылазку из Китай-города. Положение стало тяжелым. Казаки, стоявшие на другом берегу реки, равнодушно взирали на сражение, замечая с ехидством в адрес ополченцев: «Богати пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана». Однако в самый критический момент на помощь ополченцам бросились казацкие сотни, накануне переданные в распоряжение Трубецкого по его просьбе; эти сотни увлекли за собой и часть казаков Трубецкого. Конница Хоткевича была отброшена. Ночью нескольким сотням поляков удалось прорваться в Кремль. На другой день Хоткевич перебросил войска на правый берег Москвы-реки в расчете на то, что стоящие здесь казаки не выдержат его натиска, а Пожарский не придет им на помощь. Пожарский вопреки ожиданиям гетмана тоже перевел часть ополчения на правый берег реки.

Новый бой произошел 24 августа. Сначала поляки потеснили ополченцев и заставили их отступить за реку. Отступили и казаки. Поляки заняли важные позиции на подступах к Кремлю. Тогда к казакам был направлен келарь Троице-Сергеева монастыря, автор «Сказания об осаде монастыря», Авраамий Палицын, который обещанием вознаграждения из богатой монастырской казны сумел вернуть казацкие сотни к сражению. Атакой ополченцев и казаков удалось выбить поляков из занятых ими укреплений и предотвратить их прорыв к Кремлю.

Исход боя 24 августа решила предводительствуемая Мининым атака нескольких сотен ополченцев во фланг польским конным и пешим отрядам. Это послужило толчком к всеобщему наступлению на польское войско. Хоткевич, понеся большие потери, отошел сперва к Донскому монастырю, а затем покинул Москву — «сраму же ради своего прямо в Литву пойдоша».

Падение польского гарнизона в Москве было предрешено. Трубецкой влился со своими отрядами в ополчение. Началась осада Китай-города общими силами. На предложение сдаться поляки первое время высокомерно отвечали: «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей». Но этой спеси скоро пришел конец. Жестокий голод в Кремле и Китай-городе окончательно подорвал силы сопротивления. 22 октября ополчением был взят Китай-город, а 27 октября отряды Пожарского вошли в Кремль. Москва была освобождена. В это время к Москве шел Сигизмунд III. Сил у него было немного. Встретив под Волоколамском сопротивление, польский король повернул обратно.

Освобождение Москвы, а затем в скором времени и всей страны от интервентов — патриотический подвиг самых широких слоев рус-

ского народа. Воля и энергия народа были направлены на борьбу за национальную независимость родины под талантливым и умелым руководством Минина и Пожарского, сумевших обеспечить это движение с военно-организационной и материально-хозяйственной стороны.

Имена мужественных патриотов навеки останутся в сердцах русских людей. Патриотический подвиг великого русского народа спас независимость России, показал силу и мощь народа, его беспредельную любовь к Родине.

Подъем национального самосознания русского народа

В обстановке борьбы с интервентами неизмеримо выросло национальное самосознание русского народа. Подъем национального самосознания получил яркое отражение в публицистических и повествовательно-исторических произведениях начала XVII в. Некоторые из этих произведений возникли в ходе самих событий, как непосредственное их отражение в сознании тех или иных слоев общества, чем определялась идеологическая направленность произведений; другие возникли после событий, как отклик на то, что было еще очень живо в памяти современников. Ведущей идеей публицистических произведений начала XVII в. стала идея борьбы с интервентами за свободу и независимость русской земли, а главным героем — защитник Русского государства, сам народ или его лучшие представители. Ряд произведений отражал классовую и внутриклассовую борьбу того времени. В тяжелый момент для России, когда поляки в конце 1610 г. захватили Москву, появилась в форме подметного письма «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском». Неизвестный автор горячо призывает русский народ к восстанию против интервентов, указывая на стойкость и героизм смольнян, как на пример, достойный подражания. Обращает на себя внимание антибоярская направленность повести, изобличение измены Родине со стороны московских бояр. Глубоким патриотизмом и враждой к боярам-изменникам проникнуто и другое произведение, написанное годом позднее: «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства». Острое изобличение боярства за «насильствование и мздоимание» содержится в «Сказании о бедах и скорбех, и напастех, иже бысть в Велицей России».

Большинство произведений начала XVII в. вышло из среды господствующих кругов бояр, дворян и крупного духовенства. «Повесть 1606 г.», названная так по году ее написания, создана сторонником Шуйского. Автор старается возвеличить в ней дела боярского царя и, наоборот, опорочить Годунова. Будучи дополнена другими произведениями, написанными позднее, и в частности «Повестью о видении» протопопа Терентия, в которой протопоп с классовых позиций боярства обрушивается на восставших крестьян, называя их «кровоядцами» и «немилостивыми разбойниками», «Повесть 1606 г.» вошла в состав так называемого «Иного сказания». С враждебных позиций господствующего класса оце-

нено восстание И. Болотникова в «Казанском сказании», «Послании дворянина дворянину» и ряде других произведений. В наиболее популярном публицистическом произведении начала XVII в. «Сказании» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына впервые делается попытка вскрыть социальные причины событий — угнетенное положение крестьян и холопов и их бегство в южные районы страны. Палицын образно рисует ужасные последствия польской интервенции. Вторую, наибольшую, часть Сказания составляет описание длительной осады поляками Троице-Сергиева монастыря и геройского поведения осажденных.

Широкое распространение получило в XVII в. произведение, вышедшее из правительственных кругов, называемое «Новый летописец». Летописец дает официальное изложение событий крестьянской войны и иностранной интервенции с точки зрения нового правительства Михаила Федоровича. Такое изложение предназначено идеологически обосновать победу феодалов в крестьянской войне и избрание новой династии, первый представитель которой, Михаил, расценивается в «Летописце», как «богом избранный и богом соблюдаемый» царь. Богатое публицистическое и литературное наследие начала XVII в. показывает, какую крупную роль сыграли события этого времени в подъеме самосознания русских людей. Не меньшее значение имела борьба за национальную независимость в деле сплочения и дальнейшего развития русской народности.

ОБРАЗОВАНИЕ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ С ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ.

Земский собор 1613 г.

Освобождение Москвы дало возможность приступить к организации государственной власти в стране, что было первоочередной задачей руководителей ополчения. В конкретно-исторических условиях того времени государственная власть могла быть восстановлена лишь в форме феодальной монархии, которая вполне отвечала политическим интересам основных групп ополчения — дворян и верхов посада. Феодалы ждали от новой власти упорядочения вопросов земельных пожалований, а посад — обеспечения условий для нормальной ремесленной и торговой деятельности. Обе группы в одинаковой мере были заинтересованы в довершении борьбы с интервентами, в возврате захваченных поляками и шведами русских земель, в ликвидации бродящих по стране отдельных польских и казацких отрядов, наконец в устранении хозяйственной разрухи, возникшей в результате внутренних войн. Дворянство проявляло заинтересованность в обеспечении его классовых интересов в борьбе с восстаниями и побегами крестьян и холопов. Неотложность решения этих задач заставляла спешить с организацией новой власти. В ноябре 1612 г. по многим городам были разосланы грамоты

о присылке представителей на Земский собор, который должен выбрать царя и положить начало новой династии. Заседания собора начались в январе 1613 г. в Успенском соборе Кремля. В заседаниях участвовали представители боярства, высшего духовенства, дворян, посада, казачества, небольшое число представителей черносошного крестьянства, всего около 700 человек. Из сохранившихся 277 подписей участников Земского собора 57 принадлежит духовным лицам, 136 служилым людям (дворянам), 84 представителям посада. Земский собор 1613 г., хотя и является наибольшим по числу участников, не был все же демократическим по составу, как об этом писали буржуазные историки. Подавляющее большинство на нем составляло дворянство, позиция которого и определила исход выборов царя. Выдвинутые представителями боярства кандидаты на русский престол — польский королевич Владислав и шведский принц Карл-Филипп были отвергнуты большинством собора, что соответствовало решению — иностранцев в цари не выбирать. Решительно отклонили и кандидатуру сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II — «воренка», как его прозвали в народе, предложенную частью казачества. Долго шли споры вокруг кандидатур В. В. Голицына, Д. Т. Трубецкого, Д. М. Пожарского и некоторых других. Наконец интересы большинства групп собора сошлись на кандидатуре Михаила Федоровича Романова, шестнадцатилетнего сына бывшего тушинского патриарха Филарета. Михаил Романов был в родственных отношениях с представителями прежней династии Рюриковичей; он приходился по женской линии двоюродным племянником Федора Ивановича, принадлежал к крупным землевладельцам и этим устраивал боярство. Придворная знать полагала, что при молодом и болезненном царе она займет руководящее положение в правительстве. Ф. И. Шереметев так и писал В. В. Голицыну в Польшу: «Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Духовенство поддержало Михаила благодаря отцу, патриарху, находившемуся в тот момент в польском плену. Казачество знало Романовых по Тушинскому лагерю.

Дворянство устраивали как родственные связи Романовых с прежней династией, так и то, что они не принадлежали к титулованным боярским родам.

21 февраля 1613 г. состоялось официальное провозглашение Михаила Романова царем. Он был слабого здоровья — «скорбел ножками», как тогда говорили, и потому его «до возка и из возка в креслах» носили. При молодом болезненном царе все важнейшие правительственные посты были разобраны родней и ближайшим окружением. Позднее, Г. К. Котошихин писал: «Михаил хотя и самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делать ничего».

Герои освободительной войны были оттеснены от государственных дел, хотя и получили царские пожалования — Пожарский чин боярина, Минин чин думного дворянина. Таким образом, резуль-

татами героической борьбы народа снова воспользовалась верхушка господствующего класса феодалов.

Первые шаги восстановления феодального хозяйства

Перед новым правительством Михаила Федоровича стояла главнейшая задача ликвидации интервенции в стране и восстановления государственного единства. Решение этой задачи могло быть осуществлено лишь в результате преодоления хозяйственной разрухи, царившей в стране после многих лет жестокой борьбы с интервентами. Хозяйственное разорение было столь велико, что современники назвали его «великим московским разорением».

В наибольшей степени пострадали от действий польских и тушинских отрядов западные, центральные и южные районы государства. Многие вотчины, поместья и большое количество крестьянских хозяйств были полностью разорены. Огромные массивы земель лежали впусте. Дозорные книги первой четверти XVII в. полны записей о пашне, лесом поросшей, о пустошах, что были деревнями. По подсчетам Ю. В. Готье «порозжих поместных земель» в Московском уезде было более 27%, в Ржевском — 59%, в Новоторжском — 70% и т. д. Разорение крестьянского хозяйства сопровождалось превращением значительного числа крестьян в пашенных и непашенных бобылей. На поместных землях число необеспеченных бобылей достигало 70%. По данным П. И. Лященко бобыльские дворы составляли в Угличском уезде свыше 56%, а в Дмитровском уезде более 48%.

Крайне тяжелым было финансовое положение государства. Государственная казна опустела вследствие длительных войн, нарушения государственного хозяйства и почти полного прекращения поступлений налогов и каких-либо доходов в казну. Правительство прежде всего принимает меры к обеспечению феодалов землей и рабочими руками. Для этого был произведен пересмотр земельных пожалований прежних царствований. Законными признавались пожалования Василия Шуйского, правительств первого и второго ополчений. Ввиду того, что значительная часть поместных и вотчинных земель лежала впусте, и как не имевшая крестьянского населения, не годилась к пожалованиям, правительство пустило в роздачу феодалам дворцовые и черные земли, на которых населения сохранилось больше, чем в разоренных поместьях. В первую голову получали пожалования дворяне, участвовавшие в освобождении Москвы. Наряду с этим значительная часть освоенных земель расхватывалась знатью и родственниками царя из ближайшего его окружения — Романовыми, Морозовыми, Салтыковыми, Черкасскими и другими. Если в XVI в. заметно выросла поместная форма землевладения, то в начале XVII в. дворянство стремилось превратить условную поместную форму земельной собственности в наследственную, вотчинную. Идя навстречу этим устремлениям дворянства, правительство Михаила Романова раздавало земли главным образом в вотчины, т. е. в полную наследственную собственность.

Требовал своего решения и вопрос о закрепощении крестьян за землевладельцами. Годы крестьянской войны и интервенции были временем массовых побегов крестьян от своих владельцев. Так, например, из вотчины крупнейшего феодала — Троице-Сергиева монастыря, который обладал большими возможностями предотвращения побегов крестьян и сыска беглых, бежало за 1605—1612 гг. более четверти всех крестьян вотчины.

Правительство Михаила Романова вернулось к прежнему пятилетнему сроку сыска беглых крестьян, не решившись вводить после крестьянской войны пятнадцатилетний срок сыска согласно Уложению 1607 г. или вовсе упразднить «урочные лета», что было бы в интересах большинства дворянства. А. А. Новосельский справедливо связал осторожность правительства первого Романова в вопросе крестьянского закрепощения с восстанием Болотникова, когда писал, что «известная сдержанность нового правительства в вопросе о крестьянском закрепощении была следствием крестьянской войны. Правительство было вынуждено затягивать петлю крепостной зависимости медленнее, чем оно само этого желало».

Не имея в первое время достаточной силы для самостоятельного решения ряда крупных вопросов внутренней и внешней политики, правительство Михаила Федоровича вынуждено было опираться на помощь Земского собора, представительного органа дворян, бояр, духовенства и торгово-ремесленной верхушки посада.

В первое десятилетие после 1613 г. земские соборы заседали непрерывно. Они занимались главным образом изысканием финансовых средств для пополнения государственной казны и внешними отношениями. Хозяйственное разорение и нарушение налоговой системы за годы интервенции и крестьянской войны исключили возможность притока средств в казну путем сбора прямых налогов. С целью выявления состояния хозяйства и платежеспособности населения правительство начало с 1615 г. проведение частичных дозоров (описаний) земель. Там, где было возможно, прямые налоги были повышены, но дозоры выяснили, что огромные пространства когда-то обрабатываемой земли оставались в заброшенном состоянии и не могли быть объектом налогового обложения. А средств нужно было много и изыскать их требовалось срочно для решения неотложных задач борьбы с Польшей и Швецией за восстановление единства Русского государства. Правительство с помощью послушных ему земских соборов стало проводить чрезвычайные сборы, получившие название пятинных денег. Обычно с движимого и недвижимого имущества, с торговых и промышленных доходов бралась пятая деньга (20%), десятая деньга (10%), двадцатая деньга (5%). С 1613 г. по 1619 г. было проведено семь сборов пятинных денег. Такие сборы всей тяжестью ложились прежде всего на посадское и крестьянское население. Значительные средства были получены таким путем от промышленных и торговых людей. При сборе третьей пятины, например, с одних Строгановых было взято 40 тысяч рублей.

Завершение борьбы с интервенцией

Перед новым правительством Михаила Федоровича стояла первоочередная задача завершения борьбы с интервентами и разбойничьими казацкими отрядами.

После победы второго ополчения борьба с интервентами продолжалась еще шесть лет (1613—1618 гг.).

Среди казацких отрядов, бродивших во многих местах и препятствовавших налаживанию нормальной хозяйственной жизни и установлению единой власти в стране, наибольшую опасность представлял отряд И. Заруцкого. Захватив в Коломне Марину Мнишек с ее сыном от Лжедмитрия II, Заруцкий направился на юг и, потерпев поражение от правительственных войск под Воронежем, бежал в Астрахань. В Астрахани ему удалось на время захватить власть в городе, объявив себя «чудесно спасшимся» «царем Димитрием». Чтоб укрепить свое положение, Заруцкий искал помощи у ногайских татар и персидского шаха. Однако вскоре само население Астрахани изгнало его из города. Заруцкий с Мариной и ее сыном бежали на Яик. Яицкие казаки схватили его и выдали правительству. Заруцкий и маленький «воренок» были казнены, а Марина заключена в одну из башен Коломенского кремля, где вскоре скончалась.

На северо-западе шведская оккупация русской территории простиралась до линии городов Тихвин — Новгород — Псков.

Ставя целью посадить на русский престол своего сына Карла-Филиппа, шведский король Густав-Адольф намечал встречу с русскими послами в Выборге. В инструкции, данной шведам, предлагалось требовать от русских передачи Швеции ряда западных и северных городов, Северной Карелии и Кольского полуострова. Таким образом, главной целью намечавшихся шведами переговоров был захват значительной территории русской земли в Прибалтике, Приладожье и на севере с тем, чтоб отрезать Русское государство от Балтийского и Белого морей. Свидание в Выборге не состоялось, так как в Москве был уже выбран русский царь. Тогда Густав-Адольф стал домогаться от Новгородского боярства перехода Новгорода к Швеции в рамках унии. Осуществлению этого плана воспрепятствовало прежде всего мощное народное движение, поднявшееся на территории, оккупированной шведами. Новгородцы ответили отказом отделиться от Русского государства: «Никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен особно не бывал».

Весной 1613 г. в результате восстания населения в Тихвине город был освобожден от шведов. Восстания против шведов произошли также в Порхове и Гдове. Попытка шведского войска вновь захватить Тихвин не удалась благодаря мужественному сопротивлению жителей города, поддержанных русскими военными отрядами. Шведы потерпели под Тихвином сильное поражение. Но их захватнические планы простирались так далеко, что они отправили отряды на север для захвата Холмогор и Сумского острога. Но и

эта попытка кончилась неудачей. Первые успехи в борьбе с интервентами под Тихвином и в других местах привели к подъему массового партизанского движения. Из оккупированной территории население уходило в центральные уезды России; оставшиеся скрывались в лесах, совершали непрерывные нападения на шведские отряды. Центром партизанской войны против шведов становится Тихвин. Стремясь не упустить из своих рук завоеванный край, Густав-Адольф начал осаду Пскова, лично встав во главе войска. Геройское сопротивление жителей города и гарнизона, мужественно защищавших родной город, привело к срыву осады. Потерпев неудачу и убедившись в несокрушимой силе сопротивления русского народа, шведский король вынужден был пойти на переговоры о мире. Толкнула его к этому и назревавшая в Европе война.

Мирные переговоры, тянувшиеся более года, завершились подписанием мира в феврале 1617 г. в деревне Столбово (близ Тихвина). По Столбовскому миру Новгородская земля возвращалась России, но Швеция удерживала в своих руках очень важную в экономическом и политическом отношении территорию по Финскому заливу — Ижорскую землю и Корельский уезд со старыми русскими городами — Ям, Копорье, Орешек, Корела. Кроме того, Русское государство уплачивало Швеции 20 тысяч рублей серебром.

В результате Столбовского мира Россия вновь лишилась выхода к Балтийскому морю. В связи с этим шведский король, выступая на сейме, заявлял хвастливо: «Русские — опасные соседи. . .; у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города. Они могут выставить в поле большое войско. А теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить в Балтийское море».

Как ни тяжелы были для России условия Столбовского мира, она вынуждена была пойти на его заключение, так как одновременно вела сложную борьбу с Польшей за Смоленскую землю. Не признавая избрание на русский престол Михаила Романова, польский королевич Владислав продолжал именовать себя русским царем. На этом же настаивал и король Сигизмунд III. Тотчас же после падения польского гарнизона в Москве, Сигизмунд III предпринял поход на Москву, но был разбит под Волоколамском. Как сообщает один источник, «. . .воеводы с королем бились близко Волоколамскова два дни не сседая с коней, и многих людей у короля побили, больше тысячи человек живых взяли». Большие потери и недостаток средств не позволили Сигизмунду предпринять новый поход на Москву. Однако с заключением мира поляки не спешили, предпочитая затягивать время и угрожать русским новым походом. На эти угрозы русские послы отвечали с достоинством: «Московского государства людям те грозы не страшны, все ратные люди великого Московского государства и всех государств Российского царствия в сборе и против вас давно готовы все головами своими».

Лишь в 1616 г. удалось Владиславу ценою обещания присоеди-

нить к Польше Смоленскую и Черниговскую земли получить от сейма средства на новый поход. В 1617 г. начался поход на Москву Владислава и гетмана Хоткевича. Им оказывали поддержку остатки разбитых отрядов Заруцкого. С юга на соединение с поляками вел большие отряды казаков гетман Канашевич-Сагайдачный. Осенью 1618 г. и поляки и казаки подошли к Москве. Новая серьезная опасность нависла над русской столицей. Обороной Москвы руководил опытный в военном искусстве Д. М. Пожарский. В одной из грамот того времени отмечалось, что Пожарский «против королевича Владислава, и польских, и литовских, и немецких людей стоял крепко и мужественно, и на боях, и на приступе бился, не щадя головы своей». Попытка поляков овладеть стенами Белого города у Арбатских ворот была отбита, а их отряды отброшены от Москвы. Владислав пошел к Троице-Сергиеву монастырю, но и эту крепость ему не удалось взять. Военные неудачи и начавшаяся в Европе война вынудили Владислава пойти на заключение перемирия с Россией. Перемирие сроком на четырнадцать с половиной лет было подписано в декабре 1618 г. в деревне Деулино (близ Троице-Сергиева монастыря). По Деулинскому перемирию за Польшей оставались Смоленская, Черниговская и Новгород-Северская земли. Польша не признавала правительство Михаила Федоровича, а Владислав не отказывался от притязаний на русский престол. По условию перемирия был произведен обмен пленными, в результате чего в Россию вернулся из польского плена отец царя патриарх Филарет, начавший играть важную роль в правительстве.

В результате Столбовского мира и Деулинского перемирия русское правительство получило необходимую для него передышку, но задача воссоединения русских земель и восстановления прежнего государственного единства оставалась нерешенной. Жизненно важные для России районы на Западе и в Прибалтике оставались в руках Польши и Швеции. Потребовалось еще целое столетие, чтобы вновь воссоединить утраченные в начале XVII в. земли и получить выход к Балтийскому морю.

Русский народ совершил великий подвиг, освободив Родину от угрожавшего ей порабощения, но в силу исторических условий того времени победой народа воспользовалась верхушка господствующего класса феодалов, захватившая власть в свои руки. Однако восстановление единого центрального правительства в стране было необходимым условием ее дальнейшего хозяйственного и культурного развития и сохранения ее независимости.



СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ КОПАНЕВ
АРКАДИЙ ГЕОРГИЕВИЧ МАНЬКОВ
НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ НОСОВ
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР.

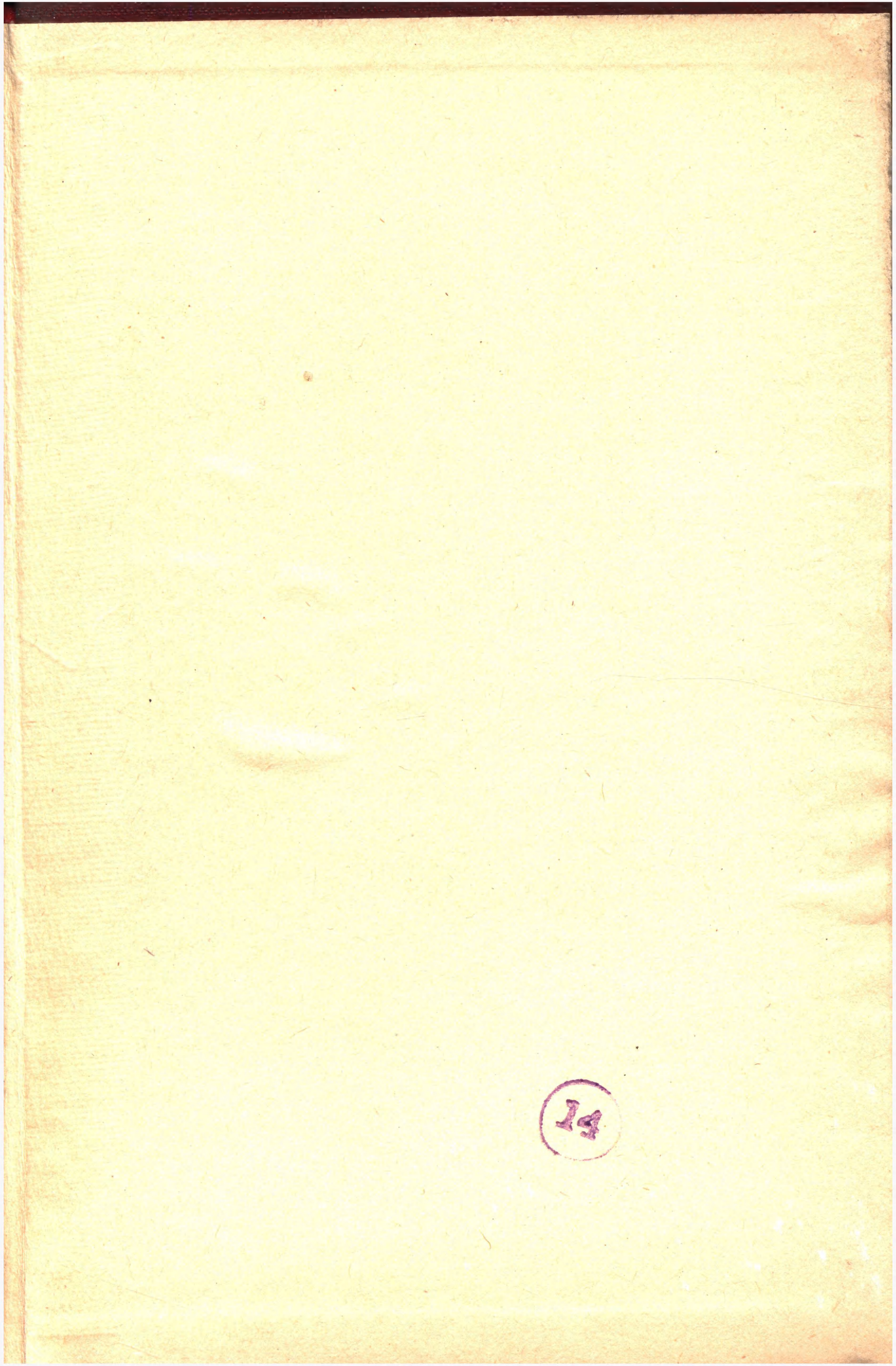
КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVII вв.

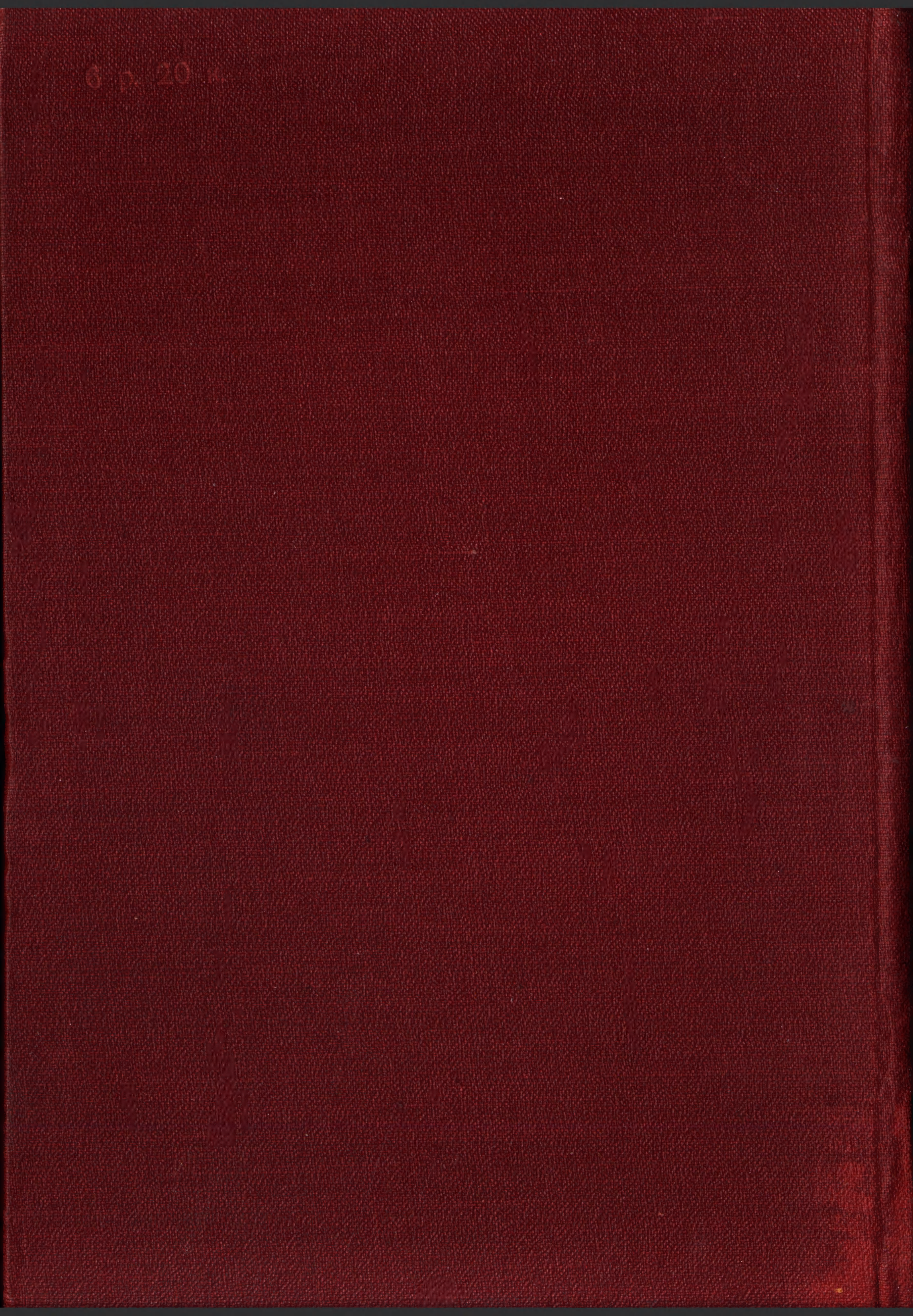
Редактор *М. А. Коган*
Техн. редактор *В. А. Большаков*
Корректоры *М. Г. Дешалыт, И. А. Фрешко.*
Художеств. редактор *В. Б. Михневич*
Художник *М. И. Разулевич*

Сдано в набор 30/VII. Подп. к печати 4/XII-57 г. Формат 60×92[1]/16. Печ. листов 16. Уч.-изд. л. 17,35. Тираж 23 000. Заказ № 1436. М-08847. Цена без переплета 4 р. 70 коп., переплет ледериновый 2 р., коленкоровый — 1 р. 50 коп.

Ленинградское отделение Учпедгиза, Ленинград, Невский 28.

Типография № 4 УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Социалистическая, 14.


14


6 р. 20 к.

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
СССР